

ЛОШКАРЁВА
ВИКТОРИЯ

ХОЗЯИН ВОЛЧЬЕЙ СТАИ

Annotation

С детства я знала, что фильмы нагло врут — никакие оборотни не страшные животные. Клан оборотней — всё, что у меня есть: мои родные, моя семья, мои друзья. Я никогда не чувствовала себя чужой в их клане, хотя, по сути, и являлась только человеком.

До тех пор, пока новый Альфа не указал мне на эту ошибку.

Хозяин волчьей стаи

Глава 1

— И? — спросил Андрей, недовольно прищутив глаза. Я устало вздохнула.

— Хорошо. Как скажешь.

— Сделаешь всё, как положено?

Я кивнула.

— Завтра же поеду в шале.

Старший брат тут же расцвел довольной улыбкой.

— Умница моя, — заключил он, оказавшись рядом и чмокнув меня в макушку. —

Прости, что пришлось вмешаться в твои планы.... Но ты знаешь, как это важно. И я не могу доверить столь ответственную задачу никому, кроме родных.

— Угу, — скривилась я, мысленно попрощавшись с двухнедельным оплаченным отпуском в Анапе. Между прочим, я на эту путёвку полгода копила... И теперь, за сутки до выезда, мне вряд ли что — то там возместят. Самое главное — кто мне возместит заслуженный отдых у моря?

Внутри меня бушевало раздражение — вполне законное, надо признать: я так давно мечтала о нормальном отпуске: о горячем песке, что обжигает ноги, об упоительном чувстве близости моря, о белой набережной и веселых отпускных днях.... Не судьба. Что ж. Долги надо возвращать.

Развернувшись, я уже пошла к выходу, когда Андрей меня снова окликнул.

— Настя, и раз ты всё равно будешь работать на клан... Может быть, хватит играть в независимость?

— О чём ты? — не поняла я.

Брат сделал неопределённый жест рукой.

— О твоей глупой работе, съемной комнате и всём прочим.

Внимательно вглядываясь в глаза самого близкого мне существа, я пожала плечами.

— Он прав, Андрей. Я не принадлежу клану, а потому...

— Ты — член моей семьи, — рыкнул старший братец. — Меня не волнует, нравится Ему это или нет.

— Андрюш, — позвала я, прекрасно осознавая, что мой брат сейчас несколько....преуменьшает влияние своего «начальства» на нашу жизнь. — Не начинай, хорошо? Я всё сделаю, как ты просишь. Но назад не вернусь.

Брат устало потёр шёю.

— Я понимаю, Насть, ты обижена и раздражена. Понимаю всё, что внутри тебя творится. Но, пожалуйста, не отталкивай меня, хорошо?

Я пожала плечами, как бы говоря, что вовсе я никого не отталкиваю.

— Поговорим об этом после Встречи, — устало вздохнул Андрей. — Займись шале.

Я вышла из офиса брата морально опустошённая. Черный джип, припаркованный возле входа, лениво моргнул фарами два раза.

— Настя! — заметив, что я не среагировала, позвал меня водитель джипа. Ваньку я знала ещё со школы — вот оно преимущество жизни в небольших городках.

— Садись, — предложил Андреев водитель, пояснив: — Распоряжение Андрея Вячеславовича.

— Интересно, когда он только успел, — буркнула я, направляясь к машине. — И ведь

знал, зараза, что я соглашусь.

— Он надеялся. — Произнёс Ванька, заводя машину. — Ты же знаешь, мы не подпускаем близко чужаков. А тут такое дело: не каждому своему доверишь.

— А я вообще то и не в клане, — заметила я, усаживаясь на переднее сидение рядом с водителем.

— Официально — ты наша, — заметил настырный бывший одноклассник.

— Вань, — отмахнулась я, — а то ты не знаешь, как всё обстоит на самом деле.

— Ты слишком бурно реагируешь.

— Я нормально реагирую, — разозлилась я. — Хотя, может быть, для вас и не нормально. Я ведь кто там...недобитая человечка?

— Настя....- простонал Ванька. И мне моментально стало стыдно.

— Прости. Прости, пожалуйста, — покаянно обратилась я к своему школьному товарищу. — Прости. Нервы ни к чёрту.

Ванька, который хорошо знал обстоятельства моей жизни, понимающе кивнул.

— Всё уладится, Насть. Вот увидишь. Только не иди против семьи.

А я и не собиралась. По крайней мере, не в этом месяце.

Если честно, то когда то я, молодая и глупая, по наивности считала клан своей семьей. Близкими родственниками. Если они все родственники Андрея, а Андрей посчитай мне старший брат, то логично же и всех остальных записать в родню, не так ли?

Но очень скоро, мне объяснили, что не так. Так уж вышло, что я рано осталась сиротой — когда мне едва исполнилось 11 лет, в машину родителей врезался грузовик. Вместе с моими родителями в машине ехали их друзья и наши ближайшие соседи — родители Андрея. Андрей, старше меня на 10 лет, тоже не сразу поверил в произошедшее, но когда надежды не осталось.... Позаботился обо всём. И принял меня в свой дом в качестве младшей сестры. Я до сих пор помню тот ужасный дождливый черный день, когда, кажется, невозможно уже жить дальше, когда новый день пугает и отвращается будущим неизбежным унынием одновременно.... А ещё это пожирающее покой чувство неуверенности — куда меня отправят? Найдут ли каких — то дальних родственников (бабушек и дедушек у меня не было), или отправят в детский дом и я навсегда распрощаюсь с родительским домом?

Именно тогда ко мне в комнату пришёл внезапно на много лет повзрослевший Андрей и спросил, пойду ли я к нему жить.

— Станешь мне сестрой, — пояснил он, избегая моего взгляда. — Хочешь, отправлю тебя в пансион... Куда — нибудь за границу.

—..А здесь остаться нельзя? — тихо спросила я, ловя взгляд соседа. Молодой человек покачал головой.

— Я тебя не неволю. Хочешь — оставайся в нашем городе.

— А квартира? — спросила я, с тоской оглядывая нашу скромную двушку.

— Насть, квартира служебная... отец твой весь срок не отслужил, поэтому.... — тут Андрей замаялся, а я и так поняла, что он хотел сказать. И, тяжело вздохнув, пошла собирать вещи. Андрей молча занялся тем же в большой комнате.

Так я переехала к Андрею. Не знаю, как он этого добился — чтобы молодому 21 летнему парню разрешили стать опекуном 11 летней девочки... хотя вру, знаю конечно. Клан.

Я тогда этого не знала... уже потом, когда стала старше, Андрей усадил меня напротив себя и коротко рассказал про то, как всё устроено на самом деле. Мне было около 13, я тогда

впервые влюбившись, соврала брату. Сказала, что ходила заниматься с подружкой, а на самом деле гуляла в парке с Олегом. Вот тогда Андрей мне и выдал всю правду.

— Ты мне врешь, — покачал головой Андрей. — Не надо, Настя. Я же чую твоё вранье. Чую, что ты встречалась с мальчиком.

— Мы только гуляли! — призналась я, испуганно глядя на брата. — А как ты узнал?

И вот тогда Андрей рассказал мне про клан, про особенности рода... В общем, история стара как мир: оборотни — не миф и не сказка, а пугающая реальность, которую все стараются скрывать ради собственного спокойствия. Оборотни живут стаями (или кланом, как они сами предпочитают себя называть), подчиняются своему Альфе... ну а в остальном, всё как у обычных людей.

— У твоего отца нашей крови была всего лишь четвертинка... Однако сильная четвертинка.

— Так он тоже был в клане? — удивилась я. Андрей кивнул.

— Да. Он не мог оборачиваться, но Луну хорошо чувствовал... Впрочем, сила и ловкость его были тоже от нас.

— Не очень — то эта ловкость помогла тогда на дороге, — всхлипнула я.

— А вот тут ты не права, малыш, — снова признался Андрей. — Это не была простая авария. Наши отцы — профессиональные военные и сильные оборотни не просто так погибли.

— Тогда как же? — не поняла я.

— Передел власти, — объяснил Андрей. — Многим не нравилось, что мой отец поддерживает сына прежнего Альфы... Он ведь не жил здесь с нами, однако наследовал клан.

— То есть наших родителей...убили? — не поверила я. Андрей снова кивнул. — И ты всегда про это знал и ничего не делал?

— Я делал, Настя. Поверь мне. Все виновные давно наказаны.

— Тогда почему меня не было на суде?

— Какой суд, — фыркнул Андрей. — Настя, мы же всё — таки не люди. У нас свои правила — строгие, суровые, отчасти больше к животным, нежели к людям — но эти правила выполняются безукоризненно.

— Этих людей....убили? — тихо спросила я, стараясь не смотреть брату прямо в глаза. Он кивнул.

— Растерзали. Только они не были людьми. — Он замялся. — Они были оборотнями.

— Аааа, — протянула я, не зная, что ещё сказать.

С этого момента моя жизнь изменилась. Андрей перестал скрывать от меня дела клана — раньше мы тоже ходили вместе на пикники и совместные праздники, только тогда я думала, что это просто соседи и друзья наших родителей. Теперь же я понимала, что все эти люди (оборотни) связаны между собой значительно сильнее, нежели просто узами соседства и дружбы. Эти люди были одной большой семьёй.

Андрей до сих пор удивляется, как быстро я адаптировалась в клане — в конце- концов, у меня крови оборотней было ещё меньше, чем у отца — я даже Луну практически не чувствовала, но тем не менее, всё равно считала себя одной из членов клана и очень этим гордилась. Не последнюю роль сыграло ещё и то, что Андрей оказался бетой и руководил всем в отсутствие Альфы, который тогда в наш город даже не заглядывал, предпочитая руководить «удаленно» по сети и телефонным звонкам. Брат говорил, что наш Альфа воюет

за своё второе наследство — огромные территории где — то в Испании, с виноградниками и побережьями.

Бета же — один из ближайших помощников Альфы. У нас большая стая, проживает в нескольких городах — и главная резиденция Альфы находилась почти в 500 км от нашего города. Так что в отсутствие Альфы в нашем удалённом углу всем заправлял мой братец. Хотя родной городок никто не называл бы большим, но в делах стаи играл далеко немаловажную роль: в округе располагалось мало деревень, зато в наличие имелись бескрайние поля и леса — охотничьи угодья, выкупленные нашим Альфой. Этаким элитный курорт для оборотней с несколькими раскиданными по бескрайним просторам купленной территории шале с огромной усадьбой в центре.

Единственное, к чему я не могла привыкнуть в своей новой реальности — это к жестокости, которую оборотни иногда даже не замечали. Проступки здесь редко прощались — а если это и происходило, то провинившегося могли «взгреть» в самом прямом смысле этого слова. Клан собирался на выходных за городом — для этого дела у Альфы имелся собственное удалённое «поместье» — и либо пострадавшего наказывали в волчьем облике, либо как человека привязывали к столбу и стегали кнутом. Второе считалось более унижительным. Такое вот средневековье. Я избегала бывать на наказаниях — не могла наблюдать за тем, как избивают человека или травят животное — рыдала как ненормальная, глядя на пытки несчастного. Все остальные члены клана, даже девушки моего возраста, принимали наказание как данность, не выказывая никаких особых возражений или неприятия. Ну в самом деле, наказания подобного рода практиковались не одну сотню лет, и каждое новое поколение просто воспринимало их как продолжение традиций, продолжение жизни в клане. Страшнее, когда клан отказывался от своего члена. Такой оборотень становился изгоем, беззащитным для охотников (в конце-концов, одиночку в лесу подстрелить значительно легче, чем кого — то из стаи, где тебя обязательно прикроют), да и потом, изгои лишались всех привилегий членов клана — очень часто, это означало конец карьеры, увольнение с работы, лишение дома и всего нажитого.

Было ещё одно, что я не понимала в поведении клана и не принимала для себя — свободу нравов неотмеченных особей. И ладно бы мужчины, но нет, и девушки в клане вели себя очень вольно. Даже мои подружки — оборотницы искренне считали, что в сексе ничего постыдного нет — каждый имеет право на удовлетворение своих естественных потребностей. Правда, только до того получения брачной метки. Дальше — полная верность.

Андрей, хотя и шугал моих малолетних поклонников, сам монахом не был — и охотно пользовался свободными нравами в клане. Случайно я подслушала разговор моего пьяного братца с его товарищами: попивая пиво, они совершенно обыденно обсуждали девушек, у которых с ними был секс — в грязных подробностях и сравнениях. Это сейчас, по прошествии лет, я понимаю, что Андрей не смотря на положение беты и огромную власть, всё — равно оставался молодым двадцати трехлетнем парнем. Если мужчина сдержится, не назовёт случайную подругу обидными словами — то парни, желая самоутвердиться, частенько и прибавят чего —нибудь эдакого. Тогда мир вокруг меня снова перевернулся. Я не могла обидеться на брата — он был слишком близким для меня человеком, поэтому я сделала единственное, что могла — перестала обращать внимание на мальчиков. Много их у меня там было в тринадцать — то лет? Но кто помнит свои тринадцать — четырнадцать лет поймёт, как много значило для бушующего гормонами подростка совсем отказаться от внимания противоположного пола. В общем, я забросила своих подружек, вместе с

которыми мы гуляли по району возле дома, забросила школьные огоньки — и погрузилась в учёбу. Да так удачно, что в конце — концов закончила школу с серебряной медалью.

На моём выпускном Андрей сиял словно начищенный чайник. В сущности — было от чего: молодой парень отлично справился с воспитанием упрямой человеческой девчонки. Лишний раз подтверждался его статус беты стаи — руководить, замещая Альфу.

Получив заветный диплом с медалью, я была просто счастлива. Обнимала брата, радовалась достигнутому успеху и планировала своё будущее. И опять, мне помог Андрей: несмотря на приличные знания и отличные оценки, поступить в московский вуз оказалось не так то просто. Вроде бы, простой аптечный провизор — но конкурс в тот год был необыкновенный. И мне очень повезло, что брат, обнаружив меня рыдающую в гостинице, быстро решил вопрос с учёбой. Так я временно перебралась в Москву, навещая брата и родной клан лишь изредка, во время каникул. Надо сказать, что столица в моё лице приобрела мало: несмотря на то, что училась я на платном, я именно училась, а не просто весело проводила время, а потому все мои вылазки из дома (однушку мне также оплачивал Андрей) заканчивались где-то в районе научных библиотек. Благо, в Москве их достаточно и на любой вкус. Так, однажды заглянув в библиотеку Рудомино, с удивлением обнаружила там курсы испанского от самого института Сервантеса — и, вспомнив свои школьные потуги охватить сразу два языка: английский и испанский(язык, не чужой для нашего Альфы) — с радостью продолжила своё обучение на этих курсах. Испанский я полюбила ещё со школы: он казался мне как — то понятнее английского, несмотря на свои три спряжения глаголов и прочие прелести. В общем, в Москве я не скучала, хотя и радовалась каждой возможности побывать дома, в родном городе.

Что касается личной жизни, то я так и не научилась «строить отношения» с парнями. Брат, который иногда навещался ко мне в гости, каждый раз водил своим оборотничьим носом, пытаясь унюхать запах другого мужчины — и каждый раз всё заканчивалось удивлёнными взглядами в мою сторону. Однажды этот великовозрастный балбес даже поинтересовался, не нравятся ли мне девочки?

— В каком плане? — не поняла я, оторвавшись от конспекта. А когда поняла, дико покраснела.

— Андрей... — застонала я, а брат засмеялся.

— Нет, Насть, ты скажи... Я же пойму. Честно. — Он продолжил хихикать, а потом вдруг посерьёзшел. — Мне нравится, что ты выросла такая серьёзная, не похожая на наших девушек.

— Эй, я ведь не оборотень. — Напомнила я Андрею. Тот пожал плечами.

— Знаешь, я бы так не сказал... В тебе чувствуется наша кровь. Когда ты часто бывала в клане — она чувствовалась сильнее, сейчас чуть тише, но всё равно — ты наша.

Андрей схватил меня в охапку — что на его языке обозначалось крепкие объятия, и опустив свой подбородок на мою несчастную голову, спросил:

— Насть, а ты не хочешь вернуться?

— Хочу, конечно. Как только институт закончу. Вернусь в родной город — благо, и у нас аптек предостаточно. Так что без работы не останусь.

— Да нужно тебе это высшее, — отмахнулся Андрей.

— Сказал мне человек, который закончил экономический факультет на отлично.

— Я учился на вечернем, там проще.

— Проще — это когда ты утром учился быть родителем / братом, днём учился быть

бетой клана, а вечером пропадал в институте? — уточнила я на всякий случай. Андрей пожал плечами.

— Ты же знаешь, Альфы, Беты... — это всё врождённое. Даже будь я самый последний олух, стая бы меня слушалась.

— Но ты не олух.

— В этом вся и проблема, Настёна, — признался Андрей. — У меня хороший большой дом, звание беты... а я дома от тоски вою. Нет бы кутить как остальные.

Я непонимающе уставилась на брата.

— Так ты что теперь, с Витькой и Лешкой не зависаешь больше?

— Какой там, — скривился Андрей. — Эти два уroda встретили свои пары, и уже готовятся стать молодыми папашами. Представляешь, как я себя чувствую?

Я кивнула.

— Примерно как я, когда девчонки секс между собой обсуждают.

Андрей приподняв брови от удивления, тут же загоготал, а я... я была рада, что пусть даже ценой такого неловкого замечания согнала тоску с брата.

— И что, неужели тебе не хотелось ни разу? — спросил с интересом Андрей.

— Чего хотелось?

— Ну... этого самого... — брат выразительно пошевелил бровями. Я хмыкнула.

— Слушай, тебе хочется трюфелей?

— Нет... не знаю, я их никогда не ел.

— Вот и я никогда.

— Ну ведь там желания всякие...

— Андрей, — я так и не решилась рассказать ему про подслушанный разговор. Да и зачем? Ведь памятный разговор был больше десяти лет назад — и я уже давно выросла из наивного тринадцатилетнего ребёнка. Мои неудачи с парнями — только мои, и ничьи больше. — Ты меня что, пытаешься сейчас так сбить с праведного пути?

— Ни в коей мере, — придуриваясь, замахал руками мой старший брат.

Ухмыляясь, я полезла в шкаф, где стояла припасённая бутылка вина.

— Давай выпьем, а? — спросила я брата.

Настроение Андрея невольно передалось и мне. Он уже давно уехал в родной город, а я всё сидела на кухне, пытаюсь понять: почему мне так тревожно. Андрей не был мне братом по рождению, но стал братом по духу — я воспринимала его именно как своего кровного, настоящего родственника. Единственного и неповторимого старшего брата. Я была безумно благодарна ему, двадцатилетнему парню, который решил взять на себя гигантскую обузу в виде девочки — подростка. Его никто не заставлял это делать — и многие, в том числе и оборотни, не могли поверить, что Андрей это сделал. Он заботился обо мне в память о близкой дружбе наших отцов.

И ещё одна деталь: я никогда не знала нищеты. Даже будучи молодым двадцатилетнем парнем, Андрей умудрялся как — то зарабатывать деньги, чтобы хватало на всё. Конечно, как рождённый бета и как наследник своего отца, он имел достаточно средств... которые мог и не тратить на меня. А Андрей тратил, позволял мне практически все: хочешь — Москва, хочешь — институт, и даже квартира вместо общаги — чтобы «нам было где общаться», когда он приезжает меня навестить.

Андрей, мой удивительный старший брат, моя опора и семья в этом мире... Я поняла, что не должна была отпускать брата в таком состоянии. Надо было лучше узнать:

расспросить, растормошить, докопаться до истины. Тревожное чувство, поселившееся в душе после его отъезда, не отпускало меня до самого утра. Отпросившись в деканате (как отличнице, да ещё на платном, мне сделали послабление), я поехала в аэропорт.

До родного города можно было добраться самолётом: дорого и быстро или рейсовым автобусом: долго и дешево. Раньше я всегда ездила на автобусе — сэкономила Андреевы деньги, сегодня же впервые взяла билет на самолёт.

С чего такая тревога и решительность? Вроде ни о чем особенном мы с Андреем не разговаривали. Он даже старался казаться весёлым.

— Старался казаться, — проговорила мысленно я, вспоминая непонятную грусть в глазах брата. Именно она и гнала меня сейчас в родной город.

Самолёт приземлился в родном городе ранним утром. Спортивная сумка вместо багажа, полуразряженный телефон — играла в игрушки в аэропорту в ожидании рейса — и вот уже я на остановке такси, ловлю машину. Точнее таксист ловит меня. Правда, я расценки знаю, а потому смело сбиваю цену в два раза.

Уже дома, перед входной дверью я ненадолго замираю. А вдруг вся эта паника на пустом месте? Может, у меня простое ПМС, и Андрей сейчас видит десятый сон. Или с девушкой там зажигает. И тут я появляюсь: здрасьте, приехали....

Обругав себя на чем свет стоит, я всё-таки решила позвонить в дверной звонок. Раз, второй, третий... Минут через пять после абсолютной тишины решила открыть входную дверь своим ключом.

Квартира стояла пустая. Лишь на кухонном столе пустой стакан из под виски, какой — то официальный бланк и небольшая записка. Почему-то я сначала схватила бланк, а не записку. Несколько минут соображала — что там такое написано. Какое — то завещание Андрея Ильина на Анастасию Овсееву. Квартира, дом, банковские счета... Когда стало доходить, схватила записку: Прости сестрёнка. Я влюбился, девушку сватают за Альфу, так что ты понимаешь.... Но по-другому не могу. Прости, если сможешь. Твой любящий старший брат, Андрей...

Я вскочила, не обращая внимание на опрокинутый стул. Хотелось незамедлительно действовать. Но как? Судя по всему, Андрей уехал на поединок — и если он ещё не состоялся, то надо торопиться. Такси! Жаль, что я не умею водить машину. Выскочила из квартиры, впопыхах едва не забыв запереть дверь. Поймала частника. Вся беда в том, что чужие машины дальше границ стаи не пропускались — то есть, мне ещё как минимум пять километров — если подъехать к западной границе. Там есть сторожевая избушка — и, возможно, кто —нибудь из ребят дежурит. Пока ехала, обрывала все знакомые телефоны.

Наконец мне повезло, дозвонилась до Алексея, друга Андрея.

— Настя? — удивлённо спросил Леша. — Ты чего звонишь в такую рань?

— Где мой брат?

— Ты... — красноречивое молчание. — В курсе?

— Да в курсе я, в курсе. Где мой брат? — рыкнула я, и сейчас по тону никто бы не сказал, что я смесок. Чистокровная волчица. Я даже через трубку слышала, как довольно крякнул Леша.

— Так ты знаешь? — уточнил он на всякий случай.

— Знаю, и уже еду в поместье. Это будет там? — спросила я, немного покосившись на усталого сонного водителя.

— Сама или такси?

— Второе.

— Остановись у пятого километра. Я тебя подберу через несколько минут.

— Точно подберешь? — уточнила я, опасаясь, что Леша хочет отсрочить моё появление в поместье.

— Да точно, точно, — хмыкнул друг брата. — До поединка ещё около часа. Все только начинают съезжаться. Но теперь у нас есть шанс.

— Какой? — тут же встрепелась я.

— Реальный. Если только ты согласишься рискнуть.

— Ты же знаешь: я всё сделаю для брата.

— Вот и умница, — согласился Алексей.

Достигнув указанного места, я вышла, расплатившись с водителем. Несколько нескончаемых минут в одиночестве у бело — синего столбика с обозначением километража до города — и вот вишнёвая хонда, притормаживая, мигает мне желтой фарой.

— Настюша, — поприветствовал Алексей, расплывшись в улыбке. — А ты повзрослела. Сколько ж мы не виделись.

— Около года, — пожала я плечами. — Брат рассказывал, ты женился.

— И пополнение уже ждем, — подтвердил Алексей. — А ты стала вкусно пахнуть. Как волчица.

— Андрей говорил наоборот, я так уж и пахну оборотнем.

— Ну, может твой брат принюхался, а может у тебя это на стрессе. Говорят, это бывает у полукровок.

— У меня одна восьмая, — поправила я. — Что с Андреем?

— Ну что: всё тривиально. Нашему Альфе привезли девушку на смотрины. — Алексей скривился. — То есть как на смотрины: он не её пара, она — не его; но договорные браки даже у Обратней никто не отменял. В её семье рождаются только Альфы, а нашему Альфе давно пора подумать о наследниках.

— И что, неужели ему наплевать на моего брата?

— Ну почему сразу наплевать? — даже обиделся Алексей. — Думаешь, Кирилл не разговаривал с Андрюхой? Альфе ведь не с руки такую самку отдавать, пусть даже и своему бете. Хоть она и не пара ему истинная, но щенков принесёт хороших. А что ещё мужику надо?

— А ты женился на истинной паре или тоже, холодным расчётом руководствовался?

— Моя девочка — только для меня, — улыбнулся Алексей. — Но я и не Альфа. Мне уже посчитай тридцать, а Альфе даже за тридцать пять. Неизвестно, найдет ли он свою суженную когда —нибудь. А стаю то передавать кому — то надо.

— В общем, девушку Андрею отдавать он не хочет.

— Девушка могла бы на худой конец, тоже свой выбор озвучить — а то сидит, слова в простоте не скажет. И что твой брат только в ней нашёл.

Алексей тяжело вздохнул. Я вздохнула следом.

— Что мне надо делать. У тебя ведь есть какое — то решение?

Алексей едва заметно кивнул.

— Его моя Ирка придумала, кстати.

— Молодец у тебя жена.

— Будешь себя хорошо вести — познакомлю.

Я закатила глаза. Для друзей брата я и в двадцать пять по-прежнему остаюсь

непослушным надоедливый ребенком. Только если раньше мне за хорошее поведение киндер покупали, то теперь, вон, с женой собираются знакомить. Расту, короче.

— Есть одна традиция: так как невеста Альфы из другого клана, то ты как наша самка можешь бросить ей вызов.

— Могу?

— Да, — кивнул Лёша. — Они не истинная пара, так что тут Закон пар не действует. Тут другое: ты, как волчица, охраняешь свою территорию... ну и своих лучших самцов.

— Я же не волчица.

— Все знают, что ты — полукровка, даже меньше, чем полукровка — но наша кровь в тебе есть; кроме этого, Андрей принял тебя в семью и стаю — а значит, ты имеешь все права.

— Хорошо, — кивнула я, мысленно уже согласившись бросить вызов этой приезжей девице, нашему Альфе — да всему клану, если это спасёт брата. — Как это поможет Андрею?

— Если тебе удастся выиграть, то именно ты будешь первая в очереди на звание Луны и пары Альфы.

— Это как? — не поняла я, сглотнув от испуга.

Глава 2

— Такие правила, — пожал плечами Алексей. — Ты же сама всё прекрасно знаешь.

может и стерпеть, привыкнуть. Всё лучше, чем бесконечное одиночество. Опять же, щенков не только бабам хочется. Продолжение рода и всё такое...

— И я сейчас буду пытаться отобрать у нашего Альфы его надежду на «пристойное будущее»? — уточнила я на всякий случай.

Алексей хмуро кивнул.

— Да. И кроме того: Ты будешь совсем одна. Никто из стаи не сможет тебе помочь, даже я.

— Сила Альфы? — спросила я, припоминая силу Беты брата. Несмотря на то, что волчьей крови у меня было всего — ничего, сила «старшего» действовала на меня так же, как на остальных. Неприятное ощущение — этакое своеобразное «ментальное принуждение». Андрей применял свою силу дома крайне редко — в исключительных случаях. К примеру, когда я не спала по ночам, пропадая в интернете или трепалась с подружками по телефону несколько часов к ряду, забывая про уроки. Вот тогда он меня «воспитывал».

— Подожди, — испугалась я. — Альфа будет давить на меня своей силой?

Алексей пожал плечами.

— Возможно. Чтобы уберечь тебя от самоубийства.

— Что ж, раз он такой благородный, не откажется от поединка с братом?

— Потому что Альфа не может быть слабым. Потому что мы — не люди. Потому что. — Леша тяжело вздохнул. — Думаешь, Кирилл рад, что ему придётся биться со своим бетой? Андрей хорошо держит стаю, и его потеря — станет потерей для нас всех. К сожалению, звезды сошлись так...

— А Альфа может воздействовать своей силой во время поединка? — спросила я, жалея, что раньше не сильно интересовалась Альфой и всеми этими делами. Как я уже рассказывала, Альфа особенно наш город не жаловал, предпочитая заниматься более важными делами, отдавая приказы через Андрея. Правда, он бывал на наказаниях... но туда уже я не ездила. Теперь я себя за это корила: если бы мы обращались с Альфой не только как оборотни, но и как люди, может быть, сейчас и не дошло бы до поединка между братом и его «начальником».

— Альфа может применять свою силу во время схватки? — спросила я у Алексея.

— После вызова на поединок, он не в праве это делать.

— То есть это запрещено? — уточнила, перестраховываясь, я.

Друг брата пожал плечами.

— Как тебе сказать... Строго говоря, не запрещено — но это будут очень плохие манеры. Поединок — это вызов. А давать силой Альфы во время вызова — признак слабости. Только слабак станет применять силу.

Я нюхом чуяла, что Леша мне что-то не договаривает.

— Леш, — я обратилась к мужчине, положив ладонь на его предплечье. — Ты знаешь, чем я обязана Андрею. Я люблю его как собственного брата. И даже больше. Я не испугаюсь и не брошу его в этом дерьме, чего бы мне это не стоило. Так что не темни, пожалуйста. — Алексей отвлекшись от дороги, перевёл на меня взгляд. — Что там осталось за кадром?

Машина плавно замедлила ход и остановилась на обочине.

— Мне Андрюха бошку оторвёт. — Пожаловался куда-то в пространство Лёша. А затем снова обернулся ко мне.

— Насть, по всей видимости, это Алинка- ну, девчонка из чужой стаи — истинная пара

твоего брата. Так что Андрей не отступится, и будет биться за неё до самого конца.

— Бред какой — то... Если она — та самая, то почему ...

— Потому. Законы стаи. Она, может, и чувствует твоего брата Точно чувствует... но против своего Альфы не пойдет. А её Альфа — папочка велел своей дочурке повязаться с нашим Альфом. Политика, понимаешь. У нас большая статья и ооочень богатый глава.

— То есть Алиночка забитая, запуганная самка?

Алексей покачал головой.

— Я бы так не сказал. Скорее воспитанная в старых традициях: сильная, но всегда подчиняющаяся главе. — Коротко усмехнулся. — Это ты у нас без понятия.

— Эй, я смесок.

— Ну конечно... В общем, если ты вызовешь Алину, то она вряд ли тебе подыграет. Может, совсем чуть-чуть.

— Её семье нужна эта свадьба, поэтому она сделает всё, чтобы выполнить приказ. Я правильно понимаю?

Алексей кивнул.

— Да, ты умничка.

— И в ход пойдёт всё, что доступно... Наверняка, она ещё и обернётся.

— А ты не можешь.

— Не могу, — подтвердила я. — Но и оставить брата я не могу тоже.

— Насть, думаешь, Андрею будет легче умирать, зная, что его пара порвала его сестру?

Мои глаза заволокло слезами.

— Он не умрёт. Костью лягу, но не позволю.

— Это неизбежно. Невозможно победить Альфу... По крайней мере, нашего.

— Тогда я обязана победить его подружку, — пожалала я плечами, стараясь не расплакаться больше.

— Ты и правда на это пойдёшь? — спросил Алексей. А я зло ухмыльнулась, глядя ему прямо в глаза.

— Интересно, а зачем ты так долго трепался, если мне не веришь?

Алексея покорила моя фраза — или тон, которым она была сказана. Поморщившись, он пожал плечами.

— Моя Ирка говорит, что это единственный шанс Андрея. Но Андрей для неё только бета, а не близкий друг. А я... я боюсь брать такой грех на душу. — Он хмыкнул. — Понимаешь, первый раз боюсь. Андрей ведь узнает, кто подставил его сестру. И как мне с этим жить?

— Всё будет хорошо, — пообещала я Алексею. — Только отвези меня в клан.

Я, конечно, сама не верила в то, что сказала. Но деваться было всё равно некуда. Или умыв руки, дать погибнуть на поединке брату, или рискнуть самой... Я никогда не отличалась особым терпением, так что, как говорит одна моя близкая подружка «лучше сделать и жалеть, чем жалеть о том, чего не сделал».

Минут двадцать спустя мы подъехали к большому каменному зданию, спрятанному за широкой, похожей на настоящий лес, рощей. Поместье Альфы, которое много лет опекал мой брат. А я маленькая здесь любила собирать грибы. Хорошее место, чтобы умереть.

Леша не пытался больше заговаривать мне зубы. И я была ему благодарна, настраиваясь в тишине на предстоящий вызов. Где-то читала, что настрой во многом определяет исход битвы. Конечно, с деревянной дубинкой против ядерного оружия не выстоишь, но вот

против автомата, при удачном раскладе, можно попытаться. А значит, надо максимально использовать имеющиеся возможности. Эххх, что ж я на курсы борьбы — то не ходила — вот было бы подспорье. Хотя, я же не с человеком буду драться, а с волчицей.

Я постаралась сконцентрироваться на слабых точках оборотней. Оборотни в любом облике сильнее людей. В волчьем они выглядят как волки — переростки. Соответственно, имеют все сильные и слабые стороны волков. Какие там у них слабые стороны? Я вспоминала уроки ОБЖ: в лесу, при наличии волков, надо постараться их испугать: костер зажечь, кричать громче... Ага, сильно мне это поможет, если у моего волка, точнее волчицы, нормальный такой человеческий ум. Что ещё? Логично, что в волчьем облике их морда — самое сильное оружие. Лиши волка возможности атаковать зубами — что останется? Только вес тела — лапы ведь — не руки, а значит тут будет преимущество с моей стороны. Осталось за малым — как — то связать этой зубастой самке её пасть... Да как нефиг делать.

— Во время боя, старайся атаковать с боку, никогда не стой прямо, — тихо посоветовал Алексей. — Запомни: только не прямо напротив. Это будет самое уязвимое для тебя место. Хорошо?

Я, благодарно посмотрев на Алексея, кивнула.

— Спасибо.

— Не за что. — Пожал плечами мужчина. — Если уж решилась на такое, постарайся максимально собраться. Шансы у тебя не велики, но всё больше, чем у Андрея.

— Это столько получается, — поинтересовалась я. — Пять к девяносто пяти?

— Я бы дал тебе пару шансов, — честно, глядя мне в глаза, ответил Алексей. — Тебе некуда отступать: ты слишком любишь брата, а Алина же... ей будет сложнее выбрать между кланом и истинной парой. В этом её первая слабость.

— А вторая слабость — мой второй шанс?

Алексей осклабился.

— Фактор неожиданности. Она ещё не знает про поединок.

Проехав вторую рощу, мы припарковались возле желтого двухэтажного здания — гаража усадьбы. Места внутри уже не хватило — судя по всему, все волки клана съехались на предстоящий поединок между бетой и альфой стаи, а потому Алексей просто бросил машину неподалёку.

Я вылезла наружу, поеживаясь от прохладного утреннего воздуха. И от страха. Чтс должен чувствовать человек, которому минут через десять придётся иметь дело с умным и очень опасным животным.

— Не передумала? — спросил Алексей, взглянув в мою сторону.

— Нет, — мотнула я головой. — Просто боюсь.

Друг брата хмыкнул.

— А то я не чую.

Ну да, уныло подумала я, пресловутое волчье обоняние. Сейчас вся стая будет наблюдать, как трусливая человеческая девчонка решила потягаться с красавицей волчицей.

Алексей махнул рукой в сторону одной из полян, где обычно проводились наказания провинившихся членов. Вот и место поединка. Там уже гудели тихие разговоры — в лесной тишине даже тихий шёпот казался почти криком. А может, это мой организм реагировал так на экстремальную ситуацию.

— Интересно, — хмыкнул Алексей, — у тебя изменился запах.

— Как это? — спросила я, думая, что он всего лишь пытается отвлечь меня от пугающих

мыслей.

— Нет, правда. Я не вру. — Леша демонстративно принялся. — В тебе словно стало больше... волчицы. Оборотня. Очень интересный запах. Насыщенный. Вкусный.

Его глаза внезапно блеснули расплавленным волчьим золотом.

— Эй! — испугалась я. Мужчина моргнул, придя в норму, и задумчиво уставился на меня.

— О..очень интересно.

— Леш? — спросила я, желая узнать, что это его так заинтересовало. Но оборотень только покачал головой.

— Кажется, твои шансы на победу увеличиваются.

— Может, объяснишь?

— Не-а, — хмыкнул оборотень. — Прости, Насть, но это только мои догадки, и времени проверять их у нас нет.

— Зачем тогда меня обнадёживать?

— Насть, два или три шанса из ста — это обнадёживать? — удивился Алексей.

Рыкнув, я развернулась на сто восемьдесят градусов и, стараясь идти печатая шаг (оборотни не терпят слабости), направилась напрямик в центр поляны.

Столпившиеся вокруг будущей площадки для поединка оборотни удивленно встречали меня взглядом. Кто-то здоровался, кто — то пытался схватить за руку.

— Настька, не вздумай показывать характер, — тетя Лиля, мама одной из моих подружек, указала на место рядом с собой. — Пережди в толпе, пока всё закончится. Зачем ты вообще сюда приехала?

— За Андреем.

— Твой брат сам решил свою судьбу.

— Никто не может спорить с Альфой, — кивнул один из смутно знакомых мужчин. — Девочка, тебе тут не место.

— Ты же даже на наказания никогда не приезжала, — пробормотала из толпы ещё одна моя подружка в клане. — А тут поединок.

Я, слабо им улыбаясь, продолжила идти вперед. Пока не увидела брата. Мой брат стоял перед высоким, как все оборотни мускулистым, мужчиной. Хищное неприятное лицо — со смуглой кожей, резкими чертами и черными непроницаемыми глазами, которые сощурились, заметив меня на поляне. Мой брат очень любил деловой стиль, и всегда выглядел «с иголочки», но этот мужчина, даже в джинсах и простой футболке, выглядел куда внушительнее Андрея. Черные с проседью волосы и кривой шрам у виска подсказали мне, кто этот незнакомец. Альфа.

Я потом часто анализировала: как же так получилось в моей жизни, что именно на поединке я впервые встретила Альфу. Не читала его приказы, которые он пересылал Андрею, не общалась с ним по телефону (и такое бывало, правда, редко) — а именно встретила в живую. Лицом к лицу. Или, в нашем случае, честнее сказать, нос к носу.

Допустим, Альфа посещал стаю в нашем городе редко — но посещал же. И уж мне, сестре беты, было бы странно не встретить его «живьем» хотя бы раз за семнадцать лет. И тем не менее....

Вглядываясь в черные, полыхающие злым волчьим голодом взглядом, я поняла, почему я неосознанно избегала этой встречи: я боялась, что наш Альфа — наш сильный могущественный Альфа- просто вычеркнет меня из жизни клана. Посчитает слишком человеком. Одна восьмая волчьей крови — недостаточная причина для принятия в клан. Тем более, что я даже не могу обращаться.

Я не могла себе представить свою жизнь без клана или, что ещё того хуже, без Андрея. А ведь Альфа мог запросто приказать ему выкинуть человечешку из своей жизни. Приказать самому близкому для меня существу. И Андрей вряд ли мог бы послушаться. Я знала правила стаи — знала, что они никогда не идут против своего вожака, а те немногие, кто осмеливается это делать не бунтари, а скорее ненормальные по волчьим понятиям существа. Андрей же ненормальным никогда не был.

— Кто это самка? — рыкнул Альфа и его низкий голос разнесся далеко за границы моментально притихшей поляны. Обернувшийся в мою сторону Андрей моментально побледнел.

— Настя? — спросил он, нервно сглотнув. — Что ты здесь делаешь?

— То же, что и ты, — нарочито небрежно пожала я плечами. Альфа смерив меня ещё раз взглядом, повернулся к Андрею.

— Это твоя сестра. — Не спрашивал, утверждал Альфа. — Та, которая не волчица.

— Во мне одна восьмая...

— Что она здесь делает? — снова рявкнул мужчина так, что весь клан пригнулся, словно под шквалистым ветром. Странно, но меня совершенно не задело.

— Эээ, — я растерянно смотрела по сторонам. Пока не наткнулась на испуганный взгляд черноволосой девушки. Её удерживал за локоть мужчина в возрасте, который кривился словно от боли.

Ишь как его проняло, — совершенно некстати подумала я и тут услышала шёпот двух мужчин, стоявших рядом с пожилым и девушкой:

— Наш Альфа не справляется, — кривились они также, как и все остальные члены клана. — Силён Баев, ох как силён.

— Наш Альфа знал что делал, когда Алинку сосватал.

Судя по разговору, это и есть чужаки. Что ж...

— Стоять! — одновременно вместе с приказом, жесткая мужская рука схватила меня за плечо. Меня дернули — и я оказалась прижатой к нашему Альфе. На смуглом лице Баева ходили желваки — словно он едва сдерживался, чтобы не растерзать меня прямо тут. Почему такой приём? Может, я и вылезла на поляну для поединка против правил, но это не могло являться причиной такой лютой ненависти, что читалась у него сейчас в глазах.

— Сколько в тебе нашей крови? — спросил он низким, пугающим до дрожи, голосом.

— Одна восьмая.

Мужчина прорычал какое — то ругательство.

— Настя, ты... — подошедший ближе Андрей оказался далеко отброшен Альфой. При этом Баев, кажется, даже усилий никаких не приложил — всего лишь рукой махнул.

— На меня смотри, — велел Альфа. Я подняла на него свой взгляд, который был тут же пойман в плен черными нечеловеческими глазами.

— Слишком мало нашей крови, — казалось бы с сожалением пробормотал Альфа, прижимая меня к своему боку ещё сильнее. — Но какой же вкусный запах.

— Кирилл Владимирович, — откуда то издалека обратился мужской голос. Кажется, он обращался не раз, и не два, но первые несколько раз ни я, ни Кирилл не слышали... Он что-то сделал со мной — я пялилась ему в глаза, позабыв про все. Пока, наконец, он не отпустил меня.

— Кирилл Владимирович, — это, оказывается пожилой дядька. Кажется, чужой Альфа. — Мы же так не договаривались. Ведь всё остается в силе, не так ли?

Баев, словно нехотя отведя от меня взгляд, согласно кивнул.

— Разумеется.

— Тогда что она здесь делает?

— Она уже уходит.

Понимая, что в этот момент решается моя судьба, а так судьба моего старшего брата, я собралась с духом, и озвучила свой ответ.

— Не уйду. — Громко оповестила я всех присутствующих. — Я бросаю вызов Алине.

Моё заявление было встречено звенящей тишиной. А затем грянул гул. Оборотни нашего клана громко переговаривались, один из сопровождающих зашипел что — то паре моего брата, пожилой Альфа принялся высказывать свои возражения Баеву, и даже Андрей, замерший практически у кромки круга, громко застонал.

— Настя, нет! Не вздумай, дурёха.

Я улыбнулась ему бескровными губами.

— Я люблю тебя.

Рык Баева не испугал меня, и не застал отвести взгляда от брата.

— Я не позволю тебе рисковать своей жизнью, — покачал головой Андрей.

— Это не тебе решать.

— Она ведь шутит, да? — услышала я Катькин голос — той самой подружки, которая вначале пыталась спрятать меня в толпе. Вообще, оборотни не были настолько эмоциональными, чтобы кричать, но я почему-то прекрасно всех слышала. Словно слух внезапно невероятно обострился.

— Никакого поединка не будет. — Сказал своё слово Альфа. Черноволосая девица выгнула бровь, поглядывая на меня с интересом.

— Это не вам решать, — сдерживая чувство дрожи, ответила я. Это был единственный шанс спасти брата, и я должна была им воспользоваться.

— Кирилл! — Крикнул Андрей. — Она даже не может обратиться.

Теперь уже пожилой Альфа чужой стаи потирал руки.

— Ну что ж, и такое бывает. Но если девушка сама настаивает, то моя Алина всегда готова.

— Нет. — Голосом Баева можно было легко резать воздух, до того он казался резким.

— Я в своём праве, — произнесла я, зажмурившись. Только не бояться, не трястись раньше времени. Обратни прекрасно чувствуют страх. Никакого страха. Никакого.

Открыв глаза, я тут же встретила взглядом с Альфой.

— Ты не в праве. — Ответил он, не выказывая ни единого чувства. — Ты даже не в моей стае.

За сегодняшнее утро я уже много раз представляла, как эта оборотница- невеста будет запускать в меня свои волчьи зубы, и насколько мне будет больно. Но это оказалось значительно больнее. Только что Баев лишил меня семьи, друзей, хороших знакомых — всех; обратни никогда не ослушаются своего Альфу, так что теперь мне можно было забыть про стаю и всё, что меня с ней связывает. Сбылся самый страшный кошмар моего детства.

Альфа не отводил своего взгляда от моего лица, словно вымеривая ту боль, которую он причинил своим высказыванием.

А потом, оглянувшись на Андрея, я поняла, что это не просто конец моей жизни в клане — это конец всего. Если я допущу поединок между Андреем и Баевым, у меня ничего в этой жизни не останется. И никого.

— Нельзя выгонять из стаи перед поединком, — брякнула я первое, что пришло в голову. Я не знала, есть ли такое правило и не говорю ли я сейчас какой — то бред, но... Судя по тому же Закону Пар, обратни стараются перестраховываться Законами, немного корректируя право сильнейшего.

Баев усмехнулся.

— Вообще — то, можно.

— Только один поединок, пожалуйста, — посмотрела я на Альфу с мольбой. — А после этого я уйду и никогда больше не буду претендовать на место в клане.

— Куда ты уйдешь, — усмехнулся Баев. — На тот свет?

— Девочка просит о поединке, — встрял чужой Альфа. — У нас разрешен поединок перед изгнанием. Она в своём праве.

— Да она даже оборачиваться не может! — закричал Андрей, так и не решаясь подойти ближе. Или по какой то причине он не мог этого сделать.

Пожилой Альфа осклабился, махнув своей дочери рукой.

— Алина. — та послушно подошла, не сводя с меня пристального взгляда.

— Лина, это моя сестра! — простонал Андрей. Теперь я видела, что брата словно окружает невидимая крепкая стена — он кидался, бросался вперед, но каждый раз неизвестная сила отбрасывала его в сторону.

— Поединок! — закричал, потирая руки, старый Альфа. — Дочь, покажи свою волчью силу. Пусть новая стая оценит дар стаи Никиты Степанова.

А Баев... Баев схватив железной рукой меня за подбородок, заставил посмотреть ему прямо в глаза.

— Откажись, — сцепив зубы, процедил он. — Я оставлю тебя в стае, только откажись.

— Ты тоже откажешься от поединка? — спросила я, понимая, как много поставлено на карту.

— Нет. — Обрубил он.

— Тогда и я тоже нет.

Несколько мгновений прошло в осязаемой тишине. А потом Алина кинулась на меня, в одно мгновение перекидываясь из человеческого облика в волчье. От Андрея я знала, что момент перекидывания — один из самых уязвимых моментов для оборотней. Во время

изменения, они не могут контролировать своё тело, не могут обороняться, и уж тем более нападать. Правда, этот момент длится всего лишь мгновение. Обратни оттачивают своё искусство изменять форму не один год, но девушка всё же не воин — мужчина, да и одежда ей, несомненно, здорово мешалась.

Именно на этом я её и подловила. Пока волчица пыталась выбраться из платья и нижнего белья, я ухватила за край платья и перекинула подол ей на голову, закрывая Алине обзор и на какие — то доли секунды обезопасив себя от её смертельно опасной пасти.

Волчица извивалась ужом, рвала зубами ткань платья и кровожадно смотрела на меня. Дааа, вот это я понимаю будущая невестка. Бедный Андрей. Но ещё через мгновение мне стало уже не до шуток — волчья, в пене, пасть, неслась прямо на меня. Я вспомнила совет Леша и ушла в сторону. Но человек не может тягаться с волком. По крайней мере, такой неподготовленный человек, как я. Это было медленное убийство, на потеху чужому Альфе. Я уклонялась, защищала лицо и тело руками и ногами, но волчица раз за разом доставала меня, вырывая куски с какой — то кровожадной жадностью. Меня затопило отчаяние. А потом... Потом я увидела Андрея.

Я до конца своей жизни буду помнить выражение его лица. Я всегда считала, что он — центр моей Вселенной, моя семья — отец, мать и брат в одном лице, мой надежный тыл и самая искренняя жилетка для слёз. Но я никогда не думала, что и я являюсь для него центром его Вселенной — именно это я читала сейчас в его глазах. Алина, может быть, и была его истинной парой — но я, по сути, была ребенком, которого он воспитал — я выросла и сформировалась как личность уже при Андрее.

В глазах брата стоял ужас. В моих проносились воспоминания: веселые и не очень; те, про которые мы вспоминали каждый праздник и те, которые забылись, истёрлись из памяти как незначительные. Вот Андрей с друзьями — сокурсниками, вместо того, чтобы готовиться к семинару, вышивают мне мережкой салфетки на урок труда — иначе не видать мне пятёрки в четверти; вот я приготовила свою первую шарлотку — и забыла добавить муки. Андрей, по сути, ел сладкий омлет с яблоками. Вот мой братец под утром тайком выпроваживает девушку: дело молодое — тело ретивое, да только сестрёнка по ночам боялась одна оставаться, вот он и выворачивался, как мог.

С тех самых черных дней, когда мы оба оказались сиротами без родителей, Андрей защищал меня об бед и невзгод... и только от своей пары защитить не смог. В угоду своему отцу и Альфе Алина рвала меня, кажется, наслаждаясь каждым моментом, каждым моим стоном и криком. Пока что-то не стало подниматься во мне. Всё выше и выше, увеличивалось, ширилось — пока не затопило всё моё сознание. Я не понимала, как это произошло, но Алина, внезапно прекратив нападать, заскулила, прижавшись к земле.

Я в недоумении уставилась на свои руки — что — то жгло их изнутри, какая я то непонятная сила Я перевела взгляд на Андрея. Брат также ошалело смотрел на меня.

— Альфа самка... — зашептали голоса обратной. — Неужели такое может быть? Меньше полукровки — почти человек и ...альфа самка....

У меня, тем временем, практически перестала идти кровь.... Мелкие раны зарубцовывались прямо на глазах — и я, позабыв про всё, с любопытством рассматривала, как укусы Алины затягиваются, превращаясь в тонкие белые полосы.

— Поединок закончен, — разнёсся над поляной безэмоциональный голос Баева. И тут же я услышала тяжелый вздох Андрея. Подняв взгляд, я осознала причину этого: брат стоял аккурат посередине между мной и вжавшейся в землю волчицей. Нелегкий выбор. Я решила

облегчить его.

— Андрей, помоги Алине. Она не сможет обратиться без одежды.

— Сначала отпусти её, — подал голос Баев, оказавшись рядом со мной. — Она не двинется с места, пока ты не разрешишь.

— Я не знаю, как это сделать.

Баев хмыкнул.

— Просто подумай об этом.

Я и в самом деле «просто подумала», громко выдохнув — одновременно с этим расслабляясь. Волчица, перебирая лапами, поползла к черте круга. Андрей направился за ней следом.

Я улыбнулась, понимая, что мой самый дурацкий и самый бесшабашный план сработал. Я и Андрей остались живы, и даже больше — теперь Андрей может претендовать на свою пару. А я...

Я вспомнила слова Алексея о том, что выигрывая в поединке самка становится чуть ли не Луной Альфы... По крайней мере, первой в очереди на это громкое звание.

Какая, нафиг, Луна — если мне даже стоять рядом с ним страшно. Я сделала ещё один глубокий вдох, прежде чем посмотреть на Альфу.

— А теперь я покидаю клан.

Баев скривил губы.

— Такой я дурак, отпускать Альфа самку.

— Альфа — не Альфа, но ты меня уже выгнал.

— Я выгнал тебя для твоего же блага. — Схватив меня за подбородок, Кирилл вынудил смотреть ему прямо в глаза. — Не будь ты Альфой, ты бы не выживала во время поединка.

Я пожала плечами.

— Я бы в любом случае не выжила.

— Девочка, ты слишком человечна, — рыкнул Кирилл. — Твой брат понимал, на что он идет. Мы все знаем наши правила. Но ты...

Я кивнула.

— Я не гожусь для этого всего. Слишком... — я сглотнула, вспоминая, что происходило здесь несколько минут назад. — Слишком болезненно.

Альфа дернулся.

— У тебя был шанс отказаться.

— Не было. — Я вырвалась из его рук и, отстранившись, хмыкнула. — Я устала, я ухожу.

Я покидала поляну поединка под нестройный хор голосов оборотней. Жаркие споры развернулись возле чужого Альфы: оказывается, старик, возмущался: по какому это я праву применила силу Альфы, если во время поединка она запрещена. Ему кто — то доказывал, что сила вовсе и не запрещена — просто в угоду традиций Альфы стараются не пользоваться этой силой. Опять же, кто же виноват, что у меня, полукровки, сила проснулась аккурат посередине боя.

А ещё один голос, который я не могла узнать, ехидно заявлял тому Альфе, что мол, натравливать оборотня в волчьем облике на волчицу, которая оборачиваться не может — тоже не слишком хороший тон. И если эта ситуация спровоцировала пробуждение Альфы — самки, то виноват в этом сам Альфа Степанов. Ещё, мол, поблагодарите, что наша Альфа — девочка вашу волчицу в живых оставила. Вы — то нашу девочку не пожалели.

Я мысленно согласилась с говорившим. И в то же время я не ожидала иного: Альфы кланов были слишком... хищниками. Поэтому ни о каком «мирном» исходе поединка речи не шло. На поединке только выигравший решал, будет ли жить его побеждённый противник или нет. Я была уверена, что Алина «поиграла» бы со мной до самого конца. А я... она ведь пара Андрея, а я человек.

Слышите! Я человек, а не какая не сука, не Альфа — самка, не Луна и не волчица! Человек!

Клан гудел, как улей разбуженных пчёл. Я же рассказывала, что стая — как большая семья, и сейчас вся эта семья принялась за расспросы: как же так получилось; откуда у меня взялась Альфа — волчица; знал ли про это Андрей и Альфа?

Сил на разговоры у меня не было. Чудом избежав страшной смерти, я пыталась просто выдохнуть с облегчением, оставив весь анализ ситуации на потом. Про Альфу — самку — как они её называли — я знала даже меньше, чем все остальные оборотни. Странное чувство, проснувшееся как раз вовремя, чтобы Алина не превратила меня в фарш.

— Что ты теперь будешь делать? — спросила Катка, схватив меня под руку. Я пожала

плечами.

— Помыться бы.

Подружка закатила глаза.

— Ты и вправду решила уйти из клана? — поинтересовалась она. — Сейчас, когда ты как никогда достойна быть среди нас?

Я резко дернулась, посмотрев в упор на подружку.

— Что? — она облизала губы. — Тебе не хорошо, да? Ты так резко побледнела.

— То есть я раньше казалась вам недостойной?

Катя отвела глаза.

— Насть, ну не начинай, а. Ты сама всё понимаешь: одно дело — какая — то приёмная сестра беты, другое — дело пусть и полукровка без способности оборота, но Альфа самка. Знаешь, сколько стай в мире имеют сейчас Альфа — самок?

— Сколько?

— Две. И одной из них не больше пяти лет. — Катя улыбнулась. — Так что ты — уникам. Нашей стае очень повезло.

Я усмехнулась.

— Не повезло. Альфа выгнал меня из стаи.

— Да ты что, — отмахнулась Катя. — Ты даже не думай. Конечно же, Кирилл Владимирович только рад будешь, если ты останешься.

Я рассеянно обвела взглядом окружавших меня оборотней, которые только делали вид, что заняты своими делами. Но большинство из них (и не только оборотни, что находились рядом со мной, но и те, что всё ещё стояли на противоположной стороне круга для поединков) внимательно прислушивались к нашему разговору. Как я это не поняла — не знаю. Может, пресловутая сила Альфы — самки. Вежливые, улыбчивые... они следили за каждым моим движением, слушали каждое моё слово. Надо же, понимающе усмехнулась я, какое сокровище проморгали — а теперь не знают, что делать. Стало тошно. Семья... А была ли она у меня когда-нибудь? Или здесь, в стае, меня всегда воспринимали только как досадную блажь из беты?

— Пошли отсюда. — Тяжёлая мужская рука схватила меня за предплечье. Я почти не сопротивлялась, следуя за Баевым по направлению к главному особняку усадьбы. Клан расступался, приветствуя своего Альфу. Миновав поворот в сторону сада (там ещё имеется восхитительный розарий), мы вышли к дверям дома. Скупое движение руки Кирилла — и вот уже двери особняка открыты, приглашая внутрь.

— Входи, — велел Кирилл, но я заколебалась. И снова жесткая мужская рука, мягко обхватывающая до этого момента моё предплечье, резко дернула. И я оказалась внутри.

Хмыкнув, Кирилл захлопнул дверь.

— Иногда клан слишком утомляет.

— Где мой брат? — брякнула я первое, что пришло в голову. Альфа хмыкнул.

— Невесту успокаивает.

Я вскинулась.

— Невесту?

— Ну ты же сама этого хотела, — улыбнулся Кирилл нехорошей, злой улыбкой.

— Алина — его пара, — объявила я.

— А пара всегда должна следовать за своим волком? — вкрадчиво поинтересовался Баев. Я хотела было подтвердить эту истину, но та моя сущность словно рыкнула, заставив

прикусить язык.

— Я рада за них, — пожав плечами, сообщила я.

— А уж как я- то рад... — Продолжил голосом змея искуителя Альфа. — Ты между прочим лишила меня возможности заполучить в жёны самку с хорошей родословной.

— Вот беда так беда, — согласилась я, качая головой. Кирилл рыкнул и резко притянул меня к себе — так, что моё тело буквально вжалась в его.

— Не забывайся, девочка.

Я задрала голову, чтобы посмотреть Альфе прямо в глаза. Черные непроницаемые для чувств, они прекрасно подавляли мою волю, заставляли забыть обо всём. Я тряхнула головой, чтобы снять наваждение.

Кирилл снова хмыкнул.

— А ты сильная. Сопротивляешься... Но так даже интереснее.

— Ты это о чём? — спросила я, поёжившись. Слишком уж плотоядное было выражение лица у Баева. Я немного попятилась, пока не встретила спиной входную дверь. Кирилл же тотчас оперся о неё руками с двух сторон от моей головы. Таким образом, я оказалась в капкане, из которого невозможно было выбраться.

— О том, про что ты каждый раз забываешь. — Уточнил Баев, наклоняясь и ...нюхая мою шею?

— Мы — хищники. — Выдохнул Кирилл, и его горячее дыхание словно коснулось незащищенного участка моей шеи. — Твой братец сделал самое ужасное и вредное, что мог — воспитал тебя как человека.

— Я и есть человек.

— Нет, милая, — ответ Кирилл. — Ты не человек. Ты — Альфа-сука моего клана. Которую испортил мой беспечный бета.

Я скривилась, услышав последнюю фразу.

— Что? — рывкнул Кирилл, застав меня едва не подпрыгнуть на месте.

— Ну... просто, когда говорят испортил, обычно имеется в виду нечто другое... Ну, у классиков.

Лицо Кирилла внезапно пару раз менялось на пасть оборотня и обратно — а затем он, отведя руку в сторону, пробил кулаком стену.

— Никогда не заводи разговоров об этом, — сцепив зубы, прошипел он.

— Это не мои разговоры, — возразила я. — Андрей всегда был только моим братом.

— С которым вы не связаны кровным родством, — рывкнул, приблизив своё лицо к моему, Альфа. — Который вообще не научил тебя нашей жизни. Придумал сказочку про добрых оборотней, и к чему это привело?

— К тому, что до сегодняшнего дня я была счастлива? — уточнила я на всякий случай.

— К тому, что ты, дура, едва не сдохла там, рядом с этой волчицей. Думаешь, кто —нибудь тебя сегодня там пожалел? Никто.

— Это был мой выбор.

— Который никому, кроме тебя в голову придти не мог. А знаешь почему? — спросил Альфа. — Потому что только ты не понимаешь правил клана. Андрей не только привел человечку в стаю, он ещё и разрешал тебе не бывать на наших наказаниях. Ты была всего лишь досадной помехой клана.

— Тогда ты должен быть счастлив, что выгнал меня.

— Э, нет, милая, — нехорошо улыбнулся Кирилл. — Теперь ты никуда не уйдешь.

Я пожалала плечами.

— Уже ушла.

— Ты или слишком глупая, или слишком наивная, если думаешь, что я отпущу такую суку.

— Я всё равно не могу оборачиваться.

— Да какая разница, — отмахнулся Баев. И тут же громко щелкнул зубами. — Так даже лучше: меньше шансов, что убежишь. Представляешь, какое отличное будущее нас ждет. У меня один из сильнейших кланов в мире, так что тебе, как Альфа-суке будет много работы... но ты не будешь ни в чем нуждаться. Деньги, власть, почёт... всё что захочешь.

Я непонимающе взглянула на Кирилла.

— Это цена моего возвращения в клан?

Рука Кирилла играла с моими волосами.

— Это цена твоего замужества, глупая.

Теперь уже я усмехнулась, отстраняясь.

— Какое — то у тебя непостоянство в невестах, не находишь? Сначала ты выбрал Алину — семья хорошая, много альф в роду; теперь вот меня — Альфа самка и всё такое. А ты не хочешь послушать, чего хотят сами девушки?

— Зачем? — удивился Кирилл, снова привлекая меня к себе. — Вы же ничего путного не надумаете. Та, Степановская сука, ещё знала правила игры. А ты так вообще — даром, что рядом с оборотнями воспитывалась — ничего не знаешь.

— Ты же знал, что Алина любит моего брата.

Альфа пожал плечами.

— Лучшее всегда достаётся сильнейшим.

— Но не в этот раз, не так ли? — улыбнулась я. Кирилл широко улыбнулся в ответ.

— И в этот, милая. И в этот. — Ладони мужчины пробежались по моему телу. С учётом того, что после поединка одежда на мне висела клочьями, кое — где руки касались обнажённого тела. Это походило на откровенное соблазнение, но я стояла словно под гипнозом, не в силах отстраниться или хотя бы дать понять, что мне не нравятся его прикосновения. — Зачем мне какая то неудачница, не способная справиться с человечкой, когда у меня есть прекрасная Альфа самка, которая даже не оборачиваясь, побеждает на поединках.

Тут его руки схватили меня под ягодицы. Слегка приподняв до уровня своего роста, Кирилл принялся целовать меня и я обо всё забыла.

Ровно на время поцелуя.

Отстранившись, Кирилл шумно задышал мне на ухо.

— Пойдем в спальню, милая. Хочу тебя под собой. — Он потянул меня за руку, по пути снимая с меня вещи. — Вечером надо будет ещё метки брачные поставить.

И именно это меня отрезвило. Баев как истинный Альфа решил всё за меня. Расчетливая властная скотина. Захотел — едва не испортил жизнь любящей паре (Алина хотя бы должна была остаться в живых, Андрея Альфа бы вряд ли пощадил), а захотел — и вообще невесту сменил. Вот их сколько по клану ходит — выбирай не хочу.

Ужасно, что я попала в зону его интересов.

Чтобы вырвать руку, пришлось приложить немалые усилия.

— Что? — удивлённо спросил Баев.

Я покачала головой.

— Нет.

— Что нет? — терял терпение мужчина.

— Всё — нет. Не заставишь.

Он нехорошо усмехнулся.

— Прекрати, это простая биология. Мы связаны.

Последнее меня испугало. Он ведь сейчас не говорит про Истинную пару, нет? — Нет конечно нет, — успокоила я себя. — Обратни «своих половинок» чувствуют сразу же, и доли секунды хватает. А Кирилл всё же отпустил меня на бой. Я не могу представить, чтобы кто-то мог отпустить свою истинную пару на верную смерть. Значит, речь о чём-то другом.

— Как, интересно, мы связаны?

— Власть Альфа — суки всегда завязана на Альфе, — пожал плечами Кирилл. — Думаешь, ты сама что — то значишь? Нет, детка, ты всего лишь транслятор моей силы.

И тут я расхохоталась. Наверняка, сказалось нервное напряжение, усталость и все прочие события.

— Ты думаешь, мне так важная какая — то там сила? — продолжала истерично подвывать я. — Да я отлично справлялась без неё. У меня была отличная жизнь.

— Да что ты? — выгнул бровь Кирилл. — И на чьи же интересно деньги?

— Андрей оплачивал мою учёбу.

— И квартиру, и безбедное существование. Пора платить по счетам, дорогая. — Ладонь Кирилла проехать по моему туловищу и больно сжала грудь. — Тебе понравится, вот увидишь.

Меня спасло ещё одно недоразумение, на которые был богат этот день. Петр Иванович, исполнявший в усадьбе работу дворецкого, появившись в коридоре, тихо напомнил Кириллу о совещании «по поводу Востока».

— Иду, — сжал зубы Кирилл, с сожалением посмотрев на меня. — Предупреждаю тебя по-хорошему. И один раз. Не вздумай выкинуть какую-нибудь глупость. Всё — равно пожалеешь.

Я мысленно усмехнулась, стараясь сохранять на лице затравленное выражение. Это, если честно, удавалось мне легко.

Баев хмыкнул, проведя указательным и средним пальцами по моему лицу.

— Моя девочка. — И повернувшись к дворецкому, приказал.

— Покажи ей мою комнату...И одежду надо... Пускай кто —нибудь съездит в город.

Пётр Иванович кивал, мысленно записывая за большим боссом указания. Сколько себя помню, дворецкий всё время жаловался, что такой прекрасный дом стоит пустой, без хозяина — что, на худой конец, можно было бы здесь устроить летнюю резиденцию или хотя бы проводить какие — то праздники. Но у Баева, насколько я знала, с недвижимостью было настолько всё в порядке, что эти владения ему вообще были не нужны. Ну разве что сейчас, когда появилась минутка побывать в городе.

— Настенька, как же вы так, — покачав головой, поинтересовался Пётр Иванович. — Вся одежда в лохмотьях.

— А вы что не в курсе? — удивилась я. — Я же волчицу из другой стаи на поединок вызвала.

— Вам очень повезло, что ваши родовые способности проснулись так вовремя, — снова покачал головой дворецкий. — Иначе стая могла не досчитаться Вас.

— Да прекратите, — отмахнулась я, уже не веря этим красивым словам. — Вы ведь знаете, что стае на меня было наплевать.

— На вас, как на сестру беты — возможно, — кивнул Пётр Иванович. — Даже на вас на волчицу... будь вы даже стопроцентной волчицей с возможностью оборота... Но Альфа самки — другое дело.

— Кто же знал, что я какая — то там Альфа.

Оборотень тяжело вдохнул.

— Кажется, в вашей семье кто-то был с подобными способностями...

— Если и был, то очень давно, — согласилась я.

Дворецкий пожал плечами.

— Иногда и капля нужной крови всё меняет. — Он улыбнулся. — Что ж, самое время отдохнуть. Кирилл Владимирович отвёл вам отличную комнату.

— Саму лучшую, — кивнула я. — Его. А он, простите, где сам остановился?

Дворецкий замер и на минуту замолчал. Петр Иванович дураком не был, и меня знал лет с 13- с тех самый пор, как Андрей рассекретился насчет оборотней. В общем, хорошо он меня знал... И уже догадывался, что я предприму в качестве следующего шага.

— Ну вам ведь всё — равно надо умыться... Как минимум. И ваша брюки, кофточка...

— У вас в доме имеется женская одежда? — выгнула я бровь. Пётр Иванович неуверенно кивнул.

— Наверняка, у кухарки или клининг-персонала есть что — нибудь на смену. Но ведь это не ваш уровень... Вам привезут смену из лучших ближайших бутиков.

Ага, подумала я с циничной усмешкой, только дождись Баева. Фигушки.

Я кивнула и направилась к выходу.

— Настя, подождите, — крикнул Пётр Иванович, поняв всё правильно. — Вы делаете большую ошибку.

— Какую именно? — спросила я.

— Вы ведь уходите...

— А вы предлагаете мне остаться? — не поверила я. — Вы же видели, как он ко мне относится.

— Он не знает вас. — Дворецкий хотя и пытался задержать, но до меня не дотрагивался. Можно сказать, даже избегал этого делать, что наводило на размышления.

— Кирилл Владимирович очень не любит, когда ему прекословят. Вам наверное, сейчас кажется, что хуже уже не может быть, но вы не знаете... Не знаете размаха Кирилла Владимировича.

— Петр Иванович, мой брат вообще — то бета.

— Но вряд ли Андрей Станиславович посвящал вас в дела.

— Да, но... — начала я, но была прервана разговорившимся дворецким.

— Вы не понимаете, как Вам повезло. Как повезло нашей стае. Это ведь такая замечательная неожиданность.

— Что все живы? — спросила я с иронией. — А день начинался так трагично, не правда ли. Альфа, разлучающий любящие сердца... Сестра, выступившая на стороне воспитавшего его брата... Куда там вашему любимому Шекспиру с его страстями.

— Настя! — покачал головой дворецкий. — Вы не понимаете...

— Так объясните.

— Вы думаете, на какие шиши всё это? — Петр Иванович обвёл рукой коридор, посередине которого мы сейчас стояли.

— Клан... — неуверенно заявила я.

Дворецкий согласно кивнул.

— Конечно. Сейчас клан стал получать прибыль от своих вложений. Эксклюзивные курорты для хищников — оборотней, экологически — чистое мясо — не только для оборотней, для всех, у кого есть достаточно денег... но всё это не взялось из воздуха. Вы намного моложе меня и не можете помнить, как мы жили до Кирилла Владимировича.

— Тогда вся страна по-другому жила, — ответила я, впрочем, не очень уверенно. Дворецкий многозначительно улыбнулся.

— И многие улучшили своё положение?

— Что вы от меня хотите? — выдохнула я, понимая, что не выдержу весь разговор целиком. К тому же, кто знает, может это была такая хитрость дворецкого — заболтать меня до возвращения Баева.

— Я просто поясню для Вас, что Кирилл Владимирович не просто наш законный Альфа, не просто Альфа, который подчинил себе несколько разрозненных стай, объединив всё в один большой клан. Он ещё финансовый гений.

— И хам, — закончила я.

Дворецкий дернулся.

— Вы слишком импульсивная молодая леди, — покачал головой Пётр Иванович. — Вам

бы сейчас, Настенька, успокоиться. Полежать в ванной. Помните, у нас ведь отличные бани имеются... Напряжение снимите.

Усмехнувшись, я повернулась к выходу.

— Девочка, не борись с Альфой. Он никогда не проигрывает.

— Повезло. — Отперев входную дверь, я пояснила для дворецкого. — Удачи ему, вашему Альфе. А я выхожу из игры.

Добраться назад до города оказалось намного проблематичнее, чем я полагала раньше. Во — первых, на территорию поместья нельзя вызвать такси. И всё бы ничего — раньше я как-то обходилась без такси — но только остальные оборотни старались держаться от меня подальше. Примерно как дворецкий — заговаривали, хвалили за успешный бой, но даже подружки — оборотницы избегали близкого контакта. Ясное дело, что при таком раскладе спрашивать про поездку — гиблое дело.

Во — вторых, я нигде не могла найти брата. Кто — то мне сказал, что он выясняет отношения со своей девушкой. Честно говоря, если особо поднапрячься, найти Андрея было можно, да только если он с Алиной... я не имела ничего личного против этой девушки... клан, традиции и всё такое... Как бы я должна понимать: оборотни. Но она всё-таки только что с остервенением рвала моё тело. Не могла я сейчас нормально с ней общаться.

Оставалось идти до трассы на своих двоих — но это не один десяток километров. Хотя ранения и затянулись, но я всё — равно не чувствовала себя на отлично: сказывался и стресс, и усталость.

В общем, пользуясь тем, что на территории клана многие не беспокоятся о безопасности своих автомобилей и не включают сигналку (почему-то на сигналку сильно реагируют беременные самки оборотней и малыши), я нашла припаркованную машину Алексея и нырнула вниз заднего сидения, надеясь, что оборотень не полезет туда по какой —нибудь необходимости.

Я точно устала, потому что забыла про самое главное, чем, кстати, очень гордятся оборотни: про их феноменальный нюх.

Я лежала, не шевелясь, около получаса, когда водительская дверь открылась, и друг брата завёл машину. Алексей, как ни в чем не бывало, включил радио, выехал со стоянки и, насвистывая бодрый мотивчик, повёл машину в сторону города. Ещё минут через десять он сообщил, громко хмыкнув:

— Вылей уже, мы выехали с территории поместья.

Я тут же переползла на сидение.

— Как ты догадался? — спросила я. Увидев большие глаза Алексея, хлопнула себя по лбу. — Ну, да... вы же всё чувствуете...

Леша хохотнул.

— Очень устала, да?

Я кивнула.

Мужчина посмотрела на меня через зеркало заднего вида и тихо заметил.

— Я тебя предупреждал.

— Да понимаю я всё, Леш, — я пожалала плечами. — Выбора то всё равно не было.

— Получилось даже лучше, чем я надеялся.

— Ты и правда думал, что смогу выстоять против Алины?

Алексей невесело усмехнулся.

— Я думал, что она, в конце — концов, откажется. Драть члена семьи — сестру, пусть и

не кровную, своего суженого — слишком даже для оборотней.

— Она выполняла приказ отца, — пожала я плечами.

Алексей замялся.

— Ей ведь не обязательно было доводить дело до... ты понимаешь. А она это делала, даже не реагируя на твоего брата. Да и мы тоже хороши — тут Алексей ответ глаза, — всё этот идиотский регламент поединков: нельзя вмешиваться. Но мы должны были вмешаться!

— Я видела безумные глаза Андрюшки во время поединка, — поделилась я своими воспоминаниями.

— Он никак не мог дозваться Алину, — кивнул Алексей. — Она как будто его вообще не слышала.

— А это что, так странно? Она же со мной ... воевала.

— Свою пару ты в любом случае должен услышать. А она вообще никак не реагировала.

— Ментальное принуждение Альфы? — спросила я. Алексей пожал плечами.

— Это рядом с нашим — то... Не смей мои пломбы. Но ты права, этот Степанов что — то темнит.

— Он ведь не сможет больше помешать им, правда? — Я тревожно взглянула на Алексея. — Брата уже не разлучить с его парой.

Алексей пожал плечами.

— По крайней мере, он сейчас с ней. А как дальше будет — выясним. И, — тут Алексей знатно хмыкнул. — Ты бы лучше о себе подумала, честное слово. Так попасть с Альфой.

Гадкий оборотень заржал. Как конь. Или пес — переросток с замашками кобылы.

— Будешь смеяться — стукну, — предупредила я, и так как Алексей и не думал замолкать, нацелилась на него своим кулаком... Но оборотень тут же дернулся — машина дернулась вслед за ним, вильнув по дороге. Смех тот час же прервался.

— Настя, не надо, — попросил Леша, опасливо глядя на меня через зеркало. — Не дотрагивайся до меня.

— Это почему?

— Я хотя и доверенное лицо беты, но, знаешь ли, воевать со своим Альфой не хочу.

— И не надо... — я замерла, ожидая пояснения. Леша тяжело вздохнул.

— Он теперь любой запах на тебе он почувствует. Даже для самок это не безопасно, а уж про нас, мужиков, и говорить не приходится.

— Ничего не понимаю... — Я непонимающе уставилась на Алексея. — Это всё из — за того, что я оказалась тоже какой — то там Альфой?

Друг брата отвел глаза, словно не желая говорить мне правду.

— Не какой — то, а очень важной для клана, — выдохнул он через минутную, паузу. — И вообще, я сейчас на преступление иду, вывозя тебя с нашей территории.

— Как же ты на такое решился — то, бедненький, — поинтересовалась я участливо. Леша улыбнулся.

— Ну ты же сама ко мне в машину забралась. А запах твой я не почувствовал, так как вез тебя сюда тоже я. Запах мог просто не выветриться.

— Слабое оправдание? — полуутверждая — полуспрашивая, заметила я.

Алексей пожал плечами.

— Какое есть. Я и так перед тобой виноват. И перед Андрюхой.

— И что теперь будет?

Леша пожал плечами.

— Понятия не имею. Такое на моей памяти происходит в первый раз. — Алексей поинтересовался: — Я тебя подкину к Андреевой квартире, ты не против?

Я пожала плечами.

— Вообще — то, мне кроме его дома и идти некуда. Да и сумка моя там... Ты считаешь, я могу Андрею сейчас помешать?

— Да ты что! — воскликнул, качая головой, Алексей. — Конечно же нет. Я так, к слову спросил.

Уже прощаясь перед подъездом, я вдруг вспомнила самое важное, что хотела спросить у...гм... независимого источника.

— А ты знаешь, кто такие эти Альфа — самки? — спросила я, обернувшись к другу брата. У Лехи отпала челюсть.

— Т...то...то есть ты до сих пор не знаешь? — уточнил он на всякий случай.

Я кивнула.

— Я сегодня об этом впервые услышала.

— Ох... ну в общем... слушай, а может ты брата своего дождешься, он тебе лучше всё расскажет? — с надеждой в голове поинтересовался Алексей. Я покачала головой.

— Не-а. Ему сейчас не до меня.

— Ну Насть...

— Рассказывай.

В общем, ничего особенно нового я так и не узнала. Ещё подростком, при брате — бете клана, я изучила все эти особенности деления стаи на правящую верхушку — и «народ». У оборотней общество устроено очень иерархично: как бы ты ни стремился, но если в твоей крови нет ничего от Альфы, вожаком ты не станешь. С другой стороны, те же Альфы бывают очень разными — к примеру, наш Альфа выиграл как минимум с десяток поединков против других Альф, и как рассказывал брат, не особенно при этом напрягаясь. Клану вообще с Баевым повезло. Правда, мне — нет, но это уже отдельная история.

Итак, что касается Альф — самок. По своей природе, оборотни очень патриархальны: в основе общества самцы, и все эти прибабасы с Альфами-Бетами тоже преимущественно затрагивает только самцов. Одно небольшое но: иногда появляются Альфа — самки.

Когда Алексей всё это рассказывал, я так и не смогла понять — почему возникло такое изумление насчет самки с силой Альфы (как то неприятно думать о себе, упоминая термин «самка», но что поделать, это оборотни — они не церемонятся).

— Я же тебе уже рассказывал, что истинные пары у нас встречаются крайне редко. — Покачал головой Алексей. — И это сокровище, дар, на который все надеются, которого все ждут.

— Ну, — кивнула я. — Ты упоминал про это.

— А что я тебе говорил про договорные браки, браки по уговору? — спросил Алексей, приподняв бровь. Я хмыкнула.

— Ну... что они пристойны. Вроде как на безрыбье и рак рыба.

Алексей закатил глаза.

— Слушай сюда, болезная. — Леша скривился, словно не хотел об этом рассказывать. — Если оборотень не может найти свою пару, а положение обязывает... и имеются возможности — это тоже надо учесть, иначе самки и их семьи не поведутся — тогда и устраиваются эти браки по уговору. Понимаешь, простой оборотень редко достигает возможности получить самку в такой брак. Слишком дорого — ни одна женщина не станет жить с нелюбимым за так. Так что все мы ждём своих истинных самочек. Альфы же живут по совершенно другим принципам.

— Почему так?

— Им надо стаю кому — то передать. Вот как нашему Альфе. Ему уже за 35, знаешь ли... Вот он и присматривает сильную самку. Алина была идеальной кандидаткой — из семьи альф, сильная волчица. Такая вполне может нескольких сильных щенков принести. И кто знает, может, среди них и окажется один Альфа. Только вот во время вашего боя выяснились совершенно потрясающие подробности.

— Знаешь, — усмехнулась я. — А ты так и не объяснил, кто такие Альфа-самки.

— Да про них особенно много не говорят, — пожал плечами Алексей. — Сама понимаешь, какая вы редкость. Но если всё очень просто, то у тебя есть Альфа сила, которая заставляет всех членов стаи слушаться.

— Ого, — не поверила я. — То есть любой оборотень станет выполнять мои приказы?

Алексей скорчил забавную рожицу.

— Не любой, конечно, но в принципе — да. Особенно большое влияние Альфа — самки, как ты понимаешь, имеют на других самок клана.

— То есть моей силы хватает только на женскую половину клана — и всё? — огорчилась я.

Алексей хмыкнул.

— Что касается самцов — то тут всё немного сложнее. Многим будет трудно «не слышать» твой приказ, но вот исполнять его они не обязаны. — Алексей решил уточнить. — Пока ты не связалась с Альфой. Метка Вожака добавит тебе силы. А ему принесёт гарантированное альфа — потомство.

— Откуда такая гарантия?

Алексей закатил глаза.

— По законам Менделя. Слышала про такие?

— Эй, я вообще — то на провизора учусь.

— То есть должна была слышать? — уточнил Алексей. — Если мама имеет набор генов, и папа имеет тот же набор генов, то детям деваться некуда — только рождаться Альфами.

Я испуганно отстранилась от машины. Каждый Альфа мечтает об сыновьях Альфах, каждый Альфа мечтает передать власть родному сыну, а не троюродному племяннику с более сильной кровью. Каждый Альфа мечтает об этом.

— Он ведь не отступится, да? — уточнила я у Алексея. Друг брата покачал головой.

— Прости, Настасья.

— И что мне теперь делать?

— А что ты до этого хотела? — поинтересовался Алексей.

— Вообще? Закончить институт, пойти работать... всё как у всех.

— Как у всех, у тебя точно не будет, — обрадовал меня Алексей. И, помедлив, тихо произнес.

— Не верь никому, Настя.

— О чем ты? — я быстро подняла на него глаза, пытаюсь глазами поймать взгляд Алексея. Но оборотень старательно смотрел в сторону.

— Никому не верь, — повторил он с ударением на первое слово. — Даже мне.

— Почему?

Алексей усмехнулся.

— Ты ещё не поняла? Мы — оборотни настоящие животные. И беспрекословно слушаемся своего вожака. — Леша сделал небольшую паузу. — То, что я тебе сегодня немного помог ни о чем не говорит. Поняла?

Я кивнула, не в силах что либо ответить.

— Прости, девочка, — вместо прощания, произнёс Алексей. — Мы — не плохие. Мы просто другие. И тебе надо как можно быстрее учиться разделять свои домыслы с реальностью.

На этой ноте мы распрощались.

Я вошла в пустую квартиру, которую впопыхах покинула ещё утром. Грязные лохмотья вместо одежды дико раздражали. Закрыв слив ванной затычкой, я покопалась в средствах брата: разгуляться, естественно, было негде, поэтом и пришлось использовать его гель для душа как пену для ванны. Ну ничего, главное — что пенится. Да и запах мне понравился.

Стянув с себя вконец испорченные джинсы и футболку, я сразу выкинула все вещи в мусорное ведро. Джинсы, между прочим, были моими любимыми — теперь ещё надо будет покопаться, чтобы найти хотя бы приблизительно такие же, да ещё по нормальной цене. Обычно я выжидала сезона больших скидок или ездила по аутлетам — там и вещи хорошие,

и цены вполне по карману.

Пока лежала в ванной, попыталась набрать на сотовый Андрея — где он, что с ним. Брат не отвечал, и это меня беспокоило. Ведь у него должно быть всё хорошо, не так ли? А я сама... я пыталась решить, что делать дальше. Судя по всему, Баев так просто не отцепится: сильный Альфа с сильной жаждой гм... размножения. И ведь надо же так было попасть: всего три Альфа-самки... Если бы не эта «уникальность», забыл бы он про меня уже через минут пятнадцать. Но не сейчас. Эти оборотни просто помешаны на своих генах — и каждому хочется получить более сильное потомство.

А может, подождать, пока Баев встретится со своей парой? Ведь это же должно когда-нибудь произойти, даром что ли он по миру разъезжает... Бедная девушка, которой он достанется в истинную пару. Если уж он меня так подавляет — только из — за того, что я «подошла под его критерии», то что уж можно предположить об истинной паре?

Вода в ванной успела остыть, пока я мучилась сомнениями и догадками. Как жаль, что в ванной не возможно просидеть целый день... Несмотря на приятное чувство расслабленности, пора было возвращаться в «большой мир». Да и желудок протестовал против неожиданно долгой голодовки. Усмехнувшись своему отражению в запотевшем зеркале, я вытащила с нижней полки под раковиной белоснежное банное полотенце. Моё, между прочим. Андрей, не смотря на то, что я уже три года постоянно жила в Москве, по-прежнему хранил мои вещи на своих местах. Мой любимый брат. Я вздохнула, надеясь, что у Андрея сейчас всё хорошо.

Закутавшись в полотенце, я спустила воду, и, откинув мокрые волосы назад, вышла из ванной. Никто не встречал меня со словами: ну где же ты, енот-полоскун, картошка уже давно стынет на столе; никто не беспокоился: просуши волосы феном, тут холодно; никто не интересовался с ехидцей: ты как, насовсем, или опять какой —нибудь крем забывала?

Обычно я забывала скраб для тела или маску для волос... в общем, крем, как называл это братец, который только кривился, когда я объясняла ему разницу между косметическими средствами.

Шлепая босыми ногами по паркету, я проскочила мимо входной двери к своей комнате, прихватив с собой лежавшую в коридоре сумку с вещами. Хотя, у меня и в шкафу достаточно вещей — выберу что-нибудь. Я вспомнила про зеленые брючки — самое то для теплой погоды. А уж футболку выбрать — вообще без проблем. Залезла в шкаф, перебирая вещи, пока не наткнулась на то, что искала. Перекинув полотенце через дверцу шкафа — где зеркало — вытащила из сумки чистую смену белья. И замерла.

На кровати, не отрывая от меня горящего взгляда, разлёгся Баев.

Схватив влажное полотенце, я прикрылась, насколько смогла, тут же вжавшись в гардероб. А Альфа продолжал наблюдать.

— Прекрасный вид.

— Что ты здесь делаешь?

Мы заговорили одновременно, при этом в моём голосе позорно слышались нотки паники; в его — только сила и...нетерпение. Ой, мамочки.

В ответ на мой вопрос, Баев пожал плечами.

— Разве не ясно: тебя жду. Ты полностью восстановилась после боя?

Я кивнула.

— Да. Только тонкие белые шрамы остались.

— Это хорошо, — хмыкнул очень довольный Баев. — Регенерация Альф работает

хорошо.

Честно говоря, я в первый раз слышала про подобное. Про оборотней в целом — да, их регенерация значительно превосходит регенерацию человеческого тела. Но чтоб у Альфы были какие — то сильные отличия...

— Откуда тогда у тебя этот шрам, — кивнула я, имея в виду кривую линию на виске Баева. — Если у Альфы такая прекрасная регенерация...

Мужчина усмехнулся, всё так же продолжая не спускать с меня глаз.

— Ты вовремя не залечила.

Я, забыв про полотенце, удивлённо уставилась на Альфу.

— Что? — переспросила я. — А я тут причем? Ты же сам Альфа.

Баев усмехнулся — весело так усмехнулся, по-доброму.

— Девочка, Альфы — прекрасные бойцы, но никак не целители. Для этого есть Альфа — суки.

Теперь я уже не скрывала своего удивления.

— Ты хочешь сказать...

Баев кивнул.

— Лечат только Альфа — суки. — Кирилл развел руками. — Если бы все Альфы имели такие возможности, то, я думаю, наши поединки затянулись бы не на один день. И, кстати, при тех ранах, что тебе нанесла Степановская сучка, ты бы не выжила без своей силы. Даже регенерации оборотня иногда недостаточно.

Я прижала трясущуюся руку к груди.

— Почему у мне никто об этом не рассказал?

Баев пожал плечами.

— Про Альфу — сук особенно не распространяются. Это ведь почти сказки.

Я кивнула, принимая ответ. Возможно, ни дворецкий, ни Леша не знают правды об Альфа — самках. Я же тоже не знала, при брате — бете.

— Ты знаешь, где сейчас Андрей? — спросила я, переживая за старшего брата.

Кирилл неопределённо махнул рукой.

— Решает свои проблемы.

— С Алиной.

Баев усмехнулся.

— И с ней тоже.

А потом, резко поддавшись вперед, в мгновение ока оказался рядом со мной.

— Чужой запах на тебе сводит меня с ума, — рыкнул он, срывая полотенце, которое я пыталась удержать пальцами, локтями... — Девочка, не сопротивляйся мне.

Голос изменился. Я ещё никогда не слышала такого низкого, рычащего голоса. Подняв взгляд, я заметила, насколько изменилось лицо Баева: желтые звериные глаза светились сейчас на смуглом волевом лице. Он, кажется, едва себя контролировал.

— Я только помечу, — зашептал он, путешествуя руками по моему телу. — Только сотру чужой запах. Только метка. Только...

А я уже поддалась панике, стараясь отбиться, прекратить нескромные, назойливые прикосновения. Наконец, Альфа громко рыкнул, и потащил меня на кровать. Я плакала, извивалась, но Баев держал меня крепко, не выпуская, не ослабляя своего захвата. Так, не двигаясь, замерев на кровати, мы пролежали несколько часов. Я плакала, Баев рычал — его глаза продолжали ненормально светиться, а на лице ходили желваки. Наконец, он выдохнул,

отпуская меня.

Я обрадовалась, поспешно отползая в сторону. И тотчас сильная челюсть оборотня сомкнулась на моём плече.

Я до сих пор стараюсь не вспоминать те дни. Даже спустя год. Не вспоминаю. Боюсь.

Наверняка, некоторые, особенно «злые» на меня оборотни скажут, что это, мол, простая человеческая слабость — по сути ведь, ничего необычного не произошло. Сильный оборотень (Альфа же, как иначе) пометил своей меткой самку, которую выбрал. Да для Альфы самки сами подставляют шеи, прыгая от радости до потолка! А тут какая — то странная реакция.... Хотя чего ещё ждать от человечки?

До меня доходили подобные сплетни, которыми гудел клан, но всё что я могла — задирать вверх свой нос и делать вид, что эти сплетни меня не касаются. Эй, я ведь уже не в клане — делаю, что хочу. Хотя они, конечно, правы, а я ...Я ведь даже никогда и предположить не могла, что обряд метки может произойти со мной. Во мне всегда было «слишком много» от человека, чтобы жить по законам оборотней.

Андрей однажды спросил у меня: почему я так отреагировала на укус Альфы — ведь Алина кусала меня значительно больше, да что там: как сказал тот же Баев, без моей новообретённой силы я бы не выкарабкалась. Так почему после боя с Алиной со мной всё было в порядке, а после метки Баева всё сразу пошло наперекосяк?

Я честно не знала, что ответить брату. Кто её разберет, эту человеческую психику, почему одно закаляет нас, делает твёрже, а другое, пусть и не такое страшное и сложное, ломает, как сухостой на ветру.

Баев меня сломал.

Наверное, я слишком намучилась и испереживалась за тот день: сначала меня снедала тревога за Андрея — бросить вызов Альфе, это ведь гарантированное самоубийство; затем был поединок с Алиной — я, во время этого поединка, когда волчица с наслаждением рвала меня на части, мысленно прощалась с братом, беспокоясь только об одном — не о своей дикой боли, не о кровожадности избранной пары брата — я беспокоилась, что все мои испытания будут напрасны. Как только я проиграю, Андрей начнет свой бой с Альфой... и исход этого боя был заранее предопределён. Тогда всё, что сделала я, окажется тщетным и пустым, а брат присоединится ко мне там, за гранью. Я смотрела в глаза брата, и уже видела в них приговор нам обоим.

А потом случилось что — то хорошее — необъяснимо неожиданное, но давшее мне не только способность одолеть Алину в поединке, но и стать «нужной» для клана. Я всегда любила клан и оборотней, которые тепло относились ко мне, но я никогда не была в «центре событий». А ведь после победы над Алиной не только Альфа, но и присутствующие оборотни внимательно следили за мной. И, наконец, Баев... Я не сильно испугалась, когда он оказался в квартире Андрея. Конечно, неловко встречать чужого мужчину не одетой, прикрытой лишь одним полотенцем, но, во-первых, оборотни по другому относятся к наготы. Девушки, как и парни, дома по вечерам не сидят, целибат не блюдают — девиз оборотней «что естественно, то не стыдно». Даже наоборот, покрасоваться перед Альфой своим телом — да любая бы воспользовалась.

То, что Альфа заявился без спросу в квартиру Андрея — то же, в принципе, ничего особенного. Альфа — не просто глава и вожак, он фактически владелец всего, что находится в клане. Это примерно, как раньше в средневековье всем владел феодал, который распределял все «блага» по своим вассалам. В общем, тогда меня Кирилл хотя и напугал, но

это было «нормально» страшно — я, конечно, не мечтала встретить Альфу, выйдя из ванной, но куда деваться, если ему приспичило со мной поговорить. А вот его нервозность насчет запаха меня испугала сильнее. Леша сказал, что Баев теперь будет чувствовать всех, кто ко мне прикоснётся... Я вспомнила, как после поединка меня схватила за руку Катерина, и в машине Алексея я провела прилично времени. То есть, я «подставила» кого-то из них?

Баев обманул меня в итоге. Сначала заставил поверить, что всё закончилось — он успокоился и отпустил меня, разрешив выдохнуть от скопившегося напряжения. Я только — только приготовилась перевести дыхания, как он бросился на меня, разрушив все барьеры, сломав мою волю, моё сопротивление — уничтожив своим натиском всё, что было возможно. Я не волчица и никогда ею не была, мы (по понятным причинам) никогда с братом не заговаривали про метки — да и у других оборотней я не спрашивала — даже у подружек — предполагая, что брачная метка — слишком личное, чтобы делиться об этом с другими. Наконец, несмотря на возраст, у меня ещё не было интимных отношений — и это была ещё одна причина, почему я не интересовалась про метки. Оборотни, как и представители непосредственно волчьего племени, не особо утруждали себя «ожиданием».

Все эти мысли, смешавшись и перепутавшись, вихрем пронесли у меня в голове, едва только зубы Баева прокусили мою кожу. Испугавшись, я понимала, что Альфа — не бедная самка из другой стаи, ему невозможно сопротивляться. Мне повезло — благодаря пробудившейся силе, Баев не мог принуждать меня ментально, но физически он был значительно сильнее меня. И намного опытнее. Я только несколько раз барахнулась в его руках — но Баев, который вознамерился поставить «правильную» метку, крепко удерживал меня на месте. Я же чувствовала его тело, чувствовала его мужское возбуждение и плакала, умоляя отпустить. А потом поняла: сопротивление не поможет. Он так или иначе добьется своего: мне не выстоять. Так стоит ли переживать, когда переживать не стоит?

Ниоткуда пришла потрясающая по своей простоте мысль: он не сможет меня заставить. Нет такой власти даже у Альфы. Единственное, что он может взять — тело. А тело — это ещё не вся я. Пусть берет тело, если ему так надо, а я спрячусь. Далеко — далеко, где меня никто не найдет.

Я не помню, что было после этого. Смутные воспоминания больницы, какой — то палаты, рев Баева, вопрошающего «что случилось». Я слышала невнятные бормотания врачей, чувствовала редкие уколы шприца... А всё остальное скрывала мягкая, спасающая темнота. Укрывшись ею, словно теплым одеялом, я перестала реагировать на всё.

Пока не услышала голос Андрея.

Брат рассказывал мне последние новости, обещал большой сюрприз — и гладил по рукам. Я чувствовала это — чувствовала проникающее от него ко мне тепло. По началу, вместе с появлением брата откуда — то поблизости доносился утробный рык — низкий, предупреждающий рык опасного существа. Рык со временем сделался тише, а брата я слышала всё громче и громче. Андрей рассказывал мне, что я пропустила уже целую неделю, валяясь в больнице без дела. Такими темпами, я пропущу сессию и завалю учебный год. Он рассказывал что — то ещё — я точно не помню, что именно — его голос сам по себе успокаивал меня, подбадривая... И наконец, я решила приоткрыть теплое одеяло пустоты.

— Настька! — завопил Андрей, когда я, открыв глаза, непонимающим болванчиком смотрела на усталого брата. Он тут же кинулсяне ко мне, а за дверь палаты!

Правда, когда я услышала его истошный крик, требующий внимания всех врачей, сразу успокоилась: Андрей в действии.

Через пару минут возле моей кровати и в самом деле столпилось несколько человек медработников, плюс назойливый брат, который не выпускал меня из поля своего зрения. Врачи только охали, разводили руками, объясняя всё чудесами психики.

— Тут сложный случай, — поправив очки, заметил седоволосый доктор. — У пациентки идёт перестройка организма сразу на нескольких фронтах. Вот психика и не выдержала. Вы понимаете, насколько это уникальный случай: мало того, что практически человек — при этом сильная Альфа — самка.

— Мой коллега совершенно прав, — кивнул Андрею ещё один врач помоложе, с более темными волосами и темной же бородкой. — Насколько мы могли заметить, реакция Анастасии на стресс...

Брат, стискивая мои руки, преданно кивал эскулапам.

— Следует провести дополнительные исследования, мы возьмем анализы на...

Тут я испуганно дернулась, и брат тотчас же насупился.

— Поговорим об этом чуть позже.

— Конечно- конечно, — согласился седовласый, продолжая шёпотом надиктовать своему коллеге или ассистенту предстоящие манипуляции. Я скосила глаза на Андрея и, тяжело вздохнув, поделилась.

— А слышу я как оборотень.

Андрей кивнул, немного сбитый с толку этим заявлением. Зато врачи поняли всё как надо. Седовласый врач тут же прекратил своё бурчание чернобородому и радостно посмотрел на меня.

— Да что вы говорите? — удивился он, радостно уточняя. — И когда это проявилось в первый раз? Сейчас, после выхода из комы?

Тут меня по — новой потрянуло.

— А я что....была в коме?

Врач пожал плечами.

— Вы были без сознания, большинство систем организма работали в заторможенном состоянии... Милая девушка, — заметив мой страх, доктор прервал своё научное повествование. — Не стоит так пугаться комы. Кома — это всего лишь сон, правда, глубокий сон, но он случается достаточно часто...

— ...особенно у людей, — хмыкнул чернобородый.

— ... поэтому не стоит так переживать.

— Особенно у людей, да? — спросила я совсем не по-доброму, с ехидцей посмотрев на молодого врача. Откуда во мне это взялось — понятия не имею: какой — то сарказм вперемешку с уверенностью в себе... В собственных силах.

Врачи тут же дернулись и словно застыли, а чернобородый так вообще аж побледнел.

Андрей похлопал меня по руке.

— Спокойней, Настюш, никто не хотел тебя обидеть. — Брат усмехнулся. — Надо же, а

я не верил, что метка может настолько транслировать силу.

— Какую силу? — не поняла я. — О чём ты?

— О том, что Баев очень постарался, нанося тебе метку.

— Да такое раз на миллион возможно, — встрял чернобородый. — Простите, Альфа, мы не хотели Вас обидеть. Вы ведь понимаете, люди слабее оборотней.

Я кивнула, прикрывая глаза. Отвечать не хотелось. Правда, она конечно правда, да только я уже устала слушать о том, какие несовершенные люди.

— Так что с меткой? — поинтересовалась я немного погодя.

Андрей растеряно посмотрел на докторов.

— Что скажите?

— Ну... Видите ли, Настя... Как Вы, наверно, хорошо знаете, мы живём по другим законам.

— Ага, наслышана, — согласилась я. Доктор кивнул.

— Так вот, у нашей расы... хм... народа нет ЗАГСов... Конечно, официальную регистрацию никто не отменял, но она не обязательна. Важен другой обряд — обряд нашей расы.

— Как ниях у мусульман, — кивнула я. — И что там с этим обрядом?

— Собственно, установление метки на теле супруга — и есть весь обряд. Никаких свидетелей не нужно — метка, которая остается на теле пары до конца жизни — сама по себе свидетель.

Я, заметно дернувшись, перевела взгляд на брата.

— То есть метка не просто намерение ... — Стало доходить до меня. — Это можно как — то отменить?

Брат покачал головой.

— Нет, Настя. У нас это происходит чуть ли не на гормональном уровне.

— Как раз на гормональном, — возразил чернобородый. — Слабые метки возможно убрать, «стереть» — но уж точно не Вашу.

— И что теперь? — я растеряно смотрела на брата и врачей.

— А ты не хочешь послушать дальше? — мягко спросил меня Андрей. Я кивнула, снова переведя взгляд на доктора.

— В общем-то, обычно метки не играют такой уж большой роли в жизни оборотней: истинные пары и так всю жизнь друг за друга держатся. А если союз заключен по уговору, то, уверяю вас, найдется не одна важная причина, по которой пара не расходится.

— Обычно, насколько я знаю, метка — вещь парная, — поинтересовалась я.

— Это так, — кивнул седоволосый врач. — Но ваш случай вообще не типичный. С одной стороны, обряд не заверён, потому что Вы не сделали свою метку, с другой — судя по всплескам Альфа силы, ваша метка уже завершена.

— Аааа... — выдохнула я с облегчением. — Так может всё дело в том, что я сама Альфа?

— Настя, — тихо позвал меня Андрей. — Сила Альфа — сук никак не может влиять на оборотней мужского пола.

— А твой друг сказал, что может, — не поверила я.

— Кто тебе такую небылицу нес, — усомнился Андрей. — Лешка что — ли? Я кивнула.

— Он.

— У него одна из прабабок вроде как была Альфа — самкой, вон он теперь и вещает,

где какие слухи услышал, — хмыкнул Андрей. — Альфа — самки влияют и подчиняют себе только сук стаи. А мужскую часть клана — только при наличии полной метки с Альфой.

Брат выжидающе посмотрел на меня.

— Понимаешь, о чём я? Ты повлияла на врачей.

— Это ничего не значит. — Испуганно воскликнула я. — Ведь этому может быть какое — то другое объяснение. Ведь ваших этих Альф — дамочек кот наплакал. Может, просто не всё изучили?

— Вы правы, это огромное поле для нашей работы, — согласился главный из врачей — тот, что седовласый. — Я надеюсь, что в будущем мы станем видеться с Вами намного чаще.

— Зачем это? — дернулась я. Доктор улыбнулся.

— Может, подчинять мужчин Вы и не можете — но лечить их с Вашей силой проще простого. Недаром Альфа — сук в старину хранительницами кланов считали.

Я автоматически продолжала кивать врачам, думая о своём. Неужели Баев каким — образом обошёл мою метку? Получается, для официального «брака» достаточно только «его части». Я вытянула руку, чтобы дотронуться до укушенной ключицы: на плече уже и следа не осталось от раны. За неделю всё заросло... Я водила пальцами по оголённой коже, нащупывая тонкие, едва ощутимые шрамы.

— Ты же понимаешь, что он от тебя не отстанет? — спросил Андрей, когда врачи вышли из палаты.

— А ты понимаешь, что я никогда не соглашусь с ним жить.

— Настя, — выдохнул Андрей. — Всё не так просто. Он не просто дикий оборотень, покусавший тебя, потому что ты ему внезапно понравилась. Он глава одного из влиятельных кланов мира — и, поверь мне, не будучи оо-чень сильным Альфой, удержать такой клан просто невозможно. А он не только удерживает, но и постоянно расширяет его.

— Рада за Альфу и клан.

— Ты может ещё не понимаешь, но ему каким-то образом удалось обойти твоё участие в обряде, — вздохнул Андрей. — В тебе чувствуется его сила... И сейчас ты совершенно точно подавляла врачей его силой ...

— Интересно, а его настроение я могу чувствовать? — спросила я, внезапно вспомнив про неприятные ощущения перед тем, как врачи покорно замолчали.

Брат бросил на меня быстрый взгляд, ничего не ответив.

— Андрей, — протянула я, требуя ответа. Брат пожал плечами.

— Я про такое слышал... но там были совсем другие условия. Метка, пара... — совсем всё иначе.

— Хорошо, и что мне прикажешь делать? — спросила я, откидываясь на подушки. — Я себя с Альфой не связывала, я не давала согласие на метку — да я вообще уже не числюсь в рядах клана. Какой с меня спрос?

— Настя, ну ты же понимаешь, что все твои отговорки не стоят и выеденного яйца.

— Не понимаю!

Андрей тяжело вздохнул.

— Не разочаровывай меня, сестрёнка. Когда я рассказал тебе правду про оборотней, я неволил тебя входить в клан?

— Нет, — замотала я головой. — Ты говорил: подумай хорошенько.

Если говорить честно, то Андрей практически отговаривал меня от вхождения в клан... Мол, эта не та часть его жизни, где мне обязательно надо быть; что мы в любом случае брат

и сестра, независимо от клана. Брат провёл со мной длинную беседу, подготавливая к первому посещению клана. Так что, впервые приехав в поместье Альфы, я уже знала, что действительность намного суровее всех придуманных мифов и фантастических историй.

Андрей смотрел на меня с угрюмой решительностью. Интересно, чего в нём сейчас преобладало больше: любви к сестре или чувства долга к Альфе? Как бета клана, брат был особенно заинтересован в том, чтобы Альфа оставался «в духе» — тогда у клана не будет проблем... ну или во всяком случае, не будет проблем с решением этих проблем.

Я понимала, что в настоящий момент на карту поставлено значительно больше, чем кажется на первый взгляд. Под влиянием Альфы, брат может запросто от меня отказаться.

— Андрей, — спросила я тихо. — Что же мне делать?

Андрей тяжело вздохнул.

— Ты же понимаешь, я не могу давать тебе советы, идя тем самым против клана и Альфы. — Он схватил меня за руку, заглядывая в тоже время в глаза. — Ты же это понимаешь, правда?

Я кивнула.

— Не самое приятное чувство, знаешь ли.

— Молчи. Лучше бы я подох в то утро — заявил Андрей. — Быстро и без проблем. А теперь всю жизнь мучиться, зная, на что я тебя обрёл... Насть, он ведь не просто сильный Альфа, он очень сильный. Даже я не могу ему сопротивляться. Опять же, власть, связи, деньги... И не забывай главного — законы оборотней на его стороне.

— Какие законы? — спросила я, немного удивившись. — Он ведь официально выгнал меня из клана.

— Это единственная твоя возможность сохранить независимость. — Подтвердил Андрей. — Свидетелей на поединке было много, так что формально ты в своем праве.

— Но? — почувствовав подвох, поинтересовалась я.

— Но на тебе явно активная метка. Даже при отсутствии парной метки на Альфе, твоей активной метки достаточно для определения вас как пары.

Я хотела было возразить, но тут в палату вбежала полноватая женщина в одежде медсестры.

— Простите... Бета, — она обратилась к Андрею, — Сергею Леонидовичу срочно нужна помощь вашей сестры.

— Она ещё не здорова, — рыкнул Андрей, отчего женщина мгновенно стушевалась. — Да, я знаю... Но ситуация...

— Анна Константиновна, вы хотите сами перед Альфой отчитываться?

Женщина даже попятилась от ужаса.

— Нет. Конечно, нет. Я передам Сергею Леонидовичу, что...

— Да что случилось-то? — встряла я, непонимающе глядя с одного на другого.

Андрей раздражённо пожал плечами, а вот медсестра, напротив, подобралась, и тут же затараторила.

— Там молодая пара. Оборотень приревновал свою жену, порвал её. Сильно порвал. Она и так полукровка — практически без способностей восстановления, так ещё и такие раны... Бедная девочка... Ох, вы бы это видели. Жалко — молоденькая совсем. Да и парень, если она не выживет, не жилец — такое натворил. Убивается он сильно, да разве можно что — то исправить?

— Я могу помочь? — спросила я, обернувшись к Андрею. Брат прикрыл глаза, выражая

согласие. — Как мне тогда это сделать?

— Да вы не бойтесь, Настя, — всплеснула руками медсестра — оборотень. — Вам Сергей Леонидович подскажет.

Кивнув, я села на кровати, спустив ноги на пол. Меня тут же заштормило от слабости — сколько там я провалялась без сознания — но выбора всё — равно не было. Врач не послал бы за мной просто так. Значит, придется потерпеть.

— Вас поддержать? — правильно оценив мои усилия, спросила медсестра. Я кивнула.

— Как — нибудь доберемся.

Андрей покачал головой.

— Настька, ты не исправима. Тебе самой отлёживаться надо, а уже спешишь спасать мир.

Я улыбнулась (криво — от слабости) и подмигнула брату.

— Я же теперь в вашей команде супергероев, надо держать марку.

— Тогда пока ты будешь спасать мир, я принесу тебе чая с бутербродами.

— С лимоном.

— Бутерброды? — наигранно удивился брат. Я закатила глаза.

— Чай. А бутерброды с сыром.

— Если найду, — кивнул Андрей, но я была уверена, что он найдет это в любом случае.

Только сейчас, выйдя за дверь палаты, я осознала, насколько эта больница отличается от привычных городских госпиталей. Чувствовалось, что сюда вложили немерено денег: чистые новенькие стены, дорогое оборудование (мимо нас как раз повезли больного с несколькими подключёнными приборами). Да и моя палата совершенно не напоминала обычную палату — конечно, я была уверена, что Андрей ...или Баев... постарались устроить всё по высшему разряду, но «высший разряд» простирался далеко за границы моей палаты, а это уже говорило само за себя.

— Кирилл Владимирович на госпитале не экономит, — заявила медсестра, когда я спросила её о ремонте. — Вы не представляете, сколько миллионов он потратил только на одно оборудование. Да к нам вся область лечится ездит.

— Вы имеете в виду оборотни?

— Почему же только оборотни, — пожала плечами женщина. — И люди. Мы же медики. Различий не делаем. — Помолчав, она добавила. — А с Альфой нам очень повезло. Не каждый Альфа так печётся о своей стае. А теперь мы вообще «в шоколаде» — ещё и Альфа самка в стае. — Женщина тепло мне улыбнулась. — Вы не представляете, как мы в госпитале обрадовались, узнав про Вас.

— Да я в общем — то сама недавно о себе узнала.

— Анна Константиновна, — крикнул знакомый голос врача где — то неподалёку, — где там наша Альфа — девочка?

— Веду, Сергей Леонидович, — отозвалась медсестра, тут же громко пояснив. — Она же неделю в лежку лежала, слабая...

— Ох ты... — выругавшись, мужчина рывкнул. — Назад ведите, не хватало мне ещё с Альфой проблем.

Мы как раз подходили к палате, откуда доносились звуки реанимации. А возле дверей палаты, весь в крови, сидел молоденький парнишка.

Увидев меня, от тут же вскочил, сжимая окровавленные руки, которые до сих пор были человеческими руками только на половину. Из обыкновенных мужских пальцев росли длинные

волчьи когти.

— Я виноват, — рыдал он, уткнувшись мне в плечо. — Она же не могла меня чувствовать... Я сам всё испортил. Подумал — завела себе кого другого, приревновал. Я не хотел, честное слово. Она ...спасите мою Лену, прошу Вас. Очень прошу. Я ... что угодно.... Я жить без неё не буду. Сам убил. Сам нарушил...

Поглаживая почти мальчика по спине, я вопросительно посмотрела на медсестру.

— Войдем?

Медсестра растеряно переводила взгляд с меня на двери палаты, а затем на напуганного, плачущего парня. А затем, тяжело вздохнув, кивнула.

— Ох и влетит мне.

Я подмигнула медсестре.

— Если что, я заставила.

И, аккуратно отстранив парня, мы открыли двери палаты.

Вам когда — нибудь приходилось смотреть сериалы про врачей? Критическое состояние больного, давящий на уши шум медицинской аппаратуры, работающие на пределе медики... усталые, злые, но не прекращающие свою битву за жизнь пациента.

Здесь, в палате, куда мы вошли, стояла примерно такая же картина: двое врачей, отдающих резкие приказы, несколько медсестёр, а в центре — растерзанная до мяса молодая девушка. Её бледное лицо, скрытое наполовину дыхательной маской, поражало какой — то особой беззащитностью. Совсем молоденькая. Лет восемнадцать, не больше. Переведя взгляд ниже — с лица, хотя и бледного, но не тронутого когтями оборотня, я едва сдержала рвотные порывы. Огромные, глубокие раны по всему телу... Я, наверное, примерно так же выглядела после поединка с Алиной...

— Она всё — равно уже не жилец, — пробурчала одна из медсестёр, протягивая врачу какой — то инструмент. — С такими ранами даже чистокровки не выживают. А уж она и подавно.

— Лиля, — рявкнул чернобородый. А затем, упрямо сжав губы, процедил. — Сделаю, что могу.

В этот момент я сразу простила ему даже ту грубость в палате, когда он высокомерно отозвался о «человеческой составляющей».

— О нет, — застонал седоволосый врач, заметив моё присутствие в палате. — Анна Константиновна, я вам что сказал? Никакой Альфа-самки, пока она окончательно не окрепнет. Вы поглядите, какая девочка слабая, она же еле на ногах держится. Хотите остаться без глав врача? Альфа же прибьёт меня, если узнает.

Медсестра послушно кивнула.

— Простите, Настя. Давайте вернёмся в палату.

— Идите, — кивнул седоволосый врач. — Отдыхайте, набирайтесь сил.

Я же не отрываясь смотрела на тело девушки и представляла: неужели я могу каким — то образом ей помочь? Но как?

Неосознанно, я умудрилась подойти практически вплотную к операционному столу. В этот момент чернобородый, пробурчав что — то неразборчивое (неразборчивое даже для моего теперешнего чуткого слуха), вставил кислородную трубку в горло пациентке. Горло, тоже подранное в нескольких местах, выглядело по особенному страшно — на контрасте с белым бескровным лицом.

Писк аппаратов внезапно изменился — стал быстрее и тревожнее, оба доктора синхронно нахмурились, концентрируясь каждый на своём участке работы.

— Что мне надо делать? — спросила я с сомнением в голосе. Смогу ли я? Получится ли? Может, они все ошибаются, и я вовсе не Альфа — самка, или какая-нибудь редкая Альфа — полукровка, которая может лечить разве что себя, но никак не других оборотней.

Удивительно, но даже в такую напряжённую минуту врачи меня слышали.

— Положите руки ей на грудь, — велел старший, Сергей Леонидович. Он груди девушки осталось одно сплошное кровавое месиво. Впрочем, такая же «картина» наблюдалась повсюду: многочисленные рваные раны, несмотря на старания докторов, по — прежнему выглядели жутко.

А ты что хотела, мысленно спросила я у самой себя, с волками жить... Я во время

поединка хотя бы руками тело прикрывала, а тут девочка «получила» от самого близкого, от своей пары. Я старалась не смотреть на раны Лены: всё никак не могла отвертеться от мысли, что вижу в ней себя. Такой, какой оставила меня Алина: искусанную, растерзанную... Приложив руки, как велел седоволосый, я попыталась сконцентрироваться на позитивных мыслях.

И опять какое — то незнакомое, но приятное чувство, затопило мою волю.

Очнулась я от чьего — то прикосновения.

— Достаточно, Настя, — Чернобородый, улыбаясь, с осязаемым облегчением на лице, спросил. — Как ты себя чувствуешь?

— Эммм..... — я прислушалась к своему организму. — Лучше... Намного лучше.

Врач с сомнением глядел на меня.

— Слабость, головокружение?

— Гм... нет. Были, когда я выходила из палаты. Но сейчас вроде всё прошло. — Я недоумевающе посмотрела на доктора. — Это странно, да?

Чернобородый (надо бы узнать его имя) пожал плечами.

— Не знаю. Честно говоря, впервые вижу, как лечат Альфа-самки. Поразительно!

Я рассеяно огляделась по сторонам: вся бригада медиков, застав, переводила взгляды с меня на пациентку и обратно.

Раны девушки больше не выглядели столь угрожающе, как прежде, хотя кое-где до сих пор остались красные воспалённые рубцы, да и само тело, по-прежнему залитое кровью, пугало.

— Отличная работа, девочка, — похвалил меня Сергей Леонидович. — Не ожидал, что ты так быстро справишься. Она уже в безопасности. А тебе надо отдохнуть.

Я кивнула, хотя отдохнуть, если честно, совсем не хотелось. Наоборот, адреналин сейчас играл в крови, призывая действовать.

Между тем пациентка на операционном столе пошевелилась, вызывая новое изумление у медиков. Открыв глаза, она испуганно глядела на врачей, пытаясь понять, что происходит. Через несколько секунд, прейдя в себя окончательно, она принялась извиваться на столе, пытаясь выдернуть трубку из своего горла. Растерянность в её глазах сменилась выражением дичайшего испуга. Девушка даже попыталась отбиться от медсестры, которая, схватив её за руки, прервала дальнейшие попытки вытащить дыхательную трубку. Оборотница даже выпустила звериные когти, атакую медсестру.

— Успокойся, — рявкнул Сергей Леонидович и девушка тут же притихла. Даже волчьи когти опять втянулись, превратившись снова в ухоженные женские ноготочки.

Чувствую, переоценивают Альфа — силу. Вот, к примеру, доктор, и сам отлично справляется. Когти девушки напомнили мне о её паре. Надо же, не даром у нас говорят: муж и жена — одна сатана. Эти вот на пару когти выпускают.

Плохая Настя, мысленно «шлепнула» я себя по затылку. Девчонка такое пережила, а ты тут стоишь, осуждаешь... С другой стороны, это может и очень цинично, но ведь верно. Разве нет? За всю свою жизнь (с тех пор, как брат рассекретил существование оборотней) я только один раз видела, как оборотень не сдержался. Это когда мы с Катькой и её родителями ездили на экскурсию в Москву. На обочине шоссе пьяные мужики избивали собаку — а та, тяжелая щенками, скулила, пытаясь перегрызть поводок, на который была привязана. Катькин отец только тогда и выпустил когти — слишком тяжело было Оборотню такое видеть... Собака, кстати, до сих пор живёт у дяди Толи с тетей Наташей. Щенков они

раздали — только одного не смогли спасти — видно, что — то повредили те мужики, мертвым родился...

— Ре — интубируем, — тем временем отдал команду Сергей Леонидович. — Судя по всем, дыхательная функция уже восстановилась.

Как только трубка была извлечена, девушка тут же принялась хрипеть, спрашивая о Борисе.

— Что? — спросил чернобородый врач, наклонившись ближе. Девушка закашлялась, но продолжала твердить что-то о Борисе.

— Это твоя пара, да? — поняла я, задав свой вопрос вслух. Лена кивнула.

— Он здесь, рядом с палатой. Переживает, плачет.

— Я... — она снова закашлялась. — Виновата я.

— Ну это уж слишком, — чернобородый врач с силой бросил какие то инструменты на металлический поддон. Неприятный звон заполнил палату.

— Я...сама, — упрямо повторила Лена. Одна из медсестер принесла ей воды в стакане с трубочкой. Отпив немного, девушка продолжила.

— Не казните его. Пожалуйста, это моя вина. Мы собирались провести обряд метки через месяц... В моё восемнадцатилетие. Мы — истинная пара, понимаете? Пусть я не чувствую его, как он меня, но я люблю его. Только его. А он...он последние две недели от меня шарахаться начал. Даже в гости не заходил. Я подумала, — отпив ещё немного воды, девушка продолжила, — завёл себе кого — то. Я же полукровка, не самая лучшая пара для чистокровного оборотня. Спросила у подружек, что делать... И мне посоветовали, чтоб они приревновал. Пусть, мол, застанет тебя с другим.... Мы только целовались, честное слово! Ничего другого. После того, как встретила Бориса — других не было.

Удивительно, как быстро изменились взгляды медперсонала. Теперь они все смотрели на девушку с осуждением, если не сказать с презрением.

— Можно было и не спасать, — скривилась язвительная медсестра.

— Лиля, — одёрнул её Сергей Леонидович. Чернобородый же, скрестив руки на груди, спросил у рыдающей девушки.

— Подружка, которая посоветовала это — человек?

Лена кивнула.

— А что же ты у оборотней не спросила? У оборотниц, — поправился врач. — Ты хотя бы понимаешь, ЧТО ты наделала. Когда мы связаны — мы не можем без наших волчиц. Мы уходим за грань вместе с ними, за ними. Мы живем только ими. Спроси каждого присутствующего.

— Но ведь оборотни легко относятся к сексу, мне мама рассказывала, — оправдывалась девушка.

Чернобородый доктор тяжело вздохнул.

— Это пока мы не встретим свою пару. А потом нам уже никто не нужен.

— Спаривание может быть с кем угодно, — кивнул медбрат с рычащими нотками в голосе. — Да только парень почувал в тебе свою истинную. Знаешь, как мы ревнивы, пока не поставим метку, не заклеим собой? А ты, к тому же, не могла его «слышать».... Он, поди, поэтому и старался держаться от тебя подальше — боялся сорваться...

— Я парня, конечно, не оправдываю, — задумчиво протянул Сергей Леонидович, — Но в этой ситуации и я бы не выдержал.

— А что с другим — то? — спросила одна из медсестер. Девушка сконфузилась. — Он в

окно выпрыгнул, пока я старалась Борю задержать.

— Значит, тупа у нас нет, — обрадовался Сергей Леонидович. — И стирания памяти не пригодится... Что ж, можно похлопотать перед Альфой.

— Уж больно Баев сильно крут, — покачал головой чернобородый.

— Зато справедлив, — ответил кто — то из медиков. И вдруг все посмотрели на меня.

— Рада бы помочь, — я развела руками. — Но для парня будет лучше, если о нем с Кириллом поговорит кто —нибудь другой.

Сергей Леонидович кивнул и сам вызвался проводить меня в палату.

— Пойдемте, голубушка, я вас заодно проверю, а то что — то мне не нравится ваш бледный вид.

— Вы издеваетесь, да? — спросила я, шаркая рядом с доктором. — После всего, что было в палате.

— А что было в палате... Обычная рутина. — Врач усмехнулся. — Или я привык за тридцать с лишним лет. Говорят, человек ко всему привыкает... Мы, хотя только частично люди, но всё — таки.

— Сергей Леонидович, а можно личный вопрос, — спросила я, немного покраснев.

— Конечно, — кивнул доктор. — Какой вопрос, Настя.

— По поводу меток, — я вздохнула. — По понятным причинам, мы с братом об этом особенно не разговаривали, да и с подружками — оборотнями я как — то... — Я пожалала плечами. — Слишком интимно...ну, вы понимаете.

Врач неуверенно кивнул.

— Так что за вопрос, который вас мучает?

— Там в палате сказали, что все оборотни очень ревнивы до обряда меток.

Сергей Леонидович кивнул.

— Да, это так.

— То есть после того, как метка нанесена, оборотень ...как бы это назвать.... Успокаивается?

— Обычно так и бывает. Оборотень становится более уверенным в своей паре. Да и другие оборотни уже не подойдут, почуяв запах... Настя, неужели вы даже этого не знаете?

Я с некоторым смущением замотала головой.

— Нет, простите.

— Я ограждал её от этого, — родной голос брата разорвал напряжение в коридоре, хотя и заставил меня подскочить от испуга. — Как всё прошло?

— Ваша сестра была на высоте, — отозвался доктор. — Но другого мы Альфа — самки и не ждали.

Андрей отрыл дверь, приглашая меня и доктора внутрь палаты.

— Я тебе тут подкрепиться принес, — кивнул на прикроватный столик брат. — Извини, не бутерброды, но бульон, творог, какое-то желе.

— Бутерброды медсёстры отобрали? — с доброй ухмылкой спросил Сергей Леонидович. Андрей повинно кивнул.

— Ещё и отчитали. Мол, собираюсь отравить вашу Альфа — девочку.

— Насте еще рано есть бутерброды. После недели в коме пищеварительная система не готова воспринимать твёрдую пищу.

— Для простых людей возможно, — кивнул брат. — Но она же Альфа — самка.

— Мы пока не сумели узнать всю информацию об Альфа — самках. — Извиняющимся

голосом сообщил Сергей Леонидович. — Вы ведь знаете, насколько кланы не любят распространяться об этом.

— Я в курсе, — кивнул Андрей, — И уже переслал всю полученную информацию на вашу электронную почту.

— Получилось? — удивился Сергей Леонидович. — Неужели вы нашли подход к американскому клану?

— Не я. Баев. — отметил брат. — Они ему должны, так что эта просьба — сущий пустяк.

— Но не для врачей из областной больницы, — пробормотал Сергей Леонидович. — Спасибо, Андрей Станиславович. Теперь, когда у нас появилась информация по Альфе — самке, мы будем более подготовлены к сюрпризам...

— Я надеюсь, — серьёзно кивнул Андрей. — Вы не понимаете, и я, и Альфа персонально заинтересованы в благополучии Насти.

Я наблюдала за разговором двух мужчин, словно за пинг-понгом: выдает фразу один, второй парирует, первый парирует второго и так до бесконечности.

— Эй, — протяжно позвала я. — Может, если вы уже знаете об этих Альфа самках, просветите заодно и меня. Ну и про метки объясните.

— Я ещё не читал свою почту, — умыл руки врач больницы. Андрей широко мне улыбнулся.

— Я тебе тоже скинул. Прочтёшь, когда захочешь.

— Хорошо, — кивнула я. — Обязательно прочту. А что насчет меток?

— Что с ними? — спросил Андрей.

— Ничего. Я ничего про них не знаю.

— И это удивительно, — заметил с укоризной доктор. — Как может сестра беты не знать таких простых вещей.

Андрей напрягся. Я чувствовала это напряжение, которое мне не нравилось, чувствовала недосказанность и какой — то подвох.

— Колись, — попросила я брата.

Андрей пожал плечами.

— Ты ведь росла человеком, — заметил брат. — Слишком много человеческого, слишком мало нашего — волчьего.

— Но я ведь стала твоей сестрой.

— Именно поэтому я решил, что так для тебя будет лучше, — кивнул брат, — оставаться в мире людей. Я заботился о тебе, как не о ком другом.

— Ты ведь познакомил меня с оборотнями.

— Я познакомил тебя только с частью этого мира. С тем, что может «переварить» неокрепшая психика подростка. Я видел, как ты тяжело выходишь из депрессии после смерти родителей, и знал об опасности, которая, пока Баев не взял клан в свои руки, могла причинить тебе вред.

— Только поэтому ты рассказал мне о клане?

Андрей пожал плечами.

— Так вышло. Но ко ВСЕМУ ты не была готова. — Заметив, как я скривилась, брат произнес: — Я же прав, Настя. Помнишь, как ты избегала наказаний?

— Помню. — Кивнула я.

— Мммм, — промычал доктор, которому, по — видимому, было неудобно

присутствовать при семейных разборках. — Луна Альфы хотела узнать про метки.

— Да, — кивнула я, пропустив почётное название мимо ушей. Какая там Луна. — Я не поняла по поводу запаха, ревности и прочего....

— Всё просто. — кивнул Андрей. — Когда мы встречаем свою пару, мы проходим обряд метки. Как ты знаешь, это обоюдный процесс. Мы отмечаем друг друга укусами. Без женского укуса невозможно завершение обряда. Как бы получше объяснить... — Андрей с надеждой посмотрел на Сергея Леонидовича. — Док, если уж вы здесь...

— Видите — ли Настя, — вступил доктор, — слюна оборотней содержит некоторые ферменты, присущие только нашему виду. Когда самец кусает самку, он передает ей часть своих ферментов. У самки изменяется запах, де юре она переходит из семьи отца в семью мужа.

— А когда самка кусает самца. Это ведь тоже предусмотрено? — уточнила я. Доктор кивнул.

— Да, это завершительная часть обряда метки. Самка кусает самца, таким образом, самец замыкает самку на себе.

— Здорово, — хмыкнула я. — То есть самки, у которых есть метка, пахнут по-другому?

— Конечно, — кивнул Сергей Леонидович. — Я не знаю, какой у вас был запах до метки, но сейчас вы пахнете точно как наш Альфа.

— Что? — не поверила я. Повернулась к Андрею. — Э то правда?

Липкое, горячее тело, влажные от пота волосы — выкарабкавшись из сна — кошмара, я жадно ловила ртом воздух, а надо мной... склонившись, стояли врачи.

— С возвращением, — хмуро произнес Сергей Леонидович.

Я испугано замерла.

— Опять кома, да?

Седовласый доктор перевёл взгляд на нового врача, которого я до этого ещё не видела: лет пятидесяти — пятидесяти пяти, по виду больше напоминает военного, чем врача, но судя по халату, точнее по бейджу на халате, всё — таки доктор.

— Это Илья Романович, личный врач нашего Альфы.

— Очень приятно, — кивнула я дежурное. — Настя. — Перевела взгляд на «своего» доктора. — Так что, я опять была в коме, да?

— Нет, покачал головой Сергей Леонидович, — но этот сон тоже не совсем ... нормален. Мы не могли вас добудиться несколько часов подряд.

— Так сколько же я спала в итоге? — испугалась я, вжавшись в кровать. О, нет, только не говорите, что опять прошла неделя, или день, или...

— Около пяти часов, в общей сумме, — объяснил «новенький», посмотрев на часы.

— Ты очень меня испугала, — раздался откуда-то из глубины палаты голос Андрея. Врачи немного расступились — так и есть. Брат, с расстегнутой рубашкой и ослабленным галстуком, сидел в нелепой позе практически у дверей палаты, в кресле для гостей.

— А почему ты там? — удивилась я.

Андрей замялся, видимо, не зная, как озвучить.

— Его не пускают, — покосившись на врача Баева, озвучил Сергей Леонидович.

— У вас ненормальная привязка к брату, — процедил Илья... как его... Романович. — Во время комы только голос брата вывел вас в нашу действительность. Да и сейчас, всё это время, каждую минуту вашего сна, вы звали Андрея.

— И что такого? — вскричала я, вновь переживая моменты моего сна. — Если мне он снился... Почему я не могу звать брата.

— Потому что он не ваш брат, — ровным голосом ответил Илья Романович, не обращая внимания ни на рык Андрея, ни на мой собственный обиженный возглас. — Вы не кровные родственники, и такая связь может стать чреватой.

— Ты на что намекаешь, урод? — не сдержался Андрей. Вскочив с кресла, он кинулся к доктору.

— Да я ещё с одиннадцати лет рощу. Может, она мне и не кровная сестра, а вообще мой первый ребенок.

Я, глотая слёзы, кивала.

— Вы говорите чудовищные вещи, — глядя на доктора, плакала я. Брат, заметив мои слёзы, сразу сник. — Вы никогда не были в моей шкуре и благодарите Бога за это... Остаться сиротой, без родных, близких... без дома и всякой опеки. Андрей подарил мне новую семью, окутал меня любовью и заботой... Не извращайте ничего! Может, вам не понять нормальных человеческих чувств, но мы другие.

Доктор пожал плечами.

— Допустим. Но та энергетическая...гм... пуповина, которой укутал Вас ваш брат,

может тормозить ваше развитие. Вы, Настя, уже половозрелая женщина — однако ещё ни разу не допускали самца до своего тела. Почему?

Лицо моментально запылало — краснею я быстро и легко.

— Как Вы узнали? — Смущенно и злась одновременно, спросила я у своего врача.

Сергей Леонидович пожал плечами.

— Мы проводили всестороннее исследование во время вашей комы.

— Всестороннее, — хмыкнула я. И, не поверив, спросила. — Там — то зачем?

У доктора на лице заходили желваки.

— Приказ Альфы.

— А, ну конечно, — издевательски протянула я. Затем обратилась к новенькому.

— Вы спрашивали — почему? — Потому что я человек. Потому что мы, люди, руководствуемся не как вы, животными инстинктами, а более высокими чувствами. Вам не доступными. У людей отношения строятся на взаимоуважении, заботе, любви. А в койку прыгать каждый дурак может.

Новенький пожал плечами.

— Присутствие беты в вашей жизни следует ограничить. Это будет выгодно... всем.

Я широко раскрыла глаза и поглядела на Андрея.

— Они ведь не могут, да?

Брат отвёл взгляд.

— Насть, ты теперь принадлежишь Баеву.

Илья Романович обернулся к Андрею.

— Подумайте о своей паре, Андрей Станиславович. Думаете, ей нравится, что её пара по первому звонку срывается из дома. Сколько там вы уже не ночевали совместно?

— Вы теперь и его личную жизнь считать будете? — не удержалась, съязвила я.

Новенький оказался железобетонный.

— Если надо — буду. — Илья Романович повёл плечом. — Неправильные вещи лучше отсекают сразу, а не ждать, пока всё пройдет само — самой. Не пройдет.

— Вот что значит первая специализация — хирург, — хмыкнул Сергей Леонидович. И «военный» вдруг ...улыбнулся.

— Настя, не считайся меня злом.... Или считайте, если вам так удобнее. Но всё изменилось: вы теперь не человек, а оборотень. Альфа — самка, на которой метка одного из сильнейших Альф. Хотите вы этого или нет, но надо приспособливаться, меняться. Бете ваши изменения тоже пойдут на пользу — у него беременная пара, а наши самки ох как сложно выдерживают беременность. Он должен сейчас с неё пылинки сдувать, а не с вас. Вы понимаете?

Я слушала, широко раскрыв глаза, и не могла поверить.

— Так будет лучше всем. Не разрушайте ни свою жизнь, ни жизнь беты.

Икнув, я спросила у Андрея.

— Это....? — Брат кивнул с глупой улыбкой.

— Две недели уже.

— А...?

— Боялся твоей реакции. Новость хорошая, но врачи сказали, что сильные эмоции тебе противопоказаны. — Брат бросил недовольный взгляд в сторону Сергея Леонидовича. — А сами потащили тебя в операционную.

— Это была экстремальная ситуация. Без Альфа — самки, мы потеряли бы пациентку.

Вы сами знаете, как мало у нас рождается сук.

— Это не повод пренебрегать моими рекомендациями, — скривился Илья Романович. — С этим мы ещё разберемся.

— Подожди... две недели. Я ведь была в коме только неделю. — Посчитать сроки было легко. А вот от несостыковки дат, сердце испуганно закатилась в пятки. — Вы что — то недоговариваете? Я была в коме значительно больше, да?

— Да нет, — замотал головой Андрей. — Мы просто познакомились...раньше.

Я во все глаза смотрела на брата.

— Как Алина в таком случае могла стать парой Баеву. Как она могла принимать участие в поединке? Беременным ведь запрещено перекидываться??

Андрей покосился на врачей, а потом, глубоко вздохнув, ошарашил меня ещё одной новостью.

— Это была не Алина.

Я непонимающе уставилась на брата.

— Да ладно. А кто же тогда? Её сестра — близнец что — ли?

Андрей невесело усмехнулся.

— Не поверишь, но да. Всё как в мексиканских сериалах. У Степанова родились две девочки — близняшки. И только одна — сильная оборотница. Вторая — моя Катя — даже оборачиваться не может.

— А как же ты их перепутал тогда? — не поняла я. — Ты — то стопроцентный оборотень, с нюхом и прочим.

В палате заржали все, кроме меня. Рада, что хотя бы так сумела разрядить атмосферу, но мне больше хотелось узнать об Андрее и его паре.

— В общем, этот хмырь Степанов чего удумал: продавать своих девчонок в другие стаи за хорошие барыши. Альфы получает сильных самок по договору — из хорошей семьи, где чистая оборотничья кровь, куча Альф в фамильном древе ну и так далее... А Степанов наполняет свои карманы. Стая у них маленькая, бедная... Кроме чистокровных дочек на экспорт больше ничего нет.

— Ты так говоришь, как будто у него дочерей — табун.

— Четыре. Одна уже пять лет как замужем за канадским Альфой. — Андрей нахмурился. — В общем, моя Катька ему статистику подпортила. Ну, ты же знаешь, что у нас не все оборачиваются до полового созревания. Сильные — могут и раньше; но в основном оборотни становятся способными к перевоплощению в подростковом возрасте. А Катя так и не смогла этого сделать. Ну и папаня её, с далеко идущими планами, решил дочку убрать. В клане — то конечно про неё знали, но за пределами — нет. Вывозили только Алину.

— Как же ты тогда умудрился Катю свою встретить? — спросила я.

Андрей мягко улыбнулся. Не мне, своим воспоминаниям.

— У неё машина сломалась. Ну я и помог.

Я хмыкнула.

— А в результате девушка оказалась беременной.

Сергей Леонидович похлопал брата по плечу.

— Молодец. Всё правильно сделал.

Второй доктор назидательно посмотрел на меня.

— И вам бы тоже не мешало об этом задуматься.

— О том, чтобы сломать машину? — наигранно широко раскрыв глаза, переспросила

я. — Думаете, встречу своего единственного?

Повернулась к Андрею.

— Почему тогда ты думал, что твоя пара — Алина? Даже биться за неё хотел.

— Потому что это дурёха, когда выяснила, кто я — сбежала. — Андрей развёл руками. — Я же не знал, что их две. Когда Алину первый раз в гостях у Кирилла увидел, подумал — наврала насчёт имени.

— А запах? У них же разный запах.

— Я думал, она специально запах меняет, чтобы меня со следа сбить, — пожал плечами Андрей.

И тут я на самом деле широко раскрыла глаза.

— А что, есть такие препараты?

— Нету, — рявкнул Илья Романович. — Андрей, вам пора.

Я ошалело уставилась на врача.

— Что вы творите?

— Теперь вы знаете все новости и можете не беспокоиться по поводу своего брата, — ровным тоном заметил злыдень. — У него всё хорошо: он нашёл свою истинную пару, семейная жизнь наладилась, ожидается потомство. Кирилл Владимирович его очень ценит, и, несомненно, будет рад вашему общению, когда всё придёт в норму. А пока вам следует кратковременно воздержаться от контактов.

Я сидела с открытым ртом, пытаюсь понять, серьёзно он это говорит или нет?

Перевела взгляд на Андрея. В глазах брата — вселенская скорбь и тоска.

— Они ведь...

— Это приказ, Настя. Ты что, не поняла ещё?

— Но так не бывает...

— У нас только так, — пожал плечами Андрей. — И ты тоже должна подчиниться.

Андрей тихонько кивнув мне напоследок, тихо вышел из палаты.

Меня выписали через пару дней. Всё это время у палаты дежурил телохранитель — по легенде, охраняющий меня, по правде — стерегущий.

Я злилась, не разговаривала с врачами... Но они всё — равно были предельно вежливы и корректны. Проводили свои исследования, сверяли какие — то показатели... А потом обрадовали тем, что я еду домой.

Я, уже засунув свою гордость куда подальше, попросила злыдня привести мне на выписку мои вещи — у Андрея в квартире их полно. Не брат, так его жена вполне может собрать.

— У вас будет всё новое, — акульей улыбкой расцвел злыдень. — Не стоит беспокоить новобрачных.

Тем же вечером в палату принесли ворох шуршащих пакетов с обновками. Которые я, проигнорировав, оставила валяться у двери. Чужое — не трогаю.

— Не советую вам проявлять характер, — заглянув ко мне после ужина, заметил Сергей Леонидович. Две медсестры как раз хлопотали в палате: одна собирала посуду (мне не разрешали выходить из палаты, поэтому медперсоналу пришлось заниматься ещё и этим), другая готовила медикаменты для вечерних процедур. Ничего важного: витаминный комплекс внутримышечно для повышения тонуса.

— Настя, завтра мы вас выписываем. — Доктор кивнул в сторону нетронутых пакетов. — Послушайте, старика, не стоит устраивать поединок там, где он не нужен. Примите эти вещи.

— Мне не нужны чужие вещи. Я хочу свою одежду и не хочу быть никому обязанной.

Врач — оборотень вздохнул.

— Вы, люди, такие индивидуалисты... Вам надо срочно перестраивать свою психику, настраивать себя на новый лад. Иначе не ждите ничего хорошего.

— Вы меня пугаете?

Доктор покачал головой.

— Предостерегаю. Мне тоже, знаете ли, не безразлично, что происходит с людьми... или оборотнями... — не важно — с пациентами, которых я вёл. У вас отличные шансы на хорошую жизнь.

— С Баевым?

Доктор закашлялся.

— Настя, я же тоже в стае, вы понимаете?

— А я уже — нет. Так по какому праву....

— По праву активной метки. Вон. — низкий, хорошо знакомый голос, заставил вздрогнуть не только меня. Печата шаг, в палату вошёл Баев. Его взгляд не отрывался от моих глаз — и я, несмотря на большое желание это сделать, тоже не могла отвести взгляд в сторону. Метка на плече заныла.

Я схватила кусок простыни в кулак — чтобы сдержать чувство страха, окатившее меня с приходом Альфы. И только оглядевшись, поняла, почему в палате повисла такая звенящая тишина: кроме меня и вошедшего Баева, в комнате больше никого не было. Медсестры и даже доктор исчезли быстрее, чем я смогла это заметить.

— Хорошо выглядишь, — надвигаясь ближе, заметил Кирилл. Я кивнула, не в силах

произнести что — то связное.

Внутри меня что — то менялось, меняло это само присутствие Баева... И я не могла никак понять. Одна минута, одно мгновение ... И я словно становлюсь зависимая от этого человека. Нет. Не человека. Злобного, грубого оборотня.

— Что тебя сейчас злит? — спросил Альфа, устраиваясь на краешек кровати рядом со мной. Смуглые жесткие руки дотронулись до волос. Кирилл принялся перебирать свободные пряди.

— Настя, не молчи...

— Ты нагрубил доктору и медсёстрам. — Баев приподнял бровь. — Ты не поздоровался и сказал им «вон».

— Я помню, что я им сказал.

— Это невежливо, — покачала я головой. Альфа посмотрел на меня.

— Настя, девочка моя, у нас клан оборотней, а не пансион — как вы говорите — благородных девиц. — Короткие приказы — самые действительные. И я, честно говоря, дико устал. Тебе было бы приятно, сорвись я на милого доктора, который видел тебя без одежды. Я знаю, что он видел. А я ещё нет. Сложно, знаешь ли, удержаться... — Тут его рука полезла ко мне под больничную рубашку. — Но я хотя бы поглажу.

— Кирилл! — я отстранилась и ошалело смотрела на Баева. — Мы третий раз в жизни видимся. И первые два раза, если честно, были не самыми удачными для общения.

В первый меня чуть не загрызли, после второго я угодила в кому. Но Баева это, кажется, не останавливало. Его рука продолжала «гулять» под рубашкой, глядя и лаская моё тело.

— Девочка... — протяжно застонал Баев. А затем заявил.

— Собирайся, домой поедem прямо сейчас.

Я, вцепившись в одеяло, отрицательно замотала головой.

— Не-ет...нет...

— Не спорь. — Баев переместил свою руку в зону ключицы. Как раз там, где была оставленная им метка. — На тебе слишком много чужих запахов.... Боюсь, не сдержаться. — Голос как — то резко стал твёрже и злее. — Одевайся!

Я точно знала, что будь на моем месте сейчас другая... даже та же Алина, она бы выполнила приказ. Не сумела бы отказаться. Но на меня приказы Кирилла (как и его рык) не действовали — поэтому, молча посмотрев на оборотня, я покачала головой.

— Нет.

Баев прищурился, усмехнулся... рыкнул коротко что — то типа: ох уж эта сила метка, и одним движением схватил меня в охапку. Главное, что с простыней — хотя бы какая — то одежда, кроме больничной ночнушки.

Если кто — то думает, что Баев нес меня на руках, как обычно носят принцесс или новобрачных — фигушки. Поднялся с кровати, перекинул через плечо (ещё и по попе ладонью приложился, а когда я взвизгнула, рыкнул, что это, мол, за непослушание) и вынес из больницы под всеобщее молчание.

Наблюдать это было страшно. Я видела весь обзор только вверх — тормашками и, конечно, когда висишь головой вниз не до наблюдений... но представьте себе больницу, наполненную людьми (и оборотнями), в которую практически ежеминутно поступают новые больные... (я конечно, преувеличиваю, городок у нас небольшой, но это же главная больница города — здесь действительно много пациентов). Обычно эта больница гудит, шумит — то и дело звучат голоса медсестёр, докторов, обратившихся за помощью людей... И

внезапно всё стихает. Только пищат городские телефоны, прося снять трубку, мерно плачут медицинские аппараты, а ещё кондиционер шумно выдыхает воздух охлаждённый для летней жары воздух.

И ни одного удивлённого возгласа, ни одной спасительной фразы: Эй, что вы делаете?

Интересно, а люди тоже застыли — или здесь людей вообще нет? — подумала я некстати и встретила взглядом с одной из женщин — пациенток, которой медсестра — оборотень зажала рот рукой. Ага, вот они как решили.

А волк — злой и страшный черный волк, печатая шаг, двигался по коридору в сторону выхода. Я болталась у него на плече, придерживаемая за пятую точку горячей и жесткой ладонью мужчины. Почему он поступает со мной так? Зачем принуждает? Пусть я и оказалась Альфа — самкой, но ведь я не его избранная. Зачем неволить? Конечно, волки в клане всегда подчиняются решению Альфы, но ведь Кирилл знает, что я всегда была больше человеком, чем оборотнем. Так почему он так действует??? И ладно бы, мы и впрямь оказались избранной парой — говорят, от этого у самцов «сносит крышу», но ведь не избранные... Или? Нет, тут же прервала я свои собственные размышления. Он впервые учуял меня как волчицу перед боем — ни один волк не позволил бы своей избранной паре выйти на поединок. Даже Андрея, вон, обездвижили, чтобы не вмешался. А тут сам Альфа. Будь я его избранной, поединка бы не было вовсе. Но тогда почему? Зачем? Я ведь всё — равно останусь в клане, буду помогать — никуда моя Альфа сила не денется. У меня брат здесь бета.

Я просила Кирилла отпустить меня, просила оставить в покое — но Альфа по — прежнему крепко держал меня на руках, и будто вовсе и не слышал моих тихих, жалобных просьб.

До особняка Баева мы доехали на черном BMW — кроссовере: за рулём был водитель — оборотень, которого я не знала. Молодой парень несколько раз испуганно озираясь на заднее сидение, где сидел Баев... со мной на руках.

— Кирилл Владимирович... — наконец, не выдержал парень. — Всё... нормально?

Парень спросил это настолько неуверенным и тихим голосом, что даже меня проняло. Альфа же...

— Всё хорошо, — кивнул Баев. — Луна просто слишком слабая для нормального переезда домой.

— Ааа, — парень выдохнул с облегчением.

Дальше мы ехали молча. Я, устав сопротивляться, вскоре задремала на руках Баева и проснулась уже только когда он перекладывал меня на кровать в хозяйской спальне. Я была в этой комнате только однажды — искала брата, и надо же было именно в тот один единственный раз напороться на дворецкого. Ох уж как Петр Иванович меня тогда ругал... Мол, сюда заходить нельзя. Никогда. Ни при каких обстоятельствах... И как же он тогда был прав. Жаль только, что сейчас убежать, как тогда в детстве, я не могла.

— Спи, — велел Баев, укрывая меня легким одеялом. Я послушно закрыла глаза — не из — за того, что подчинилась, просто сил ругаться не было, очень хотелось спать. А Баев же, коротко кивнув, отошёл от кровати. Вскоре где-то неподалёку зашумела вода, и я вообще провалилась в легкий сон, нарушенный только однажды — когда тяжелая мужская рука опустилась мне на грудь. Но во сне это было так естественно. Я принимала мягкие прикосновения рук, слышала громкое мощное дыхание мужчины над моей головой, и даже почувствовала, как в спину мне упирается что — то сильно твёрдое и горячее. Камень! Ох,

уж этот Петр Иванович. Наверное, совсем в свою профессию заигрался.

— Какой камень? — немного удивлённо спросил мужской голос на пороге моего сна. И я, вздохнув, объяснила про дворецкого. Пётр Иванович учился быть дворецким аж в самой Англии. Поди, их там и этому обучали.

— В Англии раньше печей не было, только камины, поэтому чтобы аристократы не мёрзли, им в кровать клали горячие камни, — пробормотала я, немного поелозив, стараясь немного отодвинуться от камня. Не тут — то было. Тяжёлое мужское тело беззвучно затряслось, а затем ещё сильнее прижало меня к этому горячему объекту. Баев (это же был он?) шептал что — то...но не на русском. Английский, испанский я тоже понимала, но этот язык не был ни одним из перечисленных... А дальше я банально провалилась в глубокий сон.

Утро началось с прикосновений. Меня трогали всюду, заставляя быстрее проснуться, открыть глаза иестественно возмутиться.

— Прекрати.

Нависший надо мной Баев гаденько так усмехнулся.

— А ночью ты вроде не возражала.

— Потому что сил не было возражать. Такое принимается?

Кирилл, максимально приблизившись ко мне, попытался меня поцеловать. Я дернулась, пытаюсь вывернуться.

— Что ты делаешь? — рыкнул Альфа. Именно Альфа, а не тот парень, что нежно прижимал меня к себе ночью.

Баев дернул, и я в одно мгновение оказалась под ним. Обездвиженная и испуганная. Баев попытался снова меня поцеловать. Я не могла даже шевелить головой, поэтому единственное, что мне оставалось — посильнее сжать челюсти.

Меня схватили за подбородок.

— Открой свой рот.

Я усмехнулась, покачав головой. А из глаз уже лились слёзы.

— Настя, не дури.

Я снова замотала головой, не решаясь говорить. Нельзя давать врагу ни единой попытки тебя облапошить. Но разве Альфу остановит какое — то небольшое неповиновение. Кирилл принял новую попытку. Его руки, губы скользили по моему телу, безошибочно находя чувственные точки... Баев, должно быть, очень хорошо знал женское тело, раз действовал так уверенно. Я вспомнила тот злосчастный разговор своего брата с друзьями: ничего личного, просто обоюдное плотское удовольствие... Не хочу так! Не хочу. Но разве я могла сейчас что — либо сделать — Баев обездвижил меня, окружив своим телом. Слишком большим и сильным, чтобы я могла сопротивляться.

Чувство отчаяния затопило меня всю без остатка. Не двигаясь, я лежала на спине и беззвучно плакала. Сознание медленно уплывало за занавесу отрешённости, где нет насилия, нет принуждения, нет борьбы... Ничего нет.

— Да что... — рявкнул Баев. Мне чуть приподняли, встряхнули.

— Что с тобой? — рыкнуло частично трансформированное лицо. Я оказалась всё же права: чёрный волк. — Чего тебе не хватает?

— А что у меня есть? — усмехнулась я горько, сознание находилось в каком-то пограничном состоянии, когда уже всё настолько безразлично, что не боишься говорить правду. — У меня отняли мою прежнюю жизнь, отняли брата ... Всё отняли.

— Теперь ты Луна целого клана, — рыкнул Баев, вцепившись в меня взглядом. — Ты — одна из нас, и должна жить по нашим законам.

Я снова усмехнулась.

— По законам, которые выгодны тебе.

— Я владею силой и властью, но я и несу ответственность. — рыкнул Кирилл. — Нравится тебе или нет, но мы уже связаны! Так что привыкай.

— Не дождешься, — прошипела я. — Можешь приказывать своим волкам. Но я — человек.

— Ты — альфа — сука!

Я пожала плечами.

— Наверное, очень обидно, что ты не можешь мне приказать. Не можешь сделать так, чтобы я тебя слушалась, не так ли?

Кирилл криво улыбнулся.

— Это плата. Я готов смириться с твоей неуправляемостью. Так даже интересней. Но, девочка, ты должна идти мне на встречу.

— Послушай, — воскликнула я, на коленях отползая в сторону от смуглого, мускулистого тела Баева. И стараясь при этом не смотреть на его возбужденную... часть. — Ну зачем тебе такие сложности? Ну оказалась я Альфой этой, ну и что...

Тут меня, наконец, прорвало, и слёзы полились градом.

— Я буду работать на клан, буду помогать врачам... Всё что надо — сделаю. У меня брат — бета, я знаю, какого это — работать на стаю... Но ведь эта... ведь эта Альфа сила ещё не предлог связываться в пару. Кирилл! — Баев немигающее смотрел мне в глаза своим страшным, нечеловеческим взглядом. Без эмоций, без каких — либо чувств. Даже без звериных. Глаза совершенно чужого, инопланетного существа. Я поежилась, пытаюсь избавиться от этого взгляда, но Баев пресёк все попытки отвернуться. Не знаю, как он это сделал — он не дотрагивался до меня, но пошевелиться я не могла.

— Говори, — велел Альфа. И я почему — то не могла его послушаться.

— Я не буду твоей парой.

— Почему?

— Не хочу.

Баев усмехнулся.

— Что, не нравлюсь.

— Нравишься, но этого мало.

— Чего тебе не хватает?

— Нельзя неволить пару. Пусть по расчёту... или как там у вас называется... по договору... но я личность, а не просто удобная подстилка для продолжения рода.

— Может, ты надеешься найти истинную пару? — обманчиво — мягко поинтересовался Баев. Я пожала плечами, всё ещё всхлипывая.

— Я человек. Мы по-другому ищем своего суженного.

— Глупая девчонка... — фыркнул Оборотень. А затем добавил словно для себя. — Но способная... какая связь... надо же... — Затем спросил уже громко. — Хорошо, ну а секс? Тебе же хочется ... и приятно... Почему ты отказываешься?

— Хочу свой первый раз с тем, кого сама выберу, а не с тем, кого навязывают.

Черные инопланетные зрачки моментально расширились. Баев трансформировался ещё больше, теперь уже белые длинные клыки торчали вместо обычных человеческих резцов.

— Моя...моя...моя, — бесновался черный волк.

— Нет, — покачала я головой. — Не заставишь.

— Она меня слышит, — догадался оборотень.

— Ты можешь взять моё тело, можешь принудить и надругаться... но не душу. Убегу.

Спрячусь.

Мы не отрываясь смотрели друг другу в глаза. Долго, мучительно долго Постепенно мысли терялись, вместе с силами.

Я открыла глаза. Пустая комната, кровать. Я.

Баева в комнате не было.

Я проснулась в абсолютно пустом доме. Дом, который больше походил на огромный выросший в лесу дворец, словно вымер... Ни одного человека — ну или пусть оборотня- вокруг. Словно в старом мультфильме про дочку купца и её Аленький цветочек. Помнится, героиня этой сказки тоже ходила по пустынному дворцу, пытаясь отыскать хоть кого — нибудь живого. Красивая и печальная история — Чудовище полюбил девушку так сильно, что отпустил, не неволя — отпустил, рискуя собственной жизнью; девица же даже в чудовище смогла разглядеть красивую душу...

Мне же в отличие от сказочной героини такой истории «не светло». Внешне Баев совсем не казался отвратительным, даже напротив, но вот что касается души...

Продолжая осмотр дома, я обошла весь второй этаж (заглянула во все спальни — зачем, сама не знаю), зашла на кухню и даже поискала в оранжерее Петра Ивановича (дворецкий любил проводить свой досуг именно в оранжерее, заботясь о редких растениях) — дом, казалось, и правда, вымер... Неужели и в самом деле, никого нет ... Но ведь Кирилл не оставил бы меня без присмотра. Или оставил бы?

Я заглянула в соседние с оранжереей помещения, прошла в ещё одну столовую, оттуда через картинную галерею в библиотеку — везде пустые комнаты. Когда я была маленькой, то сюда меня тоже особенно не пускали — как я сейчас понимаю, дворецкий пусть и без хозяина, но «бдил» его интересы, а потому никаких посторонних в личных комнатах Альфы. Я хмыкнула, вспомнив о том, как часто в наши места заглядывал Кирилл... наверное, кроме уборщиц, моего брата да самого Петра Ивановича эти комнаты мало кто видел. Ну, добавьте меня сейчас...

Кирилл нашёлся в старом кабинете — так мы за глаза все называли рабочий кабинет, совмещенный с библиотекой. Альфа клана — я не осмелилась бы сейчас назвать его как-то иначе, сидел за внушительным письменным столом, но не писал — печатал, всматриваясь в дисплей ноутбука. Лицо сосредоточенное, одухотворённое... Расстегнутый ворот стального цвета рубашки, небрежно закатанные рукава, смуглые сильные руки и черный от однодневной щетины подбородок... Словно почувствовав мой взгляд, Кирилл резко поднял голову от монитора. Всмотрелся в моё лицо.

— Поговорим? — обманчиво — спокойным тоном спросил он. Я кивнула, неуверенно маясь на пороге.

— Садись. — Велел Баев, кивнув на старинное попустул — полукресло. Я видела подобный в одном из музеев.

Прошла от двери к указанному креслу и села, сдерживая порыв убежать.

— Я не буду тебя неволить, — стараясь удержать каменное выражение лица, начал Кирилл. Получалось у него плохо: желваки играли попеременно то на человеческом, то на зверином лице. И я по — настоящему испугалась: при его то контроле...

— Ты не маленькая, — рыкнул Кирилл, поймав мой взгляд. — Сама решишь, что для тебя лучше. Но что касается меня и стаи...

— Я не хотела этого, — воскликнула я, стараясь объяснить Кириллу как на самом деле все происходило. — Я не хотела разрушать ваш брак с Алиной!

Мужчина ухмыльнулся и притворно тяжело вздохнул.

— Хотела. Конечно же, хотела.

— Нет, поверь мне, — воскликнула я, стискивая от волнения ладони. — Я думала только о том, как спасти своего брата.

Мужчина, сидящий напротив меня схватился за стол — надежный дубовый стол сделанный по специальному заказу в Англии — и обломал один из краев этого замечательного стола.

— Он тебе не брат, — рыкнул Баев буквально по слогам. — Вы даже пахнете по-другому.

— Может, в нас и нет одной крови, но он моя семья.

Баев снова дернулся, желая что-то добавить, но сдержался.

— Хорошо. — Выдохнул он через минуту. — Что ты предлагаешь?

— Забудем и разойдемся? — Спросила я с надеждой в голосе. Баев расхохотался. Неожиданно задорно и свободно.

— Ну ты же не настолько наивная, правда?

Я пожала плечами.

— А что... Та же Алина может стать отличной Луной для стаи и вожака... Сильная, целеустремленная, готовая на все ради клана.

— Наш клан — это наша семья. Алина продала сестру, часть своей семьи ради выгоды... Ни одному альфе не нужна такая самка. Не говоря уже того, что она проиграла поединок, а родословная у неё не такая чистая, как хотелось бы.

Я мысленно поморщилась. Да уж, прекрасный вариант выбора невесты и жены. Любовь, симпатия, нежность... да зачем же, если у неё родословная «не такая чистая, как хотелось бы».

— Так я вообще практически человек, — напомнила я Баеву. — Даже обращаться не могу.

— Не набивай себе цену. Сама знаешь, что это не важно. Ты Альфа самка и этим все сказано... Скажи, что тебе не хватает, а? Кажется, ты росла среди оборотней и ни в чем не нуждались.

Я пожала плечами. Кирилл был прав, так что добавить к его словам мне было нечего.

— Наверняка хочешь, чтобы так и продолжалось дальше? Теперь у тебя будут неограниченные возможности... Не надо экономить... Всё самое лучшее... Я не говорю о таких мелочах, как квартира, машина или ювелирка... Ты получишь яхту, личный самолёт и карту без ограничений... А за первого щенка может и остров... Маленький.

Вот тебе и Аленький цветочек. А как же: я умру без тебя?

— Считаешь меня шлюхой? — бросила я Баеву в лицо, стараясь не расплакаться. Эй, у меня одна жизнь, одна попытка на любовь и счастливую семью — и я не хочу тратить эту попытку, пытаюсь заполучить деньги. Кирилл прав, избаловал меня Андрей: я не знаю цену деньгам, считая, что они скорее подспорье, а не самоцель в жизни. — Или кем ты там меня считаешь... Продажной человеческой девкой?

— Здравомыслящей особой, которой ты, по всему видимому, не являешься... Ты всегда так печёшься о брате — так помоги ему. Прими, наконец, свое новое положение, стань одной из нас.

Я с тоской взглянула на Кирилла. Я — то мечтала о любви, но поняла бы, предложи мне Баев четный брак по уговору. Не уверена, что приняла бы его — в конце — концов, амбиций первой леди у меня никогда не было. Однако то, что он сейчас предлагал... это не было замужество или что — то достойное... Он покупал меня. Пытался купить. Брак пусть и пс

расчёту я представляла себе иначе... Какое — то уважение друг к другу. Пусть не любовь, но общность взглядов... Смотреть пусть и не друг на друга, но в одну сторону. А что? Тоже не плохо... При условии отсутствия любви, уважение — достойная замена.

Предложение Кирилла звучало совсем иначе. При первой встрече он даже не посчитал меня достойной нахождения в клане, а тут — Луна, парная метка и всё прочее. Я поломала его планы, вынудив отказаться от планируемой невесты. Виновата ли я в том, что произошло? Должна ли я ТАК расплачиваться?

Кирилл, приподнял бровь, смотрел на меня.

— Настя, пора взрослеть.

Я скривилась.

— Хорошее предложение.

— Такое, — Пожал плечами Кирилл. — Ты полезна клану. А как член клана...

— Формально ты меня выгнал.

Баев сделал не определённый взмах рукой.

— Не придирайся к мелочам. Ты не чужая здесь, и сама это понимаешь...

— Странно такое слышать. Только недавно меня все убеждали, что я не ваша... Вы то все оборотни, а я бедная человечечка...

Кирилл хмыкнул.

— Забавное слово.

Я, кивнув, продолжила.

— Кирилл, я не отказываюсь. Правда, я буду помогать клану. Все, что угодно... Я видела, как работает эта альфа сила... Она действительно воздействует на оборотней. Так что если комунибудь в клане понадобится помощь...

— Да понял я, — рывкнул Баев. — Будешь как хорошая девочка приезжать в больничку по первому требованию.

Я кивнула.

— Буду.

— А ко мне в постель? — Прозвучало это так пошло, что даже сам Баев скривился.

— На тебе ведь моя метка, — рыкнул в свою защиту Альфа. — Моя активная метка.

— Не я её ставила.

В одно мгновение письменный стол превратился в щепки, а Баев, отшвырнув кресло в сторону, прижал меня к стене.

— Глупая моя... Хорошая моя...

Он нависал, словно живая горячая стена... Мощные плечи ходили ходуном и я понимала, как тяжело ему даётся сохранять контроль.

— Кирилл...,-жалобно попросила я, сама не зная чего.

Баев очень по-мужски усмехнулся.

— Значит, не хочешь быть Луной стаи. Не по нраву я пришёлся... Ну ничего, я подожду. Ты от меня все равно никуда не денешься, милая моя. Прибежишь, сама.

— Не пробегу, — с пылом пообещала я.

Кирилл наклонилась, лизнул меня в шею.

— Прибежишь, — закрыв глаза, пообещал он. Затем отошёл к двери и настежь открыл. — Иди, неволить не буду. Сама вернёшься.

Я вышла из комнаты, высоко подняв и голову. Глупая, я и не знала тогда, насколько Баев все просчитал.

В город меня отвез один из шоферов Кирилла, оборотень естественно. Оборотень оказался мне не знаком — по виду, больше военный или секьюрити, чем простой водитель: скупые, расчетливые движения, внимательный цепной взгляд... Мой отец был военным, и я ещё помнила, как они выглядят... И только сейчас я поняла, кого ещё мне напоминает этот парень: Баева. Но это ведь не возможно... Баев, наследник огромного состояния, сильный Альфа... Разве он мог служить в армии?

Я всё ещё продолжала теряться в догадках, а машина уже выехала с частной местной дороги, построенной на территории клана на шоссе.

— Альфа велел отвести вас, куда скажете, — сообщил водитель ровным, без эмоций голосом. Я назвала адрес Андрея и с замиранием сердца ждала, что ответит водитель. Однако мужчина даже ухом не повел.

Через полчаса быстрой, но аккуратной езды мы свернули к моему дому. Точнее, к дому брата — я всё ещё по привычке продолжала считать квартиру Андрея и своим домом тоже, хотя и не жила там уже больше трех лет.

Имела ли я на это право? Возможно, и нет. Только по дороге в город я осознала, что возвращаться мне, собственно, некуда. К Андрею? Даже если не брать в расчет запрет Альфы на наше общение, у брата уже появилась семья. Я явно буду им мешать. Но...мне просто некуда было сейчас пойти. Не возвращаться же к Кириллу назад по этой причине.

Откликнувшись за зов брата, я ехала в родной город, побросав все свои дела в Москве. Впрочем, если честно, кроме учебы и пары концертов в консерватории (я туда хожу по абонементу), ничего особенного я не пропустила. Но ведь из этого и состояла раньше вся моя жизнь: брат, учёба, досуг. Теперь же придется всё менять ... и я не знала, как это сделать. Я пообещала Кириллу остаться помогать клану, а для этого, естественно, надо жить здесь, а не в Москве. Так что получается, бросить институт практически на четвёртом курсе?

А если не бросать... Теперь, когда у Андрея появилась семья и тем более ожидается пополнение, брать у него деньги на учёбу и съём квартиры... неправильно. Смогу ли я сама потянуть оплату учёбы — всё — таки мой ВУЗ не из дешевых, а я ещё и учусь на дневном... Хотя можно перевестись на вечерний. Заочного у нас, к сожалению, нет... Но тогда всё — равно надо будет жить в Москве, а это мне теперь не подходит. Ещё надо срочно найти работу. Н-да.

В конец растерянная, я не знала, что мне делать дальше. И решила повременить со всеми мыслями о будущем до квартиры Андрея. В конце — концов, дома и стены помогают, да и Андрей наверняка поможет мне советом. Интересно, как выглядит его пара? Неужели, точная копия Алины?

Вспомнив про оборотницу, я дернулась, очень хорошо представляя себе её когти, рвущие моё тело. Не вспоминать, не стоит, не сейчас...

Водитель, затормозив у подъезда, проявлять чудеса галантности не стал. Открыв дверь, я обернулась к водителю, чтобы поблагодарить его на прощание.

Шофер скупно кивнул.

— Девочка, не моё это конечно дело. Но с Альфой себя так не ведут. Ты ещё под стол ходила, когда он воевал за всех нас.

— О чем вы?

Водитель усмехнулся и «зашёл» с другой стороны.

— Думаешь, так просто от него сбежишь? А зачем?

— За счастьем? — предположила я, рассмешив оборотня.

— На тебе его метка. Активная. Какое же может быть счастье без него? — Оборотень недоверчиво посмотрел на меня. — Ну, если только ты мазохистка... Слышал, эти ребята балуются подобным.

Я пожалала плечами, не зная, что ответить. Метка, метка...

— Никогда не слышала столько разговоров по поводу меток.

— Так ведь не каждый день Альфа свою самку отмечает, — пожал плечами водитель. — Да ещё так...гм... сильно.

Я поежилась.

— Что он сделал? — спросила я, испугавшись того, что мог предпринять Баев.

Оборотень на мгновение растерялся, а затем, словно выдохнув, проямлил что — то по поводу обрядов. Зная оборотней довольно хорошо, я уже понимала, что вряд ли удастся разговорить водителя — с упрямством оборотней могла сравниться только их закрытость и стремление сохранить тайну.

Попрощавшись, я вышла из машины к подъезду. И внезапно сильно оробела. Как меня встретит Андрей?

Часть 13

Ключей от квартиры брата у меня не сохранилось. Вообще, уезжая отсюда в последний раз, я брала с собой сумку... Куда и положила ключи — к кошельку, расческе, упаковке одноразовых платочков, блеску для губ и небольшому складному зеркальцу. Кстати, паспорт там был тоже...Интересно, где сейчас моя сумка? Я столько раз меняла местоположение, причем пару раз в бессознательном состоянии, что теперь узнать, где осталась сумка с паспортом, просто невозможно. Надо попросить Андрея помочь. Точно. Он ведь мой брат, который всегда помогает, разве нет?

Смело шагнув в подъезд, я совсем не смело поднялась на этаж. Даже лифтом не пользовалась... Поднималась по лестнице и всё думала, прокручивала разговор с Баевым, с водителем... даже тот первый разговор с Алексеем припомнила — ещё перед поединком.

Всё смешалось, запуталось, выдернуло меня из привычной жизни, выбросив в эту, новую, которую я ещё не знала, которая меня пугала до дрожи. И мне хотелось обратно. Жарить картошку Андрею, мечтать об институте в Москве, пытаться похудеть до купленного ещё два месяца назад голубого платья... Кстати, тайком от брата (стеснялась сильно), я бегала по этой самой лестнице вверх — вниз, вниз — вверх. Отличный тренажёр, если не обращать внимания на удивлённых соседей.

Наконец, вон она, наша дверь... Затаив дыхание, я неуверенно протянула руку к звонку. Позвонила. Шаги за дверью оповестили, что в квартире определён кто — то есть. Выходит, мне повезло. Ведь Андрей запросто мог куда — нибудь уехать...В двери завожился отпираемый замок. И вот уже Андрей, широко открыв дверь, смотрит на меня.

— Настя?! — в этом вскрике я услышала всё: изумление, радость, обеспокоенность и — испуг? А ещё брат не предлагал мне войти.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он неуверенно. Я пожалала плечами, пятясь немного назад. Андрей не рад. НЕ рад. Он... я пыталась сдержать слезы.

— Баев меня отпустил.

— Не может этого быть, — широко раскрыв глаза, изумленно воскликнул Андрей. Я пожалала плечами.

— Но так оно и есть.

— Он не сказал мне об этом. Хотя... он ведь знал, что ты поедешь сюда?

Я пожала плечами.

— По крайней мере, его водитель был не против, когда я назвала наш адрес.

Андрей замялся, и в его глазах я прочла дикое сожаление.

— Настя... мы не можем ослушиваться Альфу.

Брат клял себя сейчас — я чувствовала его мысли, словно он произносил их вслух.

— Мне не разрешено с тобой встречаться. — выдавил, наконец, Андрей. — Кирилл всё ещё не отметил свой приказ.

Я кивнула, делая ещё несколько шагов назад, на лестницу.

— Хорошо. Конечно. Я понимаю.

— Квартира пропахла мною. Это будет нарушением.

— Ничего страшного. — Ещё шаг назад. — Я просто растерялась немного, не знала, куда идти после неожиданной свободы.

Кривая улыбка брату.

— Всё будет хорошо. Уверена, семья Кати меня примет.

— Настя, я... я не могу рисковать. Катя — моя Катя (брат сделал на этом особое ударение, как будто я не знала, что он говорит о своей паре, а не о моей подруге по клану) — беременна, а она ещё официально не принята Альфой в стаю... Ты же знаешь, насколько это важно... Мне всё — равно, что будет со мной, но Катя, ребенок... Прости, сестрёнка, не кляни меня... Я переведу тебе деньги на банковский счет. Снимешь гостиницу.

Я кивала в такт его словами, понимая, что каждое слово режет сердца нам обоим.

— У меня нет сумки, нет кошелька, — тихо призналась я.

— Б...дь, — простонал Андрей. — Тогда я сам оплачу. Гостиницу, питание — ты не будешь ни в чем нуждаться.

— Паспорта у меня тоже нет.

Брат смотрел на меня и чуть не плакал.

— Андрей, не волнуйся, — я уже стояла на ступеньках, ведущих вниз. — Я же тебе говорила, дядя Толя и тетя Наташа будут рады, если я у них погощу какое — то время. Не переживай. Они тебе позвонят сообщить, что всё нормально. Занимайся женой.

Теперь уже брат кивал в такт моим словам. Мы оба не замечали, как текут слезы по нашим лицам. Баев, что ты наделал.

— Настя... я просто не могу. Ты знаешь. Приказ.

— Конечно, конечно...

— Зато я могу, — воскликнул женский голос из коридора. Затем возле двери показалась... Алина.

Нет, это была совсем другая девушка. Похожая, несомненно, но другая. Представьте себе белый цвет — один холодный, обжигающий; другой мягкий, согревающий. Обоих девушек можно было назвать белым цветом, но в отличие от Алины, эта, другая, была мягче...

— Моя Катя, — представил Андрей, на секунду отвлекшись от самобичевания.

— У тебя есть приказ не приближаться к Насте, но у меня такого приказа нет. Я — не самец, опасный для его... — быстрый взгляд на брата- для Насти... И потом, я вообще — то беременна. Мы все знаем, что беременность у нашего вида сохранить совсем не просто, а тут Альфа — самка в качестве подстраховки. Кто мне может отказать?

— С тобой что — то не так, да, котёнок? — брат перепугано бросился к своей паре, на что девушка закатила глаза, а затем незаметно мне подмигнула.

— Чувствую, меня ждут ужасные 9 месяцев.

Я понимала, что Катя шутит, и тем не менее прошлась, затаив дыхание, по её организму... До сих пор не понимаю, как это работает, но я словно чувствовала потоки, жизненную силу... Как — то так, всё равно объяснить лучше у меня не получится.

— У вас всё в порядке, — протянула я, глядя на пару моего брата. — И детки сильные будут.

— Детки? — в один голос переспросили перепуганные будущие родители.

— Двое, — кивнула я уверенно. — Мальчик и девочка.

Брат перевёл ошалелый взгляд на свою пару.

— Катька.... — последовавшее за этим проявление чувств было слишком интимным, поэтому я, отвернувшись, стала рассматривать летнее небо в небольшом просвете окна.

Вечером, намывшись и наевшись до отвала, мы с Катей гоняли чай на кухне: магазинные эклеры и песочные корзиночки исчезали с пугающей быстротой. Мы ждали Андрея.

После слезной сцены на лестнице, мы с Катей заперлись в моей «бывшей» комнате, а брат сразу же засобирався в клан.

— К Баеву на поклон, — хмыкнула недовольная Катерина, выходя из комнаты на кухню, чтобы поставить чайник.

— Не любишь ты его, — заметила я, приходя в себя в знакомой обстановке. Желтый пузатый чайник со свистком я сама выбирала — специально облазила полгорода в поисках именно такого, к желтым занавескам на кухне.

— Слава Богу, не обязана, — пожалла девушка плечами. — Но у меня, знаешь, тяжелый случай. Я вообще Альф не люблю.

— Что так? — не подумав, спросила я.

— Отец, брат, муж сестры... — Катя тяжело вздохнула. — Первые двое всю жизнь меня не замечали. Не можешь обращаться в волчицу — изгой, генетическая ошибка, не достойная быть ни в клане, ни в семье...

— А муж сестры?

Катя махнула рукой.

— Метт... да он нашу Лику замордовал совсем. Она знаешь какая раньше была: мягкая, отзывчивая, добрая... В общем, совсем не для Альфы... Они же самые жестокие среди оборотней, больше звери, чем люди...

— Но ведь с парами...

— С истинными, Насть, только с истинными. — Катя повела плечиком. — С истинных пар они пылинки сдувают. И то, наверное, потому что подохнут без них как собаки дворовые. А когда брак по уговору, можно как угодно себя вести, лишь бы детей родила. А нет — так другая родит. Альфы то особо не парятся. У того же Метта уже двое детей от местной волчицы.

— Что ж он себе ту волчицу не выбрал в Луны?

— Фиг его знает. Разве Альфы что скажут в простоте.

— Ну, кто —нибудь ведь знает...

Катя пристально посмотрела на меня: трезвый, очень серьезный взгляд, совсем не для расслабленного вечернего разговора за «плюшками».

— Если Альфа решит что — то утаить — ему очень просто это сделать. Достаточно отдать приказ. Никто не рискнёт нарушить.

— Ты недавно нарушила...

— Неа, — покачала головой Катя. — Формально я ещё не в клане, так что нарушение приказа чужого Альфы не несёт для меня никакого наказания; во-вторых, приказ был Андрею — не приближаться к тебе под угрозой уничтожения...

Я побледнела, подняв испуганные глаза на жену брата.

— Неужели такое возможно? Неужели Баев...

Катя кивнула.

— Да. Как только Баев учует на тебе запах Андрея, Андрей не жалеет. Баев сам пообещал его загрызть. — Девушка вздохнула. — Я тебе это рассказываю, чтобы ты не обижалась на брата... Да и я хороша, втравила вас всех в эту историю. Расколись я перед Андреем раньше... — Она тяжело вздохнула, грустно мне улыбнувшись. — Но ничего не изменишь. Придется с этим жить. И я с себя вину не снимаю.

— Кать, какая вина? Ты-то в чем виновата. Баев, он...

— Он — Альфа, Настя. — перебила меня Катерина. — Я неплохо изучила их характер. Баев ещё не самый жестокий из них... Ну, может быть и самый, конечно, но так у него стая — огого... Альфы — они такие. От меня отец фактически отказался, как узнал, что я оборачиваться не могу. Понимаешь, отказался. До 13 лет на руках носил: дочка, любимая дочка — а потом как умерла всё — равно. И Лику продал. И было бы какая польза от этих денег, да нет же — всё в тотализатор спустил... А ему никто слова сказать не может, потому как пригнет своей силой так — что свет белый возненавидишь... Я, думаешь, просто так от твоего брата сбежала. Отца испугалась.

— Расскажи, как ты с моим братом встретишься, — попросила я, чтобы отвлечься от Альф, Баева и прочих неприятностей. Катя замаялась.

— Год назад, когда отец стал клинья к Баеву подбивать — насчет брака по уговору, меня вообще из клана спланили... Чтобы, начини Баев интересоваться нашей семьей, всё было шито — крыто... Да только все наоборот получилось... Смешно... Меня к тетке отправили. Она одинокая — хоть и волчицей оборачиваться может, но замуж не пошла. Истинная пара так и не нашлась, а по сговору она сама не желала... В общем, Рита тихая и скромная — даром что провинциальная библиотечка. Так я у неё жила весь этот год жила... А твоего брата вообще случайно на дороге встретила, даже сначала не поняла, что он моя истинная пара. Просто приглянулся — высокий, мощный, пахнет вкусно... У меня волчица слабая, я практически не понимаю этих запахов, а его учуяла... мне бы сразу понять, что к чему, да вцепиться в него мертвой хваткой, несмотря на отца и его планы... А я, овечка забитая, испугалась, убежала... Приехала к тетке — рассказала всё как есть, ну она уж как на меня припустила ругаться... И только тогда до меня дошло — не хочу больше быть овечкой. Пусть я не и обращаюсь, но я волчица... Вцеплюсь в своё счастье, загрызу, но не отдам. А там где силы не хватит — пригнусь, слабой прикинусь, на потеху сдамся — но добыюсь своего. Я когда сюда ехала, чего только не надумала по дороге... Ведь у нас с твоим братом только ночь была — это же для оборотней всё равно что в кафе вместе сходить... считай и не было ничего... Ведь могло и по — другому получиться: приехала бы я к Андрею — а он засмеял бы меня, деревенщиной обозвал. Ну, или спланил назад по — тихому... Кто — твой брат, а кто я...

— Андрей не такой, — сказала я, покривив душой. Тот подслушанный разговор не давал мне права говорить такое, но ведь уже прошло так много лет. Мой брат исправился, разве нет?

Катя покачала головой.

— Ты ещё наивнее, чем я думала. Как же ты жить будешь, Настя?

И мне захотелось расплакаться. Вроде бы ничего обидного — подумаешь, назвали наивной: это ведь не оскорбление, не ругательство... Так почему так больно?

Катя посмотрела на меня своими умными карими глазами.

— Я была на твоём месте и знаю, какого это, когда жизнь рушится, а ты всё бежишь, бежишь и бежишь, старясь успеть, чтобы не попасть под обломки. Но у тебя нет выбора. У меня не было, и у тебя тоже нет. Будь уверена только в одном — мы с Андреем никогда тебя не бросим. Поможем всем, чем только можно.

Хлопнула входная дверь — Андрей появился домой с новой порцией пироженых и бутылкой шампанского. А на локте его несуразно болталась... моя сумочка.

— Настька, я паспорт нашёл, — широко улыбаясь, заявил брат. — Твоя сумка, оказывается, так и валялась у Лешки в машине.

— Ааа, — кивнула я, опасливо косясь. — Это ничего, что мы в одном помещении?

— Всё нормально, — кивнул Андрей. — Я разговаривал с Баевым.

— И? — поинтересовалась я одновременно с Катей. Андрей пожал плечами.

— Он понимает, что ты не готова.

— А дальше? — сощурилась жена брата. — Неужели отпускает...

— Настя согласилась, что будет помогать клану, и Кирилл с этим согласен. Он велел передать, что ты снова в клане... — и с этими словами брат протянул мне пластиковую карточку.

— Что это? — спросила я, не спеша дотрагиваться.

— Сюда будут перечислять деньги... Но тут уже есть приличная сумма. Ты ведь спасла эту девушку, как её звали, тогда, в больнице...

— Лена, — напомнила я. Брат кивнул.

— Вот — вот... Там деньги за Лену. Хорошее вознаграждение.

— Поди и квартиру снять хорошую хватит? — съехидничала я, но, брат, словно не заметив, стал энергично кивать.

— Да, да... и квартиру, и машину...

— ...и маленький остров в придачу, — пробормотала я, моментально повзрослев. — Спасибо, но нет.

— Настя? — не понял Андрей.

Я сложила руки на груди.

— Не возьму.

— Так это же твоё.

— Я не собираюсь обратно в клан. — Андрей нахмурился, словно то, что я говорила, ему сильно не нравилось. — Я не просила Баева об этом. Он выгнал меня из клана перед поединком, пусть так всё и остаётся.

— Ты обещала ему, что будешь помогать клану.

— Обещала... Я ведь была в операционной тогда, и знаю, что это и вправду работает. Как можно, имея возможность спасти жизни, пренебрегать, отказывать в помощи. Это бесчеловечно. Я останусь здесь, в нашем городе, и буду помогать клану, чем могу. Именно об этом я говорила Кириллу. Ни о чем другом речи не было.

Андрей широко улыбнулся и чуть ли не закатил глаза от удовольствия.

— А моя девочка выросла, — обратился он к Кате.

Катя так же широко улыбнулась брату.

— Наша Луна...

Я рыкнула и запустила в брата блюдцем.... Которое он тут же легко поймал.

— Насть, не дури, это же твои деньги.

— Нет, братишка, это его деньги. И ты об этом прекрасно знаешь. — Я посмотрела на брата. — Зачем ты это делаешь?

— Что именно? Налаживаю твою жизнь?

— А мне показалось, что ты хочешь померить меня с Баевым.

— Ты взрослая, и сама будешь принимать решение.

— Разумеется. — кивнула я. — Без давления и подкупов.

— Если кто — то хочет сделать твою жизнь немного легче, почему бы этим не воспользоваться.

— Потому что за всё надо платить? — иронически протянула я. — И я даже знаю, какую цену заплатил ты за возможность снова со мной находится в одном помещении.

— Настя... — протянул брат, побледнев. — Не смей думать, что я продал тебя. Никогда. Но и не смей думать, что Кирилл когда — то был моим врагом.

— Он хотел убить тебя только за то, что ты окажешься со мной в одном помещении... Интересно, кем после этого считать Баева?

Андрей рыкнул что — то в сторону Кати, и я с изумлением увидела, как вздрогнула девушка.

— Не смей, — закричала я, поняв, что он только что применил силу беты к своей беременной паре. Кинувшись к Кате, проверила её состояние.

— Это не опасно, — устало проведя ладонями по лицу, произнес Андрей.

А я... я поняла, что с меня хватит. Точно хватит. Оборотни... Альфы, беты, кланы, правила, пары, метки... Достало. Хватит. Я схватила свою сумку, висящую на ручке двери и пошла в свою бывшую комнату. Оделась в вещи, одолженные у Катерины и, попрощавшись с детством, вышла из квартиры.

Глава 14. Наивная

Брат нагнал меня у подъезда, резко развернув к себе.

— Ты что творишь, Настя?

— А ты???? Зачем... Беременную своей силой....

Всхлипывая, я напрасно пыталась удержаться от новой истерики.

— Как ты мог, Андрей...

— Настя... — Брат тяжело вздохнул, тоже пытаюсь успокоиться. — Настя, я к тебе тоже применял силу в детстве. Ты помнишь, когда спать вовремя не ложились?

Я кивнула.

— Тебе было больно?

— Нет, но это совсем другое дело. Она беременная!

— Настя, даже беременность не является в некоторых случаях извинением. Законы стаи одинаковы для всех. И если я хочу уберечь свою жену, то вынужден иногда применять силу...

— Какие законы Андрей? Что она такого сказала?

Андрей покачал головой.

— Катя знает за собой вину...

— И это все, да? Ты даже извиняться не будешь?

Брат тяжело вздохнул.

— Настя, моя жена знает наши правила.

— И этим можно оправдать применение силы?

— Я не причинил ей боли, — ещё раз, стиснув зубы, проскрипел Андрей. — К сожалению, с твоей открывшейся Альфа — силой, я не смогу продемонстрировать тебе наглядно, насколько это не больно... Да и не по чину мне тебя теперь наказывать...

— Андрей...

— Настя, молчи, пока действительно не поссорились. Я тебя долго укрывал от настоящего, но, сестренка, мы живём в жестоком бескомпромиссном мире... Я имею право защищать свою жену. И я буду это делать, всеми доступными способами. Может, людям такой способ и покажется варварским, но и мы не люди.

Я поморщилась.

— Ты всё больше мне напоминаешь Баева.

— Он — Альфа моей стаи, Настя.

— Он хотел тебя убить, чтобы самому жить с твоей парой! — воскликнула я. — Он тебя ко мне не пускал.

— И у него, очевидно, были на это свои веские причины... — Вздохнул брат. — Думаешь, я не бесился тогда... Но как бы я не злился, Баев в своём праве. Прости, сестрёнка.

— Все кругом только и говорят, что о праве Баева. А где моё право?

— Какое тебе надо право? — удивился Андрей. — Баев имеет на тебя все права, но он что — то не держит тебя взаперти в застенках усадьбы, а вон, свободу дал. Делай, что хочешь, живи — как хочешь. А ты всё ещё недовольна.

— Я не недовольна... Я просто хочу понять...

— Чего? Почему я так поступаю? Почему Баев так поступает? — Андрей хмыкнул. — Может, потому что мы — мужики, которое в ответе за огромное количество народу. У меня

— то в десятки раз меньше, и то работы хватает... А уж Кирилл — то тянет на себе... Плюс возраст. Посчитай, сколько он лет ходил, себе пару искал.

— Но и пусть дальше ищет. Я ведь не его истинная.

Андрей на секунду замолчал, а затем тяжело вздохнул.

— Настя, думаешь, сколько процентов оборотней встречают своих «истинных»?

— Понятия не имею.

Андрей кивнул.

— Последняя истинная пара, которую я встречал, это родители твоей подружки Катерины. Ну, плюс, ещё эти дурачки из больницы... но про них даже вспоминать не хочется. А Баев... Ты уже приняла его, только сама ещё этого не понимаешь. Я просто хочу тебя уберечь от больших неприятностей.

— Подталкивая к Баеву? Причем так активно, что даже не жалея свою жену?

Андрей поморщился.

— Выправлять тебе мозги как в детстве я уже не могу. Но своей жене имею полное право. Деньги у тебя на карточке есть? На твоей карточке? — Уточнил Андрей. Я кивнула.

— Хорошо. Повзрослешь — позвони.

Развернувшись, брат зашёл в подъезд, напоследок громко хлопнув входной дверью.

Я тогда ещё долго стояла, глядя на серую железную дверь.

О городских гостиницах, я, как местная жительница, естественно практически ничего не знала — зачем гостиницы, когда есть собственная, такая родная и уютная квартира. Оказывается, чего в жизни не случается... Даже уезжая в Москву на учёбу, я точно знала, что брат хранит мои вещи в целости и сохранности. Каждый раз, приезжая на праздники или каникулы, я попала в атмосферу своего детства... А теперь мне там места нет. И комнаты моей больше не будет. Господи, ну почему так больно — то? Ведь радоваться надо — брат пару нашёл! А я, эгоистка, всё о себе...

Вспомнив, про одну старую, ещё советских времен, гостиницу — которая возвышалась в двадцати минутах ходьбы от нашего дома, я решила не тратить силы на поиски чего — то другого, и побрела к этому серому монументальному монстру.

А город за моё отсутствие опять поменялся. Когда здесь жила, думала — ничего не меняется, настолько у нас «спокойное болотце». Ан нет. Вот новую многоэтажку поставили — красивую. Вот новый ресторан мигает праздничными огнями — на дворе самые что ни на есть будни, но ведь рестораны на то и рестораны, чтобы создавать праздничную атмосферу, не так ли? Прогулявшись мимо старого сквера, в котором компания молодёжи распивала пиво, я вышла к серому громоздкому зданию.

комнат, несмотря на лето и курортный сезон, оказалось много — что лишний раз говорит о популярности нашего города. Может, поэтому сюда оборотни так стремятся. Хотя оборотни не останавливаются в гостиницах — они предпочитают уединенные шале, раскиданные на землях клана за городом... Никакой пользы для местных жителей.

Пожилая администратор, зевая, поинтересовалась, какую комнату я хочу, сразу предупредив, что у них снимают только посуточно.

— Если вы хотите по часовую, то у нас нельзя. — Строго предупредила администраторша.

Я удивлённо посмотрела на женщину.

— Кто же будет снимать по часам... Это же ни выспаться, не отдохнуть...

Теперь уже администраторша смотрела на меня удивлённо.

— Всякое бывает, пробормотала она, спросив:

— Какую комнату вы хотите?

Финансы свои я ещё не подсчитывала, но обычно брат переводил мне каждый месяц определённую сумму, на которую я и жила. С учётом моей экономии, мне всегда хватало с лихвой, но в этом месяце я уже потратилась на билет на самолёт, а это даже внутри страны сумма не маленькая... Хорошо, за квартиру заплачено за 2 месяца вперёд. Вздохнув, я решила выбрать самую маленькую комнату на втором этаже (почему то самую дешёвую) и быстренько оплатив пребывание на трое суток, получила ключ от своего нового жилища. Короткий подъём по истоптанной до вмятин лестнице — и вот я уже в нужном пролёте. Сразу стало понятно, почему такая дешёвизна — здесь, в отличие от первого этажа, ремонт сделать ещё не успели. Интересно, если это самое дешёвое размещение, значит, наверху уже отремонтировали?

Мой номер располагался практически напротив лестницы — неприметная желтая дверь с выбитой табличкой. Повернув ключ, я вошла внутрь. Комната оказалась не просто маленькой, а крошечной: как сюда втиснули двухспальную кровать — осталось для меня загадкой. Может, это раньше вообще какой-нибудь подсобкой было? Правда, обследовав комнату дальше, я обнаружила собственную, пусть и убитую жизнью, но чистую ванную комнату. Что ещё надо девушке для временного пристанища?

В общем, всё было совсем не плохо, если отвлечься от проблем, поджидающих меня снаружи гостиницы. Можно было прямо сейчас раздеваться и ложиться спать... но очень хотелось чего — nibудь перекусить.

— Эх, сейчас бы чаю, — рыская взглядом по комнате, пробормотала я. Но чайника эконом варианте не предусматривался. Не понятно почему, но на меня вдруг напал такой голод, что сидеть в номере без еды и даже без чая, я не могла. Промаявшись какое то время, я так и не смогла себя пересилить и где то около двенадцати ночи собралась выйти на улицу — купить какой — nibудь еды. Талия шептала о кефире, но желудок требовал макдональдс — полную порцию. И это после пирожных, которые мы с Катей уминали не больше пары часов назад.

Увидев меня, выходящей на улицу, администраторша, востепенувшись ото сна, заявив:

— Незарегистрированным лицам вход в номера воспрещен!

Я с опаской покосилась на женщину.

— Так вы же меня зарегистрировали уже, паспорт даже взяли.

— Ну вы куда-то собрались.

— Поесть купить, — призналась я.

Администраторша едва сдержалась, чтобы не высказаться... Да, я и сама понимаю — есть на ночь вредно, но что делать, когда от голода даже сон не идёт.

Пробормотав что-то про непутевую молодёжь, администратор опять задремала — прямо тут же, сидя, на стуле, а я, потянув тяжёлую, обитую деревянными рейками, дверь вышла на улицу.

Наш город никогда не значился в числе мегаполисов, и, конечно не мог сравниться с красавицей Москвой, но и у нас за последние несколько лет магазинов, торговых центров, всяких кафе в разы стало больше. Так что кефир в двенадцать ночи я нашла без особых проблем. Заодно и яблок купила — самое оно, кефир с яблоками! А потом бурчащий от голода желудок снова дал о себе знать. Решив, что сегодня не тот день, чтобы экономить и беспокоиться о талии, я завернула в макдональдс. И была, наверное, единственным

человеком, который стоял в макавто без машины.

А в гостинице меня уже ожидала бдительная администраторша... Специально для неё я купила кофе с пирожком. Пусть и не экономно, но надо было видеть лицо женщины! А я уже летела в свой номер, прижимая к груди пакет с картошечкой фри и филе о фишем.

Я съела все. Даже кефиром с яблоками не побрезговала, и все равно какое чувство не насыщения мешало, не давая заснуть... Вроде и кровать мягкая, и свежий воздух в комнате, но я проворочалась всю ночь. и только под утро задремала... Лучше бы вообще не спала, честное слово! Мне приснился Баев!

Снился мне Баев — но совсем в непривычном состоянии. В смысле, не рычал и не приказывал. Зато касался, ласкал, гладил... и всё так нежно и романтично.

— Милая моя, — шептал Кирилл, мягко обводя жёсткими пальцами мои губы, лаская шею и спускаясь все ниже, ниже и ниже... — Как долго я тебя ждал... Как долго искал...

Я только вздыхала, не зная, что произнести в ответ, да Кирилл и не ждал от меня ответа, продолжая начатое: ласкать, целовать, шептать нежные признания... Как же мне это нравилось! Я даже стонать начала в голос — до того была приятна эта ласка... Словно и не Баев это, а кто-то хорошо знакомый и близкий, моя неотъемлемая, важная часть меня.

Проснувшись я на рассвете. Вся горячая, сжимающая одеяло между ног... Стыдоба... Довели оборотни, нечего сказать... И тут же испугалась: вдруг теперь всегда будет так! Мне же Катька рассказывала, что они себя в этом самом деле особо не контролируют... Может, поэтому у них и появились истинные пары — чтобы хоть как-то упорядочить половую жизнь. Напуганная, я слетела с кровати и бросилась в ванну под холодный душ. Самое смешное, что в гостинице, словно по заказу для особо возбудимых особей, не было горячей воды. Бодрящее утро, нечего сказать. Только кожу, даже не смотря на ледяную воду, жгло по-прежнему... И такое странное чувство... Как будто не хватает чего-то. И опять проснувшийся зверский аппетит.

Выскочив из душа, я обмоталась коротеньким казенным полотенцем и прошмыгнула обратно в комнату — там, где-то среди пакетов, должна была лежать новенькая, ещё не распакованная с вечера, зубная щётка. Между прочим, третья за два дня. Первая так и осталась в больнице, а вторая... второй я только раз и воспользовалась. В особняке Баева.

Как есть хочется... Взглянув на себя в зеркало, я тут же испуганно отскочила. Метка! Метка на шее снова проявилась алым шрамом.

А как пульсирует то... Потрогав метку, я снова ощутила странное томление... внизу живота.

Да что происходит то!!!! Хотелось плакать от бессилия. Интересно, не об этом ли говорил Баев, обещая, что я сама вернусь? Ну уж нет, дудки! Но противное подсознание нащёптывало: согласись, вернись. Альфа ждёт тебя. Вернёшься — и всё будет уже не во сне, а по-настоящему: нежные касания, море удовольствия, единение с любимым.

Я тряхнула головой, пытаясь сбросить наваждение. С любимым? Это, что ли, Баев мой любимый? Когда, интересно, он им стал. А потом меня бросило в холодный пот. Вдруг, это во мне сейчас говорит волчица? Я ведь не знаю, как они управляют своим внутренним зверем. А если у меня пробудились не только Альфа способности?

— Нет, нет, нет... — я застонала, в страхе привалившись спиной к холодной стене. — Такого не может быть. Или может? И вот что теперь делать???

Нацепив вчерашнюю одежду, я вышла из гостиницы. Забыв обо всех разногласиях с братом и Альфой, мне предстояло решить, как жить дальше. Теперь уже без помощи Андрея. Зная брата, я была уверена, что он по-прежнему будет переводить мне какие — деньги на карту. В конце — концов, у беты не плохой доход. Но висеть на шее Андрея вместе с его семьёй? Братишка и так сделал больше, чем достаточно: подарил мне счастливое детство и обеспеченную юность. Теперь для него настал черед позаботиться о собственной семье. Мне же было пора учиться зарабатывать собственные деньги. Но прежде стоило сделать ещё одну

вещь: обговорить с врачами моё присутствие в больнице в качестве их помощницы.

Я видела как работает моя новообретённая сила и отказывать в помощи клану я не имела права. В принципе, я уже согласилась помогать в этом — тогда, ещё у Баева в особняке. Но делать я это буду не по его указке, а самостоятельно, обговорив всё с врачами больницы. Это ведь, в первую очередь, им необходима моя помощь.

Расставив для себя приоритеты, я дошла до троллейбусной остановки. Ехать до больницы было неудобно — аж с двумя пересадками. С учётом скорости троллейбусов, дорога растянулась на час с лишним.

В саму больницу я входила с ощущением дикого страха. Вся моя утренняя решимость куда — то испарилась, оставив за всё отдуваться боязливую и неуверенную в себе девушку. Ненавижу, когда я такая. Но деваться — то некуда было, пришлось идти дальше по коридору.

В приёмном покое меня узнали. Точнее, почувствовали.

— Луна! — воскликнула молоденькая медсестричка, замерев на почтительном расстоянии. — Вы наверное к Илье Романовичу?

— Что? — переспросила я, а потом вспомнила того, вреднучего врача. — Нет, я к Сергею Леонидовичу.

— Вы уверены? — в голосе девушки слышалось сомнение. — Сергей Леонидович — глав врач реанимации и прекрасный специалист, но честь консультировать семью Альфы принадлежит Илье Романовичу.

— Он не местный, — по секрету добавила мне девушка. — Но очень хороший профессионал.

Я пожалала плечами, промолчав о своих наблюдениях. Может, злющий и на самом деле неплохой врач, но только я не желала иметь с ним ничего общего. Я ведь могу выбирать, с кем мне работать вместе, разве нет?

— Я не принадлежу к семье Альфы, так что мне Сергей Леонидович будет в самый раз.

— Но... — медсестра осеклась. — Вы же ...пара.

Я замотала головой.

Девушка, всё ещё пребывая в прострации, набрала на телефоне короткий номер, попросив позвать Сергея Леонидовича в приемное.

— Сергей Леонидович, здесь Луна... да, конечно, да, Сергей Леонидович. — девушка подняла взгляд. — Пойдемте, Луна, я вас провожу...

Врач встретил меня у дверей кабинета — в неизменном синем костюме, с белым халатом в руках.

— Настя? Какими судьбами? — поинтересовался доктор сразу после приветствия. — Признаться, я был очень удивлен, когда Мила сообщила мне о вашем приходе.

Я развела руками, смущенно улыбаясь.

— Вы что — то говорили о помощи больнице.

— Альфа делает всё возможное, — врач кашлянул. — И невозможное, чтобы уровень наших услуг был на высоком уровне.

— Это, конечно, замечательно. Но... — я глубоко вздохнула. — Вам моя помощь нужна? Ну... Альфа — помощь.

Сергей Леонидович, поняв, о чем я веду речь, немного расслабился.

— А, так вы по поводу Альфа силы... А Кирилл Владимирович разрешает?

Я закатила глаза. Нет, ну честно, кому какое дело.

— Он выдал мне карт-бланш на мои действия. — А что, даже не соврала. Ведь Бае

отпустил меня на все четыре стороны.

— Я очень рад... Признаюсь, сомневался, что Кирилл Владимирович разрешит... В то тогда так ослабели после лечения пациентки...

Я дернулась, вспомнив про кошмар после лечения Лены... А вдруг так будет всегда? Своеобразная цена за применение силы, ведь, в конце — концов, я не сто процентный оборотень.

Подняв на доктора испуганный взгляд, спросила:

— Это опасно? Не вредно?

Сергей Леонидович покачал головой.

— Не думаю. Мы сделали анализы после использования вами альфа силы... Кроме упадка сил ничего... Правда, был ещё кошмар, но это, даже Илья Романович уверен, от вашей впечатлительности.

Я кивнула, выдохнув. Главное — что не вредно. А в остальном... Какая разница, если это может спасти человека... То есть оборотня?

— Я очень рад, — продолжил тем временем Сергей Леонидович. — очень. Альфа уже решил, каким образом вы будете до нас добираться?

— А что, это так важно? — напряглась я.

— Как же... Кирилл Владимирович не частый гость в наших краях... Хотя, конечно же, с авиапарком Альфы это не проблема.

Прибалдев от такого разговора, я кивнула. Получается, они даже не ожидают, что я буду жить здесь, в нашем городе... Ну да, с учётом привычек Кирилла, этого можно было и не ждать. И какая в сущности разница — жить где то далеко с Кириллом или жить одной в Москве. Альфа в любом случае пришлёт "транспорт". Благодаря работе Андрея, я тоже была в курсе про авиапарк Баева... Даже один раз летала с Андреем в Литву на маленьком «бомбардире»... В общем, это была прекрасная идея — переложить все проблемы на плечи Баева.

Из больницы я вылетела в прекрасном расположении духа: разве что метка дико чесалась, да аппетит опять разыграли не на шутку. Купив по дороге большую булку с корицей и сок, быстро умяла всё в автобусе — правда, чувство голода совсем не заглушилось, даже как будто наоборот — стало ещё сильнее.

Развернувшись, поехала туда, где меня всегда ждали и где наверняка можно было найти ответы на некоторые вопросы. Не на все — это я теперь понимала, что все ответы имеются только у Баева. Вся проблема именно в том, что Баев не торопился меня просветить... Впрочем я была уверена, что Каткиным родители мне помогут. Чем смогут.

Пару лет назад тётя Наташа и дядя Толя окончательно перебрались за город — поставили себе добротный двухэтажный дом, в котором, по их задумке, должно было хватить места на всех детей, а потом и на внуков. Внуки, точнее внук, у них был только от старшего сына, ни Николай, ни моя подруга Катка парами ещё не обзавелись.

— Беда с ними, — любила говаривать тётя Наташа, с хитрецей поглядывая на меня. — А ты, непутевая, когда мужа заведешь?

Обычно в этот момент вступал дядя Толя, утверждают, что мужья не мошь — не заводятся, а находятся... И тут же советовал мне присмотреться к Кольке или к его молодым ребятам... Он командовал полком в военной части, где когда то служил ещё мой папа.

До дома тёти Наташи и дяди Толи ходила электричка — место, практически на границе с землями стаи. Не просто так военный там обосновался, ох, не просто... В любом случае, я

радовалась, что до их посёлка хотя бы есть общественный транспорт, и можно не тратиться на такси. Возле станции забежала в магазин — с пустыми руками в гости не ходят. Выбрала самый свежий торт — мой любимый Вацловский. Главное, не сожрать по дороге, вздохнула я, беспокоясь насчёт своего совсем не здорового аппетита.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тётя Наташа встречала меня на крыльце — пресловутое обаяние оборотней. В городе, правда, их нюх немного "прибивался" — слишком большое разнообразие запахов, зато в сельской местности или, к примеру, в том же поместье, почувствовать чужака никогда не составляло большой проблемы.

— Настя? — С тревогой в голосе спросила тётя Наташа, — что-то случилось?

Я кивнула, улыбаясь.

— Спасибо, что Луной не называете, а по имени.

Катина мама покачала головой.

— Ты Луна и есть... Это я по привычке тебя по имени... Да ты заходи, что стоишь на пороге как чужая. Ты теперь можно сказать хозяйка всего.

— Тётя Наташа, — жалобно попросила я, на что женщина, улыбнувшись, только махнула рукой.

— Привыкай Настя, теперь у тебя другая жизнь началась.

Часть 16. Перед прыжком

Я с тоской смотрела на Катькину маму.

— Тетя Наташ, вы ведь понимаете, что я не хотела становиться Луной.

Женщина пожала плечами.

— Настя, но уже ничего не попишешь... Не сопротивляйся, девочка — будет только хуже. У тебя ведь активная метка, понимаешь?

— Неа, — покачала я головой. — Что это вообще значит.

Женщина тяжело вздохнула, покосившись куда-то в сторону веранды.

— Они что там, эти оборотни, совсем оборзели... держать тебя в неведении... Этак ты скоро на стенку полезешь и всё не будешь знать из — за чего.

— Это вы про мой... аппетит?

Тетя Наташа удивлённо моргнула.

— Аппетит?

— Ну да... Живот всё время тянет, и какая — то пустота... Я уже вторые сутки ем — не переставая. И ничего не помогает.

— О... — протянула, удивившись, Катина мама. И почему — то покраснела.

— Пойдем, девочка, — через минуту, прокашлявшись и пробормотав в адрес моего брата и Альфы все мыслимые и немыслимые эпитеты, выдавила женщина. — Попробуем твоего торта. А заодно и про аппетит побеседуем.

Собрав всё необходимое на подносы, мы направились по витой мощёной дорожке к белоснежной беседке, поставленной ещё прошлым летом дядей Толей с сыновьями.

— Ты ведь ещё не видела нашу новую красоту? — спросила тетя Наташа, кивнув в сторону ажурного деревянного строения.

Я покачала головой.

— Нет, я уже к тому времени в Москву вернулась. Но Катюха пересылала мне фотографии по интернету. Очень красиво получилось.

— Ага, — довольно кивнула тетя Наташа. — Мы с ней половину журналов по дизайну

пролистали, чтобы найти что — то... ну, для нас, нашей полосы... А подушки эти, кстати, я сама шила — не покупные.

Вот так, обсуждая ремонт и хозяйственные мелочи, мы уселись в беседке, на деревянные скамьи с непокупными подушками.

Тетя Наташа разливала чай, я с тоской смотрела на торт, а седая Пуля (так звали собаку, которую спас дядя Толя от живодёров), крутилась вокруг нас, требуя свою порцию сладостей и нежностей.

— Старая она стала, — поглаживая широкую спину Пули, заметила я.

Тетя Наташа кивнула.

— Старая... Уже на рекорд идёт. Мы ж её только нашим мясом кормим, — пояснила тетя Наташа, имея в виду мясо для оборотней, которое существенно отличалось от привычного покупного мяса.

Я усмехнулась, припомнив, как один раз попыталась накормить Андрея котлетами из покупного фарша. Брат тогда долго плевался... А затем выдернул тарелку из моих рук.

— Не смей это есть, — рыкнул Андрей, велел тотчас выкинуть все котлеты. На мой вкус, разницы большой не было, но оборотни чисто физически не могли есть обычное покупное мясо...

— И как же вы жили до того, как Кирилл построил вокруг нашего города комплекс ферм, — пробормотала я. На что тетя Наташа, вскинувшись, усмехнулась.

— И не вспоминай. Сустились, выискивали частные хозяйства... или колхозы какие — которые ещё оставались — вскладчину покупали скотину... в общем, проблем было — завались, — тетя Наташа покачала головой. — Зато теперь — красота: и сами не бедствуем, и выгоду приличную имеем. А всё твой Кирилл...

Я умоляюще посмотрела на Катину маму.

— Ну, тетя Наташ...

— Девочка, всё понимаю: и тяжело тебе, и непривычно. Но по-другому уже не будет. Надо было думать, когда метку Альфы принимала.

Я дернулась, пролив чай на колени.

— Что? — перепугалась тетя Наташа. — Обварилась, да?

— Нет, — я махнула рукой. — Ничего страшного, не горячо уже... А что с меткой?

Тетя Наташа выразительно посмотрела на меня.

— Она активная.

— Все это говорят, — кивнула я. — Только я не понимаю...

Теперь уже опешила тетя Наташа.

— Так ты что, в ответ его не кусала?

— Кого? — я испуганно посмотрела на женщину. — Никого я не кусала.

— Дела... — тетя Наташа покачала головой. — Ты сильно пахнешь Альфой, да и желание в тебе не просто так проснулось... всё говорит только о том, что метка активная...

Тетя Наташа, проворно перегнувшись через стол, отодвинула ворот моей футболки. — Да, точно. Метка твоя выглядит точь в точь как после обряда — когда пара приняла друг друга, но ещё не сочеталась.

Я икнула.

— Я никого не принимала, никого не кусала.

Катина мама с сомнением посмотрела на меня.

— Ну не знаю, Настя. По виду твоей метки — очень даже кусала... Ежели нет, то я даже

представлять себе не хочу, насколько силен Альфа. Надо же, обойтись только одним своим желанием, чтобы привязать тебя к себе, — последнее предложение тетя Наташа скорее прошептала для себя, чем озвучила мне. И всё же, услышав это, я не могла не среагировать.

— Что это значит — привязать? — спросила я, икнув от напряжения. — Неужели я ему так необходима? Кто он — а кто я.

— Настя, не мы это определяем, девочка... — тетя Наташа закрыла ладонью рот и покачала головой. — Ты должна с ним поговорить.

— Это не так — то просто сделать.

— Не слушает? — сочувственно спросила Катина мама.

— Я боюсь его, — честно призналась я. — Кирилл... он напирает...ну, вы понимаете...

— Постель требует, — кивнула понимающе тетя Наташа. — Ну, ясное дело. Как ещё держится — то не понятно. Если он ваши метки сам активировал, то ты могла сразу и не почувствовать... почувствовала, но с задержкой. А он — то поди, с первого дня, с самого первого часа...

— Тетя Наташа, я ничего не понимаю... Все говорят намёками, или говорят, что, мол, никому не стоит верить... И я вообще не знаю, как дальше быть.

— А брат что?

— У него у самого пара нашлась. К тому же беременная. Не до меня ему сейчас. — Я мотнула головой. — Андрей, конечно, поможет, но я не хочу. Не стоит отрывать от его пары.

— Правильно, девонька, — кивнула тетя Наташа. — Правильно поступаешь. К тому же, Андрей тебе в этом деле не помощник. Он ведь Альфе нашему посчитай правая рука — всегда должен спину прикрывать, иначе это уже не бета стаи. Твой брат и так много дел наворотил... только из- за тебя Баев его и помиловал.

Я вздрогнула.

— Это как?

— Брат твой дважды против Альфы пошёл: первый раз когда пару свою учуял — вызов бросил.

— А второй? — замерев, спросила я.

— А второй, когда тебя отстаивать начал... Ох, одна из уборщиц в поместье слышала — рык стоял на весь особняк. Баев всё же убедил твоего брата не вмешиваться и признать метку.

— Вы же говорите, она активная.

— Она сейчас активная, дурёха. А тогда — кто знал? Ты же в больнице лежала, только слухи ходили...

— Расскажите про метки, тетя Наташ, — попросила я. — Я так и не разобралась с ними, что к чему.

— А что ты уже знаешь?

— Что пары обмениваются метками во время брачного обряда.

— А зачем, объяснили?

— Врачи рассказывали в больнице. Типа запах и всё такое. Что я стала Баевым пахнуть. Тетя Наташа кивнула.

— Всё так. Что ещё?

— Что оборотень после того, как метка становится активной, успокаивается, а до этого они дикие — ко всем ревнуют. Кирилл, например, запретил Андрею навещать меня в больнице.

— А как они активными становятся, тебе говорили?

Я пожала плечами.

— Может, и говорили что — то... Только я тогда плохо себя чувствовала. Не помню.

Тетя Наташа кивнула.

— Ты же знаешь, как наша раса относится к близости.

— Спокойно? — предположила я. И Катина мама кивнула.

— Спокойно. Природа требует — а мы дети природы, почему бы её не послушаться...

Но такое свободное времяпрепровождение не вечно: только до создания пары. И даже тут самцы самок не неволят: метка самца запускает процесс вязки, но завершает всё именно самка. Если она готова принять самца как свою пару, связать с ним навечно свою жизнь, принять его власть над собой, его руководство... Если самка готова, она кусает самца в ответ — и тогда всё! Свершилось. Его запах переходит к ней, она официально его — со всеми потрохами — и теперь уже ни один другой оборотень не подойдет к ней и на милоу.

— Моя метка активная... — прошептала я, подняв глаза на Катюхину мать. — Поэтому даже брат говорит, что Баев имеет на меня все права.

Тетя Наташа кивнула.

— Не знаю, как он это сделал, но Альфа каким — то образом обошёл твоё участие в обряде.

— Это ведь не законно.

Тетя Наташа покачала головой.

— Прости, Настюша... Знаю, другое ожидаешь услышать, но что с тобой дальше будет — решать только Альфе.

— Тётя Наташ, — поморщилась я. — Мне за эти дни общие фразы уже поперек горла... Можно что — нибудь конкретное и полезное.

— А конкретного тебе никто не скажет, — перебила тётя Наташа. — Даже брат твой не посмеет, а он второй в стае, и тоже силу имеет подчинения оборотней. Так что куда уж нам, простым членами стаи.

— Но вы же понимаете, что я ничего не знаю. А Баев, он...

— Кто владеет информацией, тот владеет миром, — кивнула тётя Наташа. И словно решились на что-то, тяжело вздохнула.

— Настя, мы не можем лезть в отношения между Альфой и Луной. Вы выше нас по положению, понимаешь.... Никто не станет встречать в ваши неурядицы, потому что это чревато... И может запросто закончиться изгнанием из стаи. В лучшем случае.

— А в худшем?

— Неповиновение Альфы есть весомая причина для наказания.

Я скривилась.

— Никогда не могла понять этого.

— Ты была практически человеком, — пожала плечами тётя Наташа. — Сейчас все изменилось, и у тебя больше нет выбора. Альфа... Он не отступит, и ты должна быть готова.

— Да к чему тётя Наташа? — Воскликнула я. — Объясните. Пожалуйста.

— Настя, ты думаешь, я тут просто так политессы развожу. Понимаешь, что у меня просто не выхода??? Ни один оборотень клана не станет с тобой откровенничать, если на это не будет разрешения Альфы.

— То есть он запретил? — Не поверила я. — Отпустил меня, а сам запретил вам помогать?

Тетя Наташа замялась.

— Мы не обсуждаем Альфу.

Я кивнула, поняв, что разговор в очередной раз пошёл по кругу.

— Хорошо. Но ведь вы можете мне рассказать чтонибудь, безопасное для вас и полезное для меня.

Женщина Тяжело вздохнула и покосилась на второй кусок торта в моей тарелке.

— Это не поможет.

— Ваша информация?

— Да еда, Настя, еда тебе не поможет. Мало того, что человеком воспитывалась, так ещё наивная до жути. Желание в тебе играет, волчье желание. И чем дольше ты будешь тянуть с... Долгом Луны, тем сильнее оно будет становиться. Так что ты все равно сдашься, вопрос только когда.

Я растерянно, стараясь не покраснеть посмотрела на Катину маму. Желание... А ведь похоже. И сон ещё этот. Как я сразу не догадалась — просто так Баев присниться не мог. А тут ещё такие нежности... Я зажмурилась, пытаюсь отогнать навязанные сном воспоминания.

— Как же ты с ним жить будешь, жалостливым тоном протянула тетя Наташа. — Баев же тебя съест, не подавится и не поперхнется. Наивная наша девочка.

А я... Я мечтала провалиться со стыда под землю.

— Ты то сама что думаешь делать?

— Кирилл меня отпустил, так что задерживаться в городе я вряд ли стану. Да и в институт пора возвращаться- у меня сессия на носу.

— Молодец, что решила доучиться.

— Тётя Наташ, мне практически год остался.

Не оплаченный год, кстати. Но ничего, главное этот год я уже все оплатила, а следующий... Лето поработаю — набираю как-нибудь. Можно на вечерний перевестись, или на дневном остаться, а работать по вечерам и ночам. А что, в какуюнибудь дежурную аптеку. Почему бы и нет?

Ещё поболтав с тетей Наташей, я решила выдвигать я к дому, то есть гостинице, по пути надо было ещё заехать на автовокзал — купить билет до Москвы. Да и с братом помириться надо — в конце концов, мы по-прежнему семья.

А желание... Желание меня не пугало. Я ведь не просто так 4 года отучилась на провизора. Придумаю чтонибудь, подбираю подходящие блокаторы. Будет антисекс для оборотней...

Попрощавшись с тетей Наташей, я вышла за калитку и пошла по тропинке в сторону станции. Внезапно из за поворота показался чёрный внедорожник. Резко затормозив, автомобиль развернулся таким образом, что дверь рядом с водителем оказалась напротив того места, где я стояла. А меня накрыло удушающей по своей силе волной плоского (как я это уже узнала) желания.

— Садись, — рявкнул хорошо знакомый голос. Я попятилась к обочине, откуда начиналась тропинка к станции.

— Садись, я сказал, — рявкнул Баев зло. Я покачала головой.

— Ты меня отпустил.

— Ага, — резко бросил Кирилл. — На свою голову. Послушал дурака- психолога.

Я неверяще уставилась на Кирилла.

— Ты спрашивал психолога?

— Я консультировался со специалистом, — поправил меня Баев. — А не собирал слухи по стае.

— Какие слухи?

— Сядь, резко бросил Баев. — У оборотней очень хороший слух, если ты забыла.

Я не решилась ему дальше перечить, забравшись в машину. Стоило захлопнуть дверь — и автомобиль понесло с бешеной скоростью по просёлочной дороге.

Если вы когданибудь катались на крутых, с виражами, американских горках, вы поймёте моё состояние: вспоминая прогулку с Андреем в московском парке развлечений, где после первой же горки я уже ревела белугой, жалобно прося брата на этом закончить — и сейчас в машине я пыталась лишь удержаться на сидении, схватившись за ручку на двери.

— Прекрати скулить. — Желваки заходили на смуглом волевом лице. — Ты не слабая человечка. Ты Луна стаи, моя Луна.

— Кирилл, — жалобно попросила я. — Мне плохо будет.

Баев ничего не ответил, но машина сбавила ход.

— Ты меня разочаровываешь, Настя. — Глядя исключительно на дорогу, произнёс Кирилл. — Я дал тебе свободу, совсем не для чтобы ты бегала по стае и сплетничала.

От этих слов я вздрогнула.

— Что? — Рыкнул Кирилл.

— Это не справедливо.

— Зато очень верно. Луна моей стаи никогда не опустится до собирания слухов по стае.

— А что, скажи, мне было ещё делать, если все говорят недомолвками или вообще молчат? Как партизаны.

— Могла бы прийти ко мне.

— То есть ты отпустил меня в расчёте на то, что я пробегу обратно?

Конечно, он на это рассчитывал, пнула я себя, но просто одно дело что — то там себе рассчитывать — подсчитывать, другое — заявлять об этом с победоносной ухмылочкой на губах.

— Знаешь, это не красиво. — Буркнула я, совсем забыв, с кем разговариваю. Тёмные опасные глаза мужчины нависли надо мной. Как такое может быть, подумала я не к месту... а как машина... Не сразу сообразила, что машина уже давно припаркована к обочине.

— Не смей мне перечить, — рявкнул Кирилл, и атмосферу внутри салона затопило ощущение дикого раздражения. Как будто я физически могла чувствовать настроение Кирилла. Или и впрямь могла?

— Ты всего лишь маленькая непослушная девчонка, доставшаяся мне... По... недоразумению. Брат не научил тебя этике, значит, будешь слушать меня. Мне не нужна Луна с замашками сельской торговли.

Я глубоко выдохнула. Когда у наших соседей по лестничной площадке был дикий доберман — всегда, сколько я его помню, он рвался с поводка, стараясь наброситься. Брата он, понятное дело, сам боялся, а меня же пугал до жути. Я тогда ещё маленькая была, с полгода родителей потерявшая... Запутанная и забытая. Помню, как Андрей меня тогда учил, что собакам, как и другим диким зверем, нельзя показывать свою слабость — сожрут. И сейчас, сидя в машине наедине с одним из сильнейших вожakov оборотней, я поняла — проявлю слабость- подомнет под себя, ничего не оставив. Мы будем разговаривать на равных, решила я не поддаваться. Мы и близко не были равными — как вожак, оборотень,

мужчина, бывший военный, бизнесмен, Баев значительно превосходил меня во всем. Но... Ведь здесь, в машине, спрос был не между начальником и подчиненным, а между Альфой и его (пусть будет предполагаемой) Луной. Мы обязаны быть на равных... Хотя глядя на склонившееся надо мной волевое лицо вожака, не верилось, что это возможно.

— Я уже говорила, что не собираюсь претендовать на место Луны. И ты вроде бы с этим согласился. — Пытаясь демонстративно усмехнуться, протянула я.

Кирилл усмехнулся в ответ: сильно, по-мужски.

— Тебе нужно было время, чтобы успокоиться и принять свое новое положение как данность.

— День? — Переспросила я. — Ты считаешь один день — этого достаточно?

Мужская рука, резко схватившая меня за подбородок, вынудила взглянуть в глаза Альфы. Пытающие силой и диким желанием глаза.

— Один день — это слишком долго, девочка...слишком долго.

Я, кажется, утонула в этом чёрном опасном взгляде. Желание — теперь даже я не перепутала бы его с ненормальным аппетитом, окутало меня словно плотное облако... Окутало нас... Мне хотелось сильнее зарыться пальцами в чёрные, с проседью, волосы, дотронуться руками до сильной смуглой шеи... Потрогать витые, словно толстые жгуты, мышцы... И почувствовать ответные касания.

— А ты сопротивлялась, глупенькая, — прошептал, касаясь губами моего лица, Кирилл. — Никогда не спорь со мной больше, никогда не смей идти против. И все тогда у нас будет хорошо.

После этих слов я словно очнулась, обнаружив себя... На коленях Баева... При этом я сидела... Оседлав Кирилла, раскинув ноги с двух сторон от сиденья, а руль больно упирался мне в спину.

— Настя, — позвал встревожившийся Кирилл. Правильно волнуешься, хихикнула внутренняя ехидна.

А я уже отстранившись, перебралась обратно на свое сидение.

— Нет.

— Что нет? — Рыкнул Кирилл.

— Всё нет. — Я поежилась от возникшего напряжения в машине. — Ты ведь на самом деле не высоко меня ценишь, не так ли...

— Я тебя не знаю, — сцепив зубы, проскрипел Кирилл.

— Как и я тебя.

— Настя, не заставляй меня возвращаться к недавнему разговору. Что ты хочешь? Бабла? Дорогих шмоток, путешествий? Быть моей Луной выгодно.

— Но не очень почетно.

— Наоборот, твой статус хоть и ниже моего, но выше даже беты.

Я видела, что Кирилл постепенно теряет терпение. Мне бы и закончить на этом, но ведь возможностей достучаться до Альфы бывает редко, да и не настолько я тогда хорошо понимала, что такое из себя представляет разозленный, неудовлетворенный мужчина.

Глава 17. Танец слабости и силы

Я попыталась объяснить Кириллу, что деньги для меня не самое важное, что я всё прекрасно понимаю насчёт статуса, и что я отчасти сама — признаю это — виновата в возникшей ситуации: вызвав Алину на бой, я заявила о своём «интересе»; но ведь Кирилл должен понять, чем это было продиктовано на самом деле.

— Из меня не получится хорошая Луна стаи, — бубнила я, стараясь не смотреть на Баева. — Я хотя и знаю об оборотнях с подросткового возраста, но на самом деле никогда не жила по вашим волчьим законам. Сейчас я это понимаю. Вы слишком... жесткие. Я не кривлю душой — для меня это на самом деле чересчур. Когда молодой муж, слегка приревновав жену — практически разрезает её на куски, а она, очнувшись, ещё и чувствует себя виноватой; когда за малейшую провинность перед Альфой каждый может оказаться битым у столба — словно в темном средневековье; за более сильную уже «покусанным» своими же соплеменниками в назидание на будущее.

Я сглотнула, переведя дух.

— Это всё не по мне и никогда не будет по мне. Да, я сделала ошибку, выйдя на тот бой — но я сделала это для брата и не жалею об этом. Ты выбрал меня из — за проснувшейся силы, но только сила не делает меня оборотнем. Я человек — психологически, ментально... Любой союз между нами будет ошибкой. Что касается силы Альфы... она ведь всё — равно останется в твоей стае — не смогу предать ни брата, ни клан. Так что об этом беспокоиться не стоит. В личном же плане ты волен выбирать кого угодно. Почему именно я?

Я не помню дальше, что и как я говорила — желание не только Баеву ударило в голову. Но мне почему то казалось тогда это очень важным — объяснить, донести до Кирилла своё «видение ситуации». Ведь он хороший и мудрый Альфа, должен же он понять?

— Ммм, — считаешь меня хорошим, — пробормотал Кирилл и я испугалась, что последние слова высказала вслух. Надеюсь, только последние, и Баев не слышал моих «озабоченных» мыслей, когда я смотрела на его плечи. На широкие, сильные плечи... На бугрившиеся мышцы — не пластиковые мышцы телевизионных качков — а на гармонически развитое мужское тело. От Кирилла словно веяло силой и огромным физическим превосходством. Хотелось оказаться максимально близко к нему, потрогать, насладиться ощущением оберегающей силы рядом...

Внезапно моё кресло опустилось до горизонтального положения — на мгновение я увидела потолок машины — и тут же нависающую голову Баева. Трезвый взгляд внимательных черных глаз, резко очерченные, поджатые губы... Глядя на его губы, я почему-то с тоской подумала, что ещё ни разу не целовалась. Вообще. Интересно, у оборотней принято целоваться, или это только у людей? Я попыталась вспомнить, целовались ли при мне когда — нибудь оборотни, но губы Кирилла мешали сконцентрироваться.

— Моя глупая невинная девочка, — хмыкнул по-мужски довольно Кирилл. Его руки снова ласкали меня... и, кажется, снимали одежду. Я же заморожено следила за расширившимися зрачками мужчины, удивляясь про себя, как могут простые прикосновения дарить столько радости и наслаждения. Вот его настырные жесткие губы встретились с моими, и мир качнулся...

— Нет мочи терпеть... — простонал Баев, нависая надо мной. — Прости... Не такой

антураж планировал... Ну ничего, твой второй раз проведём по всем правилам. А сейчас поласкай меня. — Встретив мой испуганный непонимающий, но уже затуманенный страстью взгляд, Кирилл пояснил. — Погладь, просто погладь... по спине, рукам, животу... Я же тебе нравлюсь... Вот так девочка...

А сам ловил губами мои губы, показывая, обучая, заставляя стонать ему прямо в раскрытые губы. Мне хотелось больше Кирилла — не того, надменного Альфу, что не давал мне общаться с братом, а этого, нежного, который беспокоясь обо мне, не давил сверху своим весом, а опирался на свои локти, явно испытывая от этого неудобство...

— Прости, девочка, — простонал Кирилл, и тут же углубил и без того глубокий, вкусный поцелуй.

Ещё одно мгновение — или вечность — и мне стало дико больно внизу. Я дернулась, пытаюсь вырваться из — под Кирилла... Баев же, не удержав личину человека — его глаза мерцали желтым звериным вытянутым зрачком, а клыки совсем не походили на зубы человека, ещё сильнее впечатав меня в сидение машины, поднял голову вверх и ...завыл.

— Моя, — рыкнул вожак, и теперь его клыки оказались в опасной близости от моего лица. Освободив одну руку — которую сейчас никто не назвал бы человеческой из — за длинных острых когтей, Альфа повернув мою голову в бок... и впился зубами в ещё не зажившую до конца метку. Я закричала от боли, а вожак снова завыл от...удовольствия. Его толчки внутри меня стали резкими, болезненными, лишёнными всякого намёка на нежность.

— Так любят волки, — возвышаясь надо мной, проскрипел Баев. — Мы не любим лишних нежностей. Ты привыкнешь, девочка. Привыкнешь... — Его тело убыстрилось, толчки стали чаще и сильнее, а объятия ещё крепче...Я уже не чувствовала границы, где боль, а где наслаждения.... Вспышка — и мы, слившись в одном сознании, одинаково — по-волчьи, вскрикнули.

После, придя немного в себя, я уже мечтала снова впасть в кому или хотя бы просто потерять сознание, лишь бы избежать понимающего взгляда Кирилла.

Баев, лежавший сбоку, лениво ласкал мои волосы.

— Маленькая моя, прости. — Он одной рукой крепко прижал меня к своему горячему телу, другой продолжал успокаивающе гладить по животу. — Мой запах на тебе, мой запах внутри тебя... Красота, готов оставаться так вечно.

А я, покраснев до уровня «созревший томат» все же услышала тоскливое ворчание кого — то рядом с нами... Кого — то зверя.

— Кто это? — встрепенувшись, спросила я. Теперь уже напрягся Кирилл. Заставил посмотреть прямо в глаза.

— Что случилось, Настя.

— Кто — то рычит... рядом. Злой.

Темные глаза сверкнули.

— А, это... Значит, ты всё- таки слышишь... И давно?

— Что слышу? — не поняла я. — Это кто — то из стаи, да? Кто — то рядом.

Кирилл загадочно улыбнулся.

— Кто-то определённо из стаи и очень, очень рядом. — Рука полезла вверх на грудь. — Ты слышишь моего волка.

Я, забыв про смущение, сама подняла испуганный взгляд на Кирилла.

— Тогда почему он злой?

Баев пожал плечами.

— Не злой. Неудовлетворённый. — Мужская рука больно сжала грудь, а в черных глазах зажглось животное пламя. — Моему волку много надо, а ты слабенькая... неопытная.

Я молчала, не зная, что сказать.

— Поехали домой, — произнёс Кирилл, целуя меня в макушку.

Я пыталась отстраниться, но мне этого не позволили: прежде Кирилл заставил посмотреть ему в глаза. Тёмный, внимательный, но спокойный взгляд.

— Девочка, не стоит со мной воевать.

— Я...нет...

— Мы связаны, твоя метка — активная, а это похлеще штампа в паспорте будет. Хотя и штамп мы тоже сделаем. Чтобы всё было официально... Так что прекрати.

— Я ничего такого не делаю.

— Я чувствую твоё желание сбежать, — рыкнул Кирилл и тотчас метка дала о себе знать сильным жжением.

— Это не то, — сцепила я зубы. — Не о том.

— Объяснись.

Предложение прозвучало как приказ, и в другое время я бы просто отказалась бы отвечать или ответила что —нибудь грубое... Но сейчас воевать и впрямь не было сил.

— Мне стыдно, понимаешь? Стыдно за своё поведение, за свои грязные ноги, за кровь, которой всё тут перепачкала. — Выплёвывая правду, я не осмеливалась смотреть в глаза Кириллу. Глядела куда — то в сторону. — Я сижу тут грязная ...грязная, в разорванной одежде, а ты мне говоришь сейчас про дом и усадьбу. А там дворецкий, который меня с детства знает. Что он обо мне подумает?

Кирилл, резко наклонившись, быстро протиснул ладонь мне между ног...Туда. Вытащил — продемонстрировал. Зачем — то понюхал.

— Твоя кровь и моя сперма, — плотоядно улыбнулся Баев. — Каждый оборотень мечтает именно так пометить свою самку.

— У вас так не принято, — покачала я головой, зная про «свободные нравы» оборотней.

— Девочка, везде законы одинаковые. Мы понимаем, что сложно бороться с природой и не судим своих самок... Но каждый кобель хочет быть первым. Так что дворецкий мне будет ещё завидовать.

— А про меня думать невесть что, — хмыкнула я. На что Баев тут же рыкнул.

— Он будет думать, что ты наконец — то выполнила свой супружеский долг. Хотя и с большим опозданием.

К особняку в усадьбе мы подъехали уже в сумерках, и только тогда я поняла, как долго мы... Пробыли в машине.

Кирилл, заглушил мотор, неожиданно скривился.

— А Гильермо что здесь ещё делает? — пробормотал он раздражённо. И словно ожидая этого, из особняка выскочил проворный дворецкий.

— Кирилл Владимирович, к вам бета из Испании приехал, — прокричал Петр Иванович, подбегая к машине чтобы открыть дверь. — Я его разместил в гостевой спальне?

— Не на нашем этаже, — рыкнул Кирилл, схватив меня за руку.

— Там лучшие комнаты, поэтому... — Испуганно пробормотал дворецкий.

— Не сейчас, — рыкнул Кирилл и тут же поправился. — Никогда. Мой этаж только для нас с Луной.

— Да — да, — пригнувшись от рыка Альфы, пробормотал дворецкий. И уже отойдя на

пару шагов, Пётр Иванович неожиданно широко улыбнулся

— Как же это я сразу... Альфа, Луна, позвольте мне поздравить вас...

Кирилл, скосив взгляд в мою сторону, довольно усмехнулся

— Позволяем.

— ...это такое радостное событие... — продолжал верещать Петр Иванович, — весь клан с нетерпением ждал этого....

Кирилл кинул короткий взгляд на дворецкого.

— Да, да да, конечно, — засуетился Петр Иванович. И помчался в дом.

— Это он чтобы не мешать? — Удивилась я, потому что до этого никогда не видела степенного и важного дворецкого таким суетливым.

— Скорее, выгонять бету с нашего этажа, — усмехнулся Кирилл. Гильермо, поди, уже и спать лёг.

Я всегда знала, что мой брат не единственный бета нашей стаи — стая у Баева огромная и за всем один человек (пусть хоть и оборотень) уследить не может. Но по понятным причинам беты практически не пересекались, докладывая все напрямую Кириллу. Как однажды мне объяснил Андрей, клан изнутри похож на огромную корпорацию: во главе — владелец и глава совета директоров — альфа, беты же директора каждый своего отдела... Наш отдел когда то был самым маленьким, но благодаря напористости Альфы и трудолюбию Андрея, маленький уездный кусочек клана постепенно приобрёл значимое значение для стаи, хотя и не настолько значимое, чтобы Кирилл когда нибудь сюда приезжал... Ну, не считая редких случаев, коих на моей памяти случалось раз, два и обчелся. Хотя... Раньше я очень боялась приезда Альфы... Кому нужна человечка в клане, которая даже луну то есть полнолуние не слышит. Смешно сказать, как тогда я боялась оказаться вне клана... То есть не именно без клана и оборотней, а без брата. Я даже испанский учила — на всякий случай, вдруг Альфе в нашем небольшом городке понадобится переводчик... А вот она я тут, и даже член стаи. Наивная дуреха... Хотя сейчас будет возможность продемонстрировать испанскому бете хорошие манеры. Поди, его сестра-то русского не знает.

Я улыбнулась своим мыслям, уже предвкушая удивление Кирилла... И тут же наткнулась на внимательный чёрный взгляд.

— Мне нравится, когда ты забываешь смущаться.

Мне же это тоже нравилось, только перестать смущаться я не могла. Не то воспитание. Это ещё в детстве Катюша, моя близкая подружка — оборотень убеждала, что «никто не умрёт если ты что нибудь такое выкинешь». И она периодически подкрепляла свою теорию практикой, добавляя хлопот родителям. Но я знала, что мы с ней даже в этом не равны: никто не выгонят чистокровную самочку из стаи без резкой причины...

Пока я вспоминала былое, Кирилл вышел из машины, и уже открывал дверь мне.

— Принимай королевство, принцесса, — ухмыльнулся он.

Я подняла смущенный взгляд на Баева.

— А без этого никак нельзя?

— Нельзя. Привыкай. — Баев не позволил мне выскользнуть из автомобиля — схватил на руки и понес по дорожке к дому.

— Ты ведь росла со стаяй, разве нет?

Я пожала плечами.

— Я росла с Андреем. Брат... Ты не обижайся, он ведь тоже не стал мне братом в один

день. Андрей меня спас тогда. Не просто дал дом и прочие блага... Он мне родителей заменил. Я после их гибели ни с кем говорить не могла... А он... — знаешь сколько он со мной натерпелся?

Баев заскрежетал зубами.

— Сейчас не лучшее время говорить о твоём брате.

Совсем осмелев, я дотронулась ладошкой до щеки Кирилла.

— Он мой брат, и ни один из нас не извращенец.

Баев судорожно вздохнул.

— Ты не представляешь, как я рад, что Андрей именно сейчас нашёл свою пару.

Слишком тяжело делить тебя с кем — либо.

— Ты сам спросил меня насчет стаи.

— Они ведь тебя приняли, — сцепив зубы, заметил Кирилл.

— Меня приняли только из — за Андрея. Он думал, что я не знаю, но я... такие вещи всегда чувствуешь... Кто — то, вроде тети Наташи и её мужа, относились ко мне как к родной, кто — то только делал вид... — Кирилл зарычал, и я решила объяснить. — Понимаешь, я ведь на самом деле, не очень вписывалась. Перекидываться не могла — так что в волчьих забегах никогда не участвовала, насилия избегала... малодушно, с моей стороны, но наблюдать за вашими наказаниями — выше моих сил. Андрей пытался меня приучить — но после первого же наказания у столба мне неделю снились кошмары...

— Луна всегда сопровождает Альфу. — проскрипел Баев. — Ты научишься. А кошмары я прогоню.

Кирилл, несмотря на всё моё сопротивление и опять же, смущение, все- таки перенёс меня через порог.

— Такова традиция, — пояснил он, продолжая держать меня на руках.

— Это человеческая традиция, — дернуло меня сказать за язык. Баев усмехнулся. Точнее ощерился.

— Если уж не удалось поиметь тебя в волчьей шкуре, придётся поиграть в людей. Хотя однажды я всё же надеюсь...

Баев ткнул носом мне в шею. А я молчала, прикусила язык, хотя ответ — довольно резкий ответ- рвался с языка.

Хватит, уже договорилась, подумала я, признавая, что Баев, в общем-то, не сказал ничего грубого с точки зрения оборотней. Они и правду так отмечали свою свадьбу — спариваясь в обличье зверей в лесу. Я же обернуться не могла, вот и выходило...

Баев занёс меня в уже знакомую хозяйскую спальню.

— Я приму душ в соседней спальне, — прохрипел он, отпуская меня на кровать. — Иначе не сдержусь. А тебе пока больше нельзя... Да и надо узнать, зачем Гильермо приехал.

— Может, лучше я в соседней спальне — это ведь твой, комната.

— Нет, — рыкнул Баев. — Моя: моя самка — моя комната.

Он махнул рукой в сторону шкафа.

— Здесь все для тебя подготовлено. Ужинать будем внизу. — Баев скривился. Все не так, как планировал. Гильермо не к месту, но и выставить его я не могу. Если приехал — значит, что — то стряслось. Прости, девочка.

Никогда не любила теплую воду в душе. Либо горячая — согревающая и расслабляющая, либо уж освежающая и бодрящая — холодная. Вот и сейчас, понежившись минут пятнадцать под горячей водой, перевела ручку в противоположное положение — пора готовиться к выходу. Не хотелось, но надо...

Я всё ещё не до конца пришла в себя, не до конца осознала...нет, я не жалела, что впервые всё случилось в машине. Какая разница где, ведь главное — с кем. А Кирилл... признаться честно, меня к нему тянуло. Может, это воздействие метки, может ещё какая — то ещё оборотническая особенность — толку-то разбираться, если это и впрямь работало: впервые за свои неполные двадцать три мне захотелось прикоснуться к мужчине. Если бы тогда, при первой встрече, Кирилл не напугал меня своим напором... — криво усмехнулась я, вспоминая его нежность бульдозера.

Баева не переделать, и мне, наверное, надо смириться с тем, «что дают». Я попыталась вспомнить своего «идеального героя» — и ничего не выходило... ну на самом деле, не упоминать же барабанщика из фильма «Берегитесь женщин» — помнится, когда-то именно из — за этого парня я чуть ли не каждый день пересматривала обе серии. Странное ощущение. Словно меня только сейчас выдернули из привычной уютной среды — надёжного убежища, где нет полового влечения, где нет необходимости принимать ответственные решения, где можно радоваться каждому дню, точно зная, что он не принесёт тебе огорчений больше, чем оценка «хорошо» в зачётной книжке. Неужели я на самом деле столько лет жила ТАК? Я столько выдержала — кому, бой с Алиной, скандал с братом — но всё это было словно подготовкой... К чему? К взрослению?

Я вылезла из душевой кабинки и принялась энергично растирать покрасневшую после ледяной воды кожу.

Быть с Кириллом слишком неудобно. Он значительно взрослее, значительно опытнее, значительно... Меня только от одной мысли о проведённом в машине времени бросает в краску, Кирилл же....я признаю, мы с разных планет даже в этом, как же нам существовать рядом?

И всё же... И всё же я понимала, что выбора у меня немного. Бороться дальше, требуя для себя независимости? И это при том, что Баев мне не неприятен? Да он не был особеннс нежен в мой первый раз, но (по словам моих же подружек), оборотни вообще нежностью не отличаются. Как мне однажды призналась Катюха, именно поэтому они избегают человеческих мужчин (если только не ради эксперимента): оборотницам всегда хочется больше животной страсти, чем могут дать люди.

— И что, неужели ни один человек...? — поинтересовалась я тогда. Катя пожала плечами.

— Как правило, нет. Никто не сравнится с нашими волками. Именно поэтому ты никогда не встретишь пару самка — оборотень и мужчина — человек.

Тогда я практически пропустила этот разговор мимо ушей. Зато теперь вот припомнилось. Как там Баев сказал: привыкнешь? Что — то внутри меня зашевелилось, негодую на эту фразу, вытащенную из памяти. Привыкать тоже не хотелось. Но есть ли альтернатива? Стоит ли сейчас начинать бороться, отстаивать свою независимость по — новой, если пока всё совсем не плохо. Не отлично — может, даже не очень хорошо. Но и не

плохо тоже... Та, вчерашняя я, уже кинулась бы вон из усадьбы, негодуя на поведение и резкие слова Альф после близости... Кинулась бы назад, в своё безмятежное убежище. Я сегодняшняя не спешила. Баев меня не обидел. Всё случилось только после моего согласия — даже внутренняя ворочающаяся суть это подтвердила: без моего согласия Альфа не пошёл бы до конца. А значит, хоть в этом, но он меня слушает. И ещё: метка работает обоюдно. Не знаю, как там всё происходит у истинных пар, но даже между нами — не истинными — такое притяжение, что я иной раз не могла понять: где я, а где Кирилл. Если у него то же самое, то он меня не отпустит. Найдёт способ. Оборотни, конечно, пекутся о своих парах — но я уже видела прилично, чтобы понять: эти сказки не всегда совпадают с действительностью. Ему нужна я целая — да пожалуйста, запрет вот здесь, в этой самой комнате, до конца жизни — и попробуй пикни. Свести счета с жизнью? Найдутся другие комнаты с мягкими безопасными стенами...

Я замотала головой, прогоняя навеянные образы. Откуда они взялись? Моё ли это богатое воображение, или мысли Кирилла, так неосторожно переданные в момент близости? Не знаю. Не думаю. Не хочу думать об этом сейчас.

Списав все на усталость и расшатанные нервы, я решила выйти из спальни. Стеснялась, нервничала...но всю жизнь в комнате не просидишь... Да и есть очень хотелось.

Осторожно спускаясь по лестнице, я прислушивалась к негромкому мужскому разговору, ведущемуся где — то в районе гостиных на первом этаже. В особняке таких комнат имелось несколько — чтобы отдельно принимать не особенно дружных между собой гостей... Ну и чтобы богатство демонстрировать, естественно...

Кирилл поймал меня у лестницы. Черные, словно сытые, довольные глаза, горячая рука... Обнял за талию и провел в открытые двери ближайшей комнаты.

— Настя, ты говоришь по-английски? — спросил Кирилл. — Если нет, я буду переводить.

— Говорю, но с ошибками, — пожала я плечами, мысленно сетуя на отсутствие практики. Ну и желания, естественно. — А вот что касается испанского...

— Не волнуйся, Гильермо отлично понимает английский, — успокоил меня Кирилл, не дав похвастаться. Ну и ладно. Значит, не сейчас.

Мы вошли в небольшую уютную гостиную, которая иногда (в связи с наличием небольшого обеденного стола) служила неофициальной столовой. При нашем появлении гость — высокий черноволосый мужчина примерно тридцати — тридцати пяти лет — поднялся, удивлённо глядя на Кирилла.

— Так ты не один здесь? — протянул по-испански гость. — Странно, я не слышу запаха — внимательный умные глаза тут же вскинулись. — Неужели...

— Познакомься Ги, это тот сюрприз, о котором я тебе говорил. — Перешёл на английский Кирилл, ещё сильнее сжав руку на моей талии. — Анастасия.

— Это честь для меня, Луна. — Мужчина, официально склонив голову, так и застыл. Я растерянно посмотрела на Кирилла.

— Он чего-то ждёт, да?

Кирилл усмехнулся.

— Скажи, что ты рада знакомству и приветствуешь его в своём доме. — Тут Баев мне подмигнул. — А потом мы его отсюда выгоним.

Не знаю, что меня в тот момент больше изумило: поведение испанского беты или то, что Кирилл, оказывается, умеет шутить.

Я, дико стесняясь и одновременно заикаясь от смущения, поприветствовала Гильермо в доме Альфы и нашем городе. Старательно подбирала слова, в то время как правая, обнимающая меня рука Кирилла, уже блуждала, где то в районе живота. Баев с мечтательной улыбкой, кажется, вообще не следил за моими слабыми потугами произнести связное приветствие на английском. Бета же напротив... Вслушивался в каждое слово. Странно, но после моей сбивчивой, но эмоциональной (хотелось бы надеяться) речи мужчина осязаемо расслабился.

— Анастасия — полукровка, — зачем то заметил Баев. — И в тоже время Альфа самка.

— Так это не выдумки? — вытаращившись на меня, спросил Гильермо. — Слух по клану, конечно, ходит... Но ты же знаешь, я не люблю сплетни.

Кирилл кивнул.

— Всё так. Анастасия — альфа, и она уже вылечила одну самку... Вытащила с того света...

— Что же... — Испанский помощник широко и искренне улыбнулся. — Желаю вам сильных сыновей и одаренных дочерей.

Баев довольно заурчал.

— Поверь, дружище, мы над этим работаем. — И рука Кирилла по-хозяйски замерла на животе.

Я не знала, куда глаза со стыда деть. Но, кажется, кроме меня, никто больше не смущался: Кирилл и Гильермо оба уже перевели разговор на какую — то общую тему, а затем Кирилл и вообще позвал Гильермо к столу.... продолжая обнимать меня за талию.

За ужином, довольно поздним, надо признать, мужчины обсуждали дела стаи — испанской её части. Петр Иванович исправно приносил блюдо за блюдом, подливал вина, так и не допустив ни одного помощника до столовой.

Я мысленно усмехнулась: дворецкий не исправим; если бы мог ещё и дом вести в одиночку — вообще бы никого не пускал. Только Альфу... ну и бет, при условии, если те не будут пачкать.

— ...Значит, Луна теперь будет помогать врачам в экстренных случаях? — услышала я вопрос Гильермо. Кирилл кивнул, переведя на меня взгляд.

— Да. Но как ты понимаешь, случаи должны быть и в самом деле экстренными.

— Конечно, — согласился Гильермо. — До сих пор не могу поверить, что в нашей стае появилась Альфа — самка. Это такая редкость... — испанский бета поспешил мне пояснить. — Вы не представляете, Анастасия, насколько редко рождаются Альфа девочки... Начнем с того, что в наших семьях дети вообще рождаются редко, а уж дети с сильными генами...

— Почему редко? — насторожилась я.

Гильермо пожал плечами.

— Закон равновесия в природе. Мы живём дольше, чем люди, болеем реже — то есть практически не болеем... опять же, мы сильнее и выносливее. В общем, оборотни берут качеством, а люди — количеством.

Я усмехнулась.

— Менделееву это скажите. Или, вон, Григорию Перельману...

Гильермо на минуту опешил. Кирилл же весело рассмеялся.

— Что, палец в рот не клади, да? — поинтересовался он у испанского беты. — Ги, я же говорил тебе, что Анастасия — полукровка.

Кирилл повернулся ко мне, мягко дотронувшись ладонью до щеки.

— Настя, ну что ты как маленькая, в самом деле... каждый кулик хвалит своё болото... Не ожидай от оборотней ничего нового — в нас тоже много от людей... Что касается гениев, то как правило, гении не дают потомства. Или сильного потомства. Слышала такую поговорку: на детях гениев природа отдыхает?

— Ой, не надо.... Дети Менделеева, дочь Байрона...

— Я же сказал, как правило, — подчеркнул Кирилл. — И твои примеры как исключения только подтверждают правило. К тому же, про детей Менделеева вообще всё очень спорно. Уж, прости, актрису в качестве наследницы гения рассматривать не будем.

— Допустим, хотя это и неверно — каждый рождается со своим собственным талантом — но его сын...

— Его сын оставил какие — то чертежи и записи. И это всё, — покачал головой Кирилл. — Поверь, в то время гос машина работала очень хорошо — если бы в записях Василия был бы хоть намёк на гениальность...

— Поэтому вскрыли его дом с бумагами, когда он уехал из Питера, да?

— Да мало ли, кто что вскрыл, — покачал головой Кирилл. — Насть, ну не будь маленькой... Ты вспомни, какие это были годы. Страшные, голодные... Кто угодно мог залезть в надежде поживиться.

Изумленный Гильермо переводил взгляд с меня на Баева и обратно. Первым опомнился Кирилл.

— Прости, друг, немного увлеклись.

Я неловко улыбнулась. Да уж, называется, произвела впечатление. Вот и бета оборотень тяжело вздохнул.

— Что вы, всё нормально, просто дорога была длинной.

В этот момент меня отвлек Пётр Иванович, поинтересовавшись, стоит ли подавать десерт. Пока мы решали, что и как приносить (испанцы не пьют чая совсем, я же никогда не употребляю кофе на ночь), мужчины перекинулись парой фраз на испанском.

— А она умная девочка... повезло тебе, дружище, я уже отвык от интеллектуальных разговоров. К сожалению.

— Может, тогда стоит завязать с ночными клубами? — поддел Гильермо Кирилл. — Неужели, до сих пор не надоели продажные девки?

— Зато какой секс, — закатил глаза испанец. — Ты же сам знаешь: оплати счёт, подари безделушку — и делай, что хочешь... даже по нашим, волчьим меркам.

— И всё — равно, в оборотнях огня больше.

— Вам, босс, виднее, — хохотнул Гильермо. Баев хотел что — то ответить, но тут натолкнулся на мой пристальный взгляд.

— Что, Настя? — спросил по русски Кирилл.

Я пожала плечами, решив не демонстрировать раздражение. И в самом деле, причин для этого не было — Кирилл намного старше меня, оборотень, Альфа... мужик, наконец. С его деньгами и возможностями... Но почему — то всё равно было больно.

— Петр Иванович не знает, подавать ли бренди к десерту, — протянула я, наконец. — И я тоже не знаю.

Кирилл покачал головой.

— Не надо бренди. Мы все и так устали, пора по кроватям. — Кирилл смерил меня красноречивым взглядом. — Выпьём кофе, и пойдем спать.

Уже в спальне Баев не сдерживал себя одними только взглядами. Его руки были везде... скоро одежды на мне не осталось... Совсем...

— Моя девочка... какой же вкусный запах... — выдохнул Баев мне в губы.

— Какой запах? — не поняла я. — Разве я не пахну тобой?

— Для других, — покусывая мою шею, прошептал Кирилл. — Для других ты пахнешь мной — это моя метка... Но для меня ты всегда будешь иметь свой особенный запах... запах, от которого мой волк сходит с ума.

С этими словами меня перевернули и опрокинули на кровать. Я не видела Кирилла, но чувствовала его скорое вторжение... Я замерла, страшась боли, но в этот раз боли почти не было... Мерные толчки, хриплое дыхание... Его руки по обеим сторонам от меня — Кирилл опирался на локти, нависая ...и касаясь меня только там. Вспышка, протяжный вой, единение душ — и всё по новой... До тех пор пока я, окончательно не вымотавшись, не провалилась в сон.

Я проснулась от запаха кофе. Лежала с закрытыми глазами, но меня принялись тормошить, освобождая из под одеяла.

— Настя, вставай, — прошептал хорошо знакомый мужской голос. Баев? Что Баев делает в моей спальне? Открыв глаза, я судорожно дёрнула отнимаемое одеяло — просто это было единственное, что прикрывало меня от наготы. Мужчина, нависающий надо мной, иронично поднял бровь... И я всё вспомнила.

— Ты так невинно краснеешь, — засмеялся Кирилл, целуя меня в нос. — Выспалась?

Я пожала плечами.

— Не уверена. — Честно призналась я, стараясь не покраснеть ещё больше. Кирилл понимающе кивнул.

— Извини, девочка, надо было дать тебе побольше времени восстановиться, но к нам скоро приезжает твой брат... — Быстрый взгляд на часы. — Примерно через полчаса. — Кирилл, рывком притянув меня к себе, зарылся носом в мои взлохмаченные волосы. — Какая же ты сладкая...

— Что — то случилось? — спросила я, заметив, что Кирилл, несмотря на нежности, как — то по военному собран. Баев пожал плечами.

— Да в сущности, ничего страшного...бумажная рутина. В виду того, что зятем Степанова стал твой брат, а не я, нам придётся немного подредактировать некоторые бумаги.

— Степанов хочет навредить Андрею?

— Всей стае — хмыкнул Кирилл. — У него это, разумеется, не получится, но мы должны кое — что предпринять. Видишь ли, враги никогда не спят. — Я испуганно посмотрела на Кирилла.

— Это опасно? Поэтому к нам приехал Гильермо, да? Неприятности распространились уже далеко за границы нашей области.

— Не волнуйся, маленькая. Это на самом деле простые мелочи. — Кирилл успокаивающе улыбнулся. — Просто потом дела не дадут вам нормально поговорить, а я думаю, что ты этого хочешь.

— Очень хочу. — Подтвердила я, принимая кружку кофе и рук Кирилла. — Очень.

— Значит, я всё правильно сделал. — Произнес скорее себе Кирилл. — Пей кофе, собирайся... Тебе полчаса хватит?

Я кивнула.

— Вот и отлично. Жду тебя внизу. — Кирилл протянул руку, дотронувшись до моего шрама — метки.

— Не о такой брачной ночи я мечтал... Но мы всё наверстаем. Правда, маленькая? — Черные пронцательные глаза не дали мне опустить взгляд, заставляя смотреть прямо, не скрываясь и не стесняясь.

— Спасибо за чудесную ночь, — прошептал Кирилл, даря мне легкий поцелуй. Последний поцелуй, который я от него получила и воспоминания о котором храню до сих пор, не в силах их вытравить из своей памяти.

Глава 19. Гроза посредине лета

Бывают дни, которые пролетают незаметно, сразу же стираясь из памяти, как нечто ненужное и пустое. А бывает, что ты хранишь воспоминания дня, как самое дорогое — дороже всего, что у тебя только есть, и эти воспоминания хоть как — то дают тебе силы жить дальше.

Мои воспоминания причиняли мне боль. Первые несколько дней эта была самая настоящая агония, но последующие события заставили отвлечься от собственной боли, загнать её внутрь, и уже там, глубоко внутри, молча страдать, не показывая никому чужому. Ужасно, но даже брат... даже мой любимый брат не знал о том, что происходит у меня внутри.

В то утро Кирилл поднял меня не свет не заря — первый день в официальном статусе Луны клана как — то не задался. Я боялась опоздать, стыдилась произошедшего ночью — Кирилл такое вытворял с моим телом, что я даже вспоминать без смущения не могла, а потому чувствовала себя более чем неуверенно. Как результат, опоздала на завтрак — Кирилл уже поднимался из — за стола, с сожалением глядя на меня.

— Прости, девочка, — протянул Баев, целуя меня в макушку. — Нам надо работать.

Гильермо, необычно притихший, коротко кивнул мне вместо приветствия. Он также выходил из-за стола, на ходу допивая свой утренний кофе.

Пётр Иванович уже поставил передо мной чашку, когда я краем уха слышала испуганную фразу по испански.

— Луна почуяла Кармелу, да? — переживал Гильермо. — Прости, Кирилл, я не хотел, чтобы всё так вышло.

— Она просто ещё не акклиматизировалась, — прервал самобичевание своего беты Кирилл. — Настя — молодая, выросшая с людьми девушка.

А ещё я слышала волчий рык — низкий, утробный, заставивший даже дворецкого, возившегося с кофейником, пригнуть голову.

Я же ... я же, помешивая кофе, гадала, кто такая Кармела. Она ведь как-то относится к Кириллу, не так ли? Смешно вспомнить, но первой моей мыслью было, что эта дочь Баева. А что — разница в возрасте у нас внушительная, сексуально он себя вряд ли ограничивал...И, насколько я помню рассказ Кати — пары Андрея — оборотни вполне себе могут иметь потомство вне брака с метками.

Я тогда наивненько решила не торопиться с выводами.

Когда Кирилл будет свободен, спрошу его, — подумала я, проглатывая ставшим в одно мгновение безвкусным завтрак. Правда, меня сильно гложил вопрос: если я должна была почувствовать какую — то Кармелу (а я её по своей недооборотности не почувствовала), то все остальные оборотни в стае её тоже чувствовали... и молчали??? Или, если Кармела — имя судя по всему испанское- приехала вместе с Гильермо, то уж мимо дворецкого эта новость бы не прошла... А Петр Иванович даже словом не обмолвился, что приехал кто — то ещё, кроме испанского беты... Настроение тут же свалилось на пол. Я мгновенно стала сомневаться в себе, в Кирилле... в том, что между нами.

Дворецкий, появившись из приоткрытых дверей, вопросительно посмотрел на меня.

— Луна, прикажете подавать машину?

— Зачем машину? — удивилась я. — К нам сейчас же должен Андрей приехать.

Петр Иванович едва удержался, чтобы не закатить глаза. Все — так трудно отстранённо воспринимать того, кого в четырнадцать гонял за пролитые краски на белом ковре (я тогда готовила стенгазету для новогоднего огонька, пока брат работал в поместье).

— Бета будет какое — то время занят с испанским Бетой и нашим Альфой. Вы хотите ждать дома или собираетесь забрать свои вещи из гостиницы?

— Забрать вещи из гостиницы, — кивнула я, вспомнив, что сегодня истекают оплаченные три дня. Конечно, вещей там практически не было: я ведь ушла из дома Андрея в чем была, разве что с сумкой через плечо — а вот в сумке были документы; паспорт же мой сейчас находился у администрации — и вот его следовало совершенно точно вернуть назад.

— Иван Вас отвезёт... а потом, может быть, салон красоты?

— Я так ужасно выгляжу? — спросила я, отставив чашку в сторону. Дворецкий покачал головой.

— Что вы, Настя... Дело не в этом, а в Вашем новом статусе.

— Луны?

— Жены очень богатого человека.

Я кивнула.

— Хорошо. — Мне показалось, или дворецкий вздохнул с облегчением. — Но не сегодня.

Петр Иванович, который уже было повернулся, чтобы уйти, резко затормозил.

— Что Вы имеете в виду, Настя.

— Я устала и не слишком себя хорошо чувствую.

— Женщинам нравится проводить время в салонах красоты. Спа- процедуры, массажи, маски...

— Обязательно попробую в другой день. А на сегодня только гостиница.

Дворецкий кивнул.

— Как пожелаете... Когда подавать машину?

— Минут через десять, — кивнула я. — Спасибо.

Дворецкий сдержанно то ли кивнул, то ли поклонился, и осторожно вышел из комнаты. А я осталась сидеть за столом перед пустой белой чашкой.

Забрать документы из гостиницы оказалось делом нелёгким. Меня муржили практически полчаса, ещё чуть ли не минут двадцать проверяли номер. Да что там можно проверять-то, в этой маленькой клетушки? Но администратор (новая, не та, которая меня заселяла), была непреклонна и цеплялась ко всему, что могла найти.

— А это раковина такая и была? — поинтересовалась сотрудница гостиницы, когда уже в самом номере не осталось ни единой мелочи, которую бы она не потрогала. Я кивнула.

— И раковина, и ванна, и вся сантехника.

— Вы уверены? — с сомнением протянула администратор.

Я очень терпеливый человек, но когда вас в сотый раз спрашивают один и тот же вопрос, причем лишённый всякой логики, сдать нервы могут у каждого.

— Так вы уверены? — ехидно переспросила сотрудница гостиницы.

— Нет, конечно, я вам вру. Смоталась в машине времени в СССР, прихватив оттуда это добро.

— Девушка, не надо ерничать, — поджала накрашенные ярко — фиолетовой помадой губы администратор. — Знаете, случаи бывают разные ...

— Нинок, что у тебя случилось? — в комнату, не постучавшись, вошла та администратор, которую я знала.

— Я пришла смену принимать, а тебя нет. Увидев меня, женщина приветливо кивнула.

— Съезжаешь? — поинтересовалась она.

— Пытаюсь, — честно призналась я. — Ваша коллега комнату проверяет.

— Да что её проверять — то... — опытным взглядом администратор обвела комнату. —

Все ж нормально.

Но её коллега так не считала. Схватив пришедшую женщину за руку, дотошная администраторша вытащила её в коридор и что — то ей зашептала на пониженных тонах... настолько тихо, что даже я, с моим значительно улучшившимся слухом, не разобрала. Что — то про звонок и какую — то важную просьбу.... Или важную шишку с просьбой. «Прослушав» коллегу, знакомая администратор что — то зашептала в ответ... А затем вошла в комнату с моим паспортом.

— Вот. Держи.

— Всё хорошо?

— Это у тебя надо спрашивать, — покачала головой женщина. — Мой тебе совет: держи уши востро.

Я не стала ей говорить, что я так и поступила — причем в прямом смысле этого слова (вряд ли она имела в виду именно это) — но напутствия администратора гостиницы мне очень не понравились. Складывалась неприятная, крайне неприятная картина. Забрав паспорт и оставшиеся немногочисленные пожитки, я вышла искать припаркованную где — то возле главного входа машину. Ванька сидел на лавочке рядом со стоянкой и ел мороженое.

— Хочешь стаканчик? — спросил он, щурясь на Солнце и заставляя меня улыбнуться. Впервые, должно быть, с момента завтрака. — Ты чего, Насть? — изменившись в лице, спросил Иван.

— Ты не называешь меня Луной. По-прежнему Настей и на ты.

— А ты хочешь на Вы, да? — моментально посерьёзшел водитель.

— НЕТ! — воскликнула я, выставя руки вперед. — Даже не думай.

— Ну и отлично, — улыбаясь, кивнул приятель. — А то уж я перепугался. — Водитель мне подмигнул. — Вообще — то, в стаях всегда царит строгая субординация... но не могу я выкатить девчонке, которую спасал от перепоя.

— Ну что, домой? Ты все дела сделала?

Я кивнула.

— Вроде на сегодня всё. — И тут мой сотовый запищал. — Подожди, Катька звонит.

— Передавай ей привет.

— Да не та Катька, Катя — которая жена Андрея.

— Аааа, — приятель шмыгнул носом. — Не, её пока не видел. Она правда похожа на Алину.

— Внешне — да.

Я нажала на вызов звонка, уже внутренне беспокоясь. Что — то было не так. Совсем не так.

Катя в трубке рыдала.

— Что случилось — то? — спросила я, стараясь хоть как — то перекрыть её бессвязные всхлипы.

— Приезжай, пожалуйста... Настя, приезжай.

Я поняла, что вряд ли добьюсь от неё более внятного объяснения, поэтому просто сообщила, что буду очень скоро. Нажав на «отбой», вопросительно посмотрела на Ваню.

— Кажется, у нас ещё одно дело.

— Что — то с бетой? — встревожился водитель.

Я покачала головой.

— Андрей сейчас должен быть в поместье, у него с Кириллом какие — то дела... Боюсь, дело в другом. Катя — беременна. И рыдает.

Ваня в миг побледнел. Дети в клане рождались не часто.

— Поехали. Не будем терять времени.

Я кивнула, и мы помчались к дому Андрея со скоростью неотложки.

— Будешь звонить брату? — спросил Ванька. Я покачала головой.

— Я не знаю, что случилось, зачем ещё Андрея дёргать. Вот, выясним всё...

Мы стали синхронно вылезать из машины — судя по всему Ваня собрался подняться со мной, в квартиру брата... но в этот момент на меня неожиданно опустилась тьма, как будто кто — то выключил рубильник.

Связанный Ванька — первое, что я увидела, придя в сознание. Затем на меня уставилась чья — то перевернутая морда... и я несколько минут безуспешно пыталась узнать частично трансформированного оборотня.

— Очнулась уже? — поинтересовалась морда голосом Степанова. Затем я услышала приближающийся всхлип. Я попыталась сесть, но слабость так сильно давила на плечи, что мне с трудом это удалось.

— Ты же обещал, что не тронешь её, — воскликнула Катя, которая сидела тут же, на асфальте. Странно, но мы по прежнему находились на парковке возле дома Андрея — только в самом её углу, отделённом от остальной территории несколькими частными гаражами. Достаточно глухое место.

Степанов, продолжая ухмыляться, достал жестяную коробку и принялся посыпать меня каким — то порошком. От порошка жгло кожу, я слышала своё внутреннее рычание... а через секунду уже зарычал пришедший в сознание Иван.

— Где Настя? — испуганно вскричал оборотень, хотя я находилась прямо за ногами Степанова, — Что вы сделали с Луной?

И тут я поняла, что он меня не чувствует.... Вообще. Я похолодела, а Степанов же захохотал.

— Свяжите парня и спрячьте пока его, — велел чужой Альфа своим подручным. Затем повернулся ко мне.

— Из мальчишки ещё может получиться неплохой воин.

В этот момент Ванька, заметив меня, дико рыкнул.

— Настя....? Как это возможно??? Где твой запах??? — Но его уже затащили в ближайшую машину. Газель без окон — их стояло тут две (вторую, видимо, припасли для нас), быстро рванула со стоянки.

— Вы лишили меня запаха? — спросила я, внезапно потеряв всякий страх. — Зачем?

Степанов противно хихикнул.

— Да вот, добрые люди — то есть нелюди — решили просветить тебя по доброте душевной. А то ты же насколько глупая, чтобы поверила своему Баеву.

— Он — мой Альфа и моя пара. — Пожала я плечами. — Как же ему не верить?

Степанов снова рассмеялся.

— Глупая человечешка... Баев водит тебя за нос. Отказался от моей Алины — нехороша для него; тебя же, дуру, он просто использует.

— Отец, нет — закричала Катя, стараясь перебить отца. — Они уже официально пара. Ты ничего не сможешь сделать для Алины.

Чужой Альфа, развернувшись к дочери, наотмашь ударил её по лицу.

— Не смей произносить имя сестры, тварь. — Мужчина нехорошо оскалился. — Думаешь, я не понимаю, что для моей красавицы — волчицы всё потеряно? Понимаю, прекрасно понимаю. И Баев за это ответит. Он лишил мою девочку возможности иметь сильную пару, лишил уважения и надежды на счастье... Ну ничего... Баеву ещё отольются её слёзы — Степанов взглянул в мою сторону. — А ты, человечешка, думаешь, хорошо устроилась? Думаешь, победила род Степановых? Выкуси, тварина человеческая... и ты тоже получишь по заслугам...

Я чувствовала, что чужой альфа с каждой минутой всё больше и больше звереет — и не знала, как это остановить. Его питала ненависть — безграничная, лишённая всякой логики и уничтожающая всё на своем пути... Жена брата жалобно застонала — сейчас я не чувствовала её состояние — видимо, порошок воздействовал не только на запах, но и блокировал мои силы, однако без этого было заметно, как страдает Катя.

— Я не хотела, — прошептала жена брата, глядя на меня. — Прости меня, Настя! Я, правда, не знала. Он сказал, что хочет поговорить...

— ...Что хочет помириться, — ударив дочь по губам, загоготал Степанов. — А эта дура и уши развесила... Привела тебя как овечку на заклание. — Альфа частично трансформировав лицо в волка, щелкнул пастью в миллиметре от моего носа. — Что, человечешка, боишься?

— Вы меня поэтому ненавидите, да? — я нашла в себе силы спокойно задать вопрос. — Потому что во мне человеческая кровь?

— Никакая полукровка не может одолеть Степановых, — зарычал альфа, стукнув кулаком по машине, возле которой мы находились. — Но не волнуйся, второй раз у тебя ничего не выйдет. Я — не моя девочка, я — Альфа, на меня твоя силёнка самки не действует.

Катя, услышав про силу, выразительно завращала глазами, как будто желая мне что — то сказать.

— Сука, — снова ударил дочь Степанов. Катино лицо постепенно превращалось в кровавое месиво. — Подсказывать этой недочеловечешке вздумала... — Степанов громко рассмеялся. — Она не сможет воспользоваться силой Баева... — В один момент громкий смех превратился в противное хихиканье. — Думаешь, я просто так её порошочком посыпал... Нет, не просто... у Баева много врагов... Теперь вы никуда не денетесь, жалкие сучки.

Я, вспомнив, как случайно воздействовала силой Баева на врачей, попыталась вызвать это чувство снова. Ничего не выходило.

— Ну, попробуй ещё, — хохотнул Степанов. Глупая человечка. ... А теперь быстро пошли в машину. — и он, открыв дверцы неприметной серой газели без окон, запихнул нас внутрь. Я шаталась от слабости, жена брата плакала в голос, но Альфа был непреклонен.

— Лезьте, я сказал.

Едва мы с Катей повалились внутрь, как дверца захлопнулась. Катя, чистокровная волчица, быстро перешла на волчье зрение — в её движениях чувствовалась уверенность — я

же оказалась практически беспомощной.

— Неужели этот порошок и вправду работает? — тихо спросила жена брата.

Я пожала плечами.

— Не знаю. — От этого порошка сильно чесалась кожа ...и чувствовалась какая-то странность в теле. В тот момент я надеялась, что это всего лишь самовнушение.

— Попробуй ещё раз воспользоваться силой своей пары — силой Альфы — вожака, — попросила Катя. — Прикажи отцу нас отпустить.

— Ты думаешь, это подействуешь? — недоверчиво хмыкнула я. — Одно дело, если бы он был рядом — другое дело....

— Он наверняка едет в этой же машине, — перебила меня Катя. — Для силы Баева это вообще не расстояние.

— Но я не Баев.

— Ты его Луна. Ты можешь воспользоваться силой своей пары, — убежала Катя. — Просто призови её... Прикажи отцу ментально.

Зажмурившись, я попыталась сделать так, как советовала жена брата.

— Ничего.

От оборотницы повеяло диким страхом.

— Настя, прости, — запричитала Катя, плача. — Я не хотела... Отец позвонил, сказал, что хочет наладить контакт... Мы даже встретились позавчера... Он так изменился. Спрашивал у меня про детей. И мама сказался, что отец сильно поменялся. Я подумала — вон она, надежда для нашей семьи и моего прежнего клана. Ведь мои дети... она положила руку на живот, вздрогнув. — Если бы они родились, они бы хотели жить в мире с кланом своего деда...

— Что ты, глупая... — испугалась я. — Как будто прощаешься...

— Отец не оставит нас в живых. Мы же свидетели, ты пойми. Свидетели против него.

— А ещё мы очень выгодные заложники, — попыталась я успокоить девушку. — Если враги хотят надавить на Баева, то им лучше держать нас живыми.

Чувствовалось, что Катя со мной не согласна, но она побоялась высказать свои опасения вслух. И правильно: зачем переживать заранее, если ещё ничего не известно.

Мы ехали недолго: минут пятнадцать, может быть, чуть дольше. Под конец, газель, в которой нас везли, резко вывернула вправо — из — за этого неожиданного манёвра я больно приложилась боком о железный борт — и вскоре машина затормозила.

Мы с Катей, обнявшись, обе дрожали от страха.

— Приехали, — раздался скрипучий голос сошедшего с ума чужого Альфы. Открыл двери, Степанов волчьим зрением заглядывал нас.

— Какое приятное зрелище... Испуганное мясо дрожит...

— Где мы? — поддавшись вперед, поинтересовалась Катя. — Куда ты нас привёз?

Степанов со всей силы пнул дочь в живот — отчего девушка отлетела вглубь салона, и тут же больно схватил меня за уже вывихнутое плечо.

— Эта тварь остаётся в машине, а ты идёшь со мной. — Я пыталась вырваться, чтобы подползти к раненой, потерявшей сознание после удара, Кате, но Степанов не позволил мне э то сделать. Он то ли ещё больше вывихнул моё и без того пострадавшее плечо, то ли вообще его сломал — только боль я чувствовала ужасную.

— Сопротивляйся, — с кровожадной улыбкой, предложил Степанов. — Ну же... Сопротивляйся, тогда я могу применить силу. С удовольствием сломаю и тебе чтонибудь.

— Ваша дочь ранена... Пожалуйста... — Теперь и мне прилетела внушительная по своей силе пощечина.

— Заткнись, тварина людская, это подстилка беты мне не дочь.

А дальше Степанов, с силой схватив меня за вывихнутую руку, потащил куда то в сторону от припаркованной машины. Я озиралась по сторонам, гадая, где мы: место выглядело как подземная парковка торгового центра, но отсутствие большого числа машин как бы опровергло эту догадку.

Наконец, нам по пути попался какой-то человек.

— Подашь голос — эта тварь в машине не жилец, — хмыкнул мне на ухо Степанов. И я не рискнула.

Таким же образом мы добрались до стеклянного лифта. Грубо толкнув меня внутрь, сошедший с катушек отец Кати нажал двенадцатый этаж.

— Пентхаусы, — ухмыльнулся Степанов. — Совсем не та нора, которую ты снимала... Луна клана.

Лифт мерно отсчитал указанное количество этажей, прежде чем двери открылись.

— Приехали, — с плохо скрываемым удовольствием в голосе, произнёс Степанов, ещё больше напугав этим своим злорадством.

Выйдя из лифта, я неожиданно поняла, что нахожусь в гостинице. Не в той дешевой, разбитой гостинице, где находился мой номер (Степанов был прав, заметив это) — отель, в котором мы сейчас находились, считался одной из новых достопримечательностей города с президентскими люкс номерами, живым деревьями внутри и стеклянными стенами, обращёнными в сторону «декоративного леса».

Степанов всё ещё ухмыляясь и больно сжимая моё плечо, постучал в одну из дверей — вторую от лифта.

— Вот бляди живут, — пробурчал альфа язвительно. И я уже приготовилась встретить какую —нибудь секс — красотку, однако дверь открыла не молодая, но очень моложавая блондинка с короткой стрижкой.

— Уже приехали? — грудным низким голосом спросила она. Степанов кивнул.

— Да, как только порошок подействовал, — хмыкнул Катькин отец. — Эта дура ничего не поняла.

Заметив на моем лице кровоподтеки, блондинка гневно посмотрела на Степанова.

— Что это значит, Виктор Яковлевич?

Степанов отвел глаза в сторону.

— У меня не было выбора, она сопротивлялась.

— И зачем же было неволить... — удивлённо протянула блондинка. — Если девушка не хотела... Мы же желаем ей только добра... Только раскрыть глаза на чудовищный обман...

Ласково взяв за непокареженную руку, она вопросительно посмотрела на меня.

— Настя, простите, мы вовсе не хотели причинить вам беспокойства... Я ошеломлена.... - она презрительно посмотрела на Степанова. — Уйдите.

И Степанов натурально развернулся в сторону лифта.

— Подождите, — воскликнула я, быстро обратившись к женщине. — У него в машине девушка, сильно избитая, без сознания.

Женщина в ужасе раскрыла глаза.

— Виктор Яковлевич...

— Это моя дочь, имею право.

— Передайте девушку Анне. — Блондинка обратилась ко мне. — Не переживайте, Настя. Анна — это моя лекарь, она поможет вашей подруге.

Так лаской и уговорами, она заменила меня внутрь комнаты.

— Вам, наверное, интересно, кто я такая? — Миротвориво спросила женщина.

— Скорей уж, что я здесь делаю. И что за порошок, которым меня посыпали.

— О, — улыбнулась блондинка, — это наша новая разработка... К сожалению, химически заблокировать альфа силу невозможно, мы просто временно лишили вас нюх и запаха, разбив вашу с Баевым метку. Кстати, ни с одним альфой, даже слабым, это зелье не работает... А вот на Альфа — самках мы не экспериментировали... Сами понимаете, какая это редкость... Нам просто повезло, что на вас средство все — таки подействовало, хотя вы тоже Альфа... Вот что значит разные механизмы.... Химически, это можно сравнить с цис транс изомерией — когда химический состав у веществ один, но из-за разницы стереометрии, вещества обладают разными химическими свойствами... Простите, увлеклась.

— Ничего, я тоже увлекаюсь химией.

— Да что вы? — выгнула бровь блондинка. — Тогда вы меня поймете.

— Я не понимаю, зачем Вам это.

Женщина замялась.

— Понимаете... порошок — это всего лишь инструмент. Конечно, если бы он не сработал, мы бы нашли способ доказать Вам двуличность вашего альфы. Но даже видео не так убедительно как собственные наблюдение — ведь Баев всегда может сказать, что запись — подделка, что на ней не он. Но если вы будете присутствовать...

— Присутствовать где? — не поняла я. Блондинка мягко улыбнулась.

— Настя, поверьте, я вас ни к чему не принуждаю. Вы вольны поступать, как вам хочется. Но если вдруг вы решите остаться, я обещаю вам показать реальное положение дел. Баев не сможет почувствовать вас, а потому не будет притворяться.

Я задумалась. Не то, чтобы я доверяла блондинке, просто, пока действие порошка не закончилось (а когда оно ещё закончится) более безопасно находится подальше от маньяков, то есть от Степанова. Блондинка имела странное влияние на Каткиного отца, так что волей- неволей...

— Кстати, как там моя подруга?

— Я сейчас позвоню, узнаю — оживилась блондинка. — А вы пока пройдите вон в ту комнату... — и она показала мне неприметную, в тон обоев, дверь. — И сидите там тихо, как мышка.

Вам когда — нибудь приходилось наблюдать за тем, как рушится Ваша жизнь? Так, в один момент — безо всяких экстремальных событий, вроде аварии или несчастного случая. Просто потому что кто — то оказался недостаточно честен.

Я сидела «мышкой» в небольшой комнатке, пытаюсь понять, зачем меня сюда притащили, когда за стеклянной стеной напротив стали происходить события.

Дверь отворилась, и в комнату зашла пара. Точнее, зашёл мужчина, женщина же висела на нём, обвинившись словно лиана... Незнакомка на Баеве.

— Не понимаю, почему ты хотела именно этот номер, — пробормотал Баев по-испански.

— Ну, котик, какой же ты недогадливый, — надула красивые пухлые губки испанка, — Знаешь, кто проектировал этот отель? Брат Ги... Правда, владельцы кое — что переделали,

насколько я слышала, но всё равно красиво.

— Ага, посреди пыльного города. Я же предлагал тебе один из домиков на природе.

— И что бы я там делала... одна? — её голос трагически дрогнул.

— Ждала бы, когда Гильермо закончит работу и возьмёт тебя обратно... Ну и побегала бы. В этой местности можно себя не ограничивать.

— Вот и давай не будем, — хихикнула девушка. — Ограничиваться.

Она расстегивала рубашку Кирилла, азартно целуя моего мужчину... Баев же особенно не сопротивлялся.

— Кармела... Кармела, нет.

— Но я же чувствую твоё желание, — настаивала девушка. — Ну, Кирилло....

Она продолжила его целовать, а Кирилл... принялся целовать её в ответ.

Длинный долгий поцелуй — и вот уже она расстегивает его ширинку.

Я зажала рот кулаком, уже давно сползая с дивана на пол. Теперь стало понятно, зачем эта странная маленькая комната — комната для наблюдений. Удобно...

Целующаяся пара до спальни не добралась. Я в тот момент даже надеялась на это — что они уйдут в спальню, и я не буду иметь возможности наблюдать за процессом. Но, видимо, Кармелу неплохо подготовили — всё действие происходило тут же, на диване...

Баев себя не сдерживал.

Точнее, я только сейчас поняла, насколько он сдерживался со мной — даже тогда, когда я думала, что он грубоват. Эту же девушку он пользовал, пользовал и пользовал.... На диване, на стол, на полу.... Пригнув её голову, жестко врываясь в её тело.... Или же наоборот, грубо врываясь в её рот... Но испанку, кажется, это абсолютно устраивало... Она извивалась под Баевым, явно получая это этого удовольствие. Каждый её стон, каждый удовлетворённый рык Кирилла бил меня похлеще, чем Степанов... я не чувствовала боли в руке — а она уже стала опухать (мне кажется, это всё таки перелом). Моя сила была заблокирована, помочь себе я не могла... Да и не болела у меня рукадуша болела. Плакала беззвучно, вместе со спрятавшейся глубоко внутри волчицей.

А парочка за стеклом всё продолжала свои игры... Где — то часа через два я уже насколько окаменела, что их новые позы и удовлетворенные крики меня почти не трогали. Я почти не вздрагивала.

— Ну вот, а ты хотел меня отправить назад, — довольно протянула Кармела, когда они, утомленные телесными удовольствиями, полулежали на диване. — Твоя пара не знает, как удовлетворять мужчину?

— Она маленькая и хрупкая, — неохотно ответил Кирилл. — Она научится. А ты поедешь домой.

Кармела вместо ответа тут же склонилась к мужчине на уровне его ширинки. Характерные звуки, откинута назад голова Кирилла... и его новый удовлетворённый рык.

— Всё — равно поедешь домой.

— Ну, Кирилло... — застонала девушка. — Она ведь человечешка... Она даже меня в поместье не почувствовала. А я ведь тебя обняла при встрече.

— Надеюсь, ты сделала это не специально, — сузил глаза Баев. — В моем поместье шлюхам не место. Это дом Луны.

Самое удивительно, что девушка, кажется, совершенно не обиделась. Лишь надула губки.

— Не называй меня так.

— Ты сама напросилась. Зачем сюда приехала? Зачем напрашиваешься?

— Но тебе ведь понравилось....

— Я кобель — милая, это в моей природе, — съязвил Альфа. — А тебе зачем так подставляться?

— Но ведь наши волки не ходят на сторону после образования метки. Значит, ты ещё свободен.

— Все бывает, — пожал плечами Кирилл. — Помнишь, Энрике, который встретил свою пару, которой на тот момент было сколько ... лет десять... Что ж он, восемь лет — до её восемнадцати, должен был ходить монахом? Так и от смермотоксикоза помереть можно.

— Кирилло, — лаская Баева, осторожно начала блондинка. — Ну зачем тебе это человечка... Она такая слабая... даже тебя нормально удовлетворить не может. Ну, есть в ней это Альфа — сила, и что? Так пусть батрачит на клан, и радуется, что её, недобитую человечку, приняли оборотни. — Она с надеждой посмотрела Баеву в глаза. — А мы будем как прежде, а? Я могу даже ещё девчонок позвать, чтобы тебе интересней было.

Меня чуть не вытошнило от этого предложения, но Кирилл, кажется, даже не особенно удивился. Перебивая волосы испанки, Баев отрицательно покачал головой.

— Нет.

— Но почему? — вскричала девушка. — Что в ней такого?

Баев невесело усмехнулся.

— Настя — моя истинная пара.

— Это недобитая человечка? — не поверила Кармела. — Я думала, ты поставил метку, потому что она Альфа — сука.

— И это тоже, — кивнул Кирилл. — Настя — слишком ценная для клана, чтобы её отпускать. Думаю, ты сама это прекрасно понимаешь.

— Но истинная пара... Когда ты об этом узнал?

Кирилл усмехнулся.

— Сразу же, естественно. Альфы никогда не делают ошибок.

— Но она сражалась с твоей невестой...как её...Элин?

— Она сама этого хотела, а я не хотел истинную — полукровку.

Он просто это сказал. Так обыденно. А у меня душа умерла.

Глава 20. Не приходя в сознание

Я так и сидела на полу в комнате для подглядывания, уже не обращая внимания на то, что происходит за стеклом. Кажется, парочка успела ещё раз пройти по всей Камасутре, и даже сбегать в душ. Мне было всё — равно. Даже посиневшая рука не причиняла боли. А может, я её просто не чувствовала. Сидела, раскачивалась из стороны в сторону, забыв обо всём.

А Кирилл тем временем, насупившись, разговаривал с кем — то по телефону... Очень серьёзный тон. Даже испанку свою рукой придержал. Когда она, не послушавшись, привычно полезла губами в область его паха, Баев ногой оттолкнул девушку — Кармела, шлепнувшись на попу, обиженно посмотрела на Кирилла.

— Да что происходит — то? — жалобно поинтересовалась она. Баев же как будто её не слышал.

— Что значит, вы её потеряли? — рявкнул, по-русски, Баев. — Я же сказал: отъеду ненадолго. Что за хрень происходит???

Бесконтрольная сила Альфы затопила помещение. Моя волчица — я чувствовала её сейчас, как никогда — заворочалась, не желая чувствовать Альфу. Волки не изменяют своей паре, и не оставляют её на расправу другим.

А Баев тем временем навис над Камилой.

— Если я узнаю, что ты, сучка, специально меня своей истерикой из поместья выманила, тебе не жить. Поняла меня?

— Людей сюда, живо, — рявкнул Баев в трубку. И выключив связь, снова обратился к девушке. — Признавайся сейчас и тебя ждёт легкая смерть...

— Котик, — жалобно протянула вмиг потускневшая испанка.

Баев жёстко ухмыльнулся и одним движением поднял девушку до своего уровня, схватив её за горло. Жесткий поцелуй — и Кармела летит в стену.

— Если окажется, что ты была в курсе, отдам на потеху армии. Пускай ребятки поразвлекаются, а потом и охоту устроим.

Кармела что — то быстро запричитала по-испански, но Баев её уже не слушал. Печата шаг, он покинул комнату, оставив дрожащую девушку лежать на полу и меня, раскачиваться за стеклом... тоже на полу.

— Настя? — я и не заметила, как в комнату вошла блондинка.

— Вы как? — притворно — участливо спросила она. — Очень больно, да?

— А вы как думаете? — хмыкнула я, переведя взгляд на девушку за стеклом. — Он ведь её не помилует.

— Мы на войне, а она сама позарилась на большие деньги и возможность окрутить Альфу.

— Она не знала, что я его истинная пара, — пожала я плечами.

— Вы ведь тоже не знали? — спросила блондинка. — Он не говорил?

— Никто не говорил, — улыбнулась я бескровными губами. — Теперь понятно, почему... А это Кармела, она что, провела ночь в поместье? Рядом с нами?

— Насколько я знаю, не рядом... — пожала плечами блондинка. — Но в поместье, да. Она мне оттуда звонила.

— А почему он вас не почувствовал? Вы тоже обсыпались «волшебным» порошком?

Я понимала, что присутствие оборотней рядом не могло не смутить Баева. Блондинка по акульи улыбнулась.

— Все намного проще, Настенька. Я — человек.

Раньше, когда у меня были чувства, я бы обязательно удивилась — сильно удивилась; сейчас же просто вытянула губы трубочкой, пробормотав сопутствующее моменту «О».

Блондинка снова улыбнулась.

— Так уж вышло. Я, Настенька, как и вы — Луна в стае. Мои сыновья...оба... они практически люди. Одна вторая оборотней в крови — но даже слабенького волка не слышно.

— Кирилл вам угрожает?

— Он ближайший родственник. — Скривилась блондинка. — Как вы понимаете, мой муж не может больше удерживать стаю, а дети... Я верю, что наши дети могут управлять кланом. Да, они не перекидываются, и, может быть, Альфа сила в них не проснулась.... Но ведь и ваша сила проснулась совсем недавно.

Блондинка села на стул, переводя дух.

— Я очень надеюсь, что и с моими детьми произойдет подобное. Я верю в это.

— А что ваш муж? — лениво поинтересовалась я.

— Мой супруг несколько лет назад сильно пострадал на поединке... и теперь ему становится всё хуже... Врачи не обговаривают сроки, но уже скоро...

— Вы могли просто спросить, я бы с удовольствием помогла.

Блондинка махнула рукой.

— Мы уже пробовали помощь другой Альфы — самки. Нет, слишком поздно. Иногда и вы не справляетесь, — ехидно добавила она. — А беты уже в открытую требуют назначить приемника. И им не может быть никто, кроме вашего Альфы. — Блондинка снова горько усмехнулась. — У нас слишком редко рождаются носители Альфа — силы... А я не желаю отдавать стаю, отдавать наше положение какому-то чужаку. У него и так территорий навалом. К тому же, это жесткий манипулятор, он может запросто устранить моих детей.

— Они ему не соперники.

— А что, если через поколение кровь разыграет? И появятся новые Альфы, претенденты?

— Вы же верите, что Альфа сила появится уже у ваших детей? — поддела я блондинку. Та раздражённо повела плечиком.

— Надо учитывать все обстоятельства.

— И что вы планируете для меня? — поинтересовалась я. — Вы ведь уже видели, ему на меня наплевать.

— Э, нет, Настенька, не наплевать. Кирилл знает, что откат неминуем. Это, так сказать, прощальная гастроль. Развлекается, пока может.

— О чем вы?

— Вы с Баевым, как мне не прискорбно об этом говорить, истинная пара.

— Ааа, — протянула я. — Ну да, слышала.

Блондинка, не почувствовав издёвки в моём ответе, кивнула.

— Да, только вы, Настя, Кирилла не кусали, а значит, не замкнули его метку на себе...

— Понятия не имею, о чём вы говорите. Все говорят, что моя метка уже активная. Я не вдавалась в подробности.

— Ваша связь уже активна... Знаете, Настенька, одного укуса и консумации редко хватает для образования полной связи. Но Баев силён...Метка активная, брак вы консумировали... максимум через неделю после консумации эхо докатится и до него. —

Блондинка широко улыбнулась. — Его волк начнет сходить с ума без своей Луны.

— Я уже видела, куда он ходит, — снова усмехнулась я, безо всяких эмоций, впрочем. — Хорошо, что вы хотите?

— Пойдемте со мной. О вас позаботятся.

— Кто? Вы же сами говорили, что ваш муж сам нуждается в помощи, а дети практически люди.

Блондинка широко улыбнулась.

— Зато у меня есть прекрасные связи. Два клана отдают сильных волчиц для моих сыновей...

Смутная догадка озарила меня.

— А одна из них случайно не Алина Степанова?

— Она хорошая девочка и будет прекрасной Луной для стаи моего сына.

Я кивнула, соглашаясь... и начиная кое — что подозревать. Конечно, Степанову не с руки было сориться с блондинкой, когда его дочери «грозит» новое супружество. Интересно, я для него значит — недобитая человечка, Катя — подстилка беты, зато посылать Алину второй раз на договорный брак, да ещё с практически человеком — это вроде как в порядке нормы. Даже вон как выслуживается...

Но... блондинке ведь тоже необходима помощь. А значит... Значит, Катя по прежнему может быть в опасности.

Внутренняя волчица, сильно дернувшись, заставила меня «проснуться».

— Мне некуда идти, — призналась я по — прежнему убитым голосом.

— Мы о вас позаботимся. Увезём так далеко, что Баев вас не найдет.... Нам хватит несколько месяцев, а затем его волк сведёт Альфу с ума.

Я посмотрела на блондинку.

— Увезёте? Прямо сейчас?

Женщина радостно кивнула.

— Да, всё готово для вашего отъезда, Настя.

Добровольного или принудительного, мысленно добавила я про себя. Сдержанно кивнула.

— Хорошо. Мне надо умыться.

— Пойдемте, я провожу вас в ванну. — И блондинка повела меня наружу, оставив за стеклянной стеной испуганную дрожащую оборотницу.

— Люди Баева окружили отель, поэтому выбираться будем через черный ход. Я вас ещё раз посыплю порошком, хорошо?

— Конечно, кивнула я, — хотя он и жжётся.

— Да? — удивилась блондинка. — Знаете, у вас у единственной такая реакция.

— И единственная, на кого он подействовал? — ухмыльнулась я. — Кстати, что вы использовали?

Женщина широко улыбнулась.

— Мне нравится, что мы с вами на одной волне. Вы ведь тоже любите химию... Эх, мы такие с вами опыты ещё сделаем....

Меня довели до шикарной, отделанной мрамором и позолотой, ванной.

— Ну, я вас оставлю... Только, Настя... не очень долго.

Я, понимая кивнув, заперла дверь. Включив воду, машинально отметила свой ужасающий вид: опухшая синяя рука, проступающий большой синяк на скуле и мертвое

выражение глаз. Сама бы себя испугалась, да только времени у меня не было. Блондинка — не помощница и не союзник, она с радостью пустит меня на те опыты, о которых только что говорила.

В этом отеле, насколько я помнила по шумихе, устроенной местными СМИ, в каждом номере, конкретно из гостиной и почему — то из джакузи, имелись выходы на зеленые террасы — просторные балконы, обращённые внутрь зеленого искусственного леса. Если гостиная мне была недоступна, то джакузи — вот оно, прямо передо мной, а значит дверка должна быть где — то рядом... Я тихонько вышла на балкон. Соседняя терраска — лоджия располагалась совсем недалеко, но перелезть с одного балкона на другой на уровне двенадцатого этажа — со сломанной рукой — так себе удовольствие. Но выбора не было. Да и одна рука не функционирует... но можно цепляться второй... ногами... Я не могла оставаться с блондинкой и ничего не делать, сильно переживая в первую очередь за жену брата; за то, что потратила два часа Катькиной жизни, просматривая совсем не нужное мне порно с участием Кирилла.

В общем, сцепив зубы, я полезла вперёд, стараясь не обращать на макушки деревьев, которые шумели далеко внизу. Говорят, в момент высочайшего стресса у человека открываются иногда супервозможности: кто — то успевает сделать намного больше, чем возможно (как будто время замедляется), кто — то от испуга запрыгивает на высокое дерево или здание... А я вот перелезла с балкона на балкон с искалеченной рукой. Соседний номер оказался не заселен.

— Ещё бы, с такими ценами, — хмыкнула я про себя, тут же засомневавшись: бежать ли сразу вниз, когда все выходы перекрыты, и я точно не знаю, где и кто их перекрыл (как бы не попасть опять в руки врагов); или спрятаться и сидеть мышкой, пока люди блондинки не осмотрят этот номер, а потом уже нестись разыскивать Катку.

Но тут, в этот самый момент, я почувствовала, что жжение от порошка словно затихает — а рука, напротив, становится чуть более чувствительной, хотя по-прежнему синяя и опухшая, но я уже чувствую пальцы, а это значит, что сила Альфы ко мне возвращается. И я решила рискнуть.

Вышла из номера — в коридоре было безлюдно, а дверь моего номера оказалась ближайшей к лифту. Нажав кнопку вызова лифта, приготовилась бежать в случае малейшей тревоги. Но из номера блондинки так никто не появился, а лифт, Слава Богу, пришёл пустым.

Я поехала сразу на парковку — оттуда доносилась боль.... Дикая боль кого — то родного.

— Настя!

— Луна!

— Настя!

Я не различала лиц, рук, которые меня пытались остановить, не чувствовала их эмоций.... Все мелькало, словно в калейдоскопе: вот обеспокоенные лживые глаза Кирилла, который пытается задержать меня, вот Леша — друг Андрея, пытается преградить мне дорогу... Но я вижу там, у стенки, поломанное тело своей невестки и брата, воющего рядом с ней.

Я бросилась было к Кате, но тут меня остановила железная рука Баева.

— Залечи сначала себя, — велел Кирилл. Я сделала вид, что не слышу его. Вырвалась, упала на колени.... Чтобы наткнуться на изменённое дикое лицо Андрея.

— Его надо пристрелить, Альфа, — посоветовал кто — то Баеву. — Бета сошёл с ума от потери пары.

Но я слышала слабое сердцебиение. Правда, одно.

— Она ещё жива, — проговорила я, опускаясь рядом с Катей. Детей её я не чувствовала.

В этот раз лечение проходило намного медленнее, чем обычно. Я словно ушла куда — то, покинула на время этот мир, оказавшись в каком — то золотом коконе спокойствия.

Маленькие двойняшки — девочка с рыжими косичками и мальчик с темно каштановыми вихрами моего брата, улыбаясь, смотрели на меня.

— Настя, не переживай. Наше время ещё не пришло.

— Плохие люди сделали маме очень больно, и мы решили пока уйти, — засунув пальцы в рот, серьёзно кивнула девочка. — Но мы вернемся.

— Через полгода, — подтвердил мальчик. — Хорошо?

— Хорошо, — опешила я.

Двойняшки взяли за руки. Золотистое сияние замерзало, делаясь ярче.

— Нам пора, — предупредили дети. — Ты, пожалуйста, позаботься о нашей маме. Не бросай её.

— И папу тоже не бросай, — кивнула девочка. — Он будет очень убиваться.

— Не брошу, — подтвердила я. — Останусь с вашими родителями.

Близняшки снова широко улыбнулись, и, отвернувшись, направились в сторону света.

— Ой, забыла, запричитала девочка. — Скажи папе, что мне нравится Василиса, а Марина не нравится. Какая из меня Марина?

И кивнув малышке, я почувствовала, как что — то сильное отбросило меня в сторону. Надо мной, склонив нахмуренные лица, стояло несколько врачей, Баев и Андрей.

— Как вы, Луна?

— А что случилось? — спросила я, переводя взгляд с врачей на брата. На Баева я смотреть не могла.

Андрей посерел лицом.

— Ты спасла Катю. Но сама какое — то время не дышала... и мы не слышали сердцебиение.

Я кивнула, пытаюсь сесть.

— Настя? — осторожно спросил Баев.

И тут слёзы брызнули из моих глаз.

— Она сказала, что Марина ей не нравится. Что Василиса — лучше.

И я увидела потрясенный, полный слёз, взгляд брата.

1,04

— Настя? — настороженно позвал Кирилл. — Как ты себя чувствуешь?

Не знаю, что на меня тогда нашло ... откуда взялись силы посмотреть Баеву прямо в глаза. В черные обеспокоенные глаза.

— Нормально. — ответила я, ухмыльнувшись.

— Ты уверена? — быстрый взгляд в сторону личного доктора. — Илья проверит.

Илья Романович, личный доктор Альфы, уверенно кивнул.

— Как только мы доберемся до госпиталя...

— Нет. — покачала я головой. — Лечите Катю.

— Катей займутся другие врачи, — как маленькой, объяснил мне Илья Романович. — Моя ответственность — семья Альфы.

Я коротко кивнула, опять не сдержав смешка.

— Какая семья — такая и ответственность...

— Что, простите? — перепугался доктор. Баев же оказался совсем рядом.

— Настя.

Я выставила ладонь вперёд, ограждая себя от дальнейших расспросов.

— Нет.

— Что нет? — уже по злему рыкнул Кирилл.

— Всё. — Пожав плечами, я так и не рискнула снова поднять взгляд на Альфу. — Я передумала.

— Так. — удушливая волна силы затопила всё вокруг.

— Кирилл, она же только пришла в себя, — воскликнул Андрей обеспокоенно, но тотчас один из врачей, морщась, успокоил брата.

— Сила Альфы безопасна для его Луны.

Я покосилась на злого, едва себя сдерживающего Баева. И тут только до меня дошло, что Андрей по прежнему стоит рядом со мной, в то время, как его жена...

— Где Катя? — спросила я, обеспокоенно.

— Всё в порядке, — поспешил меня успокоить один из незнакомых докторов. — Вашу родственницу увезли в больницу, но её состояние уже стабильное.

— А ты почему здесь а не с ней? — ошарашено спросила я. Андрей, как и все остальные присутствующие рядом, поморщился.

— Насть... ты не дышала и никак не реагировала на действия врачей... — тихо признался Андрей. — Я прощался.

— Мы должны провести тесты, — встрял Илья Романович. — Чтобы выявить причину. Если ваша кровь не достаточно сильная, то надо принять меры.

— Достаточно просто отпустить меня из стаи.

— Да о чем ты говоришь? — не сдержался Кирилл, схватил меня в охапку и, не обращая внимания на возражения врачей, потащил к своей машине. Той самой.

Я не смогла в неё сесть.

Баев держал крепко, не выпуская меня из своих рук, но я извивалась змеёй, кусалась — требовала отпустить меня на землю, при этом визжала и ругалась... Проняло даже Баева.

— Что с ней? — рявкнул он в сторону врачей. Впрочем, ни один из медиков не рискнул подойти к нам ближе.

— Я, конечно, не психиатр, но мне кажется, это довольно типичный случай...

— Что с ней? — нетерпеливо повторил свой вопрос Баев. Если бы тон голоса мог убивать, город лишился бы сейчас одного медика.

— Запоздалая реакция на пережитое, — поспешил вклиниться, оправдывая звание «личного врача Альфы», Иван Романович. — Посттравматический стресс. Сейчас психика по новой переживает произошедшие события — не среагировав в минуту физической опасности, реакция наступила только сейчас.

Баев с тревогой посмотрел на меня.

— Настя, что они с тобой сделали?

А я расхохоталась. Громко и сумашедше. Словно первая жена Рочестера. Помните, ту женщину в ночнушке из Джейн Эйр?

Уселась на асфальт — ноги всё ещё не держали — и хохотала, хохотала...до слёз. Кирилл пытался протягивать ко мне руки, но я каждый раз отбивалась — отбрыкиваясь,

огрызаясь, даже укусить его хотела, но потом побрезговала. А вдруг он руки после... этой не помыл? Не знаю, сколько прошло времени — когда я увидела брата, пришедшего на корточки и вопрошающе глядящего на меня.

— Настя, ну ты чего... — он осторожно протянул руку, как обычно протягивают к диким, озлобленным животным. — Ну, Настенька... сестрёнка. Поехали домой?

— К нам домой? — с надеждой спросила я, сфокусировав зрение только на Андрее. Брат же посмотрел куда то поверх моего плеча и осторожно кивнул.

— Конечно. К нам домой. В твою комнату. Помнишь, как ты сама решила там обои переклеить, а они на следующий день все отвалились.

Я шмыгнула носом, припоминая эту историю.

— Я боялась, что ты станешь ругаться, а ты только расхохотался.

— Так за что тебя было ругать — то? — удивился Андрей. — Ты же не нарочно...

Брат поднял меня руки и зашагал куда — то в сторону.

— Я бы всё же порекомендовал больницу, — встрял откуда — то издалека голос вреднючего «личного» доктора.

Андрей что — то ответил, повернув голову. А я, успокоившись, наконец-то смогла перевести дух.

А потом наступило какое — то эмоциональное опустошение... пару дней я провалилась дома, в своей старой «детской» комнате с дважды поклеенными сначала мной, а потом мной и Андреем обоями. Я уже совсем забыла про этот случай — обои как обои: светленько, уютненько. А брат, оказывается, помнил...

Андрей, на каком — то своём, ментально — родственном уровне знал, что мне было необходимо в тот момент больше всего: тишина и одиночество. Брат обеспечил меня и тем, и другим: молча приносил подносы с едой и морсом, так же молча забирал пустую посуду... иногда мы молчали на пару — Андрей на стуле возле окна, я — на кровати, откинув ненужную, нечитаемую книжку... Помню, в первый день тишины к нам прорвались доктора, требуя предоставить Луну для анализов — и брат, воспользовавшись силой беты, мигом выставил их за дверь.

— Андрей, вы не понимаете, — зашипел Илья Романович, рассказывая брату о страшной находке — порошке, который влияет на связи обратной.

— Быстро они, — удивилась я, глядя безо всякого выражения, в окно.

Андрей кивнул.

— Баев носом землю роет. Если хоть кто —нибудь из них коснулся тебя пальцем... — Я выгнула бровь. Допустим, сейчас, благодаря ускоренной регенерации, у меня нет ни синяка на лице, ни вывихнутой руки, но ведь они все видели моё состояние на парковке.

— К тебе не приставали? — настороженно заглядывая мне в лицо, спросил Андрей. — Я имею в виду ...в сексуальном плане?

Зло хохотнув, я покачала головой.

— Не хочешь говорить?

Снова кивок.

— Настя, тебе станет легче.... Не держи всё в себе.

Взгляд брата не позволял мне опустить глаза.

— Не могу, Андрей, прости. Но физически меня не трогали.

— Я думал, ты мне доверяешь... — обиженно проскрипел брат.

— Доверяю и люблю.

— Поэтому молчишь?

— Просто не готова говорить. Как там Катя? — перевела я тему. Андрей трижды за сегодня ездил навещать жену. В эти часы, оставаясь дома одна, я боялась... боялась, что придёт Баев, а я не смогу оказать ему никакого сопротивления... хотя брат вряд ли бы мог пойти наперекор своему Альфе, но присутствие Андрея в квартире почему-то делало дом... безопасным и спокойным для меня...

— Катя... — Брат тяжело вздохнув, провел рукой по лицу. — Насть, физически она почти в норме. Врачи хотят ещё немного понаблюдать, получить ещё какие — то анализы... но, в общем и целом — как мне сказал Сергей Леонидович, состояние удовлетворительное. Меня другое беспокоит: она всё время плачет. А я... у меня руки опускаются: не уберёг её, не уберёг наших детей. Проворонил своё счастье.

Прислонившись к стене, Андрей спрятал лицо в раскрытой ладони. Брат плакал.

— Я просто не знаю, что делать. Она... Она не хочет меня видеть. Гонит.

— Это от боли, — ответила я. — Кате больно, и она боится, что может стать ещё больнее.

— Куда уж ещё больнее? — рыкнул брат. Я пожала плечами.

— Она винит себя — и не может с этим жить. А если уж ты станешь её винить в произошедшем...

— Ты что? — удивился Андрей. — Как я могу винить свою девочку? Это ведь моя обязанность — защищать, оберегать... Это ведь я не справился.

— А ты ей это говорил? — тихо спросила я, и брат мгновенно посерел лицом.

— Ты считаешь??? — Андрей не договорил, но я и так поняла, что он имеет в виду. Тяжело вздохнув, кивнула.

— Поговори с ней откровенно, признайся в своих страхах. Увидишь — её ответы тебя удивят.

Андрей порывисто обнял меня, ласково погладив по волосам.

— Чтобы я без тебя делал, мелкая? — тихо спросил он. — Уже и себя бы потерял...

— А что бы без тебя делала я? Росла в детдоме?

— Не говори ерунды, мелкая.

Я улыбнулась. Старое домашнее прозвище. Пока у меня есть брат, всё не ведь плохо, а?

А потом пришло простое осознание того, что жизнь, чтобы не случилось, несмотря на все беды и горести, катится своим чередом. Иногда мы спотыкаемся, даже падаем, но невозможно пролежать целую жизнь «пассивной тушкой» в этом колесе... Надо вставать, подниматься и снова прыгать в гущу событий.

Я засыпала, глядя на книжные полки, где ещё стояли сказки, которые я привезла с собой с родительской квартиры. Моя детская комната... и не моя уже. Я ведь попрощалась с ней в прошлый раз. Сцепив зубы, чтобы не заплакать, я призналась сама себе, наконец, в том, о чём избегала думать целый день: в собственном эгоизме. Мне было настолько больно от предательства Баева, что я словно эмоционально оглохла, поставив барьер между собой и остальным миром. Брат меня врачевал. А я...

А я вредила брату. Я только сейчас это поняла, пытаюсь отрегулировать свет настольной лампы. Спать без света я почему-то боялась, а со светом... а со светом страх хоть и уходил, зато приходили мысли и бессонница. Нелегкий выбор.

Я мешала брату, заставляла его делить время, так необходимое для его пары, ещё и на меня. Андрей не мог мне отказать в этом, и в результате страдала Катя, страдал он сам. А я

упивалась собственным горем.

Катя не хотела его видеть — гнала, но я была уверена в своём братишке — не будь на его шее дополнительного ярма, не уходил бы он так просто из больницы, не поговорив со своей женой. Настырности и упорности Андрея можно только позавидовать. А значит...

Пора взрослеть, Настя, — усмехнулась я, пробормотав фразу, которую мне на протяжении последних недель так часто повторяли оборотни. — И пора учиться жить самостоятельно.

Проснулась я поздно, и в отвратительном настроении. Даже от омлета отказалась, чем удивила Андрея. Он — то знал, как я люблю поесть с утра.

— Я к Кате в больницу. Посидишь дома одна, ничего? — спросил Андрей.

— Всё в порядке, — кивнула я. — Езжай.

— Только не выходи никуда... — охрана расставлена по периметру, — честно предупредил брат.

— Это он меня караулит, чтобы не сбежала? — съерничала я, за что получила удивлённое — протяжное от Андрея.

— Сбежала? — О чем ты, Настя?

Я махнула рукой.

— Езжай к Кате, она, поди, заждалась.

Брат кивнул.

— Вечером вместе поедem. Вам тоже надо поговорить. И пусть это будет на чужой территории, чтобы стены не копили. — Андрей порывисто меня обнял. — Я знаю, что тебе пришлось пережить....

— Откуда? — опешила я, испугавшись, что брат сейчас начнёт говорить про «тайную комнату». Я не была к этому готова, не в тот момент.

— Когда ты объявилась на парковке, я был не в себе... но тебя я помню... Синяки на лице, сломанную искалеченную руку. Сколько времени порошок блокировал твои силы?

— Около двух часов, — ответила я, расслабившись. Андрей имел в виду только синяки, а не тот позор, что мне пришлось пережить...

Сжав челюсти, я запретила себе об этом вспоминать. Не хочет меня как пару — не надо; хочет других женщин — неволить не стану...

— Ты всё сильнее пахнешь оборотнем, — невпопад признался Андрей.

— Я же должна пахнуть Баевым, — удивилась я. — Разве не так?

— Ты и пахнешь... но если раньше ты просто переняла его запах, то теперь трансформировала, пропустила через себя.... То ли твоя волчица становится сильнее, то ли ваша связь укрепляется.

И тут я ухмыльнулась. Зло.

— А скажи-ка мне, о мой единственный, но тем не менее старший и мудрый брат, когда ты должен был мне сообщить, что Баев — моя истинная пара.

Андрей вздрогнул и мгновенно побелел.

— Настя, пожалуйста.

— Пожалуйста, правду, — передразнила я его. — Неужели я не заслуживаю даже маленькой толики правды в этом царстве бесконечной лжи, а? Или может мне снова податься к той блондинке, что стоит козни против Кирилла — она мне с удовольствием расскажет правду. И не только расскажет, — добавила я с язвительной улыбкой.

Андрей покачал головой.

— Ты же понимаешь, мы не можем обсуждать приказы Альфы.

— То есть это был приказ Кирилла, — кивнула я, что вполне вписывалось в мою новую картину мира «Никому не верь».

Андрей грустно мне улыбнулся.

— Настя, мы живем в иерархическом обществе...

— Да помню я, помню, — кивнула я, махнув рукой. Не стоило накручивать брата перед больницей. — Не переживай, я сама догадалась.

— Теперь понимаешь, что дело здесь не только в твоей Альфа — силе? — спросил Андрей, надевая кроссовки в прихожей. — Настя, он тебя не отпустит. Никогда.

— Отпускал уже раз.

— Ты же понимаешь, что это были...просто «волчьи игры». На тебе его метка, его запах... он сойдет с ума без тебя.

— Что — то не верится, — покачала я головой. — Помнится, во время моего поединка...

— Тогда ты ещё не носила его запах, — оборвал меня Андрей. — И ваша связь была не закреплена.

— А теперь закреплена? — хмыкнула я. — Ведь по закону оборотней, я должна была укусить его в ответ. У него нет моей метки.

— Это не важно, раз твоя метка активная. — Снова повторил Андрей. — Он не отпустит тебя. Смирись.

— И ты так мне просто об этом говоришь, да? — не поверила я. Брат же бессильно пожал плечами.

— Я тебе говорю правду. А что ты хотела услышать?

— Но никак не “смирись”.

— Настя, он во много раз могущественнее любого Альфы, что я знаю или когда — либо знал. Он циничен, расчетлив, но необычайно дисциплинирован и силен.

— О, да, — кивнула я, соглашаясь с каждым словом в этом определении.

— И я не толкал тебя в его койку. — заметил брат. — Ты же сама этого захотела...

— Я не знаю, чего я хотела, — огрызнулась я. — Если бы кто —нибудь сказал, что это приведёт к таким последствиям...

— Не лукавь хотя бы сама себе, — покачал головой Андрей. — Ты ведь не типичная девица — оборотень, что ведётся на Луну. Ты спала с Баевым, потому что его хотела. Персонально.

— Это было действие метки.

— Настя, метка только подталкивает, а не создает того, чего нет. Ты сама сделала свой выбор.

И сама должна расплачиваться, — мысленно добавила я про себя. Ну что ж...

— Кстати о выборе, — Андрей тяжело вздохнул. Очень тяжело.

— Настя, ты должна кое — что знать...Я всегда был очень горд, что мне досталась сила отца... и я честно старался быть хорошим бетой клана. — Брат сделал длительную паузу. — Но если Кирилл захочет выгнать Катю из клана, я уйду вслед за ней.

Я кивнула, принимая решение брата. А как только дверь за Андреем закрылась, рухнула с плачем на кровать в своей комнате. Брат, положивший свою молодость на работу в клане — чтобы стать «достойным» отца и звания беты- решил бросить всё это ради избранной... А мой избранный решил пожертвовать слабой самкой. Кирилл мной просто побрезговал. Не

покажись во время боя Альфа — сила, он так и наблюдал бы со своего места, как Алина рвёт меня на части.

— Жалкая человечешка — так, кажется, говорил Степанов. Видимо, Баев недалеко ушёл от своего Альфа — коллеги... Как же больно. Волчица внутри меня — я ещё уже чувствовала, практически осязала — выла в голос, не желая признавать предательство своей пары. И всё же признавала.

Признаюсь, я завидовала в тот момент Кате — она ведь тоже не обращается, тоже практически человек, а брат даже не думает об этом. Он просто её любит...

В больницу к Кате я так и не попала. По крайней мере, в тот день. Андрея ещё не было дома, когда в дверь позвонили, и, отперев замок, я увидела серьёзного Ваньку.

— Собирайся, — коротко велел оборотень.

— Что случилось? — испугалась я, подумав в первую очередь самое плохое. Ну в самом деле, зачем я кому — то сдалась, если это только не экстренный случай?

Ваня нахмурился.

— Что случилось?... А! Нет, Настя, успокойся. Все живы и даже относительно здоровы, — кровожадная улыбка Ваньки меня немного напугала. — Пока, во всяком случае.

— Что происходит?

Парень тяжело вздохнул.

— Приказ Альфы. Сбор клана.

— Сбор клана не в полнолуние? — не поверила я, и тут же осеклась... Была только одна причина для такого экстренного сбора всех оборотней в одном месте: наказание. Обычно даже инициализация и официальное признание пар Альфой происходило в полнолуние, перед пробежкой по территории... И только если кто — то крупно провинился, Альфа или заменяющий его Бета вершили суд, не дожидаясь Луны...

— А как же Андрей? — протянула я.

— Что Андрей? — удивился Ваня.

— Он же не в курсе.

— Сообщат, — пожал плечами Ванька. — Сбор объявил Альфа.

— Но я... ты же знаешь... — замявшись, я вопросительно посмотрела на приятеля. — Ты же знаешь, я не хочу ехать.

— Знаю. — Иван серьёзно кивнул. — Знаю, Настя. Но это теперь твой долг Луны. Никуда не денешься.

Почувствовав страшное смятение, я отступила вглубь квартиры. Не хочу! Не буду!

— Настя, — мягко позвал Ванька, — ты же понимаешь, что невозможно просидеть целую жизнь в квартире брата.

— Андрей всё объяснит... — трусливо пробормотала я, припоминая, как долго меня тошнило после первого же увиденного наказания.

— Теперь ты не условная сестра нашего беты, — заметил Иван. — Ты — главная сука стаи. И обязана присутствовать.

— Нет! — рыкнула я, и Иван склонил голову.

— Как знаешь. Только он ведь всё — равно настоит на своём.

И правда, настоит.

Я на секунду закрыла глаза, чтобы забыться. Не думать. Не вспоминать. Не чувствовать.

— Поехали, — мягко напомнил о себе Ванька.

И кивнув, я пошла собираться.

Меня всегда завораживал сбор клана в одном месте. Благодаря работе Андрея, я примерно знала о количестве оборотней в нашей «ветке» стаи, но одно дело — знать, другое — присутствовать непосредственно на месте.

В поместье как обычно в такие дни, было не протолкнуться — шум, суета, нетерпеливые разговоры... «Сбор» — прекрасная возможность обсудить все насущные

проблемы, поделиться новостями, сплетнями... Обычно на вызов в поместье съезжались оборотни не только из нашего небольшого городка, но и из близлежащих городов и посёлков... здесь, в момент ожидания Альфы или Беты, решалось множество деловых вопросов, заключались выгодные сделки, решались конфликты. Молодёжь же, не отягощённая деловыми хлопотами, имела возможность приглядеться к повзрослевшим представителям противоположного пола... Вот, у Смирновых — то с «Одиного хутора» (так называлось небольшое фермерское хозяйство на востоке области) дочка подросла — ладная дочка... Вот Нагайцевы — владельцы сети мясных магазинчиков привезли на представление своего племянника — парнишка долгое время жил с родителями в Северной столице и принадлежал Северной стае, теперь же, становясь приемником и наследником Михаила Нагайцева, его племянник обязан был войти в местный клан — иначе бизнес дяди уйдет из семьи. Впрочем, волков заставить нельзя — ложь почувствуется сразу, поэтому принимали в стаю только по искреннему желанию.

Вспоминая своё собственное представление в стаю — когда все оборотни клана внезапно поняли, что сестра Беты не то что обращаться не умеет, но даже волка своего не чувствует — я тяжело вздохнула и нервно одёрнула полы длинной кофты.

— Чувствуешь, как пахнет? — спросил Ванька, поведя носом и мечтательно прикрыв глаза. Я кивнула, унюхав потрясающе ароматный запах готовящихся шашлыков.

«Полевая кухня» представлявшая собой огромный белый шатер, как обычно, раскинулась немного в стороне: как раз между главным особняком усадьбы и полем, на котором происходили главные события.

— Ты голодная? — с надеждой спросил Иван. Я пожала плечами, не зная, что ответить. С одной стороны, я ведь за сегодня ничего ещё не ела — и подкрепиться не мешает; с другой — есть в доме Баева, быть обязанной ему пусть даже и куском мяса не хотелось.

— Насть, — позвал Ванька, — ну пойдем, а? Ты же знаешь, ещё долго ничего не начнется... Пока все соберутся, пока утрясут все свои дела...

— А этот где? — спросила я, имея в виду Баева. Странно, но Ванька тут же понял.

— Скоро будет. Пойдем, а? — Парень смешно повёл носом. — Там уже и первые шашлыки готовы.

Не сдержав улыбки, я покачала головой.

— Ну пошли. Ты ведь от меня не отстанешь, нет? — беря Ваньку под руку, спросила я.

— Не отстану, — честно ответил Иван. — Альфа редко даёт второй шанс, а я тебя однажды уже проворонил.

— Знал ведь, кого послать, — кивнула я, ничем не выдавая своих эмоций. Я ведь так и думала с самого начала: Ванька, который не смог уберечь Луну клана, мог оказаться в значительно большей неприятности — Баев мог легко посчитать его тоже виновным и наказать вместе с преступниками. А он, гляди ж, оборотень — политик, пошёл другим путём, посчитав, что именно Ванька сможет привести меня сегодня в клан. И ведь на самом деле, приехала бы я сюда с кем — нибудь другим?

Мангалы стояли совсем рядом с белым шатром, туда мы и направились.

— Настя? — удивлённый голос одного из друзей брата заставил меня обернуться. Так и есть, Леша. Да не один, а со своей беременной парой. Девушка цвела, находясь под опекой своего мужа. Да и не мудрено — обычно у оборотней, при наступлении беременности у пары, сносило крышу — и эта гиперзабота продолжалась вплоть до самых родов. Я с тоской подумала о Кате и Андрее. Как должно быть больно сейчас моему брату: не уберёт, не

сохранил самое дорогое и ценное.

— Познакомься, Настя, это моя Ира. — представил меня своей беременной паре Алексей. Девушка тут же почтительно склонила голову.

— Это честь, Луна.

Я выразительно посмотрела на Лешу.

— Иринка, у нас тут всё по-простому...

— По крайней мере, с Настей, — встрял Ванька.

Леша кивнул.

— По крайней мере... Насть, кстати, а ты чего тут?

Я развела руками.

— Но ведь... — Леша вопрошающе уставился на Ваньку. — А Андрей в курсе?

Мой сопровождающий пожал плечами.

— Откуда я знаю.

— Баев что, совсем... — быстро сориентировавшись, я заткнула Лёше ладонью рот. Его беременная пара переводила изумленный взгляд с меня на мужа и обратно.

— Он что не знает, что ты не переносишь наказаний? — отцепив мои пальцы от своего лица, спросил Лёшка. — Он хотя бы приблизительно знает, что ты выдала брату после того единственного случая?

— Альфа считает, что Луна переросла эту слабость, — тихо сообщил всем нам Иван. — Она ведь как — то сражалась с Алиной, не правда ли? Да и в больнице помогала... По статусу, Луна обязана присутствовать.

Леша с сомнением посмотрел на меня.

— Ты справишься?

Я кивнула, не желая демонстрировать свои слабости. Что бы я могла сейчас сказать? Нет, не справлюсь? Нет, я боюсь? Увезите меня отсюда куда подальше? Причинять неприятности родным и близким мне не хотелось, а они не минует каждого, кто ослушается Альфу. Баев явно хотел моего присутствия на этом сборе — что ж, будет ему присутствие.

Я горько ухмыльнулась, припомнив, что он даже не заехал за мной сам. Не посчитал нужным... Луна нужна на сборе — нет проблем, всегда найдется кто — то из близких, кому она не сможет отказать... Ведь если бы с этой просьбой пришёл тот же Лешка, или, допустим, муж тети Наташи — я бы тоже поехала. Не смотря ни на что, просто чтобы не подводить близких мне людей...

Волчица внутри зарычала, соглашаясь с обидными выводами.

В мире оборотней пары не расходились и не разводились — если оборотни обменивались метками, то это делалось на всю жизнь. Супруги чувствовали друг друга, обмениваясь эмоциями, превращаясь в одно целое... Но не в моем случае.

Сейчас, пробуя горячий, практически без специй (оборотни не любят дополнительных ухищрений к продукту) шашлык, я не могла себе не признаться: несмотря на активную метку, мы с Кириллом так и не превратились в нормальную связанную пару. Может, это виновата я со своей осьмушкой крови (внутренняя волчица тут же зарычала, не соглашаясь с этим утверждением), а может — сам Баев. Он ведь не хотел меня — слабую человечешку — в качестве своей избранной, хотя и не устоял перед своим волком, пометив нежеланную пару... Допустим, блондинка была права, и вся причина лишь в том, что я не укусила Кирилла в ответ и его волку нужно время, чтобы «настроиться на меня».

Я засмеялась в голос, чем немного напугала Ваньку.

— Насть...? — спросил он. Замотав головой, я пробормотала что — то невразумительное, а сама думала о другом: блондинка ошиблась. Даже если его волк будет меня слышать, будет чувствовать каждую мою эмоцию — это вряд ли изменит Кирилла. Почему? Да потому что слышать — это ещё не значит заботиться. Я, глупая, сама повелась на эти объяснения для оборотней: метка, слышит, связаны... Миллионы людей живут в браке, прекрасно чувствуя друг друга.... Даже мои родители. Отец хотя и был частично оборотнем, но мама то родилась стопроцентным человеком... Однако они любили друг друга и как-то обходились без этой дополнительной «волчьей» связи. Просто любили друг друга. Заботились. Уважали. Ценили.

А я...Я запуталась, спутала физическое притяжение, навешанное меткой, с любовью. А потом ещё наивно предположила, что раз у меня метка, раз мы связаны с Кириллом, то он испытывает те же чувства. Разве не так живут все оборотни? Нет, как выяснилось, не так.

Я продолжала улыбаться, а волчица внутри меня выла.... маленькая альфа — волчица, которая сделала неверные выводы...

Наказание обычно начиналось на закате — в сумерках склонившегося дня, отдавая ночи сокрыть все неминуемые последствия...

На поле из особняка вышло несколько оборотней — кого — то я неплохо знала (ребята работали в охране стаи), кого — то видела в первый раз.

— Говорят, Альфа в Испанию ездил, а ещё... — прошептал кто — то рядом... Повернув голову, я скользнула взглядом по головам. Рыжая оборотница — учительница в местном колледже — стояла где то на расстоянии более ста метров от нас — слишком большое расстояние чтобы услышать (оборотни даже среди людей шепчут так, что едва поймешь, стоя рядом, а уж между своих — то...), и тем не менее, сплетничала именно она.

Заметив мой взгляд, женщина поспешно закрыла рот, так и не договорив фразу, и тут же почтительно склонила голову.

— Насть, у тебя глаза светятся, — ошалело произнес Иван.

Я пожалала плечами, не придавая этому большого значения. Мало ли, кому что в сумерках померещится. К тому же, все мы порядком устали за эти дни.

Оборотни из охраны постепенно выводили на поляну уже знакомые мне лица: Степанова, блондинку, тех оборотней, что схватили нас у парковки дома...ещё какие — то незнакомых связанных мужчин... Последним на поле вышел Баев.

— Суд начинается! — рыкнул Кирилл, отпустив Альфа — силу. Тотчас клан принужденно склонил головы перед вожаком стаи. Я одна стояла, не пряча взгляда. Баев... Несмотря ни на что, волк Баева притягивал, звал мою волчицу, и последней это совершенно не нравилось.

— Не заслужил, — то ли услышала, то ли нафантазировала я себе её рык. Но разбираться времени не было: запыхавшийся Андрей, только сейчас выбежавший на поле, принялся перечислять обвинения, выдвинутые против стоявших оборотней на поле.

Как это не странно, суд начали не с главных действующих лиц — не со Степанова и блондинки, которая сейчас стояла, с ужасом глядя на столбы наказаний, а с тех парней, которые помогали Степанову похитить меня и Катю.

— Павел Михайлов, Егор Новиков и Ренат Вахитов, — объявил Андрей их имена. — Оборотни, не состоящие в нашем клане, но которые нарушили один из главных законов всех оборотней: причинили вред нашим самкам. — Голос Андрея дрогнул. — Одной беременной самки, второй — Луне клана.

Тотчас толпа вокруг меня расступилась.

— Свидетельствую, — подсказал Ванька тихо со стороны.

— Свидетельствую, — громко объявила я и Андрей, кивнув, продолжил свою речь.

Наказание было сурово: пятьдесят ударов кнутом каждому у столба, а затем загон для молодняка — молодёжь в стае учили не только охотиться на травоядных, но и выслеживать конкурентов... В общем, это был смертный приговор.

Вслед за этими тремя судили ещё двух оборотней — на этот раз обвинение по-испански читал Гильермо, а Андрей вторил ему на русском языке. Как выяснилось, эти двое принадлежали к нашему клану — испанской его части; незнакомцы, которые их вели — подчиненные Гильермо. Может, поэтому испанский бета выглядел крайне бледно — просмотреть заговор на собственной территории....

— А точно ли он его просмотрел? — хмыкнул мой внутренний голос. — Ведь зачем — то он примчался сюда так экстренно...

Этих парней также, ожидаемо, приготовили к смерти. Правда, другим способом. Тут же выстроился строй «военных», подготовившись к действиям. Странно, обычно, насколько я знала, вначале зачитывали приговоры каждому, и только потом приступали к их исполнению. Сегодня все было не так. На поле под присмотром охранников стояло ещё несколько оборотней, дожидających суда. Однако Баев не спешил с ними. Дал отмашку — и вот уже трех первых ведут к столбам.

Я закрыла глаза, чтобы не смотреть. Но оборотнический слух — отличный оборотнический слух — подсказывал мне происходящее. Вот тяжелая плеть взвилась в воздухе, щелкнув для острастки, вот она забрала силу у воздуха, вот опустилась на кожу осужденного. Осужденный взвыл и дернулся, пытаясь тщетно освободиться. Это ужасающая какофония звуков продолжалась некоторое время. Оборотни довольно урчали: преступники получали по заслугам, не считая их, привязанных к столбам, кем — то достойным для жалости. Затем послышались новые звуки — и я уже открыла глаза, не сдержав любопытства. Бесчувственных оборотней окатили ледяной водой — привели в сознание, чтобы снять путы.

— Пять минут форы, — оповестил этих трех Баев. Оборотни не могли восстановиться так быстро — слишком большие были повреждения. Однако никто не хотел терять шанса: осужденные парни побежали в лес, на ходу обращаясь в волков. Выждав положенное время, Баев скомандовал подросткам.

— Фас. — И те, уже бывшие на изговке какое — то время, на ходу обращаясь, бросились в лес за добычей. Я знала: кто поймает преступника — получит хорошую награду. Меня вырвало шашлыком. Благо оборотни, разгоряченные кровью и предстоящей погоней молодняка, даже не заметили этого — нас ждали новые развлечения. И «строй» был следующим.

Испанских предателей казнили через строй — когда осужденный кланом оборотень был пройти через строй озлобленных, сильных особей... Эти рвали живём со всех сторон. Рвали, зная, куда надо метиться, чтобы преступник получил наибольшую боль и конце — концов умер. Даже у оборотней регенерация не всегда панацея.

Второе наказание далось мне ещё тяжелее, чем первое. Я даже слышать не могла того, что происходит — каждую секунду их наказания я переживала свой бой с Алиной, испытывая нечеловеческие мучения... Но я стояла, закусив губу и пытаясь трусливо не убежать. Баев хотел моего присутствия — он его получит. Но это последнее, что он получит

от меня.

Наконец, всё было закончено — тела не стали убирать, оставив валяться на земле как мусор.оборотни так и относились к предателям своего рода, своего клана — как к мусору, который следовало поскорее вычистить из клана, не давая ему набрать силу.

— А теперь мы судим Найну, Андрея и Ивана Коневских — провозгласил Андрей. — Это Луна и двое наследников Кубанской стаи.

Блондинка — то есть Нaina — взвыла, требуя отпустить её, как Луну чужого клана.

— Вы не имеете права.

— Это вы не имеете никаких прав, — ощерился волчьей улыбкой Баев. — Люди никогда не были и не будут руководить двуликими.

Он поднял руку, призывая взорвавшийся клан к спокойствию.

— Вы все знаете двоюродного брата моего деда, сильного Альфу Дмитрия Коневских. Его же сыновья — короткий презрительный взгляд в сторону двух молодых мужчин — не наследовали гены от сильного отца, родившись слабыми, не способными к обращению. Недавно бета их стаи просил меня встать во главе их стаи, чтобы хранить порядок и ценности нашего мира, но эта семейка решила обойти наш порядок, обойти решение своего Альфы, мужа и отца... Как мы будем их судить, клан?

— Смерть им! — закричал клан, упиваясь возможностью вершить правосудие.

Баев снова поднял руку.

— Альфа Коневских умер сегодня ночью, попросив меня принять его стаю. Я не отказал. — Выдержав длинную паузу, Баев продолжил. — Перед смертью Альфа попросил меня дать его жене и детям один шанс чтобы выжить, и я выполню просьбу старого Альфы. — Хищный взгляд в сторону побелевшей блондинки.

— Вы хотели жить с нами по нашим законам. Что ж, ваша воля будет исполнена... Девяносто девять плетей и оставить на ночь на столбе. Выживут — отпустить.

— Нееет! — закричала блондинка, пытаясь вырваться. — Пожалуйста, пожалей... не меня, сыночков... Пожалуйста, пожалуйста.

Кирилл не повел и бровью, кивнув своим палачам начинать новое развлечение.

Люди кричали громко — пока кто — то из оборотней не догадался оторвать по куску от одежды, чтобы заткнуть им рты. А потом всё снова продолжилось.

Я стояла, присутствовала при настоящем убийстве, не в силах ничего изменить. Страшное чувство бессилия. Зажав рот ладонью, я пыталась сдержаться... но крики — крики отчаяния, которые невозможно было заглушить тряпкой во рту, отчётливо заносились по поляне, навсегда врезаясь в мою память.оборотни довольно урчали, выражая полное одобрение своему Альфе и радуясь увеличению клана.

— Эх, да мы и впрямь выиграли в лотерею, когда во главе клана встал Баев, — слышалось то там, то здесь... — Молодец, Альфа! Такой Альфа и должен быть!

Наплевав на мнение окружающих, я уже не сдерживала слезы, которые катились у меня из глаз.

— Настя, у тебя кровь, — шепнул Ванька, кивнув на мою ладонь. Оказывается, я её давно прикусила — и кровь уже капала вниз, на траву.

Ванька отчего не мог посмотреть мне в глаза.

— Настя, ты же знаешь наши законы... — произнес он тихо. — Они виновны.

Громкий крик одного из оборотней у столба оповестил, что блондинка плетью не выдержала. Её так и оставили на столбе, продолжив наказание для сыновей и персональный

ад для меня.

Наконец, кончилось и это.

Я едва могла стоять на ногах от бессилия, когда почему-то Андрей, а не Баев принялся зачитывать приговор Степанову.

— Я просил нашего Альфу о поединке с преступником, — произнес в заключение брат, — который виновен в убийстве моих не рожденных детей. Но альфа Степанов причинил личное оскорбление нашему Альфе.

— Твоя стая уже присягнула мне на верность, — ухмыльнулся Баев, глядя на испуганного Степанова. — Так что ты теперь альфа без стаи. Безвестный конец, не так ли. Ещё и сдохнешь, как собака.

По знаку Кирилла, один из оборотней развязал Степанова. Минута — и старый Альфа кинулся на Кирилла. А тот... расхохотался.

Это нельзя было назвать боем. Степанов нападал — пытался нападать, раз за разом промахиваясь и получая в ответ сильные удары. Когда Кириллу надоело играть, он принялся за чужого альфу всерьёз — нанося ему болезненные, но не смертельные удары.

— Как играет, — уважительно протянул один из мужчин рядом со мной.

— И не говори, — поддакнул второй. — Силён наш Альфа...

— Ох, силён.

Финальный вскрик — и вот уже Кирилл клыками вырывает Степанову шею... мертвое тело тяжелым кулем падает на землю. Толпа скандирует имя Альфы. А Баев... найдя меня взглядом, он двигается в мою сторону. Оборотни расступаются, давая своему Альфа пройти к назначенной цели. А я... я стою, не в силах шелохнуться.

— Теперь — всё, — рычит он, подхватив меня под ягодицы и целуя грязным, измазанным в крови Степанова, ртом.

Глава 22. Все точки над і

— Сегодня наша связь окончательно завершилась, — довольно рыкнул над моим ухом Баев. — Теперь мы навсегда связаны, дорогая.

Волчица внутри меня противно, по-шакальи, захихикала.

— Не торрррописссь...

Кирилл же, так и не разжав своих объятий, ловко повернул меня таким образом, что теперь мы оба стояли напротив клана.

— Моя стая! — зарычал Баев, частично трансформировавшись. — Представляю вам свою истинную пару, Альфа — суку и вашу Луну.

Клан зашумел, завыл, одобряя вожака и ...меня?

— Луна! Луна! Луна! — скандировала стая, радуясь за своего сильного Альфу. Я словно ментально чувствовала их радость — теперь роду их обожаемого Альфы не грозит вымирание, а значит и стая не распадется, не познает нужды, не будет завоёвана и расщеплена...

Волчица внутри меня продолжала хихикать.

— Смолчишшь? — обратилась она ко мне, и я словно увидела желтые внимательные глаза, обращённые на меня. — Сстанешшь Альфа — подссстилкой, слабая человеккка?

Я расстроено дернулась.

— Я сбегу, — пообещала я своей волчице. — Обязательно сбегу.

— А он тебя найдёт, унюхххает, — хихикнула волчица. — Связь ссаверррршена... Вы — паррра.

— Настя? — внимательно обратился ко мне Баев.

Волчица, между тем громко рыкнула.

— Сейчас или никогда.

— Настя? — уже обеспокоенно зарычал Баев.

— Я не смогу, — мысленно простонала я.

— Что с тобой? — спросил Кирилл.

— Я помогу.

— Я не устою одна против них.

— Мы вместе. — серьёзно ответила волчица — Я — это ты.

И зарывав, я вырвалась из объятий Кирилла.

— Что за... — выругался Баев негромко. Стая замерла.

— Настя? — Кирилл хотел подойти ближе, но я, вытянув руку, остановила его движение.

— Нет.

— Что нет?

— Фсёёёё... — рыкнула моя волчица.

— Наша Луна — Альфа самка! Смотрите, Альфа — самка... — зашептался клан, но я уже не обращала внимание на оборотней.

— Твоё поведение зашло слишком далеко, — рыкнул Баев, хватая меня за руку. Я постаралась вывернуться, но в этот раз мне не повезло.

— Весь этот балаган зашёл слишком далеко, — не желала я сдаваться.

— Не понимаю о чем ты, — рыкнул Баев.

— Обо всем этом, — я обвила рукой затаивший дыхание, притихший клан.

— Ты моя пара и Луна стаи.

— Нет, — я покачала головой. — Я слабая человечка, как те, которых ты сек пару минут назад.

— Они заслужили своё наказание.

— Может быть, — согласилась я. — А чем я заслужила своё... — Я посмотрела на толпу оборотней. — Знаете, я ведь впервые узнала о вас в лет тринадцать или четырнадцать... И пришла в восторг: огромная семья, где каждый заботится друг о друге, где в семьях не бывает разводов, а каждый ребенок — благословение и радость. Я полюбила вас и даже закрывала глаза на некоторые моменты... которые не вписывались в мою сказку...

— Настя, — рыкнул Баев, но я и ухом не повела, продолжив свою речь.

— А потом ваш Альфа признал меня парой. И даже метку поставил без моего участия.

Ряды оборотней зашептались:

— Неужели такое возможно....

— Силён наш Альфа....

— Надо же... метку? Сам?.... он ещё сильнее, чем я думал...

— И не говорите...

Я горько усмехнулась. И здесь оборотни оказались на стороне Кирилла.

— Хотите ещё несколько причин для восхищения? — усмехнулась я. — Сколько оборотней, нашедших истинную пару, изменяли своей паре после образования метки?

Клан снова затих.

— Сколько оборотней посылали свою истинную пару на смерть, не желая связываться с полукровкой?

Стая стояла как вкопанная, только желтые круглые глаза святились в наступившей темноте как диковенные светлячки.

Баев больно дернул меня на себя.

— Всё, Настя, хватит истерики.

— Ты считаешь это истерикой? — рассмеялась я. — Знаешь, что я пережила там, в той комнате, когда ты...

— Ну, давай, договаривай, — ухмыльнулся Кирилл. — Когда я драл доступную девку? А что ты хотела, милая, в жилах нашего народа, в нас, волках... и волчиц (Кирилл сделал здесь особое ударение) течет не ваша постная кровь — водица, а настоящая лава. Мы любим спаривание — жесткое, сильное, долгое... Наши самки готовы обслуживать своего волка в любое время дня и ночи. Как, когда и сколько придется...

Волчицы клана — я отчётливо слышала женский рык в тихом гуле, доносящимся из толпы — с одобрением согласились со словами Баева.

— Но ты же, хотя и Альфа самка, хрупкая и слабая...

Он явно хотел добавить, как человек, но промолчал.

— Мне надо было порвать тебя изнутри, причинить боль, или заставить сосать мой член круглые сутки, чтобы хоть как то погасить моё желание? Скажи, Насть? — Кирилл снова усмехнулся. — Как быстро ты бы стала считать меня ненасытным чудовищем, невинная моя девочка?

Опешив, я уставилась на Кирилла.

— То есть ты даже проблемы не видишь?

— А она есть? — вопросом на вопрос, ответил мне Кирилл, Впрочем, всё же немного

поморщившись. — Плохо, конечно, что ты всё узнала, но ...

— Я не просто узнала — я наблюдала за этим!

Баев выкинув руку вперед, больно схватил меня за волосы, застав вплотную приблизить своё лицо к его.

— Теперь ты знаешь мои предпочтения, — тихо, мне на ухо, прошептал Кирилл. — Теперь, когда связь завершена, ебать левую девку я не смогу. Придется отдуваться самой.

— Луна знает, что зарвавшаяся самка уже наказана? — спросил из темноты голос Гильермо. По-испански, естественно. Баев покачал головой, отпуская мои волосы.

— Что, всё таки не пожалел свою способную, — не поверила я. — Отдал ребяткам из армии?

Кирилл довольно усмехнулся.

— А ты, дорогая, полна сюрпризов. Мне нравится.

— А мне — нет, — отрезала я.

Баев пожал плечами.

— Привыкнешь. Мы уже связаны, так что никуда ты не денешься.

— Какой бысстрый.... — снова подала голос моя волчица. — Я помогу... бутттть ссмелой...

— Настя? — обеспокоенно позвал Андрей, который вместе с Сергеем Леонидовичем, доктором из районной больницы, пробирался к нам через первые ряды.

Я усмехнулась, обнажая волчьи клыки.

— Вот видите, док, — довольно заурчал волк Баева. — А вы боялись. Наказания, казнь и кровь сделали своё дело... Волчица всё — таки проснулась.

— Ссам себя перрехитрил, — хохотнул кто — то моим голосом, и я почувствовала, как моя рука тянется к пульсирующей метке.

— Настя! — крикнул Кирилл, но было уже поздно....в глазах всё внезапно побелело. Я пришла себя, сидящая на траве, рядом с братом.

— Как ты себя чувствуешь? — обеспокоенно поинтересовался Андрей. Прислушиваясь к себе, я пожала плечами.

— Нормально вроде... не знаю... А что случилось?

Брат покачал головой.

— Ты сильно рисковала. Такие вещи нельзя делать, даже если ты способна...

Рядом, в темноте, послышался дикий истошный вой.

Мы с братом одновременно вздрогнули.

— Альфа, нет! — прерывая вой и тихое изумление клана, закричал Сергей Леонидович.

Минута — и вот уже Баев кидается на меня, пытаюсь снова укусить в шею. Слишком сильный ... невозможно бороться.

— Сирильо, — крикнул Гильермо. — Сейчас нельзя. Она не выживет.

И Баев словно застыл. Дикие желтые глаза, чуть подрагивающие клыки из частично трансформировавшегося лица.

— Вон! Крикнул он, едва удерживаясь, чтобы не сорваться снова. — Вон пошла.

Даже спустя год я всё ещё стараюсь не вспоминать ту ночь. Слишком больно.

Я и раньше не могла выдержать наказаний — простых наказаний у столба, когда виновный вполне в состоянии оклематься и уже через несколько дней бегать по городу как обычно... Но здесь были казни. Страшные, дикие — как многое у оборотней. Я не могла этого принять, не могла спокойно стоять и наблюдать за смертью других живых существ —

пусть и виновных в своих преступлениях. Андрей мне всегда говорил, что я должна просто принять законы оборотней и стаи, не рассуждая о гуманности и прощении — в естественной среде этого нет.

— Пойми, мы живём в одном мире с людьми, но мы не люди — вещал однажды брат, ещё надеясь в то время приучить меня посещать наказания. — Наша сила намного превосходит силу человека. Мы выносливее. Сильнее. С ускоренной регенерацией. Но у нас есть и свои слабости: привязка к паре, чего нет у людей, малочисленное потомство и клановость. Оборотень может выжить в одиночку — но это будет только выживание, не жизнь. Для полноценного существования нам нужны наши братья — семья, под предводительством Альфы. У нас не может быть, как в вашем человеческом обществе, изгоев или аутсайдеров. Слабого — воспитаем, глупого — научим. Но если оборотень нарушает наши правила — правила семьи, мы не можем оставить это просто так. Потому что он становится угрозой всему: нашему миру, нашей семье. Наказание должно научить провинившегося не допускать впредь таких ошибок...

— А если наказание слишком сильное? — спросила тогда я чисто из любопытства, не зная, что мне придётся наблюдать за этим воочию через несколько лет.

— А если наказание насколько сильное, обрекает оборотня на смерть, значит, он её заслужил, — просто ответил тогда Андрей. — Значит, у клана нет другого пути обезопасить свою семью. Нас слишком мало, что убивать своих сородичей просто так, поэтому решение о казни может принять только Альфа.

И я тогда глупая обрадовалась, что наш Альфа слишком занят в своих основных владениях, и все решения в городе принимает Андрей. Я не верила — не могла до конца поверить, что мой брат спокойно относится к убийству. Да, он был оборотнем, бетой, и даже сыном военного — но одно дело спокойно об этом говорить, совсем другое — на самом деле делать.

Я ошибалась. За всё время казни Андрей себя на удивление спокойно — точнее, если я правильно оценила его настроение, то его волк был в предвкушении будущих казней. А как он радовался, когда Баев вырвал горло альфе Степанову.

— Не забывай, — шепнула мне моя проснувшаяся волчица. — Он убил его щенят.

Я никогда не забывала об этом, но радость от убийства мне всё равно было не понять.

— И не поймёшь, — снова хихикнула волчица, словно в ответ на моё недоумение. — Ты — лекарь, помогаешь сохранить жизнь. Казни не для тебя.

Было кое — что ещё, самое страшное.... Стоило Баеву на меня ощериться, как вся стая, даже родной брат и его друзья (знающие меня с детства), подбравшись, тоже оскалились. Немного, на уровне инстинктов — не будь моя волчица сейчас особенно сильной, я может бы и не заменила... Но она не дала мне такой возможности, словно показывая самые отвратительные черты своей расы.

— Они невиноваты, — шепнул внутренний голос с рычащими нотками. — Они слышат Альфу и реагируют как его стая. Только и всего.

Я грустно усмехнулась. Только и всего. Собственный скалящийся брат. Пытающийся напасть и покусать — единственный мужчина, с которым я когда — либо спала... Невеселая правда.

— Вон! — закричал Баев, с частично трансформировавшимся лицом. Огромные клыки, светящиеся глаза... Повторный рык разнёсся по поляне. — Вон пошла.

В одно мгновение моя волчица жалобно заскулила, требуя у своей пары... внимания и

ласки?

Я мысленно её одернула, но животное не сдавалась.

— Ты нужна ему. Сильно, — прохрипела она, кажется, ненавидя меня за то, что я не собираюсь больше поддаваться ни Баеву, ни его или своим животным инстинктам. — Ну, Настя, он же пара...

— Он оборотень, а я человек. — Отрезала я, повернувшись и пытаюсь протиснуться сквозь рычащую толпу назад, в конец поля.

Удивительно, но моя волчица так же сейчас рычала... и вроде бы плакала.

А я... я была сильно напугана происходящим, чтобы оставаться на месте.

Дальнейшее происходило как в тумане. Сначала я металась по стоянке, безуспешно надеясь решить проблему транспорта. Ни одно такси не поедет в поместье, ни один оборотень не отвезёт меня в город без разрешения Баева.

— А он не разрешит, — хихикнула довольная волчица. — Ты его пара, а теперь ещё и снова немеченая пара.

Стиснув зубы, я ещё раз напомнила себе, что я человек. С человеческими ценностями и понятиями.

Волчица хихикала и глумилась над этим заявлением, напомнив мне, что я слышу своего зверя.

— Ты оборотень, детка. Сильная самочка, пара Альфы. Давай заставим его страдать, а потом пусть бросит к нашим ногам мир... а мы его простим.

Я зажмурилась, припомнив всё то, что вытворял Баев с Кармелой.

Волчица согласно рыкнула.

— Кобббель... Надо проучить, помучить.

Но я, в отличие от своей волчицы, не хотела играть. Осев на землю, я снова и снова переживала то унижение, когда Баев по — хозяйски лапал другую женщину, перед этим так же интимно касаясь меня. Неужели для него совсем не было разницы? Вспоминала его сильные и резкие движения во время секса с Кармелой, его победный рык — и сравнивала с нашими ночами.

Да, между нами всё происходило слабее и быстрее. Я не могла себя обманывать — значительно слабее, но ведь даже тогда мне было немного больно — я не могла полностью принять Баева, в то время как Кармела делала это не только гм... той самой частью, но ещё и ртом.

Слабая как волчица, неспособная как женщина... Я заплакала, уткнувшись носом в колени. Хотелось раствориться, навсегда забыть про оборотней и весь этот кошмар.

Волчица, на удивление, молчала, видимо, признавая мою правоту.

Я не помню, как долго я сидела на стоянке, привалившись к гаражу и жалея себя, несчастную. А потом вдруг пришло спокойствие.

Никто, даже Альфа не заставит меня жить по своим законам. Я, может быть, и имею гены оборотней, но, даже не смотря на это, даже не смотря на свою Альфа — силу, я полукровка, а значит, могу выбирать, на какой стороне мне жить. Жить на стороне оборотней мне больше не хотелось.

Там, куда я всегда так рвалась, где всегда хотела казаться своей — несмотря на неспособность оборота и «слишком разбавленную человеческой кровью» кровь — оказалось вовсе не так хорошо, как я фантазировала в детстве. Это может быть семья моего брата, но точно не моя.

Выбор есть всегда, говаривал мой отец, когда я не хотела что — либо делать. — Только надо правильно выбирать. Ты можешь лениться и откладывать необходимое, но рано или поздно тебе всё — равно придётся это сделать. Так зачем мучиться и переживать, если можно сразу пройти самую неприятную и тяжелую часть, не нагнетая себя дополнительно.

Маленькая, я тогда не очень понимала, о чем говорит мой мудрый папа и всегда до последнего дня тянула с поделками к школе. Но сейчас память, услужливо выцепив из воспоминаний именно эту фразу отца, дала мне толчок для будущего.

Никто не неволит меня оставаться в городе, прислуживая стае. Нужна будет помощь — пришлют транспорт. В конце — концов, стоя у Баева огромная, и даже живя здесь, в родном городе, мне всё — равно пришлось бы использовать его самолёты в случае беды где — нибудь в другой части клана.

Я же свободна в других своих решениях ... я могу строить свою жизнь отдельно от оборотней. В Москве. В конце — концов, у меня там институт, съёмное жильё и все вещи.

Мысленно кивнув, я приняла окончательное решение.

Поднявшись с земли, прошлась по рядам припаркованных машин, отыскивая знакомые. На глаза попался Ванькин автомобиль. Насколько я знала, его ауди с автоматической коробкой передач. Всё легче, чем с ручной.

Прав у меня не было, но Андрей пару раз проводил со мной занятия на одной из своих машин. Как раз с автоматом.

Оборотни не запирают машины в поместье, где все свои, а потому я просто открыла дверь и залезла на место водителя.

Можно, конечно, было идти до города пешком, но эту мысль я сразу отмела — сейчас возле поместья бегают разгорячённая ловлей преступников молодёжь. И мне вовсе не хотелось напороться на кого — нибудь из них.

Ключи Иван обычно оставлял на приборной панели — это я заметила ещё в тот раз, когда он отвозил меня в гостиницу — там они и лежали, вместе с кожаным брелком, на котором была выбита марка автомобиля.

Вставила ключи в замок зажигания. Повернула. А дальше всё как учил Андрей. Только в десять раз медленнее.

На удивление, у меня получилось. Возможно, сыграло чувство стресса, возможно, брат всё отлично объяснил с первого раза (в себя, как в супер способную ученицу не очень верилось) — но, тем не менее, я доехала до города практически без проблем. Спасибо пустым ночным магистралям. А вот с парковкой пришлось помучиться. В результате, я решила оставить автомобиль возле дороги — и потратила на это минут сорок, если не час. Надеюсь, Ванька не останется на меня в обиде за экспроприированный на время автомобиль.

А дома ... это уже не было моим домом. Я ходила по комнатам, заглянула на кухню... и уже плача и прощаясь, прошла в свою комнату. За вещами. Теперь я уходила отсюда навсегда. Сборы не заняли много времени — в основном, все мои вещи уже давно перекочевали в Москву. Я забирала лишь то небольшое, что сохранилось здесь.

Вытащив с полки несколько изданий особенно любимых детских сказок — которые остались мне ещё от родителей, я решила оставить их для малышей Андрея и Кати. Они ведь вернуться сюда, в этот мир. И словно в ответ на мои мысли, по коридору затопали детские шажки. Меня бросило в холодный пот. Это ведь невозможно....?

— Настя, — обиженно протянула рыженькая девочка, и её глаза блеснули волчьим

золотом. — Ты же обещала...

— Ваши родители справятся, — неуверенно пробормотала я. На что мальчик скривился. Точь — в — точь как Андрей, когда я подсовываю ему мёд, который он не терпит.

— Не справятся они, — просопел мальчик. — Без тебя отец отдаст матери всю силу.

— Маме нужна будет помощь, — кивнула рыженькая девочка. — Мы не хотим быть убийцами своего отца.

— Не хотим, — подтвердил её братик.

Я схватилась за волосы, потянув хвост назад. Руки дрожали.

— Как это возможно?... Почему я вас слышу и вижу.

— Мы не знаем, — пожал плечами мальчик. — Просто ты единственная, кто способна нас услышать.

— Другие тоже хотели придти, но не смогли, — загадочно улыбнувшись, заметила Василиса. — Но они тоже ждут.

— Кто «они»? — переспросила я. Мои ведения рассмеялись.

— Нам нельзя говорить. А тебе нельзя уезжать. — Колокольчиком пропела девочка. — Ты должна жить здесь.

Мальчик же, с любопытством посмотрел на книжки сказок, которые лежали с краю стола.

— А ты мне подаришь свою эту книжку по фармакологии? Там такие интересные формулы.

Машинально кивнув, я обернулась к полке, куда мальчик указывал рукой. Фармакологии, как я и ожидала, там не оказалось — эти книжки я забрала с собой в столицу.

Когда же повернулась обратно, в комнате было уже пусто.

Глава 23. Между прошлым и будущим

Я всё — таки уехала той ночью в Москву. Мне повезло — ночной автобус как раз готовился к рейсу, когда я, с двумя тяжеленными сумками, дошла пешком до автовокзала. Что поделать — наш городок — не столица, ночных автобусов не предусмотрено, а такси я себе позволить больше не могла. Правда, волчица всё подзуживала снова позаимствовать Ванькину машину — мол, один раз справились, и второй справимся — но я рисковать не стала, оставив ключи от ауди на столике в прихожей.

— Не интересно, — рыкнула серая мелочь обиженно, обвиняя меня в излишней серьёзности. И тут же заискивающе предложила новый план. — А Давай спррррячемся, а? Уедем куда — нибудь далеко — далеко... Пускай без нас живут... Или подстррроем аваррию... Посмотрим, как он справится. Один.

Одернув собственное рычащее подсознание, я перехватила ручки сумок и двинулась к кассам покупать билет.

Когда — то, будучи ещё подростком, я донимала брата вопросами об их второй сущности. Мне было интересно, как же оборотни осознают свое второе лицо — неужели у каждого из них раздвоение личности? Помню, как долго смеялся Андрей, когда я спросила его о своих подозрениях.

— Нет, Настя, что ты... какое раздвоение.

— Но ведь Катька говорит, что она не всегда может контролировать свою волчицу.

Андрей тогда пожал плечами.

— Твоя подружка — маленькая глупая девочка, которой удобно приписывать свои проступки кому — то ещё.

— Но её мама...

— Насть, — тяжело вздохнул Андрей. — Даже у стопроцентных людей есть своё внутреннее я. Нутро или внутренний голос — так они его называют... возможно, когда — то и у людей имелось второе лицо — а это самое нутро как остаток... или как остаточное проявление.

— Не понимаю, как всё это вяжется с Катькиной волчицей?

Брат в притворном изнеможении закатил глаза.

— Это отлично вяжется и с Катькиной волчицей, и остальными оборотнями. — Хмыкнул Андрей, выдав своё коронное. — У каждого человека имеется свой внутренний голос. Который когда предчувствует, когда — советует, ну а когда и подстрекает совершать глупости. Только у оборотней этот голос ещё и рычит.

Мой внутренний голос, молчавший до этого больше двадцати лет, решил, видимо, отыграться за все «бесцельно потраченные годы». Иначе почему волчица себя так ведёт?

Выкупив билет, я поспешила к остановке, боясь опоздать. Автобус, судя по расписанию, отправлялся всего через пару минут. Опоздаю — деньги уже не вернут, да и Андрей к следующему рейсу наверняка примчится на автовокзал, забирать меня назад: не выдержав перед выходом из дома, я написала брату записку — несмотря на рычание, Андрей всё — равно оставался для меня самым близким и родным человеком.

Я рассчитывала, что автобус пойдет полупустым — ну кто захочет трястись всю ночь в рейсе, однако практически все сидения оказались заняты. Но это не помешало ночной тишине: немного повозившись и получше устроившись на не слишком удобных сидениях,

народ потихоньку начал клевать носом, а вскоре уже и спал, мчась сквозь сон к древней столице.

Я же, замерев от тревожного ожидания, каждую минуту ждала появления черного внедорожника Кирилла... или его охраны. Неужели стоя и вправду так просто отпустит ценную Альфа самку? Или то, что я сделала там, на поле, окончательно перечеркнуло моё существование в клане?

— Ты зделала всё пррравильно, — подала голос моя рычающая составляющая. — Паррра свою самку должен завоёвывать, а не подавлять. Альфе пррридётся научиться как с тобой упррррправляться.

— Откуда ты это знаешь? — мысленно поинтересовалась я, совсем сбившись с толку.

— Потому что ты это знаешь, — отпарировала волчица. — Просто ты никогда не обррращала на это внимания. Но знала и знаешь. Спящая, сонная девочка...

Последняя фраза прозвучала до того обидно, что хотелось разреветься... Собственная волчица — и та издевается.

В голове крутились последние события в клане: казнь предателей, измена Кирилла... рычание стаи. Неужели я когда-то считала, что смогу стать одной из них? Действительно, если и не сонная, то чересчур наивная и глупая девочка. Они, наверное, и терпели меня только из — за Андрея... А я сама... Чего я стою сама, отдельно от Андрея? Фальшивой любви, быстрого перепихона в машине или надежды избавиться от меня как от обузы...

— Слишком мало нашей крови, — вспомнились мне первые слова Кирилла, после того, как Альфа меня увидел. Он уже тогда всё понял. Понял, и смолчал.

Я накручивала собственные нервы, всё равно что мерно гудящий автобус — километры до Москвы...

А уже под утро пошёл дождь. И я, слушая звуки капель, ударяющих о запотевшие стекла салона, незаметно для себя погрузилась в сон. Черный, пустой, без сновидений.

Проснулась я только на подъезде к Москве — городу — муравейнику с огромными проспектами, невероятно красивыми высотками и тихим центром.... Моя съемная квартира располагалась в не очень дорогом, но и не самом дешевом районе Москвы (всё, что находится рядом с метро не может быть дешёвым априори), зато по утрам я не тратила час — полтора, чтобы доехать до крайней станции метрополитена.

Ещё вчера, собирая вещи в квартире Андрея, я приняла решение закончить во что бы то ни стало этот курс института. Что будет потом — посмотрим, но сессию пропускать нельзя. После сессии я вернусь в город, буду работать, буду помогать Кате и Андрею. Но сначала — закончить год.

Самое ужасное, что экзамены должны были уже вот — вот начаться, а я совершенно выпала из своего распланированного плана подготовки. Теперь уже и не наверстаю. Рассчитывала я только на одно — я не просто так ходила на лекции и семинары, а на самом деле готовила уроки, училась... так что экзамены, возможно, в этот раз и не пройдут блестяще, но и завалить на неуд я тоже не должна. В любом случае, следовало попытаться.

И дни полетели... Наверное каждый, кто был когда — то студентом, помнит эти трудные дни сессии, когда ты живешь, спишь, ешь от экзамена до экзамена; от зачета до зачета. Когда ты не слышишь ни одной посторонней мысли, не знаешь новостей и живёшь как будто в информационном вакууме. Только учеба и ничего кроме.

Наверное, прозвучит глупо до ужаса, но это были самые прекрасные несколько недель за последний месяц. Я словно вернулась в своё беззаботное студенческое прошлое, когда

Андрей и слышать не хотел о подработке, требуя от меня только одного: учиться прилежно. Мне это и так нравилось, а потому требование Андрея напоминало лишь мягкое братское пожелание.

Сейчас же, нагружая себя сверх меры, я не просто хотела получить привычное «отлично» в зачётку — так я уходила от реальности, от болезненных воспоминаний От всего того, что не давало мне спать по ночам. Первые дни после возвращения, я ещё пыталась навязать сама себе нормальный «привычный» график жизни, но с наступлением темноты что — то неуловимое менялось во мне. Охватывала какая — то тоска и тревога; хотелось забраться на подоконник и повыть на красавицу — Луну, когда она, конечно, бывала на небосводе... И тогда я брала себя в руки, делала несколько приседаний, отжиманий — даже выходила бегать по аллейке недалеко от дома, а потом садилась за учебники... до самого рассвета.

Дни летели так быстро, что я даже забывала отмечать их в календаре. Не успела я оглянуться — и вот уже пол сессии промчалось, как один день. Правда, сокурсники и педагоги смотрели на меня с тревогой, а одна пожилая профессор даже предложила мне лечь в клинику неврозов.

— У вас, Настенька, ярко выраженный невроз. Не стоит запускать это коварное заболевание, — поделилась своими опасениями после зачёта моя преподавательница. — Хотите, я поговорю в тамошним ГЛАВом, устроим вас в хорошую палату.

Внезапно проснувшаяся волчица заливисто захохотала, вынуждая меня на всякий случай зажать рот рукой.

— А чего так скррромненько, — хихикала рычащая бестия. — Можно было сразу дурку предложить. А что? Может, мы бы и согласились. Зато за квартиру платить не надо.

Сославшись на следующий экзамен, я быстро раскланялась с профессором и выскочила из аудитории, безуспешно пытаясь справиться с эмоциями. Волчица же, не унимаясь, продолжала свои смешки.

— НУ, Насть... ну не кисни... Сдались тебе эти формулы... Ведь скука смертельная. — Голос неожиданно резко поменял тональность. — А давай выйдем куда — nibудь развеяться? А то засиделись же...

— Куда? — мысленно спросила я. Волчица хихикнула.

— Город большой, придумаем что — nibудь.

Поведение собственного рычащего подсознания волновало и сбивало толку. Что-то не верилось, чтобы и у остальных оборотней происходило все именно так. Или я и на этот раз особенная?

Не знаю, как там у других, но моё подсознание оказалось на редкость свободолюбивым и язвительным.

Самое сложное оказалось не пойти у волчицы на поводу — её все время тянуло куда погулять и повеселиться, чего за мной никогда прежде не водилось.

— Ну Насть...., - рычала она, когда по вечерам я обкладывалась книгами. — Ну нельзя же так... Ну скучно...

— Сессия закончится — свожу тебя в зоопарк, — огрызнулась я, устав от пререканий. Мне предстояло повторить ещё несколько билетов, которые я совершенно не помнила.

— После сессии ты вернёшься домой, а там все будут за тобой следить... не погуляешь... — теперь уже скулила волчица. Сделав вид, что её не слышу, я продолжила занятия.

А потом наступило полнолуние.

Я как раз шла домой из библиотеки. Ещё по дороге забежала в ближайший магазин — купить хлеба на утро и кефир, чтобы взять с собой в институт. У подъезда встретила соседку с первого этажа — свою сверстницу, она училась на дизайнера, а сейчас как раз выгуливала собаку.

— Насть, какие линзы прикольные, — заметила девушка. — Где купила?

Застопорившись, я несколько секунд пыталась понять, о чем она говорит.

— А! — протянула я, как будто всё было понятно. — Ты про линзы... Это брат прислал.

— Хороший у тебя брат, — кивнула соседка. — Только очень серьёзный. Я его дважды в гости звала...

— Он женился недавно, — вспомнив Кармелу, тут же отрезала я. — И очень любит свою жену.

Девушка разочарованно посмотрела на меня.

— Везёт же некоторым.

И я не могла с ней не согласиться. Некоторым, но не нам.

Забежав домой, я бросила покупки в прихожей и тут же помчалась к зеркалу проверить взгляд. Так и есть: глаза мерцали. Ещё не совсем волчьи, но уже и не человеческие. Странное зрелище.

Однако это было ещё не всё... Чем ближе приближалось ночь, тем явственнее становились изменения. После душа, стоя напротив зеркала, я заметила, как мои глаза светятся хищным жёлтым цветом... Истинно — волчьим. А лицо частично трансформируется... Туда и обратно... Стало жутко. словно новая версия фильма «Чужой».

Волчица, подслушав мои мысли, громко захохотала, а я, отпрянув от зеркала, побежала в комнату, по пути закручивая полотенце на груди. И, наконец, сделала то, что давно откладывала — позвонила брату.

Андрей ответил уже после второго гудка.

— Привет, пропажа, — поприветствовал меня брат. — Как там твои экзамены?

— Сдаю потихоньку, — ответила я, не зная, как начать разговор и радуясь нарочито легкому тону Андрея.

— Вот и ладненько, вот и хорошо.

На этом разговор иссяк. Родные люди не могут долго изображать вежливых незнакомцев. По крайней мере, мы с Андреем не могли.

— Я рад, что ты, наконец, позвонила, — выдохнул в трубку брат. — Конечно, лучше, если бы ты отвечала на мои звонки... Но и так сойдет.

За эти четыре недели мой телефон превратился в немой укор — каждый день на дисплее появлялось несколько новых голосовых сообщений или смс — в основном о Андрее, но попались и чужие, незнакомые номера.

Каждый раз, взяв телефон в руки и обнаруживая там новое послание, моё сердце на минуту замирало — выдавая следом громкую барабанную дробь. Рано или поздно, мне позвонят доктора с просьбой о помощи, и я не смогу отказаться... Но я ещё не была готова вернуться в родной город. Не сейчас. Не туда.

Но пока все звонящие просили лишь прервать молчание и связаться с домом. Брат, Катька — моя подруга, даже Сергей Леонидович, который, помявшись, все же записал какое-то неловко длинное сообщение про моё психологическое и физическое несоответствие... Длинные сложные фразы на непонятном языке.

— Насть? — позвал Андрей, возвращая меня в действительность.

— Прости, что так долго молчала... Мне нужно было.... Немного тишины.

— Уже почти месяц прошёл, сестрёнка. — Голос брата не обвинял, констатировал. — Я всё понимаю: обиделась, разозлилась... Но можно хотя бы было мне пару смс написать?

— Я оставила тебе записку.

— Спасибо, щедрая моя, — иронически рыкнул брат. — Ты можешь себе представить моё состояние, когда я не нашёл тебя на территории поместья? Можешь себе представить, моё состояние, когда я понял, что ты сама вела машину? Настя, после двух долбанных уроков пять лет назад! Ты самоубийца, что ли????

Брат уже давно сорвался на крик.

— Мало мне Катюха сюрпризов преподносит, теперь ещё собственная сестра на нервах играет. А уж про Кирилла я вообще молчу — я из-за тебя чуть друга не лишился.

— Это как? — опешив, я присела на диван от слабости.

— Это так, — передразнил меня Андрей. — Он когда про вождение твоё узнал — и про два урока — чуть Ваньку не порвал, хорошо мы с Гильермо рядом оказались.

Я шумного выдохнула, поняв, что по глупости подставила друга брата.

— Ванька тут вообще не причем — это могла быть любая другая машина.

— Мы так Альфе и говорили... — фыркнул Андрей. — Ты мне скажи, сестрёнка, какого ляда тебя потянуло на вождение??? Ты же никогда это не любила.

— Я не могла дольше оставаться на территории поместья, — призналась я.

— Но...

— И потом, если честно, меня она подзуживала.

— Кто — она? — насторожился брат.

— Ох, Андрей, — не сдержавшись, я заплакала в трубку. — У меня проблемы... Большие проблемы.

— Настя, не томи... Что у тебя случилось?

— Волчица, Андрей, у меня случилась. Она со мной как бы мысленно разговаривает... — вскочив с дивана, я начала ходить по квартире, рыдая в голос. — А ещё я сегодня в зеркале заметила, что у меня лицо непроизвольно меняется... Я что, схожу с ума?

— Никуда ты не сходишь, — успокоил меня брат, тут же пробормотав, скорее всего, для себя. — Всё таки волчица... Значит, ребятам не показалось — глазки то сверкали по волчьи.

— Что??? — не поняла я. — Ребяткам? Каким ребяткам???

Андрей устало вздохнул.

— Думаешь, Он оставил бы тебя одну, без защиты?

— Он выгнал меня прилюдно... — прикусив язык, я исправилась. — При всех.

— Насть, не всё так однозначно... — пробормотал Андрей, тут же переводя тему разговора. — И что, она сильно тебя достаёт?

— Ты не увиливай от ответа, — разозлилась я. — Какие такие ребята?

— Хорошие. Верные. Тебя охраняют.

— Ага, — съёрничала я. — Чтоб не украли.

— Чтоб не украли, — подтвердил Андрей. — И я не увиливаю от ответа. Настя, это очень важно: расскажи, что происходит с твоей волчицей?

— Значит, это всё — таки опасно, да? — спросила я, поняв по тону Андрея, что дело очень серьёзное.

— Нет...не знаю, — брат замолчал, подыскивая ответ. — Пока ты всё не расскажешь,

трудно делать выводы.

— И всё — таки, — не сдавалась я. — Что меня ждёт? При самом плохом варианте событий.

— Настя, — протянул Андрей, не отвечая на вопрос, что меня ещё больше встревожило.

— Скажи, пожалуйста...

Брат тяжело вздохнул.

— Иногда полукровки не могут справиться со своим зверем во время первого оборота.

— И? — замерла я, в ожидании ответа и уже зная, что ответ не принесёт ничего хорошего.

— Зверь берёт верх, уничтожая, вытесняя человеческий разум.

— Что происходит дальше?

— Насть, ну что ты как маленькая... можешь себе представить, насколько может быть опасен сошедший с ума оборотень?

— Его убивают, да?

— А есть другой способ? — огрызнулся Андрей. — Это самая страшная обязанность главы клана... ну или его зама. — Брат перевёл дыхание. — Такие оборотни крайне опасны, хитры и изворотливы. Их практически невозможно контролировать... Они также всегда опасны для людей. Так что это единственный выход.

Волчица внутри меня злобно захохотала, а я, выронив трубку, заревела в голос. Нет. Не возможно. Не хочу.

— Настя! — голос Андрея доносился из трубки. — Настя! Настя!!!!

— Я люблю тебя, — пробормотала я, нажимая на кнопку отбоя. Отрицать очевидное бессмысленно. Волчица становится всё сильнее, и я уже не всегда могу её контролировать.

Значит, вот как бывает... В момент отчаяния я решилась на страшный шаг: избить Андрея от страшной обязанности. Я бросилась на кухню к аптечке...

— С нашей регенерацией, — захохотала волчица, — это будет весело. Я видела, как руки то и дело превращаются в какое — то страшное подобие лап — с длинными когтями вместо нормальных человеческих ногтей.

Я понимала, что должна что — то предпринять, что — то страшное... но всё моё существо бунтовало против этого. Не волчица, не животная составляющая — человеческая. Жизнь — самое ценное, что у нас есть, огромный бесценный дар, и даже пока остается одна маленькая надежда — рано накладывать на себя руки.

Забившись в дальний угол спальни, я плакала, прося прощения у Бога за свои ужасные мысли, прося прощения у деток Андрея за то, что не сумею помочь им и их родителям... Прося прощения у своего брата...

Я настолько ушла в себя, погрузившись в рыдания, что пропустила тот момент, когда в квартиру вошёл чужой. Зато моя волчица тут же оскалилась, выставив вперёд руки с волчьими когтями.

— Тихо, девочка... — произнёс Баев ровным низким голосом. — Тихо...

Как всегда собранный, спокойный. Расслабленные скупые движения, за которыми скрывалась недюжая сила. Единственное, что выбивалось из привычной картины, так это его одежда: светло — серые спортивные брюки и черная футболка. Как будто Кирилла застали врасплох и он не успел переодеться после спортзала. А ещё я чувствовала его запах. Пьянящий запах пары.

Волчица ощерилась, но Баева это нисколько не испугало. Пробормотав что-то

успокоительное, он медленно приближался.

— Ты пришёл меня убить? — спросила я, размазывая слезы по лицу. — Спасибо, что избавил Андрея от этого... Да! Сообщи ему, что примерно через полгода — год у них могут быть проблемы с двойняшками.

— С какими двойняшками? — не понял Кирилл.

— Передай ему, пусть жену наблюдают врачи. Он поймет.

Баев кивнул, спросив вдруг:

— Попрощаемся?

И протянул мне руку.

Вот и всё, выдохнула я, прощаясь с жизнью. По крайней мере, Кирилл сделает это быстро. А Андрей не будет страдать чувством вины.

Я зажмурила глаза и протянула в ответ свою руку.

Баев невозможно быстро дернул меня на себя, обездвигивая и не давая моей волчице ни единого шанса на сопротивление. Удивительно, но он, кажется, даже особенно не напрягался — просто пара ленивых движений, и вот я уже лежу на спине, прижатая его ладонью к полу. Ещё мгновение — и моё полотенце летит в сторону, следом — его одежда. Кирилл раздевается???

Повернув голову в сторону, я через зеркало рассматривала его смуглое, сильное тело: тугие канаты мышц, перекачивающихся при малейшем движении, кубики пресса на животе и...

Тут меня поймали с поличным за подглядыванием. Подмигнув мне через зеркало, Кирилл устроился рядом со мной на полу, накрыв своим телом.

— И что дальше? — спросила я.

— Если не хочешь подарить мне часок — другой нежности, то отдыхай, — велел Баев.

Я резко дернулась, пытаюсь вырваться из — под Альфы клана.

— Ну нет, так нет, — философски заметил Кирилл. — Не переживай, детка. У нас ещё будет для этого много времени.

— Никогда больше, — зашипела я. — Только не с тобой.

— Никогда не говори никогда, — хмыкнул Баев, вынуждая мою волчицу приступить к активным действиям. Ей жутко не нравилось настоящее ограничение, и боролась она не на жизнь, а на смерть... Но для Баева это всё равно что слону дробина. Минута — и моё тело снова полностью ему подконтрольно.

— Обожаю такие игры, — прошептал мне на ухо Кирилл. — Когданибудь повторим это, уже в более приятной обстановке.

— Обойдешься, — рыкнула я. Или моя волчица. Обе мы были сильно раздражены.

Пригнув мою голову к полу, Баев велел:

— Спи.

— Что, на полу?

— У тебя здесь ковролин, вообще не вижу проблемы.

— Есть же диван.

— От него уже через полчаса ничего не останется, — Баев зевнул. — А я отдохнуть хочу. Двое суток не спал.

— Отлично, — рыкнула я и только я. — Может, хотя бы объяснишь, что происходит?

Кирилл хмыкнул у меня над ухом.

— Спасая свою пару от волчьего сумасшествия.

Я замерла.

— Ты сможешь?

Переменив положение, Баев поддерживая мою голову, заставил посмотреть ему прямо в глаза.

— Никогда во мне не сомневайся.

Волчица зарычала, припомнив обман с Кармелой. И я снова оказалась на полу под Кириллом.

— После первого оборота всё наладится, — снизошёл до объяснения Баев. — Я буду вести тебя своей силой... А сейчас спи.

— Но ведь полнолуние...

— Полнолуние будет завтра, — заметил Кирилл. — Настоящее полнолуние, я имею в виду... Напомни мне потом показать тебе, как пользоваться лунным календарем. Очень полезная штука, особенно для нашей расы.

— Андрей сказал...

— Андрей много чего тебе сказал не по делу, — рыкнул Баев. — Я был прав, когда не разрешал вам общаться. Отдыхай, Настя. Тебе понадобятся силы.

— Ещё один вопрос, — спросила я, — слегка приподнимая голову на полум.

— Ну, — подал голос Кирилл.

— А голые — то мы почему?

И тут я услышала чисто мужскую немного циничную усмешку.

— А это чтоб мне приятней было. Я соскучился, дорогая.

Глава 24. Полнолуние

Я ещё долго лежала без сна, пытаюсь выбраться из под Кирилла. Баев же спал, не ослабляя хватки даже во сне.

— И что, собиррраешься тут лежать, сдаваться? — рыкнула на меня волчица. — Бежать надо, Настька.

— И убегу, когда он меня вылечит, — мысленно ответила я. Шиза, конечно, но что делать. Волчица нервно захихикала.

— Не убежишь, не убежишь, не убежишь.... — И стала сама пытаться выбраться из-под мужчины. Я понимала, что не контролирую своё тело, и от этого становилось ещё более страшно.

— Спать, — рывкнул Баев, шлепнув жесткой ладонью по моей голой ягодице. Волчица зарычала, пытаюсь сопротивляться, и тотчас я почувствовала какое — то изменение...Какое-то давление ...силу... Что — то, что оказывало влияние на волчицу.

— Ты станешь сильной альфочкой после оборота, — зевнув, сообщил мне Баев. — Это хорошо.

— Она только что контролировала моё тело, — испуганно прошептала я, стараясь не заплакать. Слишком страшно.

— Луна, — ответил сквозь сон Кирилл, как будто это всё объясняло.

— И?

Мужчина снова зевнул.

— Луна пребывает, приближая оборот. Волчица становится сильнее.

Подтянувшись на локтях, Кирилл повернул меня к себе, всё ещё удерживая в тисках моё тело. Только теперь я не могла прятать взгляд в пол.

Встретившись с ним взглядом, я вдруг поняла, что лежу обнажённая рядом с таким же обнажённым и очень возбужденным мужчиной.

— Ты изумительно пахнешь, — прошептал Баев, склоняясь надо мной. Я дернулась, пытаюсь сбежать. На этот раз не волчица — я.

— Настя? — поднял бровь Кирилл. А волчица, хохоча, подсовывала мне воспоминания о том, чему я была свидетелем в гостинице.

— Нет. Я не смогу. Никогда больше.

Баев моментально ощерился, пройдя трансформацию в оборотня и обратно.

— Ты всё — равно моя.

Его напряжённая плоть пульсировала прямо возле моего бедра. Я почувствовала, как горячая рука пытается развести мне ноги.

— Если ты не хочешь спать, у меня есть предложение поинтереснее...

— Нет, пожалуйста! — я запаниковала и, кажется, стала задыхаться от страха.

Баев резко дернулся, словно борясь с собой.

— Ты сама не представляешь, чего просишь...Лежать на тебе, не дотрагиваясь — уже огромное испытание. Не провоцируй меня, девочка.

— Я даже не думала, — просипела я, все ещё не отойдя от страха.

Баев улыбнулся — вернее сказать оскалился — и поцеловал меня в губы.

— Мы отложим этот разговор на потом. Когда мне не надо будет сдерживать нас обоих.

— Я не изменю своего решения, — покачала я головой.

— Да куда ты денешься, — рыкнул Баев, — Думаешь, я подпущу к тебе хотя бы одного кобеля? — Его жесткое темное лицо нависало сейчас надо мной. — Приготовься, милая, к долгому celibату. Либо будешь трахаться со мной, либо ни с кем.

Я хотела ответить что — то резкое, но в этот момент в бой вступила моя волчица, которая, зарывав, кинулась на Кирилла. Самое страшное, я чувствовала, как изменяется моё тело — не целиком, не пропорционально.... участками: тут, там... попеременно. То резко появлялись длинные когти, то, вдруг, уши зарастали мехом...

Я уже забыла все пререкания с Кириллом — точнее отложила их до того времени, когда (или если) всё закончится. Пыталась во что бы то ни стало удерживать контроль над своим телом.

— Молодец, девочка, — скупой похвалил Баев, заметив мои усилия. — Ты всё правильно делаешь. Мы пройдем эту и следующую ночь безо всяких проблем. К следующему утру ты совершенно точно обернёшься.

— Откуда ты так много об этом знаешь? — спросила я, переведя дыхание. — Такое часто бывает?

— Нет, не часто — покачал головой Альфа. — Только с полукровками.

— С каждым полукровкой?

— В половине случаев, примерно. — Баев усмехнулся. — Природа сделала ещё один барьер для размножения нашего вида. Но не волнуйся, я не потеряю тебя.

Я замерла.

— Ты кого — то уже терял?

Баев тяжело вздохнул.

— Насть, какая разница. Тебе нечего волноваться. Давай спать, нам предстоит очень сложные сутки.

Меня снова прижали к горячему жесткому телу.

— Спи уже, — велел Баев, вынуждая подчиниться. Замерев под ним на ковролине, я честно пыталась заснуть, но то ли волчица, то ли прибывающая Луна... а может, всё дело в присутствии рядом этого мужчины — не давали мне окончательно провалиться в мир ночных грёз. Глаза слипались, но ум, бодрствуя, продолжал выдавать приятные и не очень воспоминания.

Ночь для меня всегда была самым активным временем суток — в отличие от растущего утра, солнечного дня или тихого вечера, именно ночью я чувствовала себя наиболее бодро. Даже уроки преимущественно учила после десяти вечера — лучше и быстрее запоминалось.

Да уж, не Цветаева, — хмыкнула я, вспомнив, как Марина Ивановна не любила ночь.

— Она же не была оборотнем, — хихикнула моя волчица следом, тут же стараясь забрать тело под свой контроль. Я боролась, не желая отступать, не желая сходить с ума, не желая умирать...

Очнувшись я, когда поняла, что впиваюсь клыками в плечо Баева, а Кирилл спокойно и безэмоционально за этим наблюдает.

— Залечи, — приказал он, сверкнув черными взором. Интересно, как он почуял, что я пришла в себя?

Убрав клыки, я попыталась освободить руки из мертвой хватки Кирилла.

— Нет, милая, не так... — хмыкнул Баев. Я недоуменно посмотрела на Альфу.

— Ну ты же сам сказал, что нужно залечить.

— Давай — ка, детка, без рук. — Ухмыльнулся Баев. — Как поранила — так и

залечивай.

— То есть...

— Залижи, — приказал Кирилл, кривя улыбку.

Дернувшись, я подняла недоумевающий взгляд на Баева. Черные глаза мужчины снова по-волчьи пожелтели.

— Ну, что смотришь, — повторил Баев, подталкивая мою голову к ране. — Зализывай давай.

Соппротивление было бесполезно. Успокаивая себя тем, что животные обычно именно так и поступают со своими ранами, я принялась выполнять приказ Кирилла.

Баев, откинув голову назад, тяжело дышал.

Рана затягивалась прямо на глазах. Интересно, это моя слюна оказывает такое воздействие или обычная регенерация оборотней? Надо будет об этом подумать... Когда приду в себя окончательно. Кирилл не рядовой оборотень, а Альфа — к тому же сильный Альфа, значит и его регенерация должна быть сильнее обычного... Но ведь он не так просто, а по какой — то причине велел мне его лечить...

Мысль проскользнула и потерялась среди других беспокоящих меня проблем.

— Чувствую, это будут интересные выходные, — сообщил Баев хриплым голосом, почему — то сверкнув при этом раздраженным волчьим взглядом.

Волчица громко засмеялась, и я опять на какое — то время выпала из действительности.

Так провозжалось всю ночь: короткие всплески сознания — затем провалы — и снова всплывание в собственное «я». При этом каждый раз волчица преподносила мне сюрпризы: то она терлась о Баева всем телом, вынуждая последнего материться сквозь зубы, то нападала на него, словно дикое нездоровое животное — и Кирилл каждый раз сдерживая её, пробуждал моё человеческое «я» из темноты несознания.

Под утро волчица устала — а может, ослабла связь с Луной — так или иначе, но после рассвета я уже не проваливалась в сумашедшее небытие, а лежала рядом с Кириллом, перехваченная его рукой за талию.

Несмотря на отличное ночное зрение, которое имелось у оборотней, ночью нагота выглядела менее... непристойно. Сейчас же, под светом просыпающегося дня, голое тело Кирилла — и моё собственное, лежащее практически под ним — смущало невероятно. А тут ещё Баев, во сне, принялся «блуждать» руками по моей голой фигуре... Я лежала, задержав дыхание, в надежде, что он не проснётся, в надежде, что жесткие мужские руки скоро прекратят эти мягкие ласкающие движения, которые сейчас напоминали мне о моём первом лживом неудачном опыте.

Впрочем, неудачным он был только для меня — наивной девчонки — затворнице, которая придумала себе сказочку про любовь среди оборотней. И правда, когда вокруг тебя все друг друга любят, ты ведь мечтаешь только о подобном?

Кирилл не обещал мне ничего — не верности, ни любви — я сама себе это пообещала, когда согласилась с ним быть. Ведь у оборотней, да ещё с метками, по — другому не происходит: только взаимная верность, уважение, любовь...

Горько усмехнувшись, я покачала головой... Да уж, верность. Не в нашем случае.

На ум приходили все те тошнотворные картинки, которые я наблюдала в комнате отеля. Кажется, я помнила каждое движение Кирилла, каждый его стон... А страшнее всего то, что я не могла забыть его выражение лица. Волчьего, человеческого — не важно. Его лица.

Которое выражало полное удовлетворение в момент близости с Кармелой.

Какая ему разница — я ли, другая... женщин на планете много, а Кирилл далеко не урод...

И он вовсе не собирается сдерживаться из — за какой — то там метки... Мои проблемы — это только мои проблемы... Даже сейчас, оказавшись голой под Баевым, я не могла не смущаться, а для Кирилла это, наверное, вполне себе обычная ситуация — спать рядом с голой женщиной.

— Ещё чего не хватало, — прорычал у меня над ухом хриплый и злой голос Баева. — Я, дорогая, не импотент, чтобы просто так с бабами спать... Знаешь ли, оборотни очень чутко относятся к тому, где и с кем спят.

Удивлённо раскрыв глаза, я посмотрела на Кирилла.

— Я ведь не говорила вслух сейчас. Или говорила? — Баев молча меня разглядывал. — Нет. Точно нет.

Я испугалась.

— Как это может быть — что ты слышишь мои мысли?

— Мы пара, ты забыла? — усмехнулся Баев.

— Но ведь метки нет!

Кирилл ощерился.

— Это временно.

Замотав головой, я пытаюсь отползти в сторону.

— Пожалуйста! Нет. Не надо.

— Не сопротивляйся, дорогая. Мы связаны навечно.

Испугавшись, я дотронулась рукой до шеи — ни укуса, ни шрама там не чувствовалось. Кирилл, проследив изменившимся взглядом за моей рукой, скривил ухмылку.

— Не думай, что ты избавилась от меня навсегда, это невозможно.

— Но метки нет!

Баев ощерился.

— Ты — моя! Навсегда. И пора бы тебе, девочка, это уже принять. — Его руки притянули меня ближе к телу хозяина и по хозяйски легли на мою грудь. — Ты моя с потрохами.

Я пыталась отстраниться, но Баев не позволил, вынуждая смотреть ему прямо в глаза, чувствовать его возбуждение, его горячее дыхание.

— Никогда больше, — пообещала я себе, сознательно вызывая воспоминания Кирилла с Кармелой. Выражение наслаждения на его лице в момент оргазма.

— Это ни о чем не говорит, — сцепив зубы, прорычал Баев. — Та девка была лишь неудобной заменой тебе... Я жалел тебя, боясь причинить боль или шокировать своими требованиями... Ты ещё слишком человек, чтобы понимать и принимать нас, наши желания, потребности...

— Слабое оправдание, не находишь?

Кирилл пожал плечами, словно и в самом деле не чувствовал за собой вины.

— Такое.

Слезы против воли покатались у меня из глаз. Как же сложно...

— Ты не должна обижаться на моё прошлое. Это то, что было до тебя.

— Но Кармела была не до, она была после! — закричала я, вырываясь из его рук. — Как можно делать со мной это, а потом, через несколько часов — то же самое с другой

женщиной???

Черные глаза мерцали.

— Я всё сказал.

— Ты не понимаешь!

— Это ты, Настя, не понимаешь, — рыкнул Кирилл. — Мы с тобой связанная пара — не смотря на твои выкрутасы с меткой — это было, есть и будет так. Я закрываю от тебя свои воспоминания и мысли, но природа истинных пар такова, что иногда это всё равно будет прорываться... Я не могу изменить своего прошлого... Да и не хочу, — в раздражении добавил Баев. — Я взрослый мужик, который любит трахаться и не видит в этом ничего плохого.

— То есть ты будешь показывать мне эти пошлые моменты из своей жизни? — обалдело воскликнула я. — Этого ещё не хватало.

— Я надёжно закрыт, но вот ты совершенно не умеешь обращаться со своей силой. Да у тебя, к тому же, немного другая её природа... Скорее всего, из за нашей связи и своей силы, ты сможешь «читать» других самок.

Я не могла этому поверить.

— Это ты меня так к этому готовишь, не так ли?

Баев пожал плечами.

— Это часть нашей жизни, не вижу в этом ничего страшного. Конечно, плохо, что Андрей воспитывал тебя как человека, не прививая тебе устои жизни обратной... Но что поделать, будем жить с тем, что дают. Обратни, знаешь ли, не блюдут нравственную чистоту в ожидании избранного.

Я не могла поверить своим ушам. И тут меня — не волчицу, не какое — то оборотническое подсознание — именно меня, дернуло спросить.

— То есть если бы у меня были мужчины до тебя, то ты бы тоже относился к этому нормально? Вдруг в воспоминаниях бы всплыло...

И я мысленно себе представила, как целуюсь со своим сокурсником, звездой студенческой баскетбольной команды.

Баев зарычал, одним взмахом руки порушив большой встроенный в стену комнаты шкаф.

— Не смей. Даже. Думать. Об этом. — зарычал он, надвигаясь на меня.

— Поняла?! — рычал Баев, ощерившись страшной звериной пастью. Взмах руки — и небольшой столик летит в стену, падая обломками на поверженный ранее шкаф.

Вжавшись в угол комнаты, я замерла и зажмурилась. Горячее тяжелое дыхание прошло рядом с моей шеей, опускаясь ниже ...ниже... ещё ниже...

На какое то мгновение в комнате повисла мертвая тишина.

Выждав немного времени, я открыла глаза... и тотчас встретила взглядом с желтыми волчьими зрачками Кирилла. Баев, полутрансформировавшись, сейчас даже отдаленно не напоминал человека. Впрочем, он не был и волком — что — то среднее, устрашающее. Андрей говорил, что такая переходная форма наиболее эффективна в бою, поскольку вобрала в себя всё самое лучшее от волка и от человека. Эта «боевая» форма, насколько я знала, применялась оборотнями только в момент особой опасности. И сейчас Баев перешёл в эту самую боевую трансформацию.

Он полусидел на корточках, наблюдая за мной снизу вверх, как хищник, неотрывно наблюдающий за своей жертвой... Впрочем, приставка «как» тут была не нужна. Баев на

самом деле был хищником — страшным, опасным хищником, который на моих глазах с удовольствием загрыз другого человека... то есть оборотня.

И я понятия не имела, как он себя сейчас поведёт. Меня ударило в холодный пот — липкое чувство страха и ужаса затопило всё моё сознание, вынуждая фальшиво улыбнуться Альфе.

— Кир-рил, — заикаясь, позвала я. — Кирррил...

Оборотень по-собачьи склонил голову на бок. Я перевела дыхание: кажется, пока меня никто не собирается загрызать. Перед глазами стояла та искалеченная девочка, которую я лечила после когтей её избранного. Она чудом осталась жива! И это при наличии рядом большого числа врачей и специального реанимационного оборудования.

Мне как никогда хотелось жить. Очень хотелось! Как никогда хотелось!

Оборотень, всё ещё не сводя с меня взгляда, то ли ухмыльнулся, то ли ощерился и.... провел языком по моему оголённому животу. Я вздрогнула.

Желтые глаза смеялись, а язык... язык продолжал блуждать по моему телу. Не насилуя, лаская.

Я продолжала трястись: от страха, от наслаждения, от ненависти к себе и к своему слабому телу, которому нравилось то, что вытворяет сейчас Баев.

Кирилл постепенно поднимался всё выше и выше — и вот он уже целует меня в грудь, в шею, целится в губы... Я отворачиваюсь, пытаюсь отвернуться... но сильная нечеловеческая рука с длинными когтями — лезвиями поворачивает моё лицо назад, надавливая на щеки и вынуждая открыть рот... тотчас чуждой язык легко проникает внутрь моего рта, хозяйничая там... Желтые глаза сверкают торжеством победителя.

А я ... я плавно погружаюсь в истерику, не смея сопротивляться.

Мужские руки подхватывают меня за ягодицы, приподнимая и разводя ноги... Я пытаюсь вырваться, но Оборотень рычит, гася малейшее моё сопротивление.

— Где волчица??? — кричу я мысленно. — Где это долбанная волчица??? Её нет, когда она так нужна... Сейчас я бы с радостью поменялась с ней сознанием — пускай забирает Баева, пускай забирает контроль, но только не оставляет меня сейчас здесь ...с ним.

Оборотень усмехнулся, ещё больше впечатывая меня в стену. Я чувствовала его мускулистые бедра между своих ног, слышала его возбужденное дыхание и понимала: ещё минута и

Я закрыла глаза, смирившись с неизбежным. Главное — выжить, выжить любой ценой, а ЭТО хоть и причинит мне боль, но не убьет.

Замерев, я ждала.

— Вот поэтому, будь хорошей девочкой, — прошептал мне на ухо Кирилл, моментально приняв обратно человеческий облик. — Не зли дядю напрасно.

А я, съехав по стене вниз, не сдержавшись, заревела.

— Это ...это, — надрывно сипела я, не в силах продолжить. Где то на горизонте сознания то ли залаяла, то ли засмеялась волчица. Кирилл нахмурился.

— Мелкая, но настойчивая, — пробормотал он, наклоняясь за своими штанами. Пока я переводила дух, Баев сделал короткий звонок, приказав привести завтрак на мой адрес.

— Оденься, — коротко бросил Кирилл, отвлекаясь на новый телефонный звонок. — Во что —нибудь лёгкое, не сковывающее движений.

Я осторожно кивнула, всё ещё опасаясь сдвинуться с места. Это было... это было по-настоящему страшно.

В голове билась одна мысль: как же он так? За что?

Это ведь не я изменила ему в отеле практически после брачной ночи; не я упивалась чужим телом, отправив помощников приглядывать за своей парой... не я... Так за что он так?!

Всхлипнув, я вжалась в угол.

Как мне себя вести дальше? Это ведь не жизнь, это одно сплошное насилие. Может, и правда было бы лучше, если бы тогда на поле Алина...

— Одевайся, — рывкнул Баев из коридора, напомнив о своём присутствии. Я вздохнула и полезла... в обломки шкафа выискивать халат.

Хлопнула дверь, и я услышала чей — то чужой голос.

— Здесь всё? — только и спросил Баев.

— Всё, Альфа, — подтвердил вошедший, и хотел было пуститься в объяснения, но Баев невежливо прервал подчиненного. — Свободен, Виталь. Позвоню, если понадобится.

Виталий (оборотень наверняка принадлежал нашей стаи, но совершенно точно был не из нашего города — я не знала ни одного Виталия) пожелав Кириллу доброго дня, быстро удалился. Баев же, заглянув в комнату, хмуро посмотрел на меня.

— Пошли завтракать.

Кажется, мой ситцевый халатик — синий в фиолетовый цветочек — он тоже не одобрил. Ну и пусть! Это мой любимый, между прочим, и очень удобный.

На кухне тем временем хозяйничал Баев. Теперь я понимала, зачем он заказал завтрак: у меня в холодильнике имелись и яйца, и молоко для омлета. Даже парочка йогуртов ещё осталась — я обычно покупала их, чтобы перекусить в институте, но брала чуть больше на случай ночного жора...

Кирилл доставал из больших бумажных пакетов аккуратно упакованную мясную нарезку, горячую испеченную курицу, невероятно ароматный лоток с приготовленным мясом — то ли рагу, то ли гуляш — через упаковку не было понятно, но запах стоял потрясающий, буженину, тонко нарезанное прошутто... Когда мясные блюда закончились, Баев принялся выкладывать «сопутствующие» продукты из второго пакета.

Интересно, это что запасы на полгода? — подумала я, не переставая удивляться количеству привезённой еды.

Взглянув на меня, Кирилл коротко усмехнулся.

— Ты же понимаешь, что мне (он сделал на этом слове особое ударение) пары йогуртов на завтрак не хватит?

Я вздрогнула.

— Ты что, читаешь все мои мысли?

Баев пожал плечами.

— Не все... но я заглядывал в твой холодильник. Так не годится, Настя. Ты не человек... больше. И не должна питаться как человек.

— То есть?

— Я же вижу, ты избегаешь мяса.

— Я не избегаю... — начала я объяснять, но меня прервал ехидный смешок Кирилла.

— Оно и видно. Поэтому в холодильнике нет ничего мясного.

— Мне просто не надо так много... Я ем мясные блюда один, два раза в неделю — этого достаточно.

— Не достаточно, — Кирилл не удержался и, вытянув руку, провёл его по моему

лицу. — Настя, ты хищник — один из сильнейших хищников на планете — не играй в травоядную.

Отбросив его руку, я отошла в сторону.

— Я не играю. Я та — кто я есть. Анастасия Овсеева, студентка, будущий фармацевт, гражданка своей страны...

Кирилл, усмехаясь, покачал головой.

— Ты опять ошиблась. На сей раз с фамилией.

Вздрогнув, я испуганно посмотрела на Баева.

— Неужели ты...? — Да нет, не может быть. Я ведь проверяла свой паспорт после возвращения в Москву. Проверяла!

— Твой паспорт — всего лишь бумажка, которую можно поменять за один день. — Кирилл стоял напротив. Слишком близко. Так, что мне пришлось задрать голову, чтобы наблюдать за выражением его лица.

— Ты уже моя, Настя. — Горячие руки опустились на мои плечи. — Никому тебя не отдам. Никогда...

Он наклонился, чтобы поцеловать меня и.... не знаю, на что там рассчитывал Кирилл, но я, всё ещё напуганная прошлой сценой в спальне, стояла как неживая. Просто замерев, ожидая, когда будет возможно отойти на безопасное расстояние.

Баева такой расклад не устраивал.

Подняв голову, он посмотрел мне в глаза, моргнув несколько раз изменившимися волчьими глазами.

— Что не так? — спросил он, удерживая меня на месте. — Я ведь нравлюсь тебе.

Он стоял, напряжённо взирая на меня и ожидая ответа.

— Я боюсь тебя. — призналась я тихо. — Очень боюсь.

Баев согласно кивнул.

— Так и должно быть. Жена должна бояться своего мужа.

— Не должна! — закричала я, теряя над собой контроль и давая истерики выйти наружу. — Жена должна любить, должна доверять — но не бояться!

— Ты научишься мне доверять — позже, когда примешь наш мир и наши правила. Сейчас я от тебя этого не требую.

Забыв на минуту про свой страх, я ехидно усмехнулась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты вообще себя слышишь? Какая жена? Какое доверие? — Волчица, внезапно дав о себе знать, рвала и метала, подсказывая правильные слова. — Ты же отказался от меня тогда, на поле... Почуял как свою пару, но «слишком мало нашей крови» — передразнила я слова Баева. — Ты меня фактически на смерть отправил, а сейчас говоришь про доверие? Не могу в это поверить.

Кирилл изменился в лице — оно как будто стало ещё жестче, словно вырубленный искусным мастером гранит.

— Я думал, что смогу без тебя. — Признал Баев. — Это была моя ошибка.

И тут я услышала его мысли. Страшные, пугающие мысли того, кто только что назывался моим мужем.

— Клану не нужна слабая Луна. Мне не нужна слабая Луна. Жалкая человечка никогда не могла претендовать на этот статус. Я слишком долго выстраивал свою империю, чтобы потом всё просрать. Слишком много вожаков не имеют прямых потомков с Альфа генами.

Войны, предательства, передел власти... и всё из-за слабых Лун. Никогда.

Опешив, я посмотрела на Кирилла.

— Сильная девочка, — усмехнулся он. — И способная.

— Я никогда не буду с тобой жить. — пообещала я Баеву тихим голосом. — Никогда.

Кирилл жестко усмехнулся.

— Никогда не говори никогда.

— Никогда, — повторила я, замотав головой. — Этого не будет.

Баев хотел что — то сказать, но тут моя волчица, наконец — то вырвавшись, погасила моё сознание. Наконец — то.

— ...Настя, — кричал Кирилл, встряхивая моё тело несколько раз. — Настя, очнись! Просыпайся, девочка!

Мне отчего — то было сильно больно, просыпаться совсем не хотелось.... я устала и вымоталась.

— Настя! — услышала я снова испуганный голос Кирилла. — Пожалуйста....

Впервые он не приказывал, а просил... но сил, чтобы бороться за собственное существование, уже не было.

— Детка, пожалуйста...

— Медики готовы, — услышала я голос брата. Андрей?? Что он здесь делает?

Сильно удивившись, я попыталась было открыть глаза, услышав в этот момент Баевское рычание.

— Не сейчас. — И тут же короткий приказ. — Андрей!

Мой брат тяжело вздохнул.

— Как скажешь, Альфа. Но ты же понимаешь, мне не хочется здесь торчать... дома Катюша одна.

— Это твоя сестра, между прочим, — резонно заметил Кирилл, но вот ответ Андрея меня ошарашил.

— Ты же знаешь, что мы не родные. Я всего лишь её воспитывал. Развлекался. Люди держат в качестве домашних любимцев собак, а оборотни — людей.... — Голос брата прозвучал глухо и как — то неестественно, но я не придавала тогда этому большого значения. Фраза Андрея ударила меня похлеще чем его погибший тесть... Лучше уж получать оплеухи по лицу, чем слышать подобное... Я чувствовала слезы на своем лице, но они не приносили облегчения.

Нигде нет места. Никому не нужна.

Грянул натуженный хохот. Если им так смешно, то почему смех не веселый, — подумала я сквозь пелену безразличия. Андрей не мог такого сказать... не мог...

Волчица взревела и её сознание попятилось куда — то назад, вытесняя меня на передний план. Туда, где больно от человеческих чувств; туда, где тебя предают родные; туда, где...

И я открыла глаза.

— Ну наконец-то, — выдохнул довольный Баев. Надо мной, склонившись, стояли Альфа и двое Бет стаи — Гильермо тоже был здесь, поддерживал Андрея. Вдалеке, возле дверей в комнату, за происходящим наблюдал Илья Романович...

А в не зашторенном на ночь окне плавала огромная багряная луна.

— Теперь все вон, — велел Баев, не размениваясь на сантименты. Андрей умоляюще взглянул на меня, но Гильермо, удерживая брата, не дал ему задержаться.

— Настя, я... — начал Андрей, но был прерван рыком Баева.

— Всё потом. — Кирилл рыкнул, выпустив на секунду силу Альфа вожака. Оборотни в комнате поморщились, не знаю уж почему. Такая вкусная сила!

— Беда моя, — с легкой улыбкой на губах, покачал головой Кирилл. А затем обратился ко всё ещё упирающемуся Андрею. — Всё потом. Ты понимаешь.

Андрей кивнул и дал Гильермо вывести себя из комнаты.

Пока я, поднималась под пристальным взглядом черных глаз Баева, в коридоре хлопнула входная дверь.

— Что происходит? — спросила я, нахмурившись.

Кирилл усмехнулся и поднял меня на руки.

— Нам тоже пора.

— Куда? — только сейчас я заметила, что на мне новый белоснежно — белый махровый халат. Осторожно погладила ладонью ткань — мягкая... Всё таки не понравился ему мой ситцевый халатик, поняла я, покраснев.

Кирилл хохотнул, чмокнув меня в нос.

— Поехали в лес. Тебе пора обернуться. Полнолуние.

Я замерла.

— А волчица? — помедлив, я подняла взгляд на мужчину. — Она...

— Она — это ты, — просто сказал Баев. — Твоё животное начало, которое есть даже в каждом человеке...

— Но...

— Нет, — Кирилл покачал головой. — Теперь уже нет.

— То есть она больше не будет перехватывать сознание...

— Настя, есть только ты. — Повторил Кирилл и нахмурился. — Луна не ждет, а мы и так припозднились.

Всё ещё не до конца придя в себя, я апатично лежала на руках Кирилла, не сопротивляясь и даже не задавая вопросов.

Баев вынес меня из квартиры (нисколько не позаботившись о том, чтобы закрыть её на ключ), уселся со мной же на руках в один из готовых и ждущих его возле подъезда джипов. Машина рванула сразу же, как только захлопнулась за нами автомобильная дверь. Каких —нибудь десять — пятнадцать минут, которые я едва заметила, так как постоянно скатывалась в дрему — и вот мы уже за городом. Темный лес, шумящий и приветствующий своего Альфу... Сочная трава, скрывающая много мелкой дичи... и огромная яркая Луна.

— Королевская Луна для Королевской пары, — благоговейно прошептал водитель. Я ожидала истеричного сумасшедшего смеха своей волчицы, но его не было, как не было и никакого другого признака её присутствия.

Вопросительно взглянула на Кирилла.

— Я же сказал, что тебе больше не стоит волноваться. — Кирилл отвлёкся на водителя. — Артём, останови здесь.

Водитель послушно затормозил. Пока Кирилл выбирался со мной на руках из машины, я заметила изменившиеся кисти водителя на руле....Луна призывала и его.

Кирилл нес меня через кусты в самую чащу... Нес, не отпуская и даже не сбиваясь с шага...

Только сейчас я обратила внимание, что Баев по-прежнему одет в те самые «утренние» серые спортивные брюки. Ни футболки, ни кроссовок — так и шёл босиком, наступая на камни и толстые ветки.

Кирилл вопросительно поднял бровь.

— Неужели проявление заботы, Настя? — иронично спросил мужчина.

— А ты опять читаешь мои мысли? — закатила я глаза. В лунном свете всё ощущалась по иному... Я, возможно, никогда не смогу объяснить в чем она, эта разница, но всё становилось как то более просто, яснее... уютнее что — ли... Как будто это был только наш

мир — мой мир, и я была здесь совершенно свободна.

Минуя небольшую рощицу из молодых елей, Кирилл вышел на просторную поляну, освещенную ярким светом Луны. Меня поставили на ноги и тотчас мужские руки стали развязывать узел на поясе халата. Я испуганно подалась назад, но пояс уже был свободен. Мягкая ткань соскочила с моих плеч и упала белой лужицей под ноги.

Я обнаженная, стояла в свете Луны.

Отчего — то резко зарывчав, Баев сорвал с себя свою единственную одежду — серые спортивные, встав обнаженным напротив меня.

Между нами плыл Лунный свет, лаская, даря силу и мощь второй сущности. Кирилл, скользнув рукой вниз своего тела, привлёк моё внимание к своему возбуждению. Я подняла взгляд на его лицо: чисто мужская ухмылка постепенно менялась на звериный оскал....

— Пора, — рыкнул Баев и выпустил свою Альфа силу. Тотчас Луна, откликнувшись на призыв верного сына, разлила силу Альфы в воздухе, даря наслаждение остальным оборотням.

Я рыкнула (????) и закрутилась на месте, наслаждаясь невероятным чувством свободы, силы, удовольствия... Хотелось куда то бежать, играть в догонялки, вилять хвостом...

Поймав себя на этой мысли, я вздрогнула. А серо — серебряный, пушистый хвост обвил мои лапы.

Уже почти год прошёл с момента моего первого оборота, но я до сих пор каждый раз с замиранием сердца перевоплощаюсь в свою маленькую серебристую лисичку. Вообще — то, лисичкой меня прозвал Андрей — сразу, как только увидел в животном обличье. Сказал, что мой зверёк на настоящую волчицу не походит — слишком миниатюрная, зато лисичка — в самый раз: верткая, шустрая, смышленная....

Моя волчица и впрямь не тянула на обычную самку — это потом, то ли брат, то ли врачи обмолвились, что Альфа — звери всегда заметно отличаются от других оборотней стаи. Поначалу же, я сильно комплексовала, считая, что моя волчица получилась такой маленькой по причине не чистокровного происхождения. Как говорится, с кем поведёшься... вот и я уже заговорила как оборотни из стаи.

Альфа — вожак же значительно превосходил в размере всех остальных волков своего клана — с черной густой шерстью и мерцающими желтыми глазами, он вызывал не просто чувство страха и опасности — Альфу в животном обличье хотелось обходить за несколько километров — при необходимости — ползти по-пластунски, плыть до дну реки — всё что угодно, лишь бы не встречаться с ним один на один.

Правда, мне сразу не повезло.

Баев с негромким довольным рыком наблюдал за моим первым перевоплощением и последующей после этого эйфорией. Он неслышно сопровождал меня по лесу, охраняя от всего и вся, пока я, как угорелая, носилась по подмосковной полянке, пытаюсь насладиться неопишуемым чувством свободы и скорости.

Обычно так ведут себя дети — первый оборот наступает в лет двенадцать — тринадцать. Я в свои тринадцать только — только узнала об оборотнях и целыми днями напролёт мечтала о том, чтобы когда —нибудь перевоплотиться как Андрей или моя подруга Катюха — и побегать по лесу. В общем, мечты сбываются.... Когда большому черному волку надоело наблюдать за моими потешными выкрутасами на полянке, он, рыкнув, принялся уводить меня в лес: Баев не просто так гонял меня по местности, демонстрируя все прелести существования оборотней: он учил меня как отслеживать

добычу; как прятаться и убегать от более сильного хищника, и, наконец, как различать волков и оборотней.

Последнее, оказалось, совсем несложным: настоящие волки нас боялись и спешно покидали территорию, стоило только оборотням в обличии показаться на местности.

— Поняла? — рыкнул волк, скосив голову на один бок. Моя серенькая пушистая красавица, улыбаясь во всю свою узкую пасть с высунутым от бега языком, тут же кивнула.

— Поняла. Если зверь не убегает — то оборотень.

— Молодец, — похвалил меня Кирилл. — Моя умная девочка.

В носу играло множество запахов ночного дикого леса — я чувствовала каждую травинку, каждый след зверя. И тут же что — то чуждое вклинилось в запахи леса... Что — то...

Незнакомый неприметного окраса волк, словно привидение, появился неподалеку от поляны. Он явно отслеживал чей — то запах... и заметив, как вспыхнули его глаза, когда волк увидел мою серебристую красавицу, я поняла, что зверь нашёл свою цель. Ох, не просто так Баев рассказал мне про различие оборотней и волков: на поляне перед нами сейчас стоял оборотень. Не волк.

Чужой оборотень, открыв пасть, приготовился что — то сказать... и был тут же сбит огромном телом черного волка. Баев с нескрываемым удовольствием набросился на соперника, не давая последнему ни малейшего шанса.

Чужой серый скулил, кажется, уговаривая Кирилла не доводить поединок до смертельного исхода.

— Только потому, что это общая земля, — рыкнул Баев. — Но запомни и своим передай. Она — моя.

Черный волк, кивнув мордой в мою сторону, перевёл взгляд обратно на серого.

— Запомнил: МОЯ!

Серый что — то заскулил, то ли прося, то ли извиняясь, на что Кирилл ещё раз грозно повторил.

— Порву всех, до последнего члена стаи.

Чужой волк не решился спорить. С сожалением посмотрев в мою сторону, он стал медленно отползать в сторону, навсегда исчезая из нашей жизни.

Черный желтоглазый волк победно рычал, а я... а я вдруг почувствовала потребность вознаградить своего защитника. Свой. Охраняет.

Черный волк, не двигаясь, замер, давая моей волчице самой подойти к большому опасному зверю, дотронуться до его морды мокрым языком...заглянуть в его желтые опасные глаза.

Мне казалось всё происходящее настолько естественным, что я сама охотно ластилась к Кириллу, выпрашивала у него ласку — как ребенок выпрашивает шоколадку...

Опешив, я изумлённо посмотрела на Альфу.

— Это что, всегда так бывает? — удивилась я вслух. — Речевой аппарат волков не приспособлен к человеческой речи, поэтому у меня вырвалось что — то похожее на несуразный негромкий лай, но Баев, как ни странно, всё понял.

— Всегда. — довольно рыкнул Баев. — Привыкай. Мы — те, кто мы есть. Мы следуем своим инстинктам. Мой инстинкт — защищать тебя... твой — подчиняться... ублажать...

— Откуда здесь ещё оборотни? — спросила я, желая перевести тему. К такому я ещё была не готова.

— Это оборотень из московской стаи, — рыкнул черный огромный волк и тут же предупредил. — В Москве не останешься.

Опешив, я села пушистой попой на землю.

— У меня сессия. Институт.

Баев скривился, как бы признавая за мной право на промедление.

— Ладно. Но только до окончания сессии.

Серо — серебристый зверёк лапкой потёр пушистое меховое ухо. Это я что, ослышалась? Баев мне приказывает? Опять?

Я высунула язык и напонила:

— Тебе должно быть всё равно, ты же выгнал меня из клана.

— Было бы всё — равно, не примчался бы, — резонно заметил большой черный волк. — Сама виновата — зачем метку сняла.

Не в силах устоять на месте, я закрутилась серебристым мерцающим кольцом вокруг Баева, выдав своё собственное:

— Неправильная была метка, не по желанию.

Черный волк на минуту замер. А потом, кивнув, рывкнул.

— Исправим.

И пустился за мной по следу.

Признаюсь, я ожидала чего — то подобного. Нет, даже больше: я хотела чего — то подобного. Догонялок, прятков за деревьями, в высокой траве...

Махнув хвостом, я бросилась наутёк: теперь это даже отдалённо не напоминало игру. Это было настоящей погоней — настоящей охотой, на кону которой стояла моя свобода.

Серенько — серебристая маленькая волчица то неслась как стрела, врезаясь в заросли травы выше собственного роста, то замирала в холодных низинах, прислушиваясь к негромким коварным шагам большого волка. Баев давал мне время на игры... Ждал, пока не надоест, пока не устану...

Я выдохлась уже через полчаса. Моя серебряная девочка прилегла на лапы, и тотчас над ней встал огромный зверь с пылающим желтым вздором. Дыхание черного волка даже не сбилось.

— А теперь, маленькая, приподними — ка свою меховую попку с хвостиком, — слышала я приказ Альфы. Моя волчица сжалась в клубочек, с беспокойством задрав морду. Встретившись взглядом с Баевым, я поняла, что черный волк практически на пределе.

— А ну! — меня поддели за холку зубами. Но маленькая, похожая на лисичку, волчица, оказалась на редкость упрямой.

Волк начинал злиться... а я — я начинала бояться, понимая, что это совсем не игра. Игры давно закончились ещё там, на дорожке. Луна обманчиво — ласковым светом заглянула в нашу сторону — и уже не два зверя скрывались в ночном лесу; напротив черного огромного волка стояла обнажённая девушка. Я.

Я не помню, как перевоплотилась обратно. Слишком много чувств и эмоций. Всё смешалось, закрутилось... и вот я уже стою перед Баевым, смущенно закрываясь руками.

Кирилл перевоплотился почти сразу же. Глаза горели злым возбуждением, тело «давило» силой и мощью... и только прикосновения были необычайно мягкими. Он снова понёс меня на руках, не давая повредить ноги о камни и ветки.

— Кирилл, я...

— Молчи, — предупредил меня Баев. — Всё — равно не скажешь ничего хорошего.

Лучше не ссориться.

— Я хотела сказать спасибо.

Баев, повернув своё лицо, тут же впился в мои губы долгим протяжным поцелуем.

— Взрослые девочки благодарят так, — рыкнул он, когда оторвался он моих губ. Я попыталась слезть с его рук, но мягкие объятия тут же превратились в жесткие тиски.

— Сидеть, — сжал зубы Баев.

Вспыхнув, я повернулась к Альфе.

— Не приказывай мне.

Кирилл усмехнулся.

— Милая, ты ошиблась сказкой. Здесь волки правят балом, и тебе придётся научиться меня слушаться.

Я всё гадала, каким образом мы доберемся до города — машина если и осталась нас ждать, то на старом месте и как то не верилось, что порядком поплутав в лесу, мы выйдем опять туда же. Я хотела задать этот вопрос Кириллу, но почему то застеснялась. Казалось бы, после оборота и всему что этому предшествовало, можно было бы и не мучить себя лишними переживаниями, но я не могла измениться так быстро. Даже оборот в волчицу не помог: одно дело бегать с Баевым по лесу, одетой в меховую шкурку, другое дело — как сейчас — когда он дотрагивался до моего обнажённого человеческого тела, когда я прижималась к его обнажённому телу... И ведь ни одного лоскуточка нет, чтобы прикрыться.

Кирилл усмехнулся, потеревшись подбородком о мою макушку.

— Как же ты росла среди оборотней, если выросла такой стеснительной? — спросил Баев. Упс, я и забыла, что он может слышать мои особенно «громкие» мысли.

— Я не выходила с кланом в полнолуние, если ты об этом, — сообщила я Кириллу. — Брат всегда оставлял меня в поместье, запирая в одной из комнат.

— Мудро. — После минутной паузы, заметил Баев. — И что, ты никогда не хотела присоединиться к стае?

— Ну, я ведь не могла оборачиваться...

— Ты даже не пробовала, — надменно заметил Кирилл. — Тебя устраивало играть в оборотней, оставаясь человеком.

— Я и есть человек.

— Нет, милая, — я не видела лица Кирилла, но знала, что он сейчас точно ощерился волчьей усмешкой. — Ты не человек. Ты такой же оборотень, как все члены нашей стаи. Даже лучше — ты Альфа самка. И моя сука.

Я дернулась, пытаюсь вырваться из его объятий, но Кирилл держал крепко.

— Прекратить, — меня чувствительно шлёпнули по пятой точке.

— Отпусти, — прошипела я, повернув голову так, чтобы встретиться взглядом с Баевым. Лучше бы я этого не делала: черные глаза мерцали расплавленным золотом, заставляя подчиняться, слушаться...

Я сжала зубы.

— Нет.

Баев усмехнулся.

— Хорошая девочка, сильная. — И не обращая внимания на моё сопротивление, снова потёрся подбородком о мою макушку. — Только глупая.

— Я...

— Ты научишься меня слушаться. Станешь примерной Луной клана.

— А если нет? — вырвалось у меня. — Если не стану.

— Станешь, — с уверенностью в голосе повторил Баев. — Как только примешь свою вторую сущность.

— Я ведь...

— Ты ведь... — съерничал Кирилл. — Прекращай играть в человека. Я чувствую... знаю твою силу, знаю, какой самкой ты можешь быть.

Разговор прервался, поскольку, преодолев кусты, мы вышли на шоссе... В метрах ста от нас стоял припаркованный внедорожник — Мерседес. Баев уверенным шагом направился к

машине.

— Как это ...? — я не договорила свой вопрос, опешив от удивления. Как это было возможно: предугадать заранее, где мы выйдем из леса на дорогу и даже загодя поставить здесь машину?

Кирилл довольно усмехнулся.

— Не забивай себе голову, — открывая дверь рядом с водительской и сажая меня на переднее сидение, посоветовал Кирилл.

Он просто открыл машину, не пользуясь ни брелком, ни ключами.... Все было предусмотрено заранее.

— И всё — таки? — спросила я, когда Кирилл, обойдя автомобиль, сел на водительское место.

Баев пожал плечами.

— Обычное прогнозирование.

— Но ведь не ты решал, куда мы побежим, — настаивала я на своём. — Я бежала первой.

Циничная ухмылка проскользнула по лицу мужчины, и я вдруг поняла, что даже там, в лесу, всё решал только он ...Кирилл контролировал каждый мой порыв, каждый мой шаг.

Мне сразу стало холодно.

— Неверный вывод, — оскалился Баев. — Сука должна радоваться, что её пара насколько силён и предусмотрителен.

— Да что ты, — съехидничала я.

Баев, ощерившись, слегка наклонился и провёл ладонью по всей длине моей ноги, задержавшись на самом верху, на внутренней стороне бедра. Ладонь Кирилла, вклинившись между моими ногами, дотрагивалась сейчас не только до кожи бедра, но и до другого, более интимного места.

Он наказывает меня сейчас, — догадалась я, чувствуя силу, которая пульсировала в его руке. — Наказывает на сопротивление.

— Сука всегда отрыта и хочет свою пару, — глухо заметил Кирилл. Его рука скользнула с ноги на то место, которое оказалось рядом... Несмотря на моё сопротивление, проникла внутрь.

— Всё ещё сухая, — недовольно скривился Кирилл.

Честно говоря, я вообще не поняла, про что он говорит. Может, про росу на траве? В лесу влага сейчас как раз от росы, но Кирилл ведь нес меня на руках — как же влага могла достать до этого места? И вообще, почему он говорит об этом с сожалением? Женщина должна внимательно следить за тем, чтобы это место, как и нижнее бельё, оставалось сухим. Помню, мама в детстве всегда очень беспокоилась об этом — и как один раз сильно отругала меня, когда я надела чуть влажные трусики. Даже став взрослой, я всегда пользовалась ежедневными прокладками, помня длинную мамину отповедь про женское здоровье.

Встретившись взглядом с Кириллом, я не поняла, что заставило его так сильно опешить.

— Ты где воспитывалась? — спросил он обманчиво — вкрадчивым голосом. — В монастыре?

Несмотря на рычание, я чувствовала, что черный волк непомерно доволен и почему — то сильно горд.

Это чувство прорвалось сквозь защитные барьеры Баева и уже затопило всё вокруг.

— Я опять громко думала? — спросила я, покраснев.

Баев же, не отрываясь, следил за моим лицом.

Секунда — и вот я уже лежу распростёртая на опустившемся сидении, а Кирилл нависает надо мной: щерится, трогает руками... Расплавленное золото взгляда меняется на чёрный непроницаемый зрачок туда и обратно.... Вот он наклоняется ниже... Я пытаюсь отвернуться, но его рука не даёт этого сделать, заставляя прикрыть рот, впустить внутрь чужой нахальный язык.

В мозгу пульсирует дикое рычание «Пометить, пометить, пометить»...

Мне хорошо... Касания Кирилла приводят меня в состояние экстаза... я не могу передать словами чувства, которые рождают прикосновения его языка, его рук... и вот я уже неосознанно прижимаю голову Кирилла к себе, требуя больше поцелуев, больше ласк.

Альфа рычит и резко разводит мне ноги.

Ловлю довольную похотливую усмешку.

— Да милая... вот так... не сопротивляйся. Моя сука.

И память услужливо выхватывает похожую картинку из отеля: Баев и его испанка: возбуждённые, разгорячённые... Кирилл, резко разводящий ноги испанке, его резкие движения, стоны Кармелы и финальный довольный вой Баева.

Нет, не хочу так! Не буду! Просто ещё одна подстилка... — уперевшись руками в грудь Кирилла, я стала его отталкивать, вынуждая прекратить ласки.

Баев поднял голову.

— Настя, — прохрипел Кирилл. — Не сейчас...

Мы встретились взглядами: дикий возбуждённый взгляд Альфа- самца, требующий пометить свою самку, выплеснуть своё возбуждение, своё семя; подчинить, наконец, своей воле Альфы — и мой, напуганный, полный болезненных воспоминаний о предательстве которое пришлось самолично наблюдать несколько недель назад.

— Это сука ничего не значила, — рыкнул Кирилл, рукой проломив крышу рядом с люком. Теперь в машину пробивался свет растущего дня, но ни Баев, ни я не предали этому большого внимания. Кирилл гипнотизировал меня своим взглядом.

— Сучка просто попалась мне под руку, — хрипел Баев. — А ты была слабенькая. Порвать тебя или спустить всё в неё — и дураку понятно, какой вариант был лучше.

Кажется, на моих глазах выступили слёзы.

— У вас же связанная пара неприложна. Я не понимаю.

Кирилл дернулся.

— Забудь. Она — в прошлом.

— Она всё ещё в твоей стае... — пробормотала я, на секунду представив себе нашу встречу с Кармелой: испанка, которая знает как быть женщиной, которая может удовлетворить мужчину на все 100 процентов. Которая так же знает, что я не могу.

— Ты научишься, — шипит невероятно довольный Баев. — Я научу.

— Это не изменит того, что было... Кармела. Она...

— Эта сучка заслуживает смерти за то, что сделала. Но самки у нас очень ценны, и я нашёл ей лучшее применение.

Кирилл улыбнулся настолько кровожадно, что я, опешив, замерла на своём месте.

— Только не плети, — вспомнив наказание, практикующееся в клане, пробормотала я. Насколько бы не была виновата Кармела, она не заслуживала такой ужасной боли.

— Всё ещё слишком мягкая, — провёл когтем оборотня по моему лицу Баев. — Надо

учить....

Его волк, довольно урчал.

— Научить, показать. Воспитать свою самку.

Я привыкла к тому, что меня называли Альфа — самкой, тем самым обозначая разницу между Альфой — главой клана и собственно мной, Альфой — девочкой, у которой просто есть какая — то там редкая сила. Разница в силе, в положении — я это понимала и принимала, никогда не обижаясь на это название. Но когда мужчина называет тебя своей самкой... в этом было что — то совсем звериное — не человеческое.

— Что? — вскинулся Кирилл, почувствовав моё отдаление.

— Не называй меня, пожалуйста, так.

— Как? — рыкнул Баев.

— Самка. — повторила я, подумав в этот момент, чтобы ответила Элизабет Беннет, если бы её так назвал мистер Дарси.

— Не строй из себя ту, кем ты не являешься, — рыкнул Баев, потянув ко мне свои руки, которые теперь не ласкали — больно мяли моё тело. — Ты самка главы клана, Альфа — сука, Луна.

— ...как Одинокая Луна — пропела я сточку из любимой песни брата, не обращая внимание на плескающееся бешенство в глазах Баева. А потом спросила то, что мучило меня всё это время — А что, если я была бы просто человеком?

Я не поняла — почувствовала — как Баев моментально закрылся, выстроив непроницаемый барьер.

— Но ты не человек, — рыкнул он, возвращаясь на своё сидение и приводя моё в вертикальное состояние. — И чем скорее ты к этому привыкнешь — тем лучше.

— А если я не привыкну? — спросила я, не желая оставлять этот мучающий меня вопрос на потом. — Я ведь родилась человеком, воспитывалась человеком... Что, если мне нравится быть человеком?

— Но ты не человек. — не глядя на меня — глядя на дорогу, процедил Баев. — Ты только что бегала по лесу в виде волчицы, женщина!

— Мне надо знать, — гнула я свою линию.

— Что ты хочешь знать? — рыкнул черный получеловек — полуволк, резко повернув пасть в мою сторону. — Как мы злили тебя специально, чтобы не дать сойти с ума? Чтобы ты нормально обернулась, оставшись при этом в здравом уме и памяти?

— Я это уже поняла, — тихо ответила я, тихонько отодвигаясь как можно дальше от Баева. Несмотря на габариты машины, далеко мне продвинуться не удалось: через несколько мгновений я уже прислонилась к обшивке двери.

Оборотень по — хищному улыбался.

— Не убежишь от меня. Не отпущу.

Он медленно надвигался на меня — огромный, злой и раздражённый хищник. Я закрыла глаза и замерла, молясь только об одном: чтобы Кирилл поскорее успокоился.

Через несколько бесконечных мгновений машина, резко заведясь, тронулась с места, а с водительского сидения до меня донеслось довольное фырканье.

— Пристегнись, — бросил коротко Баев, заметив, что открыла глаза.

— Ты ведь сейчас специально....? — не выдержала я. — Специально меня пугал?

— Хочешь проверить? — иронично поднял бровь Кирилл. Я покачала головой.

— Нет уж, спасибо.

— Тогда какие вопросы?

— Ты ведь заглядывал в мои воспоминания? — спросила я. — Ты же видел то, что видела я — искалеченную девочку, пара которой не сдержался... не удержал свою силу... Понимаешь, насколько мне страшно, когда ты меня так пугаешь?

Баев рыкнул, вывернув руль. Машина, перекрыв пустынную дорогу, встала на месте.

— Запомни, девочка, я не шут из балагана, чтобы с тобой играть... — Я чувствовала, что волк Кирилл рвётся наружу, но Баев, словно камень, удерживал спокойствие. Показное спокойствие, конечно — но это лучше, чем ничего. — Каждое моё слово, каждое моё действие имеет под собой почву и вес. — Голос Кирилл звучал глухо, слово он нарочно выключил все эмоции. — Тебе было простительно не знать этого, пока ты была человеком. Но сейчас ты — волчица нашей стаи. И моя Луна.

— Я не...

— Не перебивай, — рыкнул Кирилл. — Всё равно будет так, как захочу я. Ты же должна учиться, думать и ещё раз учиться... Я — твоя истина в последней инстанции. Если я учу тебя нашим правилам — будь добра, слушайся, и не позорь ни своего отца, ни своего брата. Каждый в нашем племени знает, что правила непреложны, а тех, кто их не выполняет, мы наказываем или изгоняем.

— Или убиваете, — горько усмехнулась я. Баев ощерился.

— Таковы наши правила. И ты не должна с ними воевать. Ты обязана отстаивать их наравне со мной.

Я попыталась перевести взгляд на дорогу, но когтистая мужская рука не позволила мне этого.

— Я не пугаю тебя, Настя. — глядя мне в глаза, медленно протянул Баев. — Я тебя учу.

— Тогда почему мне страшно?

— А тебе и должно быть страшно! — рыкнул разозлённый Баев. — Так, чтобы до тебя, наконец, дошло, что это не игры, не книжное фэнтези... чтобы ты навсегда выкинула из головы мысли о своей независимости и о людском образе жизни. Ты — наша самка, нравится тебе или нет. И охотиться на тебя будут не как на рядового человека, а как на редкую самку нашего вида... и как на мою Луну.

Баев грубо поцеловал меня в губы.

— Да, милая, ты определённо должна бояться. Чтобы не совершать больше никаких глупостей и недоразумений.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, с трудом удерживаясь, чтобы не вытереть рукой губы после влажного, насильного поцелуя.

Баев смерил меня тяжелым взглядом.

— Не сейчас.

— Кирилл....

— Я всё сказал, — рывкнул Баев, заводя машину. И не говоря больше ни слова.

Не знаю, о чем там думал Кирилл — я не могла слышать его мысли; разве что какие — то очень сильные — но такое происходило не часто. Мои же мысли всё — равно что открытая книга — читай не хочу... Интересно, вот бы научиться строить стену. Баев же умеет — значит этому можно научиться.

Из приоткрытого окна повеяло свежим чистым воздухом... Снова хотелось в лес. Убежать от проблем, от Кирилл, от всех оборотней.

— А одежды здесь никакой нет? — спросила я, когда тишина в машине стала

осязаемой. Кирилл, оторвав свой взгляд от дороги, медленно, с расстановкой, оглядывал моё тело, подолгу задерживая свой взгляд на груди, на животе и далее скользя горячим взором вниз.

Меня бросило в жар, и это не смотря на утреннюю прохладу... Ведя машину левой рукой, Баев по хозяйски положил свою правую руку на моё тело.

— Зачем же портить все развлечение одеждой? — Лаская пальцами мою грудь, вкрадчиво поинтересовался Кирилл. Его волк протяжно урчал и, кажется, я также слышала свою волчица — не тот не нормальный подзуживающий внутренний голос, а самое себя, свою сущность после оборота.

— Да, девочка, — довольно рыкнул Баев и его рука скользнула ещё ниже... Даря ласку там.

Я догадывалась, что Кирилл внимательно следит за моей реакцией на его действия, но я... Я не могла заставить себя повернуть к нему голову. Старательно смотрела на дорогу, изображая мисс скромность.

Самое ужасное, что ласки моему телу нравились. Против своей воли, я возбудилась слишком быстро. Раздвинув пошире ноги, я ждала ещё больше ласки, ещё сильнее напора.

Услышав тяжёлое дыхание Баева рядом, я неосознанно скосила глаза в сторону... и тут же наткнулась взглядом на его возбужденное вздыбленное достоинство.

— Дотронься до него, — повелительным тоном велел Кирилл. Заметив, что я медлю, Баев схватил мою руку и положил её на нужное место.

— Давай детка, — прохрипел он, показывая мне как надо ласкать его рукой.

Я, не помня себя, ласкала его тело, наслаждаясь ответными ласками... Никакого принуждения, никакого страха... только разве что стыд — простой девичий стыд, и только где то очень далеко, на кромке сознания.

Неожиданно, в самый разгар чувственного полёта, я вдруг вспомнила замечание Кирилла по поводу монастыря. Только сейчас я поняла, что он имел в виду.

— Башка садовая, — простонала я, гадая, как мне не пришло это в голову сразу. Сдержанный смешок сбоку подтвердил мои опасения — Кирилл и на этот раз всё слышал.

После чувственного полёта, я, окончательно вымотавшись, едва держала голову прямо. Поскорее бы домой... Ну, или куда там мы сейчас едем.

— Кстати, а куда мы направляемся, — зевая, спросила я. Сил, чтобы противостоять Альфе и отстаивать свою независимость у меня не было.

Кирилл понимающе усмехнулся.

— Немного поздновато спрашивать, не находишь.

— Какая разница — когда спрашивать, — пожалала я плечами. — Все равно это ничего не изменит.

И ничто не остановит Альфу, добавила я мысленно.

— Рад, что ты стала это понимать, расплылся в довольной улыбке Баев.

— И всё-таки? — Спросила я, не вступая в дискуссию. — Куда мы едем?

Баев ухмыляясь, покачал головой.

— Любопытство кошку сгубило, — фыркнул Баев и всё — таки снизошёл до ответа. — В мою подмосковном резиденцию.

— У клана есть подмосковном резиденция? — широко раскрыв глаза от изумления, спросила я. Спрашивается, если есть свое, зачем Андрей снимал целый этаж в Новотеле пару лет назад. — Никогда об этом не слышала.

Баев покачал головой.

— За какие интересно грехи ты мне только досталась...

Я хотела было возмутиться — по идее, я не сказала ничего глупого. Как сестра беты я по идее должна была знать о таких вещах.

— Ты должна была воспитываться как сестра беты — Заметил Кирилл, снова вклиниваясь в мои мысли. — А не как пришлая человеческая девчонка. Тогда бы ты точно знала, что это Альфа контролирует клан, а не клан альфу.

— Да, но я...

— Хочешь ещё что — нибудь добавить? — иронично поднял бровь Баев. — Или займёмся более приятными вещами? В конце — концов, одежды на нас всё ещё нет.

На что я обиделась и отвернулась к окну. Хочет ёрничать — пожалуйста. Но без меня.

Проплывавшие мимо пейзажи потрясали своей красотой и живописностью — в другое время я бы с удовольствием прилипла к окну, наслаждаясь видами... Но сейчас я слишком устала для этого: последние две ночи были по настоящему выматывающими и бессонными. Хотя я и освободилась от ненормального присутствия волчицы, другие проблемы не испарились вместе с ней, а кое — какие даже добавились. Я должна была подумать об этом, хорошенько подумать...

Не помню, как меня сморил сон... Как будто сквозь толщу воды я слышала голос Баева, тихо отдающего приказы... и кажется голос брата... Интересно, Андрей знал, что Кирилл привезёт меня сюда после оборота или решил дожидаться самостоятельно, без приказа начальства?

Вспомнив, что квартиру мою никто не запер, я горестно вздохнула, мысленно прощаясь с техникой, купленной мною за время проживания в Москве. Больше всего я беспокоилась о компьютере: не то, чтобы мой ноут был какой — то особенно дорогой, но там хранились все материалы для подготовки к экзаменам — за этот и прошлые года. То, что будет особенно важно на ГОСах.

— Что с ней? — услышала я голос Андрея. — Позвать Ивана Романовича?

— Всё нормально, — ответил откуда — то неподалёку Баев. — Просто устала сильно. Вымоталась.

— Как прошёл оборот? Были... проблемы?

— Нет. Всё прошло отлично. — И тут же я услышала низкое утробное рычание опасного зверя. — Да не подходи ты ближе, Андрей. Мой зверь и так тебя ревнует, а тут ещё Наська голая.

— Так вы же после оборота, — услышала я удивлённое брата. Баев снова рыкнул, отпуская силу Альфы...

После этого я окончательно провалилась в сон.

Мне снился кошмар. Блондинка, которая погибла ещё там, на столбе во время наказания, невесть как оказалась в моей съёмной квартире. Возникнув на пороге комнаты, прошла из коридора прямо мимо меня и уселась в кресло возле торшера. Торшер не горел, но блондинку всё равно было хорошо видно.... И даже во сне и от страха у меня бежали мурашки по всему телу.

— Тебе надо бежать. — Скрипучим голосом произнесла блондинка. — И как можно быстрее.

— Вы считаете? — спросила я, просто чтобы что — то спросить. — С кланом безопаснее.

— Опаснее, намного опаснее! — воскликнула блондинка. — Они изменяют тебя, девочка, сильно изменяют. Ничего не останется от тебя прежней... Они всё изменяют. Всё уничтожают. Всё...

Я пожалала плечами, демонстрируя женщине свою внезапнопревратившуюся в волчью лапу, кисть.

Блондинка опустила плечи, признавая поражение.

— Уже... Но ты ведь человек... Я чувствую, — закричала она высоким, звенящим голосом — Ты же ЧЕ-ЛО-ВЕК!!!!

Судорожно вздохнув, я открыла глаза.

— Сон. Всего лишь страшный сон.

Я лежала на огромной кровати, накрытая шёлковой простыней. Сон всё ещё не отпускал меня, вынуждая прокручивать сновидение снова и снова, раз за разом вспоминая малейшие несущественные детали, которые могли (или не могли) повлиять на смысл сна.

Приподнявшись на локтях, я оглядела комнату, в которой проснулась. Окружающая роскошь могла поразить любую, даже искушённую фантазию. Спальня лорда или герцога, не меньше... Дорогая добротная мебель — определённо из массива дерева, сдержанные, но торжественные светильники. Два огромных кресла, обтянутых бежевой тканью с золотой нитью — никакой офисной кожи, никакого псевдоевропейского евроремота.

Осмелев, я вытянулась, разминая затекшие ото сна мышцы. Не знаю, сколько в итоге я проспала — но так или иначе, выспалась я на отлично, если бы ещё не этот страшный сон в конце...

Полежав несколько секунд, я решила, что пора вставать. Спустилась с кровати вместе с простыней, намотанной наподобие древнегреческой тоги. А что, чем не одежда? Грекам ведь нравилась...

Открыла дверь, ведущей из комнаты...опа, в другую, такую же шикарную комнату. Только эта напоминала кабинет или гостиную... С диваном, но без кровати.

— Интересно, — хмыкнула я, припомнив свою съёмную квартиру. — Это я только одна каждый день диван раскладываю, а все остальные кроватями обходятся?

Одна из дверей второй комнаты вывела меня в просторный коридор. Золотисто — коричневые обои, бежевый ковролин... Поправив импровизированную тогу, я босяком побрела в сторону, откуда доносились неясные обрывки разговора.

— Успокойся, она поняла, что ты делал это специально, — рычал на кого — то Кирилл. — Она совсем не глупая, только наивная очень. И это тоже твоя вина.

— Ты же знаешь, я не ожидал... Никто не ожидал, что так получится.

— Ты бета моей стаи, а не гадалка с вокзала, — всё ещё рыча, заметил Баев. — Ты должен был прогнозировать... а если уж проморгал, что исправлять то, что сам напортил.

— Дай ей время, Кирилл.

— Ты же знаешь, что это невозможно, — устало проговорил Баев. — Карты розданы. Назад пути нет. И ты, если хочешь сохранить пост беты моей стаи, то ...

— Я хочу, чтобы моя сестра была счастлива, — просто сказал Андрей. И я, осев от внезапной слабости на мягкий ковролин, поняла, что разговор сейчас шёл обо мне. — Я и так много ей задолжал.

— А мне ты не задолжал? — иронично заметил Кирилл. — Ты так носился со своей драгоценной девочкой, что проморгал Альфа — волчицу. Теперь Настя не готова к своим обязанностям, не готова к нашему образу жизни.

— Она всегда плохо переносила наши наказания и наш ...гм... темперамент. Все наши животные составляющие.

— И ты разрешил ей избегать этого. Не научил. Не объяснил.

— Кирилл, она другая.

— Думаешь, я этого не понимаю, — рыкнул Баев, затопив ненавистью весь особняк. — Теперь из — за этой девчонки под ударом весь наш клан. Я трачу на неё время, свои силы... И до сих пор не уверен в результате... Ты плохой бета, Андрей.

— Кирилл...

— Наша с тобой обязанность — сохранять стаю. Оберегать стаю.... Ты же знаешь, какой у нас сейчас передел власти.

— Ты мог оставить её человеком, — услышала я запоздалое предложение брата.

— Не мог, — тут же рявкнул Баев. — Она моя предназначенная, моя пара... Я бы так или иначе, но всё равно почувствовал бы её. Другое дело, что я не стал бы ставить метку человеку.

— Какая разница — человек или оборотень, если это твоя истинная пара.

— Большая. Человек, пусть и истинная пара, не стала бы моей слабостью. Будь Настя человеком, мне было бы проще её убить — убить её одну, чтобы дать шанс стаи. Ты знаешь, что происходит с кланами, когда нет прямых наследников. Их дербанят, выгрызая себе всё наиболее ценное... Кто берет суками, кто — щенками, ну а кто и территориями не брезгует. Так что избавиться от «истинной» по ошибке оказавшейся человеком — невысокая, в общем — то, цена за благополучие стаи. Да, я бы заплатил за это. Дорого. Но ты сам знаешь, убей я её до метки мой волк не сошёл бы с ума. Я бы просто никогда не понимал вас, повернутых на этих парах ... и оставался бы нечувствительным...

Меня была дрожь от услышанного. Убить? Кирилл, оказывается, не просто допустил наш поединок — цель тогда была не только у меня и Алины. Просто избавиться.

«Слишком много человеческой крови», — вспомнила я, кривя губы. Как же всё просто — играть судьбами, жизнями других людей в угоду собственному эго.

А я... я глупая, наивная ДУРА!

Ударяясь головой об колени и костеря себя последними словами, я пропустила тот момент, когда разговор в комнате прекратился.

— И что ты здесь делаешь? — стоя в проёме отворившейся двери, поинтересовался Баев.

Я подняла на него пустой, лишённых всяких чувств и эмоций взгляд.

— Пришла сказать спасибо за оборот.

Кирилл иронично поднял бровь.

— Не можешь без подслушивания?

Я замерла, не имея сил ответить.

— Настя, — позвал Андрей, выходя вслед за Кириллом из комнаты. — Ты уже проснулась?

— Только что, — кивнула я.

— И как много ты услышала? — любезно поинтересовался Кирилл, хотя я слышала его рычащего внутри волка.

— Настя, то, что я сказал там, во время оборота... не принимай это на свой счёт. Так было нужно, — скороговоркой проговорил Андрей, заглядывая мне в глаза. — Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

— Она знает. — С каменным выражением лица, ответил вместо меня Баев. — Уйди, Андрей.

— Но... — Брат перевёл взгляд с меня на Кирилла. Альфе не пришлось отдавать приказ дважды: поколебавшись долю секунды, Андрей с осязаемым сожалением направился к лестнице.

— Поговорим? — спросил Кирилл, открывая дверь пошире и предлагая мне пройти в кабинет. — Не устраивать же бесплатное развлечение для слуг.

Собравшись с силами, я поднялась с пола.

Кирилл подождал, пока я пройду внутрь, и тут же запер за нами дверь.

— Ты маленькая избалованная девочка, которая не знает цену тому, что имеет, — развернувшись, прорычал он.

— А что я имею — то, Кирилл? — спросила я с жалкой улыбкой на губах. Сама себя ненавидела за эту улыбку, но на другую просто не было сил.

— Ты была принята в нашу стаю много лет назад — и ты знаешь наши законы. Пара непреложна; связанная метками истинная пара — тем более.

— Именно поэтому ты решил от меня избавиться там, на поединке? Или ещё где, если подвернётся случай... — спросила я, едва не сбившись на истерику. — Ведь пока пара не обменялась метками, все могло быть значительно более безболезненно... Знаешь, когда ты обсуждал это с Кармелой — всё звучало чуть иначе.

Мысленно, я прокрутила в памяти тот разговор. Баев сузил глаза.

— Ты понимаешь испанский. — Не вопрос, утверждение.

— Понимаю, — кивнула я, снова жалко улыбнувшись. — Лучше бы не понимала... Я же всё слышала: что ты меня не хотел как пару, что даже на поединок пустил как раз из — за этого: лишь бы избавиться... но всё — равно не хотела верить. Истинная пара непреложна — не так ли? — Я повторила слова Кирилла, горько усмехнувшись. — Я ведь даже в Москву уехала, чтобы просто дать себе время... придти в себя... Уговорить себя, что ты совсем не это имел в виду.

Помолчав немного, я, взглянула в окно и с тоской заметила:

— Для меня твоё нежелание признавать меня как пару не стало сюрпризом... Я ведь заранее знала, что оборотни не любят связываться с людьми. Иногда вынуждены — если истинная пара — но в восторг от этого никто не приходит.

— Люди слабые, неконтролируемые создания, — ощерился Кирилл. — Которые, к тому же дают бракованное потомство. Нам нужны оборотни, а не никчемные полукровки, у которых нет сил сделать первый оборот.

Я вздрогнула. Намёк более чем очевиден.

— Странно тогда, что ты помогаешь полукровкам, — попыталась съязвить я.

— Вынужден. — Пожал плечами Кирилл, уже вернувшись в своё привычное состояние непробиваемого спокойствия. — Мне приходится подправлять их состояние в момент оборота, хотя я и не прихожу от этого в восторг.

— Приходится тратить слишком много сил на никчемных созданий?

— Примерно так, — ухмыльнулся Баев. — Только не делай из меня злодея. Невозможно помочь всем. Если бы вчера был первый оборот, к примеру, у жены твоего брата, то мне пришлось бы выбирать между вами двумя, отказав одной из вас право на нормальную жизнь. А знаешь, каково это — выбирать между близнецами — кого убить после оборота, а кому подарить нормальную долгую жизнь оборотня?

Я вздрогнула, подумав о двойняшках брата. Они ведь тоже родятся полукровками.

— Поэтому ты хотел убить меня там, на поединке? Чтобы потом не выбирать?

— Если мне не изменяет память, убить тебя хотела Алина. Я же, если ты помнишь, отговаривал тебя от боя.

— Ты не помешал этому.

— Ты хотела сражаться, — махнул рукой Кирилл. — И очень убедительно доказывала свои права на это.

— Она была истинной парой моего брата. И ты знал об этом! — воскликнула я. — А как же непреложность пары?

— Сучка не захочет, кабель не вскочит, — цинично заметил Баев. — Если самка отказывалась от истинной пары ради статуса — мне какая разница? Всё было уж обговорено и подтверждено несколько раз. Твой брат сам виноват — надо было быстрее ставить метку своей суке. — Кирилл хмыкнул. — Тогда бы не перепутал двух сестёр на поединке. Ты же знала, на что шла.

— Я шла умирать, — воскликнула я.

— Так и умерла бы, — рявкнул Баев потеряв терпение. — А если уж случилось выиграть, то имей мужество принять это. Ты получила больше, чем могла рассчитывать: способность к обороту, уникальную силу, Альфу — клана в качестве истинной пары. Тебе скакать от радости надо, пытаюсь подстроиться под меня, а не скулить словно побитая собачонка по своей никчемной человеческой жизни.

— Она не никчемная, — возразила я.

— Да? — иронично ухмыльнулся Баев. — А какая же? Учишься себе преспокойненько на деньги братца. Он тебе ещё и прилично отстегивает и на жильё, и на шмотки... Понятное дело, принцесса не может жить в общежитии, принцесса не может работать.

— Я не...

— Что ты не? — передразнил меня Баев. — Не принцесса? Может, ты после учёбы где — то тайно подрабатываешь? Или работу какую научную пишешь?

Баев испытующе смотрел на меня.

— Избалованная, слабая... Мне нужна волчица, которая будет вести за собой стаю, а не сплошное недоразумение, которое я получил.

Я опустила руки, пытаюсь не выпускать когти и не скалиться. А ведь хотелось!

— Может, прямо здесь меня убьешь? — поинтересовалась я. — Прямо сейчас. Выполнишь, так сказать, своё заветное желание.

— Обойдешься, — рыкнул Кирилл. — Убери уже этот скулёж слабой никчёмной суки. Борись за своё место рядом со мной, за своё выживание. Ты же Альфа волчица, а не забитая человечиска.

Оказавшись рядом со мной, он принялся неистово гладить мою шею, лицо... Дикая, злая ласка.

— Стать сильной, девочка, — полусшептал — полурычал Баев. — Стань мне под стать... Нам уже хорошо вдвоём, а будет ещё лучше... Мы станем неуязвимы... Только превратись в ту суку, которая мне нужна.

— А как же Кармела? — спросила я, сделав шаг назад. Баев нахмурился. — Она походила на суку, которая тебе нужна?

— Она походила на суку, которую приятно трахать, — заметил Кирилл, ухмыляясь нехорошей по-звериному жестокой улыбкой. — Чем она сейчас и занимается. Хочешь пожалеть её или снова будешь скулить, вместо того, чтобы учиться принимать действительность такой, какая она есть?

— Ты действительно веришь, что после этого разговора мы можем быть вместе? — спросила я, отступая назад, к двери.

Баев хмыкнул.

— Думаешь, я один привязан к тебе меткой? Нет, милая... ты тоже связана по рукам и ногам... Но я больше не буду делать тебе скидку на твоё воспитание, на твою слабость. Теперь, после оборота, ты официально сука клана и требовать я с тебя буду как со своей суки. Не нравится — можешь идти и дальше изображать из себя никчёмную человечиску, скуля и паразитируя на моем бете. Но ты всё равно прибежишь — твоя сущность не даст тебе долго без меня находиться... И знаешь что? — спросил Баев, близко наклонившись ко мне.

— Что? — машинально спросила я, облизав пересохшие от волнения губы.

— Тогда я поимею тебя. Грубо и долго. Так как я хочу. А потом ты навсегда станешь моей женой и моей Луной.

Внезапно я вспомнила свой сон и блондинку, которая советовала мне бежать из клана, бежать как можно быстрее.

— Они изменяют тебя, — вспомнила я её слова, — Они всё меняют. Всё уничтожают.

Баев ведь сейчас именно это и делает, подумала я с ужасом. Он уже изменил меня, превратив в оборотня. Что дальше — полная покорность из — за метки?

— Что, девочка, слишком страшно взрослеть? — ласково спросил Альфа, вдруг протягивая ко мне свою руку. — Иди сюда, Настя. Пообещай меня слушаться, пообещай что забудешь все свои человеческие слабости...

— И тогда мы заживём счастливо? — спросила я с сарказмом в голосе. Баев кивнул.

— Именно так. Всей стаи это будет на пользу. Твой брат больше не будет разрываться между сестрой и женой.

— ... и только от меня ничего не останется, — подумала я с тоской.

— Не останется от слабой человечиски, — кивнул, вклинившись в мои мысли, Кирилл. — Положение сильной Альфы — самки и Луны стаи станет новой вехой в твоей жизни.

— Иди сюда, милая...

Я замотав головой, сделала ещё один шаг назад.

— Беги, — шепнул вдруг голос блондинки и я, послушавшись этой команды, выскочила за дверь. Кирилл бросился за мной следом — я слышала его за своей спиной и уже приготовилась к поражению, когда лампы в коридоре начали мигать: то гаснуть, то снова вспыхивать; двери в разные комнаты открывались и закрывались самостоятельно. Изумление Баева дало мне небольшую фору... которая, впрочем, почти сразу же закончилась.

Кирилл нагнал меня у лестницы. Рывок — и мы в небольшой комнате, похожий на кабинет. Баев поднял до своего уровня, впечатав в стену.

— Можешь убить меня, но я не дам себя изменить, — выплюнула я в лицо ему угрозу. Кирилл скривился.

— Убил бы, если бы мог, — захрипел он, впиваясь в мои губы. Поцелуй не был нежным. Он ставил свою печать, демонстрировал свою силу, подавлял мою волю.

— Не борись... — рычал Кирилл, но теперь я улыбалась кровожадно. Люди, доведенные до отчаяния, способные на любые поступки. Я ловко отворачивала свои губы от жестокого мужского рта. — Не борись со мной, девочка... Или проваливай отсюда насовсем — до тех пор, пока не повзрослеешь.

Второй вариант мне нравится значительно больше, — заметила я. Кирилл ухмыльнулся.

— Хочешь играть в человека — пожалуйста, дорогая. Только потом я поиграю со своей волчицей.

Кирилл мысленно продемонстрировал мне несколько особо ярких эпизодов. Покраснев, я отвела взгляд, а Баев захохотал.

Меня выпустили из железных объятий, мигание лам тут же прекратилось. Поправляя сбившуюся простыню, я посеменила к двери. Отпускает меня — отлично. Именно то, что мне надо. Главное — не сбиться с шага, не заплакать, не проявлять эмоции. Уже взявшись за дверь, я услышала, как Баев окликнул меня.

— Настя, подумай хорошенько, что ты делаешь. Выйдешь отсюда, и снова зайти будет очень трудно.

— Не думаю, что мне этого захочется, — пожала я плечами.

Возле дверей меня уже поджидала молоденькая горничная, нервно теребящая кружевные оборки своего фартука.

— Ой, Анастасия Дмитриевна, простите, я не успела с одеждой до Вашего пробуждения.

— Какой одеждой?

Девушка подняла удивлённый взгляд.

— Альфа приказал купить Вам гардероб, но сами понимаете, ночью это достаточно трудно сделать. Пока мы будили владельцев, пока они открывали свои магазины... Простите, это конечно не из ГУМа, но тоже вполне достойные марки.

Я открыла рот от изумления. Впрочем, чему было удивляться: в этом весь Баев.

— Начинаешь меня узнавать, — услышала я довольные мысли Кирилла. Он, без спросу, вторгся в мои мысли, сам же делясь только тем, чем хотел поделиться. Нечестно.

— А жизнь вообще нечестная штука. — Мысленно хмыкнул Баев. — Останься. У тебя будет всё.

— Кроме самоуважения, — вслух произнесла я, решив всё же воспользоваться чем-нибудь из привезённого гардероба. В самом деле, не возвращаться же мне домой, одетой в простынь.

Девушка привела меня обратно в ту комнату, где я ночевала. Возле аккуратно

застеленной кровати — горы пакетов с известными брендами.

— Вы желаете позавтракать здесь или спуститесь вниз? — спросила девушка.

— Нет, — рассеянным взглядом обведя пакеты, — я не буду завтракать.

— Но.... — горничная испуганно отвела взгляд. — Вам же надо поесть.

— Ни крошки в доме врага, — подумала я, тут же услышав где то вдалеке гомерический хохот Баева. Он что, теперь всегда будет меня подслушивать???

— Привыкай, после оборота наша связь значительно усилилась... — услышала я Баева.

— Но это невозможно. Мы не связаны.

— Мы связаны, — оборвал меня Кирилл. — Навсегда.

Повинуясь внезапному порыву, я бросилась к зеркалу, которое видело недалеко от окна и рванула прикрывающее тело простынь.

Метка, мать её, метка была там!

Я сползла на пол, закрывшись руками.

— Луна, Вам плохо? — озабоченно спросила склонившая надо мной служанка.

— Уж точно не хорошо. — Кивнула я. — Вызовите мне такси.

Девушка поддалась немного назад, совсем испугавшись.

— Мы не... у нас не...не положено, — наконец проговорила я.

Ну конечно, вспомнила я про запрет на чужаков в поместье родного города. Почему здесь правила должны быть другими.

— Вы можете позвать бету?

Девушка с облегчением кивнула.

— Да — да, конечно.

Покопавшись в пакетах, я остановила свой выбор на джинсах, шёлковой блузки (других здесь просто не было) и кожаных плетеных сандалиях. Стараясь не обращать внимание на бренды и не думать, сколько это стоит, я также распаковала один комплект белья. Одевать что — то новое, но предварительно не стиранное было неприятно. Хотя... может, дорогое белье и не надо стирать перед ноской... В любом случае, выбора у меня не было.

Одевшись, я присела на краешек кровати, стараясь не думать про метку. Получалось плохо. Мысли то и дело возвращались к тому, чего я никак не могла понять: почему она снова появилась. Как Кириллу удалось поставить мне новую метку? Или эта ещё та, странная? Может быть, тогда, на казни, я сняла её не на совсем — а только временно... Каждый новый вопрос рождал несколько следующих, лишая меня спокойствия. Мне хотелось как можно быстрее вырваться из этого дома, убежать подальше от Баева, подальше от всех оборотней.

Внезапно все окна в комнате широко открылись, пропуская свежий воздух.

Я вздрогнула — рамы заколебались.

Затаила дыхание и мысленно выдала приказ окнам «закрыться». Настоящее сумасшествие. Но окна действительно закрылись. Попробовала отрыть ещё раз. Закрыть. И ещё раз, чтобы окончательно удостовериться. Поэкспериментировала с дверью. После второго раза — когда я приказала открыться двери, на пороге двери уже стоял Андрей.

Брат выглядел довольным.

— Альфа сила, — кивнул он, нисколько не удивляясь моим новым способностям. Я тут же скисла.

— То есть в этом нет ничего необычного? — спросила я. Андрей улыбнулся.

— Насть, ты можешь силой мысли двигать предметы...

— Но если это умеют все Альфы.

— Не все. Только самые сильные.

— Баев. — Андрей кивнул.

— Разумеется.

— А я...

Брат развёл руками.

— Понятия не имею. Спроси у него. Может быть, это сугубо твоя сила, может — как трансфер от него. С парами такое, бывает, случается, а вы, к тому же, оба Альфы.

— Спроси у меня, — мысленно позвал Баев.

Сцепив зубы, я поинтересовалась у брата.

— Можешь отвести меня в Москву?

Андрей сразу как — то сник, слабо кивнув.

— Что? — спросила я, заметив его реакцию.

— Я надеялся, что после твоего первого оборота у вас всё наладится, — пожал плечами Андрей. — Не стабильность не идёт на пользу клану.

— Знаешь, я с детских лет слышу про клан... Клан — семья, клан — самое ценное, что у нас есть. Заменяя отсутствующего Альфу, ты всегда выступал в главе клана... а я всегда боялась не подойти вам. Боялась сделать что — то неправильное — вы ведь все волки, оборотни, а я просто человечка... — Немного помолчав, я всё же добавила. — Мне, кажется, просто надоело бояться... Не хочу жить в мире, где люди — второй сорт.

— Ты уже не «люди», — заметил брат, сделав ударение на последнем слове.

— Физически, — кивнула я. — Только физически.

— Ты научишься.

— Весь вопрос в том, хочу ли я этого.

— А у тебя есть выбор? — спросил Андрей и мы оба понимали, что это был самый сложный вопрос. Выбор был иллюзией. Баев, хоть и отпустил меня, но метка... активная метка, наше мысленное общение — всё говорило о том, что выбора мне не предоставили. Разве что иллюзию.

Но так или иначе, я хочу ей воспользоваться. А дальше... а дальше будет видно.

Андрей отвёз меня домой — в новых дорогой одежде, купленной на деньги Баева, я чувствовала себя более чем неловко, а тут ещё Андрей, заглушив мотор, протянул мне тяжёлый объёмный конверт.

— Это тебе.

— Что это?

Брат неловко улыбнулся.

— Прости, у меня не было времени насобирать много. Но это налик, который он не отследит. До последнего надеялся, что это не пригодится... Но хотя бы так.

— Кирилл ведь со мной так играет, да? Отпускает, чтобы тут же покрепче натянуть поводок.

Андрей пожал плечами.

— Ты ему нужна.

— Тогда почему он это не говорит.

Андрей тяжело вздохнул.

— Настя, он говорит, как умеет.

— Ты же знаешь, я...

— Знаю, — прервал меня Андрей. — Ты не будешь счастлива таким способом. Прости, я и понятия не имел, что ты чувствовала, когда мы были в стае... — заметив мой изумлённый взгляд, Андрей пояснил. — Катюха рассказала мне, что чувствовала, когда поняла, что не может обращаться. И как к ней стали относиться остальные оборотни в стаи.

Я отвела взгляд.

— Всё было не так плохо.

Андрей вздохнул.

— Настя, оборотень неотделим от своего клана. Это защита, помощь — это семья. Когда в семье неполадки, надо их обсуждать, а не замалчивать.

Я грустно усмехнулась.

— Чего осуждать, если и так всё понятно: для оборотней люди второй сорт.

— Если бы это было так, то и полукровок бы не было... а сколько их даже в нашем небольшом городке?

— Может, поэтому и много — что город небольшой.

Андрей покачал головой.

— Это всё непросто, сестрёнка. Некоторые наши способности... не подходят для отношений с людьми. Как объяснить трансформацию, зависимость от Луны... да что там, одна моя девушка — человеческая девушка — думала, что я принадлежу какой-то секте. Даже декану в институте нажаловалась — и он вызывал меня для разговора. Представляешь?

— А ещё люди слабее, эмоциональнее, — я махнула рукой — и далее по списку отрицательных качеств.

— Настя, ты же понимаешь...

— Я понимаю, что я ему как человек не нужна. Как личность не нужна. Только как сильный оборотень. — И тут я не выдержав, захлопала носом. — Андрей, ну какой из меня оборотень?

Брат улыбнулся.

— Подожди, дай себе время. Всё у тебя получится.

— Да не хочу я, чтобы всё получилось! — воскликнула я, размазывая слёзы по щекам.

— А чего ты хочешь? — спросил меня Андрей, поставив этим простым вопросом меня в тупик. Чего хочу именно я — не оглядываясь на все обязанности, на правила... Я прислушалась к себе, раскладывая собственные чувства по полочкам. Впервые за долгое время.

Ответ, родившийся откуда-то из глубины души, насколько ошеломил меня саму, что я зажав ладонями рот, испуганно посмотрела на брата.

— Нелегко, не правда ли? — спросил Андрей, несколько не удивляясь моему поведению. — Когда я узнал в невесте Альфы девушку, на которую среагировал мой волк, я даже долго не мог поверить... А потом задал себе этот вопрос.

— И пошёл за ней на смерть.

— Пошёл, — улыбнулся Андрей. — И умер бы. Но ты смешала все карты. Я очень благодарен тебе, сестрёнка... благодаря тебе у меня есть семья. Любимая...

— Как же ты спутал её тогда — свою любимую — Катя ведь не должна пахнуть как Алина?

Андрей смутился.

— Их запахи очень похожи...

— И всё-таки, они разные.

— Насть, ну...

Теперь я уже на самом деле заинтересовалась ответом. Если Андрей мнётся и срывает что — то, значит ли это, что...

— Я знал, что моя пара провела ночь с Альфой, — отведя взгляд в сторону, признался Андрей. — И думал, что её запах просто начал меняться раньше времени. Баев очень сильный оборотень.

Теперь отвела взгляд я. Ну а правда, чего я ожидала...

— Насть... — позвал Андрей.

— Пойду я, — берясь за ручку дверцы, сказала я. — Он разрешил тебе со мной общаться или как в прошлый раз?

— Разрешил.

— Хорошо, — кивнула я.

— Возьми деньги, — напомнил Андрей. Я покачала головой.

— Нет, Андрюш. Спасибо тебе. Но я смогу их взять.

— Он играет тобой.

— Знаю, — улыбнулась я. Улыбка вышла кривая и фальшивая. — Но не могу по-другому.

И вышла из машины.

Глава 28. Свободна

Даже спустя почти год, мне всё ещё не до конца верится, что я выдержала то время. Я смогла.

А ведь неприятности начались сразу по приезду домой. Как я и опасалась, входную дверь никто не запер. Понятно, что в момент оборота искать ключи было глупо — да и потом, куда их положишь, если мы всё равно бегали по лесу без одежды... но поди ж ты, объясни это квартирной хозяйке... Дверь, конечно, нараспашку никто не оставлял (наверное), но может сильный ветер, может обыкновенный сквозняк внесли свою посильную лепту в превращение меня бездомной — так или иначе, но дверь квартиры оказалась не просто незапертой, а ещё и приоткрытой.

Приоткрытая дверь напугала соседей, которые, всполошившись, сразу же позвонили хозяйке квартиры.

— Я не могла представить, Настя, что увижу такое! — возмущалась женщина, абсолютно законно, между прочим. — Тихая девочка — студентка И вдруг такой бардак... Немыслимо!

Я стояла в прихожей, вся пунцовая от стыда, и слушала справедливые упрёки. Квартира — аккуратная квартирка с хорошей новой мебелью, сейчас напоминала место действия какого — нибудь фильма — катастрофы: поломанная мебель, разодранный когтями ковролин... Даже стены, и те пострадали...

Тогда ещё у меня мелькнула нехорошая мысль — а может, соврать, что это не моя вина — могли же в квартиру вломиться грабители или воры, пока я гостила у брата в родном городе? Мол, запирала квартиру как обычно, а вернулась только сейчас ... и увидела то, что увидела...

Но связываться с правоохранительными органами совершенно не хотелось. Да и к тому же, ущерб ведь на самом деле случился из-за меня. Конечно, не я крушила мебель — хотя я на самом деле не помню, что именно делала волчица, когда «получала» главенство в сознании... но судя по ковролину, не только один Баев крушил здесь всё подряд.

Хотя именно его «эмоции» оказались дороже всего: шкаф, разломанный Кириллом, стоил очень дорого, а потому и счет от хозяйки оказался приличным. Пришлось топать в соседнее с домом отделение банка и снимать практически деньги, что были на карточке.

Итог моего превращения — обращения — полная компенсация стоимости всех испорченных вещей. Ну а дальше, хозяйка, вполне ожидаемо, выставила меня вон, разрешив только по — быстрому собрать свои личные вещи. И на том спасибо.

Поскольку полнолуние в этом месяце выпало на выходной день — мне несказанно повезло, я не пропустила ни одного экзамена. Только небольшой зачет, который успешно закрыла на следующий день. А впереди у меня была ещё практически целая неделя сессии.

Я помню своё растерянное чувство, когда катишь по дороге здоровущий тяжеленный чемодан и не знаешь, куда податься... Сейчас, запоздало, я сильно жалела, что за все 4 года учёбы я так и не обзавелась близкими друзьями в группе. Были, конечно, хорошие знакомые, которые брали у меня конспекты лекций, с которыми мы могли перекинуться парой шуток во время перемены... Но не друзья. И я не могла просить их о помощи. Стеснялась.

В конце — концов, помаявшись с вещами у метро, я пошла в один из красивых парков — исторических ансамблей города... Место, к которому я сильно прикипела с первого же

мгновения, увидев необычные макушки Дворца... Я сидела на лавочке перед большим фонтаном, тосковала о мороженом, которое продавали рядом и которое теперь мне было совсем не по карману и думала, что делать дальше... А дальше были вокзалы. Каждую ночь — новый вокзал, благо, в Москве вокзалов имелось несколько. Чередую ночёвки по разным местам, легче избежать внимания полицейских. Хотя у меня и имелась временная регистрация от института, лишних неприятностей мне не хотелось.

Вещи ещё в первый день моего бездомства я определила в камеру хранения, выбрав для этого автовокзал, с которого отправлялись автобусы в родной город. Тогда же и купила обратный билет — несмотря на все произошедшие изменения в моей жизни, рисковать будущим брата и его близняшками я не могла.

А на вокзалах оказалось не так уж плохо. По крайней мере, на Ленинградском вокзале я обнаружила душ- и хотя лишних денег вообще не было, отказать себе в удовольствии помыться я не могла, на Казанском продавали самые вкусные булочки... Да и в остальном... конечно, спать как дома, без задних ног — никто тебе не даст — мигом «уведут» последнее, но вот подремать, или, на худой конец, повторить билеты к экзамену вполне можно.

Экономя как только можно, я теперь только мечтала о том, что ещё пару дней назад считала вполне себе разумеющимся: горячая домашняя еда, собственная ванная комната и туалет... А уж как я мечтала просто выспаться в своей кроватке! Эххх.

Каждый день, отказав себе в очередном ужине, я подсчитывала бюджет — может, хватит денег на скромный хостел? И пересчитав пару раз для проверки, уныло двигалась в сторону одного из вокзалов. И постоянно, сильно, корила себя за непомерную гордость тогда, в машине. Андрей предлагал мне деньги — и надо было их взять. А я, послушав обидные слова Кирилла, решила изображать самостоятельность. И что, кого я в итоге наказала?

Вы знаете, что цены в студенческой столовой вовсе не студенческие? Что одним пирожком будешь сыт всего минут сорок, а, к примеру, пустого батона хватит на полдня. Я теперь не только задачки к экзаменам в уме повторяла, а чаще прикидывала, что мне купить — пирожок здесь или батон белого хлеба в обычном магазине. Батон по цене получался даже выгоднее. Единственное, я стеснялась есть пустой хлеб на людях, а потому первые два дня обходились одним пирожком в день. Затем случайно обнаружила, что пирожки на вокзале больше и дешевле, и теперь покупала там. Сразу, как просыпалась. А в обед щипала из сумки кусочки хлеба — вполне себе сытно и дешево.

До сих пор помню свой последний день в институте, когда я, уже успешно сдав все экзамены и даже оформив Академический отпуск в деканате, я решила шикнуть, заваривав себе доширака. В столовой у нас имелся титан- оплачиваешь стаканчик, пакетик чая — и иди наливай. Я же, наплевав на мнение окружающих, потащила к титану (*неоплаченному) со своей лапшой. Работница столовой, заметив это, презрительно фыркнула, но ничего не сказала. А я впервые за четыре или пять дней поела горячей пищи.

Так, измученная резкими изменениями в жизни, недосыпанием и экзаменами, я собралась в родной город.

Конечно, проще было бы найти работу в Москве — в столице и аптек значительно больше, и зарплаты выше, но, даже отвлекшись от обещания, данного детям Андрея, зацепиться в Москве было ох как не просто: студенческая временная регистрация после оформления академического отпуска не продлялась, покупать липовую — не было денег... Вот и выходила дорога в родной город.

Впервые за бесконечно долгую суетливую неделю я могла без страха и оглядки поспать в мягком плюшевом кресла автобуса. Вы считаете, что сидения в автобусах неудобные — поспите с неделю на вокзалах, чтобы почувствовать разницу.

Откинувшись на спинку кресла, я лениво наблюдала за быстро меняющимся пейзажем в окне. Вот рабочие, кладущие асфальт, потягиваются перед началом рабочего дня; вот водитель маршрутки о чем — то ругается с водителем городского автобуса, вот какой — то парень бежит по дороге, словно преследуя наш автобус. Опаздавший пассажир? Может быть... Водитель уже набрал скорость, поворачивая на шоссе. Последнее, что я увидела перед поворотом: остановившегося парня, который, очевидно, уже сдался. И вдруг мы встретились с ним взглядом. А нечеловеческие желтые глаза знакомо подмигнули.

Родной город встретил меня неприветливо: резким похолоданием, проливным дождём и сильным пронизывающим северным ветром — в общем, та ещё погода для путешествия. Раньше подобное ненастье меня было даже не расстроило — подумаешь, дождь или ветер... брат практически всегда встречал меня прямо возле автобуса, а если Андрей и бывал занят, то никогда не забывал послать того же Ваньку, чтобы он проводил до дома.

Сейчас меня впервые никто не встречал — и я снова почувствовала себя никому не нужной... лишней — как это бывало много раз после смерти родителей. Андрей тогда долго вытаскивал меня из этого состояния — деликатно и ненавязчиво (до сих удивляюсь, как у двадцати однолетнего парня хватило на это выдержки, сил и желания).

Даже когда меня официально приняли в стаю, это чувство — чувство собственной незащищённости, неловкости, невозможности почувствовать себя «своей» — не прошло до конца. Я прекрасно понимала, что я для стаи не собственный драгоценный щенок, а скорее чужой «человеческий детеныш», подкидыш, по недоразумению попавший в их семью. Это никогда не говорилось открыто, но по их недомолвкам, оборванным фразам в середине разговора, скупым объяснениям правил и обычаев (волки не любят пускать чужаков внутрь своего круга) было всё понятно...

Я долго размышляла над тем, что сказал Андрей перед тем, как отвести меня в московскую квартиру — что, мол, в стае много полукровок. И брат, не зная сам, произнес очень точную фразу: полу_ кровок. Если перебрать всех наших знакомых, то у тех, у кого в семье имелись человеческие родственники: бабушки или мамы (в основном, именно мужчины оборотни обретали человеческую пару, оборотницы не увлекались людьми); так вот, те оборотни, у кого мама или бабушка были людьми, как правило, всегда выбирали себе в пары чистокровных оборотниц. Исключения составляли ...разве что мой отец да ещё дядя Остап — один из администраторов дальних шале. У него тоже и мать, и бабка были людьми, а жена у него хотя и не стопроцентный человек, но тоже оборотень с восьмушкой... Может, поэтому он всегда ко мне так хорошо относился? Я ездила несколько раз в ту местность, чтобы помочь брату с приемом высоких гостей.

Шале несколько лет назад были построены по приказу Баева и сразу стали мегапопулярными у Альф всего мира: нетронутая природа средней полосы, отсутствие людей на многие километры, прекрасные условия для охоты ... Дорогой и элитный оборотень — ризорт. Одна проблема: Альфы обычно народ капризный, вот и приходилось мне в свои летние каникулы бегать по магазинам, закупать какие то уж совсем странные мелочи, вроде специальных рыболовных крючков (за которыми я специально ездила в Москву) или коллекционных вин двадцатилетней давности (тут меня здорово выручил дворецкий, Пётр Иванович), чтобы обеспечить «высокий уровень обслуживания». Обычн

этим занималась Лана — одна из оборотниц стаи, я же подменяла Лану только на момент её отпуска, и тот когда заказы были какие — то уж из ряда вон выходящие.

Я зажмурилась, вспоминая мягкую улыбку дяди Остапа. А его жена, тетя Лиля, как раз в порыве откровения, бросила отрывистое: надо было нам тогда тебя взять к себе. Слышали же, что Овсеевы вместе с бетами погибли, да сомневались, приживёшься ли ты... Все же, если родители решили тебе не говорить о нашем мире....

— Может, они просто не успели? — спросила тогда я, сама прекрасно осознавая, что вру. И это тоже было моей болью. Родители, как никто другой, понимали, что я стопроцентный человек, а потому никогда не войду в стаю...

Я вышла из автобуса, подставив лицо под частые капли дождя. Дождь маскировал слёзы, не давая выглядеть глупо для окружающих.

Интересно, а мой отец тоже сокрушался, что мама — человек, когда почувствовал в ней свою пару? — подумала я и тут же саму себя укорила за эти мысли. Горе и годы давно заслонили детские воспоминания, но я, хотя и не помнила всех деталей из своего детства, всё ещё с нежностью вспоминала ту добрую, тёплую атмосферу, что царила в родительском доме. Отец маму любил, а потому и женился именно на ней, а не на оборотнице с подходящей кровью.

Получив свои вещи у водителя, я покатила чемоданы в сторону здания автовокзала. Чтобы передохнуть.

За время дороги я успела неплохо выспаться, перекусить булочкой и даже полистать пару книжек на телефоне, но так и не решила главного... что делать в городе? Могу ли я поехать сейчас к Андрею или нет... С одной стороны, Баев не запрещал ему со мной общаться — так что, выходит, вполне могу. С другой — брат не просто так собрал для меня внушительную стопку наличности. Я понимала, что Кирилл играет...воспитывает или ставит меня на место... — не важно, главное, что для него это одна из их жестоких волчьих игр, в которой я не знаю правил.

С момента возвращения домой после оборота, у меня возникало всё больше вопросов — и совсем не было на них ответов. Почему он отпустил меня так просто? Почему чуть ли не сам это предложил? Думал, что я откажусь... Испугаюсь... Не то, чтобы я этому не обрадовалась, но ... его поступок до сих пор не укладывался у меня в голове. Должна же быть причина, по которой всемогущий Альфа так просто отпускает свою меченую пару... Я прекрасно знала, что он совсем не ценит меня как личность, но как собственное имущество и как ценное имущество для стаи...

Словно в насмешку, опять запулирована метка на шее, вызывая резкий прилив желания. Сжав до боли ручку чемодана и закрыв глаза, я пыталась просто пережить этот «приступ». Как же Баев умудрился по новой поставить мне метку? Или это была та, первая... но если это так, то почему она снова проявилась?

Я сжала зубы, справляясь с собой. Кирилл хочет показать, что я уже не человек? Или что я не выживу одна, без помощи клана? Как слабый человек или как сильный зверь, но одиночка?

Он хочет, чтобы я попросила помощи.

А я не буду.

Подхватив свои вещи, я боевым шагом направилась к камере хранения. Потратила последнюю наличность на ячейку, куда запихнула весь свой скраб, предварительно вытащив из чемодана папку с документами. Там ещё и выписка из института имелась — в которой

говорилося, что Анастасия Овсева успешно окончила четвёртый курс фармацевтического факультета. Я очень надеялась, что это справки окажется достаточно для моего будущего начальства. Нет — найду чтонибудь другое, не беда, но так бы хотелось работать по своему профильному образованию.

Последующие два дня совершенно смешались у меня в памяти. Помню только, что я бегала по аптекам и аптечным киоскам города, выпрашивая про открытые вакансии. Мест, где неподалеку жили оборотни или где оборотни были владельцами, я избегала — что значительно сужало мои поиски, но я тогда маниакально боялась показаться клану слабой, неспособной к самостоятельной жизни. Я понимала, что Кирилл именно на это и надеется — что я не выдержу самостоятельно жизни. Попрошу у когонибудь помощи или вообще прибегу назад. Конечно, я прекрасно понимала, что это далеко не всё, что он там запланировал, но именно это занимало меня сейчас больше всего.

Наконец, в четверг вечером я зашла в одну из небольших аптек на западной окраине города. Мне повезло — девушка за стойкой сообщила, что заведующая сейчас на месте; она как раз разбирается с документами вместе с провизором сети.

— Я сейчас её позову, — ободряюще улыбнулась мне консультант и поспешила куда то в подсобное помещение. — Нина Георгиевна, так девушка насчет работы...

Через пару минут она вернулась и позвала меня внутрь. Я уже ни на что не надеясь — слишком много отказов за эти два дня — прошла внутрь.

Заведующая — пожилая, но очень активная по виду женщина, смерила меня пронизательным взглядом. Её помощница (судя по всему, именно она была провизором), лишь на секунду подняла голову от бумаг — чтобы бросить на меня быстрый взгляд — и тут же снова уткнулась в свои записи.

— Значит, это ты работу ищешь? — хорошо поставленным голосом начальника поинтересовалась заведующая.

Я кивнула.

— Местная? — спросила она.

— Местная, — подтвердила я, назвав адрес по прописке.

— А училась где?

— В Москве. Но я ещё не окончила. Только закрыла четвертый курс.

Заведующая скривилась.

— Так ты на лето ищешь...

— Нет, я... я ищу постоянное место. Изменились семейные обстоятельства.

— А институт?

— Взяла академ. Как только накоплю денег, восстановлюсь но на заочном.

Женщина прищурилась, сместив рабочие документы немного в сторону. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь звуками, доносившимися из торгового зала: девушка — консультант о чем — то выпрашивала посетителя.

— Ну, Марина, возьмем девочку? — спросила Нина Георгиевна темноволосую женщину, которая тихо сидела с другой стороны стола. Марина, (Марина Ивановна, как я узнала позднее) пожала плечами.

— Можно попробовать... — В этот момент я уже радостно застыла в предвкушении, окрыленная надеждой на устроенное будущее — но здесь нам нужен человек только на выходные — и моё настроение снова упало в сторону беспросветной безнадёги. Только выходные — значит слишком мало денег. Хотя... можно ведь подрабатывать где-то ещё...

Нина Георгиевна, словно проследив за моими мыслями, согласно кивнула.

— Да, не густо... — а затем обратилась ко мне. — А может, поедешь в Лесное? Там у меня новая точка, зарплата небольшая, зато работы немного... Самое то для начинающего специалиста.

— Лесное? — задумалась. — Вы про посёлок, который рядом с озером стоит?

— Тот самый, — кивнула заведующая. — Понимаю, конечно, далековато... всё — таки пятьдесят км от города, но...

Она развела руками.

— Я согласна, — тут же воскликнула я, едва удержавшись на ногах. Сильные эмоции на пустой желудок — слишком сильный коктейль для человеческого организма.

Заведующая и провизор, переглянувшись, довольно улыбнулись друг другу.

— Вот и ладненько, девочка. — Перевела взгляд на меня заведующая. — Давай-ка сюда свои документы.

Меня оформили очень быстро, что навело на мысль о том, как долго они искали человека на это место. Зарплата и вправду оказалась более чем скромная — Андрей мне переводил минимум в два раза больше, но в Москве я ещё платила за квартиру — а там цены значительно выше, чем у нас...

Набравшись смелости, я всё же спросила насчет аванса.

Заведующая снова недоверчиво прищурилась.

— Так ты же только начинаешь, какой может быть аванс?

Запинаясь, я честно призналась, что сейчас у меня не хватит денег даже на автобус до Лесного.

— Мда... — процедила Нина Георгиевна, а вот её провизор, кажется, не была насколько изумлена.

— Ты с мужем что ли поругалась, или с родителями?

— У меня нет родителей, у меня только брат. И мужа у меня нет. — По крайней мере официального.

— А с братом что? — продолжила допрос уже заведующая. Я пожала плечами.

— Он хороший, заботится обо мне. Учебу в Москве оплачивал. Но сейчас... у него жена, скоро дети будут.

Я понимала, что говорю совсем не то и совсем не так, мысленно прося прощения у Андрея и Кати, но более внятного ответа дать я не могла. Мне повезло: именно этот ответ, как ни странно, вполне пришёлся по вкусу моей работодательнице.

— Не повезло тебе, девонька. О брате, считай, может забыть... эта стерва теперь и близко тебя к нему не подпустит. Ещё, поди, и квартиру полностью захапает, если у тебя доли нет своей.

— Я там прописана.

— Да я не о прописке, — махнула рукой Нина Георгиевна. — Вы как квартиру оформляли?

— Это брата квартира, не моя. — Призналась я. — Он её сам купил.

— А у тебя, значит, ничего своего нету... Ладно, пиши заявление на аванс. Но только попробуй сбежать раньше, чем отработаешь! — И она погрозила мне указательным пальцем.

Так я попала в Лесное. Маленький посёлок с парой пятиэтажек, старым и новым районами частного сектора — в старом секторе жили преимущественно коренные жители «Лесного» — жили здесь круглый год, работая неподалеку в совхозе или лесничестве; в то

время как новый сектор облюбовали в основном дачники, приезжающие из города только на лето.

Небольшой ларёк в местном медпункте, ненормированный рабочий день — ко мне за лекарствами могли придти и в 5 утра и в 12 ночи, скромная комнатка у одинокой бабули. Платила я за комнату совсем немного, доплачивая остальное помощью по хозяйству и лекарствами, которые для бабули были слишком дорогие, а для меня... для меня, в общем — то, тоже, но я знала, что ей эти лекарства выписывают и знала, что она экономя, их не покупает.

А ещё Галина Петровна очень гордилась тем, что её постоянщица работает в аптеке. Теперь все её подружки чуть ли не ежедневно собирались у моей хозяйки, выпрашивая меня про те или иные болячки и лекарства от них. Хуже, чем наши профессора в институте.

Глава 29. Лесное

Я потихоньку обживалась на новом месте. Экономила, как могла — питалась пшёнкой и геркулесом, сдабривая каши постным маслом и зеленью с огорода (зелени у Галины Петровны было так много, что она разрешила мне рвать её, не спрашивая), по выходным ходила за грибами и за ягодами. Бедно, но не голодно. За интернетом и книжками ходила в поселковую библиотеку — wi-fi там не было, поэтому приходилось оставлять свой ноутбук дома и пользоваться стареньким библиотечным компьютером — которому хватало мощности разве что проверить почту в «легкой версии».

А вот радио я теперь слушала постоянно — спасибо мобильному телефону и гарнитуре, которая выполняла роль антенны... Всё лучше, чем ничего.

Где — то через неделю после приезда, когда я уже немного обустроилась и пришла в себя, я, наконец — то, отважилась позвонить брату. Андрей всегда отвечал на мои звонки очень быстро. Вот и сейчас, всего пару гудков и прошло — а брат уже снял трубку.

— Настя! — воскликнул Андрей вместо приветствия ...кажется, с радостью в голосе. — Как ты, сестренка?

— Хорошо, — его приподнятое настроение передалось мне. Облегченно выдохнув, я призналась брату. — Я уехала из Москвы, Андрюш.

— Ты уверена, что поступила правильно? — спросил брат сразу же, без запинок и пауз. И даже не спросил, куда именно я уехала.

Знает, поняла я. И тут следующая мысль больно обожгла: интересно, кто ещё в курсе моих последних событий?

Обида ядом приникла в мою душу. Вместе со стыдом. Стыдно было так, что щёки сразу начали гореть — и наверняка всё лицо уже было красное.

Они ведь не наблюдали за мной, нет? Как я последние рубли пересчитывала, чтобы булку подешевле купить... Как на вокзалах от полицейских пряталась... Вроде и регистрация московская была — но всё равно пряталась... На всякий случай — вдруг решат позвонить в вуз, чтобы подтвердить документы... Лишние неприятности никому не нужны.

— Кто ещё знает? — спросила я изменившимся тоном.

— Насть... — протянул Андрей. — Но ты же не маленькая... сама понимаешь...

— Ну да, конечно же понимаю. Я же «уникальная зверушка», не так ли?

— Дело не в этом. Не только в этом, — поправил сам себя брат, и тут же с укоризной заметил. — Я, между прочим, тебя предупреждал: Кирилл играет. Он и не думал отпускать тебя, просто на время ослабил поводок.

— Возможно.... — согласилась я с Андреем — Но зачем ему это?

— Не знаю, — рыкнул старший брат. И я не обиделась. Поняла — это от бессилия. — Альфа меня в свои дела не просвещает. Особенно в те, что касаются тебя. Я просто знаю, что за тобой наблюдают. Внимательно. Аккуратно. Но круглосуточно.

Я вспомнила того парня, что бежал за автобусом и усмехнулась: может, не всегда внимательно и не всегда аккуратно. Но сдавать брату недотёпу — охранника я не стала: в конце — концов, от того, что парень «проспал» отправление автобуса, выиграла (правда, сама того не зная) только я — осталась на несколько часов сама по себе, без слежки и докладчиков Альфе.

— И потом, Настя, — вещал брат. — Не забывай, что он хищник.

— Так вы все там хищники... и даже я, в некоторой степени (особенно когда ем мясо, а не геркулес на растительном масле).

— Хищник — хищнику рознь, — резонно заметил Андрей. — Баев слишком непредсказуемый... А ты у меня девочка очень ранимая. Может, ну эту самостоятельность, Насть? Возвращайся домой. Или хочешь, я сниму тебе квартиру где — нибудь рядом с нами.

— Думаешь, он позволит? — спросила я, каким — то звериным чутьём понимая, что нет, Баев не разрешит. Либо с ним в клане, либо без клана и без него.

— Он... Настя, он... я не могу его обсуждать... он — мой Альфа!

— Я всё понимаю, — мягко произнесла я, не желая Андрею неприятностей. Моё противостояние с Кириллом только моё, а не брата и тем более не его жены.

— Как там Катя? — спросила я, желая отвести разговор от опасной темы.

— Лучше, — вздохнул Андрей. — Всё так же плачет, но уже только по ночам. Винит себя.

— Не она била себя по животу.

— Скажи ей это... Правда, сейчас стала немного отвлекаться.

— Вот и хорошо.

— Мы... — Андрей замялся. — Насть, мы ремонт затеяли в квартире.

Я сглотнула, уже понимая, к чему клонит брат.

— Ну и молодцы, — сказала я притворно бодрым голосом. — Тебе уже давно надо поменять интерьер, обновить обои... Да и мою бывшую комнату надо как — то облагородить. Чего ей так стоять то?

— Так ты не против? — спросил Андрей с осязаемым облегчением в голосе, а я зажмурилась, чтобы прогнать набежавшие слезы.

Я ведь уже попрощалась со своей комнаткой, разве нет?

— С чего это мне быть против? — хмыкнула я фальшиво. — Я только за. Молодец, Катюха, что взялась за это.

— Я думал, что ты захочешь оставить свою комнату без изменений. Всё же память... — сомневаясь, протянул Андрей. — Ты же жила там с ...с самого переезда. Но лишняя комната...

Вновь сглотнув наворачнувшиеся слезы, я улыбнулась.

— Андрей, мы с тобой оба понимаем, что Баев не даст мне там жить.

— Я не говорю про сейчас, — прервал меня брат. — Но потом, когда...

Андрей замолчал, поняв, что проговорился.

— Когда мне надоест корчить из себя невесть что? — поинтересовалась я тихо. — Так и в этом случае он тоже не даст мне жить вместе с вами.

— Насть...

Я молчала.

— Настён, ну ты же всё понимаешь.

— Не понимаю.

— От таких как Баев, так просто не уходят. К тому же, вы связаны...

— Мы так связаны, что он хотел поскорее от меня избавиться, а потом попрекал тем, что я живу на всём готовом.

— Вам суждено быть вместе, нравится тебе или нет, — вздохнул Андрей. А я горько рассмеялась в ответ.

— Андрюш, скажи, как можно быть вместе с человеком — неважно, человеком или

оборотнем, главное ты понял: как можно быть с мужчиной, который до того тебя не хочет, что пытается поскорее отправить на тот свет. Который считает тебя досадной ошибкой, никчемной женщиной и жалким паразитом. Который не уважает тебя, презирает тебя ... и пользуется первой же возможностью, чтобы поиграть с тобой — развлечься за твой счёт. Разве истинные пары оборотней строятся на таких отношениях?

— Настя, не преувеличивай... — попросил брат, но я уже повесила трубку, с трудом сдерживая рвущиеся из груди рыдания. Боже, почему же так больно...

Разговор с братом всколыхнул всё те болезненные воспоминания и мысли, о которых я так упорно старалась избегать эти дни. Я ведь не хотела, чтобы всё случилось именно так. Разве я мечтала когда-нибудь оказаться парой Альфы? Нет, конечно же нет... Может, я и пошла тогда на бой, но вовсе не из-за Кирилла, а из-за своего брата, который когда-то заметил мне родителей, спас от детского дома и казённого детства... А Баев... тогда, на поляне перед боем, я готовилась идти на смерть, но даже тогда он...

...мне понравился. Внешне. Харизматичный. Волевой. Сильный. Тугие витые мышцы, выступающие сквозь простую футболку. Смуглое хищное лицо, и черные пронизывающие глаза. Я испугалась его до дрожи, и в то же время потянулась к нему... как и все остальные самки стаи. Влюбилась ли я тогда в Кирилла? Не знаю. Я была слишком ошеломлена, слишком подавлена всем происходящим... моё превращение из «никчемной человечихи» в элитную «альфа-суку», напор Кирилла... А во мне тогда только — только просыпалась чувственность...

И тем страшнее было понять, что всё, что происходит между нами — лишь мои глупые девичьи выдумки... Самое страшное для женщины услышать — что она нежеланная, неожиданная... Мы спасли с ним, а он в это время жалел, что ему досталась я..... Слабая, никчемная человечиха, по недоразумению получившая силу альфы.

Я ревела, спрятавшись в саду хозяйки под старой яблоней... Ревела, выплакивая обиду, своё одиночество и разбитые мечты... Я ведь однажды почти смирилась с новым положением. Мы тогда стали близки, а он уже распланировал будущее... и всех всё устраивало... Почему бы и нет — подумала тогда я, затаив дыхание. Мне тогда всё никак не верилось, что такая шишка — и вдруг выбрал меня... А он уже на следующий день с Камилой...

И я до сих пор помню его руки на её теле. Руки, которые накануне ласкали меня.

Злость, гнев, обида, слёзы....

— Настёна, — звала хозяйка откуда — то со стороны крыльца... — Настя, поздно уже, иди спать!

Я не откликнулась, продолжая прятаться в саду.

— Что за девица... новолуние ведь... Настя!

А я ещё долго не могла успокоиться. Мысли раз за разом возвращались к последнему разговору с Баевым... Он уже и не скрывал своего презрения ко мне. Разве стал бы он иначе так резко разговаривать? Я разрушила все его ожидания, все его планы на будущее...

И он стал рушить мою жизнь в ответ.

Это ведь было практически ультиматумом: подчинись моим правилам или катись на все четыре стороны. Человек может выжить в одиночку, оборотень — нет. Сколько раз я слышала об этом от тети Наташи (Катиной мамы), брата и его друзей. Изгнанные — презренные оборотни, добыча сильнейшего.

Что ж, по крайней мере, мне не стоит опасаться нападения чужаков — охрана, которая меня бережёт, не даст причинить никому мне вреда. Что ж, хоть какой — то плюс...

Я ещё долго сидела возле яблони, приводя мысли в порядок. Обычно, у людей истерика долго не длится — выступив катализатором для сбрасывания нервного напряжения, она обычно гасится организмом за несколько минут. В моём случае — за пару часов. Не то, чтобы я рыдала всё это время — нет, я просто сидела и наслаждалась тишиной. И свободой, которая была совсем не настоящей, а лишь длинным поводком очень хитрого Альфы....

Что ж, и это не плохо для начала.

Только когда на небе давно хозяйничали одинокие холодные звёзды (хозяйка оказалась права — Луны сегодня не было), я, наконец, собралась в дом... Бабушка Галя давно спала, оставив входную дверь не запертой.

Я уже прошла инструктаж закрытия входной двери, и знала всё про количество замков, а также специальный засов, который она ставила в качестве дополнительной защиты. Прodelав все обязательные манипуляции с входной дверью, я выключила свет на терраске и прошмыгнула к себе в комнату. Не включая света, разделась в темноте: тёплый летний воздух мягко ласкал обнажённую кожу. За окном пели цикады... вдалеке слышалось уханье филина. Натянув по случаю жары тонкую простынь вместо одеяла, я попыталась уснуть. Но лес за деревней манил... звал к себе... Звал перекинуться. И я как будто уже слышала волчий зов — кто — то гулял по лесу, распевая волчьи песни.

— Завтра равно вставать, — сжала я зубы. И тотчас окно с шумом захлопнулось.

Я потихоньку обучалась управлять Альфа — силой.

Утро не принесло ничего нового. Разве что спросонья я выключила будильник и практически проспала на работу... А сегодня как — раз ожидалось начальство вместе с поставками медикаментов. Конечно, посёлок — не Москва, и даже не мой родной городок — автобуса ждать не надо, но бабушка Галя жила на самом краю старого частного сектора, а киоск с лекарствами располагался в помещении фельдшерского пункта — то есть в самом центре посёлка. Наспех одевшись, я помчалась на работу, на ходу поздоровавшись с хозяйкой, которая шла из огорода с корзиной. Баба Галя хотела что — то спросить, но я, признавшись, что сильно опаздываю, уже выскочила за калитку.

К месту работы я успела почти вовремя, опоздав на две минуты. Открыла киоск, вытащила из небольшого сейфа мелочь для сдачи, заполнила отчетность за вчерашний день... Обычная рутина будних дней.

Постепенно тихое солнечное утро сменилось на жаркий суетливый день. Я пыталась одновременно обслуживать клиентов, заниматься приёмкой товара, да и ещё и рассказывать Нине Георгиевне, что и как я здесь делаю.

В конце — концов, начальство отбыло в город вполне довольное моей работой (меня похвалили и даже выдали небольшую премию) — как позже выяснилось, пока я обсуживала двух москвичек, сгоревших на солнце, Нина Георгиевна успела пообщаться с нашим терапевтом, которая принимала в фельдшерском пункте.

— Знаешь, ты совсем не обязана открывать аптечный пункт в нерабочие часы, — сообщила начальница, подходя к машине. — Но я очень рада, что ты понимаешь местную специфику. Спасибо, Настя.

Я на всякий случай кивнула, хотя, честно признаюсь, ни о какой специфике я и не думала... А киоск открывала посреди ночи просто потому, что он один — единственный в округе, до ближайшей круглосуточной аптеки минимум 50 км по не очень хорошей дороге.

Отправлять родственников в город ради жаропонижающего для ребенка или сердечных гликозидов для пожилого — как минимум — невоспитанно, как максимум — бесчеловечно. Я, к сожалению, не могла лечить людей (сила Альфа — оборотницы действовала только на оборотней), а потому помогла так, как могла...

Начальство уже уехало, а москвички ещё долго сравнивали крема, которые у нас имелись. Я сразу честно посоветовала самое лучшее, имеющееся у нас средство, и если одна сразу была готова купить этот несчастный Пантенол, то вторая решила, видимо, изучить весь имеющийся в наличие ассортимент, постоянно прося меня показать Вкладыш к одному, то к другому лекарственному средству.

— Регин, может пойдём уже? — не выдержав, протянула первая девушка, которая расплатилась за спрей, теперь сидела на стульчике возле выхода. Хорошее место — и ветерок обдувает, и в тенечке. — Нас Колька ждёт помнишь? — и она пояснила для меня. — Коля — мой младший братишка, он ещё больше обгорел, чем я. Из нас только Регинке повезло — хотя и светлокожая, но не обгорела.

Фигуристая, модельной внешности, блондинка, многозначительно мне подмигнула.

— Хорошая наследственность, — сверкнув широкой улыбкой, заметила эта вторая девица. Мне показалось, или у неё сейчас мелькнули на секунду волчьи клыки? Слишком быстро, чтобы привлечь внимание подруги, но недостаточно быстро для моих изменившихся рефлексов.

— У вас тут, оказывается, совсем не такая глушь, как мне говорили. А теперь покажите, пожалуйста, дневной от «Дерма е». Я читала отзывы — говорят, хорошее средство.

— Ну, Регин, — позвала блондинку уставшая подружка. — Ты скоро?

— Иду, — ответила Регина и многозначительно наклонилась на ко мне.

— Я потом зайду, хорошо?

Напрягшись, я кивнула.

— Конечно, заходите. Киоск до шести работает.

Регина хмыкнула, но ничего не сказала.

Девушки ушли, оставив меня в состоянии нервного напряжения. С первого дня моего пребывания в посёлке, я старалась взять под контроль Альфа — силу, которая досталась мне так неожиданно. Тогда, особняке Кирилла, я поняла кое — что: Альфа — сила это не просто возможность лечения оборотней, а нечто большее... О чем все оборотни нашей стаи — даже врачи — почему — то умалчивали...

На этот раз я не стала совершать прошлую ошибку, пытаюсь узнать у кого — либо о том, что происходит со мной, о своей силе... Я решила выяснить это сама, путём опытов. Ведь если Альфа — самок всего — ничего в мире, то кто на самом деле знает, что они могут?

Не знаю, что помогло мне: более спокойная обстановка, отсутствие рядом оборотней (я знала, что где — то рядом должна быть охрана или кто-то там ещё, но, по крайней мере, эти оборотни меня не беспокоили и не лезли в мою жизнь) — а может всё дело в том, что у меня просто не было выбора: метка, активная метка, лишила меня покоя и сна, постоянно вызывая желание... ну и тоску. В один из первый дней зов был такой сильный, что я, не сдержавшись, обернулась в волчицу и бегала по лесу во втором обличье... выискивая и призывая свою пару. Стыдно о таком вспоминать, особенно после всего, что мне наговорил Баев. Но это было сильнее меня...

После той ночи я тратила всё своё свободное время, пытаюсь найти «противоядие» от зова. Меня подстегивало ещё одно обстоятельство: насколько я знала, именно мужчины

тяжело переносят разлуку со своей парой — выходит, Кирилл должно «скручивать» куда сильнее моего... однако, он как то сдерживался.

В те дни я ещё глупо мечтала о том, что вот сейчас приедет, извинится, скажет, что наговорил все эти гадости со злости...

Слишком наивные мечты для реальной жизни. А в реальности я занимаю слишком незначительное место в его жизни. Если вообще занимаю.

Поэтому, чтобы не мучиться, следовало «заблокировать» брачную метку. Но как это сделать? У меня не было ни единой подсказки, кроме той мысли, что это, в принципе, возможно. Как то ведь моей волчице удалось уничтожить метку или хотя бы снять её на продолжительное время. А значит, и я должна попытаться...

Насколько я поняла, волчица — то моё второе я — это всего лишь животная составляющая бессознательного «я». Сейчас, после оборота, оно полностью под контролем, но оно — это по-прежнему я, только там, глубоко в душе....

Я искала материалы в интернете, рылась в своих университетских записях, занималась аутотренингом... Постепенно, шаг за шагом, убирая «звериную» чувственность. Это получилось само — собой. Сила осталась — я даже по-прежнему легко обращалась в свою зверушку, но чувства все были заблокированы.

Как выяснилось сейчас, заблокированы ненадёжно. Я почти потеряла контроль на собой, стоило только увидеть «подозрительные» клыки...

Вздыхнув, я уронила голову на руки. Нет, это не в москвичке проблема. Это следствие телефонного разговора с братом. Знала ведь, что будет тяжело — не даром, так долго тянула...

Регина объявилась к закрытию. Одна.

— Как ваши «сгоревшие»? — поинтересовалась я, выдавив «дежурную улыбку». Девушка улыбнулась в ответ.

— Спасибо, значительно лучше. Мы слишком увлеклись волейболом на берегу, за это и расплачиваемся.

— Но у вас всё в порядке.

— Я уже говорила: у меня прекрасные гены, — заметила девушка. — А вы играете в волейбол?

— Немного, — кивнула я. Регина снова улыбнулась. Широко. Не скрывая волчьего оскала.

— Может присоединишься к нам, а то играть против людей довольно скучно. Ничего я на «ты»?

Я пожала плечами.

— Конечно, ничего.

— Ну, так что насчёт игры?

— В принципе, можно.

— Отлично, — хмыкнула Регина. — А то я уж боялась, что лето будет скучным... Кстати, ты из местной стаи или тоже москвичка?

— Из местной, — честно призналась я.

— Ааа, а то я уж подумала... Юлькина мать сказала, что ты только недавно работать здесь начала. Мол, из города приехала... И вообще, мол, хороший молодой специалист из Москвы.

— Всё верно, — снова подтвердила я. — Я приехала из города, училась в Москве. —

Разговор выходил двойкий: то ли дружеская беседа, то ли завуалированный допрос. — Правда, какой я специалист, прости, не скажу: самому себя оценивать трудно.

Девушка облокотилась на деревянную стойку.

— А вот это ты зря. Знаешь такую поговорку: сам себя не оценишь — никто не оценит, — Регина повела обнажённым плечиком. — Себя надо ценить. И любить.

Хмыкнув что — то вместо ответа, я принялась поливать цветы.

— Ты ведь сама знаешь, что самок нашего вида намного меньше, чем самцов, — то ли спросила, то ли утверждала девушка. Я слабо кивнула.

— Слышала про такое.

— И зная это, всё ещё прозябаешь в этой дыре?

Поставив банку, в которой отстаивалась вода для поливки растений, назад, я, наконец, посмотрела на молодую оборотницу.

— Что ты от меня хочешь?

— Просто интересно... — хмыкнула блондинка. — Никогда не видела самок вроде тебя. Ты вроде сильная... Но совсем другая.

— Я полукровка. Устроит?

Девушка покачала головой.

— Нееет, на полукровку ты не тянешь. От тебя веет силой. А метка уже есть?

— Нет, — соврала я, стараясь закончить разговор как можно скорее.

Однако мой оказал противоположный эффект: девушка снова расплылась в улыбке. На этот раз в искренней.

— Ну так и отлично! У меня скоро брат должен приехать сюда. Мы домик подыскиваем, а Юлькины соседи как раз продают подходящий.

— А чужая территория?

— Мы не воюем. Конфликтов между нашими кланами тоже нет. — Девушка подняла на меня непонимающий взгляд. — Ты же сама училась в Москве, должна знать, как это делается.

— У меня всегда брат занимался официальными бумагами, — выдавила я, потому что и в самом деле ничего не знала об этом.

Регина пожала плечами.

— Я тоже в общем-то не любительница заниматься этими делами... Но тут всё просто: официальный запрос в клан — и разрешение, если Альфа или Бета стаи не посчитают тебя угрозой. А у тебя тоже брат имеется?

— Тоже.

— А..

Предвосхищая вопрос Регины по поводу Андрея, я первая объяснила.

— Он не согласен с моим решением, но не препятствует.

Девушка согласно кивнула.

— Братья — они такие. Ну так что, придёшь поиграть в волейбол, а? — Теперь она смотрела на меня практически умоляюще... — Ну, пожалуйста, а то мне здесь так скучно.

Вернувшись домой после работы, я обнаружила бабушку Галю, как обычно в огороде. Пропалывая клубнику, старушка не сразу обратила на меня внимание.

— А, Настя... ты уже вернулась? — спросила хозяйка, срывая несколько больших красных ягод. — Держи — ка.

Я взяла ягоды и с удовольствием их съела. Сочные, вкусные, летние.

— Спасибо, баба Галь. — Бабушка махнула рукой. Не за что, мол. Но тут же поинтересовалась.

— Ты где это вчера пропадала? Ночью...

Я пожала плечами.

— Загулялась. Погода была хорошая.

— Но Луны ведь не было, — удивилась баба Галя.

— Да тут столько звёзд, что и без Луны светло, — ответила я, с небольшой заминкой. Бабушка Галя, улыбаясь, простодушно смотрела на меня.

— Почудится же, — пробормотала я, отведя взгляд в сторону. Большое воображение, не иначе.

— Вам помочь не надо? — спросила я вслух, рассматривая грядки. По крайней мере, так можно было не встречаться взглядом со старушкой.

— Да нет... Сама справлюсь. — Бабушка Галя беззаботно рассмеялась. — Грядки я сажаю не по необходимости, а чисто по любви. Я кивнула и направилась к дому, прошмыгнула между двумя ровными грядками зелёного лука. Возле дома цвели пионы — огромные душистые шапки нежных лепестков, в которые хотелось уткнуться носом и наслаждаться ароматом лета.

Снова заняла парная метка, давая о себе знать волной тоски и безнадёжности. Сцепив зубы, я приказала себе терпеть. Терпеть и не обращать внимания: перетерплю пару часиков, и отпустит... Метка ныла не каждый день, и не круглосуточно... Просто надо перетерпеть...

Но лучше не становилось. Я уже поужинала, выпила две чашки чаю, попыталась почитать детектив, что взяла в библиотеке, и даже легла спать. Но метка — или даже не в метке дело, а в том чувстве, что сводило меня с ума — именно оно не давало мне уснуть, заставляя пялиться в потолок и считать воображаемых, перепрыгивающих через забор, овец. Овечки не считались. Так только белая пушистая овечка перелетала через ограждение, она тотчас превращалась в черного, с проседью, волка — огромного, злого, нагло ухмыляющегося... И сон, пугаясь страшного хищника, отлетал он меня всё дальше и дальше.

Проворочавшись в постели часа два без сна, я поняла, что дальше тянуть уже не стоит — всё равно не засну. А потому, наскоро нацепив ситцевый халатик, потихоньку стала выбираться из дома на озеро.

Бабушка Галя, как многие пожилые люди, сильно тревожилась по поводу замков и засовов на дверях. Поэтому я вылезла из комнаты через окно, не забыв прихватить с собой резиновые шлёпанцы и банное полотенце.

Ночь стояла дивная. Громко, на разный лад, пели цикады, ночная роса покрывала траву — но несмотря на это, идти босиком по мокрой траве было очень приятно... Неприметная лесная тропинка вывела меня к берегу озера. Здесь не было пляжа, не было даже намёка на туристическое место — только одна дикая природа и я... посреди неё.

— Угу гу, — громко протянула я, подражая уханью филина. Звук разнёсся над водой и тотчас же поглотился тишиной леса. Вздохнув полной грудью, я сняла сарафан — повестила его и полотенце на ближайшую к озеру толстую ветку дерева — и нырнула в воду, наслаждаясь прохладой озёрной воды и упоительным ощущением свободы.

Я ныряла, стараясь заплыть как можно дальше, как можно глубже — и выныривала, судорожно хватая ртом воздух... Лежала, покачиваясь на воде, поставив своё тело под свет звёзд... Многочисленные созвездия на ночном небосклоне напоминали рассыпанные по

черному бархату бриллианты ... Такие же холодные и равнодушные. Луны не хватало.

И тем не менее, невозможно, недопустимо было пропустить такое удивительное зрелище... Настоящее ночное приключение! Впервые я искренне радовалась генам оборотней — будь я человеком, я бы никогда не осмелилась на подобный шаг — слишком рискованно было плавать ночью в одиночестве. Отдохнув какое — то время, я принялась снова нырять, заплывая далеко в толщу темной воды... И так до самого утра. Холодный бриллиантовый свет звёзд уже стал таять под напором теплых лучей просыпающегося дня, а я всё ещё не вылезала из воды... моя тоска, потихоньку растворяясь в водах лесного озера, теперь уже таяла вместе с ночью, давая сил на новый день.

Наконец-то! — обрадовалась я, чувствуя себя впервые за долгое время бодрой и полной сил. Выбравшись на берег, принялась отжимать волосы. Как раз рядом с веткой, на которой висели вещи. Тишина стояла вокруг озера необыкновенная. И пока я с наслаждением рассматривала нетронутый лесной пейзаж, чей — то жаркий, пристальный взгляд заскользил по моему обнажённому телу.

Место, как выяснилось, не было совсем уж диким. Неподалёку, практически у самого берега озера, стоял припаркованный черный джип. Смуглый темноволосый мужчина, одетый в джинсы и свободную серную футболку, расслабленно облокотившись на капот, наблюдал за мной сейчас. Черные с проседью волосы, резко очерченные скулы... Баев, казался в этом месте чем то совсем уж инородным и неправильным: мягкая умиротворенность природы, нежность прохлады раннего утра — и свирепый беспощадный хищник, едва сдерживающий свою силу.

Я чувствовала это — чувствовала, что он едва сдерживается, что вся эта расслабленность только видимая. Ни один из нас не менял своего местоположения. Мы застыли друг напротив друга: хищник и его жертва. И только его взгляд — взгляд страшного сильного и очень голодного зверя по-хозяйски скользил по моему телу, требуя подчиниться и принять ласку от хозяина взгляда.

А потом я сделала ошибку, и посмотрела ему в глаза. И между нами вспыхнуло пламя.

Баев не сумел удержать свою силу, как и не сумел удержать стену между нашими сознаниями. Я видела себя его глазами, видела каждую каплю, которая ещё осталась на моей коже — это возбуждало Кирилла, вызывая нескромные фантазии. В нем боролся дикий зверь — чьи фантазии вызывали у меня шок и единственное желание — убежать как можно дальше, и мужчина, который эти фантазии сдерживал.

Но оба: и человек, и дикий зверь были едины в одном — оба требовали меня, оба были на грани... Это была не только похоть — а куда большее желание — желание подчинить, забрать себе, навсегда лишив самостоятельности.

Кожа покрылась мурашками — как обычно бывает от холода или страха. Я боялась... боялась, что Кирилл сейчас не выдержит ...Взгляд неосознанно скользнул вниз — и тут я заметила НАСКОЛЬКО он возбуждён. Кирилл, для которого мои мысли всегда были как открытая книга, по мужски усмехнулся, и тут же послал парочку откровенных фантазий.

А я... я схватила сарафан — и забыв про тапочки и полотенце, бросилась бежать к дому. Следом за мной следовал тихий, довольный мужской смех.

Только залетев в палисадник, я перевела дух. Баев? Здесь??? Я не интересовалась тем, как он меня нашёл — но как он смог проехать к берегу озера на машине так тихо, что я не заметила? И как давно он там стоял....

Вспомнив всё, что вытворяла в воде, я глухо простонала... то же мне, наяда- оборотень

....

— Настёнка, ты как тут? — спросила вышедшая из теплицы Галина Петровна. Оглядев мой внешний вид, пожилая женщина покачала головой. — Хоть бы тапочки одела... что ж босяком — то.

Я впервые обратила внимание на свои голые ноги.

— Я...кажется, их забыла...

— Где? — спросила старушка. Я сглотнула и отвела взгляд. Ни за что туда не вернусь — А вдруг Кирилл всё ещё у озера.

Хозяйка ожидала ответа, поэтому я промычала что — то невразумительное... Вроде как не помню, где оставила.

— По полю, что ли, прогуливалась? — выручила меня хозяйка. Я тут же энергично закивала, пытаюсь не обращать внимание ни на промокший халат (одевала то я его прямо на мокрое тело), ни на влажные волосы... В конце — концов, я могла потерять тапочки, прогуливаясь по полю после озера... Или пробегая по полю.

Смех Кирилла — не злой, довольный- всё ещё стоял у меня в ушах. Целый день я была как на иголках, подпрыгивая от каждого неожиданного звука, от каждого мужского голоса... Баев так и не объявился. Зато ночью, во сне, мы с ним оба оказались плавающими в Лесном ночном озере... Я знала, что это сон, а потому не сопротивлялась... А Кирилл...

Он демонстрировал кое — что из переданных мне ментально своих фантазий.

Неделя пролетела так быстро, что я не успела даже оглянуться. В пятницу я наконец — то решилась потратить свою первую премию на то, чего мне больше всего не хватало на «вольных хлебах». Купила себе шпроты, о которых давно мечтала и полкило шоколадных конфет. Конфетами поделилась со своей хозяйкой — бабушка Галя с видимым удовольствием взяла две штучки, отказавшись брать больше.

— Дитё ты, совсем, Настёнка, — покачала головой баба Галя. — Даром что в институте училась.

Пожав плечами, я отправила первую конфету в рот.

— Всё мофетт быть...

Странно всё же, я вроде как и стала настоящим оборотнем, но всё равно могу обходиться без мяса. Без мяса могу — без шоколада нет. Может быть, я какой — то неправильный оборотень?

— Баловство одно, — попробовав одну из конфет, покачала головой бабушка Галя. — Если уж есть сладкое, то полезное- сладкое. Вот, например, малина...

— Эй, хозяйева, — прервал мою хозяйку звонкий женский голос. Галина Петровна только — только начала делиться рецептом домашнего пирога с малиной, советуя мне заготовить побольше малинового варенья на зиму. — Есть кто дома?

Старушка тут же быстро обернулась в сторону незваной гости. Регина — а это была именно она — стояла возле калитки, не решаясь войти внутрь.

— Что надо? — рыкнула совсем неласково Галина Петровна. Регина потупилась.

— Я за Настей.

— Зачем это?

— Так лето же, — переступила с ноги на ногу Регина. Странно, в аптечном пункте она вовсе не выглядела такой робкой. Даже наоборот. — Гуляют все.

— А ей уже поздно гулять. — Галина Петровна строго посмотрела на меня. — Настя — девка правильная. Работящая, хозяйственная. Не чего ей слушать всяких... пришлых.

— Каждый имеет право на отдых, — нашлась Регина, на что Галина Петровна громко фыркнула.

— А тебе какое дело до каждого?

— Настя обещала поиграть с нами в волейбол, — наконец, выдала Регина. Хозяйка, сузив глаза, строго посмотрела на меня.

— Что, прям обещала?

Я пожала плечами. Не то, чтобы я очень хотела играть, но... лето же, погода теплая... И нельзя же круглые сутки думать о Баеве... О том, что было бы, если бы... как бы... Волейбол всё же лучше, чем киснуть в одиночестве дома.

Я улыбнулась Регине.

— Обещала, — подтвердила я, поправляя выбившуюся прядь за ухо. И уже обратилась к москвичке. — Подожди, я сейчас переоденусь.

— Ага, — кивнула девушка, так и не сделав ни одного шага за калитку. Бабушка Галина недовольно поджала губы.

А я помчалась в свою комнату переодеваться в шорты для игры.

Глава 30. Игры волчьи, игры человечески

Когда я вернулась из комнаты, Регина всё ещё стояла возле забора, подпирая его с внешней стороны. Хозяйки нигде не было видно.

— А ты чего там ждёшь? — поинтересовалась я у девушки. В посёлке не было принято держать гостей за калиткой. Даже таких, которые не очень нравились хозяйке, обычно приглашали как минимум посидеть на лавочке или крыльце. Да и за что бы бабушке Гале настолько сильно невзлюбить Регину... Ну на самом деле, не из — за волейбола же....

Москвичка махнула рукой, не желая развивать эту тему. Тем самым подогревая мой интерес ещё больше. Регина, конечно оборотень — но местные ведь об этом не знают. Приехала она недавно. Неужели уже где — то успела «насолить» моей хозяйке? Галина Петровна женщина опытная, мудрая... По слухам да первому взгляду судить не станет... Значит, они должны были где-то встретиться...

Выйдя за калитку, я поинтересовалась об этом у Регины. Блондинка отточенным жестом отбросила назад свои роскошные светлые волосы.

— Да, кажется, было дело.... То ли в магазине, то ли ещё где. Всех местных, знаешь ли, так просто не запомнишь.

Я кивнула, так и не решив: верить моей новой знакомой или нет. Причин не доверять её рассказу вроде бы не было. Разве что интонация в её голосе выдавала какую — то неестественность... Или мне это просто так показалось?

Регина привела меня на поляну позади поселковой школы. Вокруг стояло несколько небрежно брошенных автомобилей: дверцы открыты, музыка орёт, несколько молодых парней раскладывают неподалёку мангал. На поле уже натянула сетка для игры, но девушки, которые медленно прогуливаются возле сетки, явно оделись не для волейбола — в короткие облегающие сарафанчики и босоножки на высоких каблуках. А макияж, а причёски... это же после десяти минут напряжённой игры всё неминуемо потечёт...

Я мысленно застонала, уже сразу понимая — я явно не вписываюсь в эту компанию. Практически как в институте, когда наша группа очень быстро разделилась на две неравномерные кучки: тех, кто учился на бюджете и жил в общежитии; и тех счастливчиков, которые общежития избегали. Москвичи, которых в группе было почему то всего четыре человека, разделились пополам — двое больше общались с бюджетниками (два друга, один из которых встречался с девушкой из Ульяновска, и, соответственно, был частым гостем в общежитии), двое других примкнули к «мажорам» и наслаждались прелестями столичной жизни.

А оказалась где — то посередине. Слишком тихая, чтобы «тусоваться» в ночных клубах, но в то же время слишком ...обеспеченная, чтобы сойти за свою среди бюджетников. Конечно, я не ходила с сумками Луи Виттон на лекции — но не потому, что не могла себе этого позволить. Брат переводил мне достаточно, просто я... я ещё помнила те времена, когда жила с родителями... Когда мама штопала мне колготки в школу и своё нижнее бельё. Да и когда я переехала к Андрею, мы не сразу стали жить намного лучше, поэтому, уже учась в Москве, я не спешила тратить деньги брата на гулянки и дорогие шмотки. Но и, помня о статусе Андрея, и дешевого ничего не покупала — искала качественные вещи в аутлетах, поджидала сезонные скидки. Кажется, группа просто не знала, куда меня «определить», поэтому я так и осталась где то посередине, между теми, кто действительно

учился профессии и, теми, кто мог себе позволить этого не делать.

Оборотни — чистокровные оборотни (мне это никогда не было доступно) определяют «свой — чужой» секунд за пять. Девушки это делают значительно быстрее. Бросив быстрый взгляд на мои спортивные балетки, убитые ещё до переезда в Лесное, но очень удобные, а потому не выкинутые в мусорку; на мою простую серую футболку — не маечку в обlipку, а именно футболку — и такие же простые темно — синие шорты, девицы скривились. А вот мужчины... мужчины, все как один побросав свои дела, двигались в нашу сторону...словно хищники, учуявшие легкую добычу. Один из вырвавшихся вперёд парней ощерился, демонстрируя знакомый волчий оскал. Оборотни.

Я вопросительно посмотрела на Регину.

— Это ребята с моей стаи, — шепнула она. — Все свободные, без пар и обязательств.

И заговорчески подмигнув, начала знакомить с подошедшими парнями.

— Это Настя, она из местной стаи. Здесь живёт и работает. И не занята, между прочим...

Парни молча разглядывали меня, я — их.

— На ней чужой запах, — наконец прохрипел один из них. Откашлявшись, оборотень спросил. — И метка имеется?

— Что? — перевела на меня взгляд новая знакомая.

— Имеется, — кивнула я.

— Но ты же сказала... — разочаровано протянула Регина. — Ты же сказала, что нет никого.

— Я это не афиширую.

Блондинка растеряно посмотрела на парней.

— Нет, ребят, это какой — то подвох... она и живёт одна, у местной бабки комнату снимает.

— Плевать на метку, — рыкнул светловолосый парень, расталкивая друзей, чтобы оказаться самым ближним ко мне. Он задержался с мангалом, а потому подошёл одним из последних.

— Твой запах всё ещё сохраняется под его запахом. Метка сильная, но не полная...А значит, ещё можно и перебить, — хмыкнул блондин.

— Вдруг они истинные? — подал голос кто — то из парней. — Ты же знаешь, истинных не трогают.

— Вы не слышали, что сказала моя сестрица? — повернувшись к друзьям, иронично поинтересовался парень. — Девушка живёт одна. Стала бы наша девочка убегать от истинной пары? Скорее всего кто — то застолбил хитростью. — Парень снова повернулся ко мне и судорожно втянул воздух. — Но какой же вкусный запах.... Если бы ещё его не перебивал. — А затем, словно что — то решив для самого себя, парень утвердительно кивнул. — Но мне и этого хватит.

Я, перепугавшись, начала пятиться назад. Спасибо, конечно, но обратной мне и так в жизни хватает. И меток. И пар. И всего этого оборотничьего эпоса.

— Что ты испугалась, маленькая, — улыбнулся с целью успокоить блондин. Даже руку протянул, ладонью кверху. — Тебя здесь никто не обидит. Как можно обижать самочку.

Обращение «Самочка» мне совсем не понравилось, а потому я продолжила пятиться.

— Ренат, — позвал кто — то из парней. Блондин даже не обернулся. Было видно, как напряжены мышцы на его вытянутой руке... хищник, готовый в любой момент сорваться за

своей добычей. И, тем не менее, парень сдерживал себя, оставаясь на месте. А я пятилась.

Быстрый, беспомощный взгляд Рената в сторону Регины, и вот уже блондинка стоит рядом со мной, гася напряжение.

— Ну, конечно же, Настя знает, что её здесь никто не обидит. И вообще, мы сегодня играть будем? Хочется ведь нормально мяч побросать, а не играть с этими вашими курицами в поддавки.

Парни, все как один, обернулись в сторону девушек, которые уже давно сбились в кучку, обсуждая происходящее. И, кажется, приняли решение присоединиться к общей компании.

— Только этого сейчас не хватало, — простонал в голос Ренат. — Регин, отведи Настю к машине. Там, в холодильнике, вода холодная... квас...

И Регина потянула меня в сторону припаркованных джипов, оставив парней разбираться с девицами.

А разборки начались немедленно — благо, мы к этому у времени уже стояли возле одного из открытых джипов.

Девушка, которая шипела сейчас на Рената, шипела очень тихо.... для человеческого уха, но мы то с Региной всё слышали.

Подав мне маленькую запотевшую бутылку кваса, блондинка скривилась.

— Людишки, что с них взять... Глупые, намалёванные... думают, привлечь своими каблуками наших парней.

— Но ведь они здесь, правда? — усмехнулась я. — Значит, их кто — то позвал.

— Насть, а то ты не понимаешь, — махнула рукой Регина. — Ты же знаешь, что дети у нашего вида рождаются теперь слишком редко... а уж девочки — и подавно. У парней тоже есть потребности... — Она усмехнулась, услышав тихий, но жесткий ответ брата. — Хорошо бы, она сейчас обиделась и уехала... Я думаю, Ренат ей с радостью такси до Москвы оплатит...

Девушка, с которой разговаривал Ренат, наигранно захныкала, заставив подружек, которые поджидали рядом, утешать «страдалицу».

Регина скривилась.

— Теперь ты понимаешь, почему я в тебя так вцепилась? — спросила она, невесело усмехаясь.

— А твоя подружка. С которой ты сюда приехала?

— Ира, — кивнула Регина. — Она девчонка не плохая. Правда, тоже только человек. Да и к тому же, она наших парней до жути боится. Затащить её сюда, на совместную игру ...или шашлыки — не возможно.

— Я тоже боюсь, — честно призналась я. — И если бы знала, что тут будет столько парней...

— Но ты же не должна бояться! — удивленно глядя на меня, протянула Регина. — Ты же одна из нас.

— И? — спросила я. — Этого достаточно.

Теперь уже Регина смотрела на меня непонимающе.

— Где ты воспитывалась, Настя? — Оборотень, которых боится оборотней, носишь метку, а живёшь одна... Даже не в стае... Работаешь фиг знает где....Знаешь, я с братом объездила полмира, но такое встречаю в первый раз.

Я грустно усмехнулась про себя. Даже уж, точное описание неудачницы Овсеевой. Но рефлексировать долго мне не дали — к машине подошёл один из парней и мягко

поинтересовавшись у Регины, все ли на месте, предложил начать игру.

— Вроде все, — кивнула девушка. Или мы кого — то ещё ждём?

— Твоя подружка так и не пришла, — заметил парень, блеснув глазами. Регина покачала головой. — И вряд ли придёт... Она там сейчас со своим братишкой возится. Её родители в город уехали, оставили младшего на дочь.

Парень разочарованно кивнул. А я мысленно отметила, что он не подбежал ко мне знакомиться вместе с остальными... Интересно, почему...

Немного догадываясь о причине, я, склонив голову, мягко улыбнулась парню. Кажется, ему в отличие от многих оборотней, совершенно не важна волчья составляющая в избраннице.

— Митя это Настя, Настя это Митя, — представила нас друг другу Регина.

Парень дружелюбно оскалился.

— Очень приятно.

Чья-то мужская рука обвив мою талию, редко потянула назад, к обнажённому мускулистому торсу... Обернувшись, я увидела Рената.

— Улыбается она тут... А меня испугалась, — проворчал парень. В этот момент я почему — то перестала его бояться. Внезапно. Окончательно.

— Вас много было, — развела я руками. — Такая толпа испугает кого хочешь.

— То есть сейчас ты меня не боишься? — уточнил парень, притягивая меня к себе ещё ближе. Я понимала, что это всё не совсем серьёзно, но и не совсем шутливо.

— А есть причина? — ответила я вопросом на вопрос. Ренат категорически замотал головой.

— Никакой причины.

— Вот и отлично, — встряла Регина. — Может, начнём играть.

Как и было ожидаемо, девушки в платьях играть в волейбол отказались, расположившись на расставленных возле предполагаемой зоны игры шезлонгах с запотевшими бокалами минералки в руках. Мне быстро представили всех девушек, и тут же увилив в сторону, не дав даже переброситься и парой фраз. Однако я успела заметить, как смотрела на меня девушка в зелёном сарафанчике без бретелек.

— Ну, Насть, — заметив мой взгляд, протянул Ренат. — Я не знал, что встречу тебя здесь... Я вообще — то тебя в Краснодаре разыскивал. Ни на что не надеясь... на тебе была метка и запах. Просто мне не понравилось, что ты была одна. Наши никогда не оставляют своих избранниц без опеки.

Вскинув голову, я посмотрела в золотистые глаза парня.

— Что?

Ренат скривился.

— Я твой запах учуял на одном из вокзалов... Мои друзья несколько дней прочесывали все поезда, отошедшие в тот период с Курского... пока Митька не получил доступа к камерам слежения. Но было уже слишком поздно — я опоздал на твой рейс. — Оборотень некрасиво ощерился. — А эта тварь из диспетчерской сказала, что ты краснодарским автобусом уехала. Так что я там тебя ищу.

И тут только я вспомнила того парня, который бежал за моим автобусом.

— Так это был ты? — воскликнула я, не смея в это поверить. Ренат улыбнулся.

— Я. И в лесу тоже был я. — Парень очень нежно дотронулся до моей щеки. — Настя, ты ведь... полукровка?

Я кивнула. Меня одарили широкой искренней улыбкой. Никакого сожаления, даже намёка.

— Я так и подумал... И, наверное, первый оборот был, да?

— Как ты догадался? — я не могла удивляться сильнее, но ...

Ренат снова улыбнулся, мечтательно глядя на меня.

— У меня бабка — полукровка. Дед рассказывал, что смог почувствовать её запах только после первого оборота. — Парень взъерошил свои волосы. — До сих пор помню, как внезапно в лесу возник твой запах. До этого был только его запах — сильного матёрого волка.

— Мне говорили, что я пахну им.

— Это свойства метки, — кивнул Ренат. — Но ты так и не приняла его до конца. Плюс первый оборот... твой запах ещё не ушёл окончательно.

— То есть получается — теперь уже я с надеждой смотрела на Рената. — У меня есть ...выбор?

Мой голос дрогнул. Я вспомнила всё то, через что мне пришлось пройти. Дикую несдержанную страсть Кирилла и резкий первый раз; жёсткие приказы Баева и его «звериный» секс в гостинице. Я не могла себе лгать — Баев притягивал меня, сильно притягивал, но...

— Мы не звери, Настя, — поняв всё правильно, заметил Ренат. — Мы просто другие люди. Я догадываюсь, кто мог тебя поменить... Сильный, очень сильный оборотень. Я видел тогда его в лесу. Я не стал вмешиваться, потому что на тебе была его метка.

Ренат говорил сейчас не самые приятные сейчас вещи, но я оценила его честность.

— Моя сестра сказала правду: ты живёшь здесь одна?

Я кивнула, спросив, что это меняет.

Блондин нехорошо улыбнулся.

— Многое. Я не стал бы разбивать чужую пару, рискуя собственной жизнью. Но если пары, как таковой не существует... У меня не самый сильный зверь в мире, зато я много добился как человек. — Ренат блеснул волчьим оскалом. — И я племянник Альфы московской стаи. Это что-нибудь, да значит.

Я машинально кивала, не очень понимая, зачем он мне всё это говорит.

— Эй, голубки, — позвали нас со стороны сетки. — Давайте уже начинать игру.

Признаюсь, я никогда не проводила времени так весело. Волейбол мне всегда нравился — ещё со школы, но одно дело играть в душном спортивном зале, отбывая положенные по расписанию два часа, другое дело — веселиться на чистом воздухе, поддавшись азарту. И ещё, не было нужды сдерживаться: компания девушек в платьях так и остались загорать в шезлонгах, так что мяч через сетку перебрасывали только ребята, и ещё мы с Региной. Ни одного человека, все как один — оборотни.

Моя физическая сила стала пребывать сразу после первого оборота — не могу сказать, что я стала Шварценнегером, но силы и выносливости значительно прибавилось. И это не могло не нравиться — теперь я меньше уставала на работе, меньше тяготилась домашними делами вроде ручной стирки (бабушка Галя не признавала стиральных машин. Не знаю как для неё, но для меня стирка постельного белья в тазиках вызывала нервную дрожь. Хорошо, хотя бы холодная вода была проведена в дом.) и помощью хозяйке в огороде. Сила прибывала.... незаметно, понемногу — но я чувствовала её, чувствовала свои новые способности... И это опьяняло.

Может быть, поэтому я восприняла неожиданное спортивное развлечение с таким энтузиазмом и азартом — быстро втянувшись, я играла в полную силу, пытаюсь вытащить даже самый сложный «невываскиваемый» мяч. Регина, на удивление, играла значительно хуже меня, но присутствие Мити в её команде уравнивало силы. Как мы не старались, но пробить этого спокойного, неэмоционального оборотня было невозможно. Он методично «гасил» все наши попытки вырваться вперед, постепенно увеличивая отрыв для своей команды.

Ренат злился, пытался проводить сложные комбинации — которые раз за разом кончались нашим провалом.

В конце — концов, счёт оказался далеко не в нашу пользу.

— А теперь бегом до озера, — выбросив мяч за пределы поля, скомандовал парень из команды Мити.

Я точно знала: хотя озеро находится и совсем недалеко от школы, пляжа тут нет, как нет и нормального доступа к воде — только крутой отвесный спуск. Затормозив, я спросила об этом Регину.

— Так нырять с пляжа совсем не интересно, — пожала плечами девушка.

— Не бойся, красавица, — протянул, мягко обняв меня за талию, Ренат. — Для нашего вида с таких склонов прыгать — всё равно что в бронежилет укутаться... Никакой опасности.

Представив себе пловца, прыгающего в воду в бронежелезе, я нервно хихикнула, на всякий случай пояснив, что не взяла с собой купальника.

— Так и не кто и не взял, — «успокоил» меня Ренат. — Или, скажешь, ты тут плаваешь всегда в купальнике?

Припомнив свою последнюю ночную вылазку — и что за этим последовало — я тут же покраснела от неловкости. Ренат заметив моё смущение, рассмеялся. Регина же, развернув брата на сто восемьдесят градусов, пояснила, что, конечно же, мы с ней будем плавать отдельно от ребят. На что блондин — оборотень тут же притворно — тяжело вздохнул, пообещав нам начать бороться с бессердечными коварными девицами.

А девицы начали с нами бороться раньше.

Освежившись в озерной, прогретой на солнце до температуры парного молока воде, мы с Региной быстренько обсушились на вечернем ласковом солнышке и, натянув вещи, отправились обратно в сторону намечающегося пикника.

— Ну как, понравилось прыгать? — спросила москвичка, пальцами приводя в порядок спутавшиеся мокрые волосы.

— Понравилось. А ещё больше назад забираться, — кивнула я, вспомнив, как мы карабкались по берегу. Не волчицы — оборотни. Обезьяны.

Регина засмеялась и хотела что — то ответить, но нашу беседу довольно бесцеремонно прервали две девицы из её компании, которые по такому случаю даже вылезли из шезлонгов.

— Шалава сельская, — прошипела, обращаясь ко мне, девушка в зеленом платье. — Что, в этой деревне трахаться не с кем, или ты с долгоиграющими планами? Думаешь, что нашла себе богатенького мальчика с московской пропиской? Так вот, Ренат мой. Понятно?

Девушка всё наступала и наступала, оттесняя меня с дорожки в сторону кустов. Регина, посмеиваясь, заняла позицию пассивного наблюдателя.

— Она что, драки хочет? — спросила я, подняв беспомощный взгляд на москвичку. Девушка в зеленом зарычала не хуже оборотня в полнолуние.

— Ренат — мой, понятно! — и продолжила своё наступление.

Я окончательно растерялась. Ну в самом деле, не драться же мне Я даже в школе никогда не дралась и вообще не представляю, как это делается. Не то, чтобы я не могла — просто это уж полная дичь выходила...

Вытянув руку ладонью вперёд, я оставила движение наглой девицы.

— Успокойся.

Услышала в ответ отборный мат — у меня так даже брат не ругался... вообще никто из моего окружения. Вот так девушка.

Я вопросительно посмотрела на Регину.

— И что мне с этим делать?

Москвичка пожалала плечами. Мол, разбирайся сама.

Тем временем девица начала напирать на мою ладонь, размахивая руками.

Ситуацию спас Ренат, появившийся вместе с друзьями позади нас. Схватив продолжающую грубо ругаться девицу, блондин зашагал с ней назад, к месту пикника, оставляя парней веселиться по этому поводу: вслед Ренату и девице в зеленом неслись смешки и подначки. Вторая девушка, вцепившись в одного из парней, потащила того следом.

Парни и эту парочку проводили смешками.

— Ребята, а мясо кто будет готовить? — не моргнув даже глазом на поведение брата, заныла Регина. — У меня уже живот к позвоночнику прилип в ожидании обещанного шашлыка.

Тут же вызвались добровольцы взвалить эту нелёгкую ношу на себя.

Как то там само по себе получилось, что мы с Митей остались в отдалении.

— Цирк, — покачал головой оборотень. — Ты прости, Насть... Не так всё планировали.

— А вы планировали? — удивилась я.

— ДА. Нет. — Парень пропустил пятерню сквозь волосы. — Планировали, но не так.

Напряжение, которое я уловила в его голосе, наводило на мысль, что всё не так, как кажется.

— Расскажешь? — спросила я.

Парень грустно улыбнулся.

— Сначала ты, девочка — загадка.

— Во мне нет ничего загадочного.

— Ага, — хмыкнул Митя. — То же мне, свистунья... Знаешь, сколько раз в жизни я видел неполные метки?

— Сколько? — спросила я.

Парень ухмыльнулся.

— Ни разу. Отец, правда, рассказывал, что такое бывает, но я не уверен, что и он сам это видел.

— А твой отец не рассказывал, когда такое бывает?

— Когда волк у самца очень сильный, чтобы поставить метку самому, но когда самка этому сопротивляется. А ты ещё и живёшь одна... Он тебя чем — то обидел?

— Обидел, — кивнула я. Парень тяжело вздохнул.

— Знаешь, Насть, мой тебе совет: не руби с плеча. Выслушай его.

Парень покачал головой.

— Вообще, я грязное дело для собственной стаи делаю: мой двоюродный братишка сильно на тебя запал. А он умеет уговаривать.

— То есть ты не против?

— Я только за. Просто понимаю, что это ничего хорошим не кончится. Судя по метке, твоя пара далеко не простой оборотень... далеко не простой Альфа.

Я кивнула, принимая это объяснение.

— Так что вы здесь планировали. И зачем? — спросила я, возвращаясь к своему первому вопросу. Митя, улыбаясь, покачал головой.

— Хватка — волчья.

— Будем считать это за комплимент.

— Конечно, за комплимент. — хмыкнул парень. — Я всю эту вылазку придумал. И друзей подговорил.

— Зачем?

Митя пожал плечами.

— Из — за Ирины, Регинкиной подружки.

— Я её знаю, — кивнула я, припоминая ту девушку, что поторапливала Регину в аптечном пункте. — Подожди.... так она вроде человек.

— Человек, — легко согласился Митя. — В этом — то и проблема.

Парень ненадолго замолчал.

— Оба боится меня. Очень боится. Как будто знает. Как будто чувствует моего зверя...

— А ты? — спросила я. — Ты не против того, что она человек?

Парень улыбнулся совсем грустно. Это больше походило на театральную маску, чем на настоящую улыбку.

— А я жить без неё не могу.

— И.... как же быть?

Митя пожал плечами.

— Буду и дальше стараться её приручить. Выхода у меня всё — равно нет.

— А ваш Альфа не против таких браков?

— Отец? — переспросил парень. Я мысленно хлопнула себя по лбу: конечно же, дядя Рената- Альфа их стаи, а Митя только что сама сказала, что он и Ренат двоюродные братья. То есть будущий вожак, Альфа запал на «человечишку» и всех это устаивает??? Я не могла в это поверить.

— Твой отец не против твоего брака с человеком? — переспросила я, глупо таращась на парня.

Митя пожал плечами.

— Отец меня понимает. Я не просто старший сын, Насть. Я унаследовал его Альфа силу и когданибудь должен буду унаследовать стаю. А Вожак не может быть без Луны....В Альфах больше звериной силы, поэтому мы больше всех остальных нуждаемся в «уравновешивании».

Парень сорвал тростинку, скомкав её в руке.

— Да и не смогу я стать вожаком стаи без неё. Скорей подохну от тоски.

Теперь уже внутри меня разлилась беспросветная тоска. Митя, будущий вожак стаи, был совсем не против взять в пары человека. Не полукровку, не 1/8 обротня — совсем человека. Даже планы строил, как привлечь девушку.

А меня отправили на смертный бой.

— Но, если твоей избранной станет человек, то какая гарантия, что наследники будут тоже сильные оборотни? — спросила я, помянуя о тех разговорах, что вёл Баев. Митя пожал

плечами.

— Никакой.

— И ты не переживаешь по этому поводу?

— Переживаю, конечно. Но у меня есть ещё младший брат. Да и потом, кто в состоянии предсказывать будущее? Вот, например, наша стая... Отец взял стаю после смерти троюродного или четырёхродного кузена... То есть вообще седьмая вода на киселе. Тот тоже всё беспокоился о наследниках — у нашего вида с этим ведь большие проблемы. А тут ещё надо, чтобы и наследник, и сильный оборотень с Альфа способностями. И знаешь, до чего этот урод додумался? Не найдя истинную, решил брать не качеством, а количеством. Устроил себе гарем из сильных самок. Кого — то даже насильно держали. Как мою мать.

Митя сглотнул. Чувствовалось, что ему неприятно об этом говорить.

— Она четыре года на привязи в клетке жила. Из дня в день наблюдая за тем, как этот урод насилует поочередно девушек, мечтая умереть или хотя бы не чувствовать боли, когда очередь доходила до неё.

— Ужасно... — прошептала я, чувствуя, как слезы текут по щекам. — Как же она выжила?

— С трудом. Этот козёл и дальше бы бесчинствовал, если бы не отец местного Альфы.

— Отец Кирилла? — вырвалось у меня против воли. Митя кивнул.

— Ага. Его, кажется, Владимиром звали. Владимир Баев.

Митя аккуратно цедил слова, сжимая и разжимая кулаки, чтобы хоть как то облегчить собственную ярость.

— Баев гостил у этого урода... И случайно узнал о самках в клетках.

— И отец Кирилла...

— Вызвал урода на поединок и загрыз. Правда, сначала оторвал ему кое — что важное, — хмыкнул Митя. — Чтоб прочувствовал перед смертью.

— А что... у того Альфы... у урода — так и не получилось с наследниками?

Митя цинично улыбнулся.

— Почему же, получилось. Не так, как он хотел. Всего двое щенков. Слишком слабых даже для оборота.

— А твоя мать?

— Нет. — Митя покачал головой. — Четыре года — и не одной беременности. При этом мой отец уже через полгода матери Альфа — щенка задел... Мог бы и раньше, да она, напуганная была, не подпускала к себе.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Ренат хороший парень, Настя... Только ему слишком нравится быть оборотнем.

— А тебе не нравится?

— Для меня это в первую очередь ответственность, а не возможность для развлечения.

— Интересно, зачем ты мне все это говоришь?

Будущий вожак смерил меня долгим, пронзительный взглядом.

— В моей семье принято отдавать долги.

— Эй, пропажи, — крикнули с поля, со стороны пикника, разрушая повисшую тяжелую тишину между нами. — Митя, Настя!

Чей- то насмешливый голос громко заметил:

— Ты бы, Ренат, не оставлял девушку одну. Тем более с Альфой.

— За мясом следи, — рыкнул в ответ блондин.

Весело переглянувшись с Митей, мы одновременно замедлили шаг. Как раз за кустами уже начиналось поле — неужели оборотни не услышали нашего приближения? Или услышали, и устроили это специально, чтобы позлить приятеля?

Судя по шагам, приближающимся к нам, им это удалось. Мне стало интересно, как быстро этот оборотень разобрался со своей подружкой. Делов — то, поменять одну девицу на другую. К тому же, у меня теперь имеется преимущество перед человеческими подругами, грустно хмыкнула я про себя. — Да уж...

Митя внимательно посмотрел на меня.

— Что, не нравится?

— Нет, — покачала я головой. — Я другого от жизни хочу. Совсем другого. Скажешь, слишком наивная?

Парень впервые за весь вечер искренне и тепло улыбнулся. Хорошая у него была улыбка, настоящая.

— Все мы хотим от жизни одного и тоже же. Просто многие соглашаются на подделку. Немножко чегонибудь, лучше, чем совсем ничего.

— Ты тоже согласишься на подделку?

— Я парень рискованный, — неожиданно подмигнул мне Митя. — К тому же будущий глава клана. Нам, знаешь ли, подделки не по статусу.

— И что вы так долго? — Спросил Ренат, появившись на тропинке.

Митя пожал плечами, не оправдываясь и ничего не объясняя. Оборотень — блондин нахмурился, и попытался вклиниться между нами.

— Я сам провожу свою девушку, — сообщил он, отодвигая будущего жожака в сторону.

— А ты уверен, что она твоя? — иронично заметил Митя. — у неё вон метка есть. Чужая, между прочим.

— Плевать я хотел на все ваши метки, — фыркнул Ренат. — Настя мне нравится — и этого достаточно. В конце концов, мы тоже люди и можем жить по людским законам.

— Ну- ну, — усмехнулся наследник московской стаи. — Братишка, нельзя быть оборотнем наполовину. Либо ты принимаешь наши правила, либо нет.

— У неё ещё остался собственный запах. Формально я в своём праве.

— Это сейчас в тебе кто говорит: зверь или человек?

— Мужик.

И тут уже не выдержала я.

— А твой мужик у девушки для начала спросил? Точнее, у девушек — прости, я забыла про твою подружку.

— Насть, не ревнуй, — улыбнулся, так и ничего не поняв, Ренат. — Они просто скрашивали нам компанию.

— Я не ревную. Для ревности должны быть какие — то чувства. А так мне просто противно.

— Ну, Насть...

Ренат ещё несколько раз пытался убедить меня в своей искренности и серьёзности и намерений. Я машинально кивала, уже сожалея, что поддалась соблазну и приняла приглашение Регины. Лучше уж грядки для бабушки Гали пропалывать, честное слово, — зато подальше от оборотней.

На месте пикника между тем шла оживленная суэта: кто- то занимался мясом возле мангалов, кто то накрывал на столы (компания привезла с собой два внушительных

раскладных стола), расставляя посуду, консервы, овощи в мисках; кто то дурачился на траве, демонстрируя приёмы то ли самбо, то ли каратэ...

И хотя народу было немного, но в этой мирной расслабленной картине я не сразу заметила её. Блондинка — не Регина, а та, другая — жена Альфы, которая погибла во время наказания, ходила между оборотней и скалилась... Скалилась не хуже оборотней.

Словно почувствовав на себе мой взгляд, она обернулась и прошептала одними губами.

— Люблю, когда вас, тварей, убивают.

Я замерла, не в силах пошевелиться.

А между тем поляну окружали черные, отражающие лучи заходящего солнца, внедорожники.

Толпа на поляне затихла, испуганно переглядываясь между собой.

— Что за.... — тихо выругался один из парней. Его спутница — одна из человеческих девушек, присутствующих на пикнике, вцепилась в парня, громко спрашивая, что происходит.

— Заткни свою дуру, — рявкнул парень, стоящий с ними по соседству. Регина отчётливо хмыкнула, закатив глаза.

— Люди всегда такие слабые, не так ли, — прошептала она не сдержавшемуся оборотню. А затем, почувствовав на себе мой взгляд, она обернулась, заговорчески мне подмигнув.

Уничтожай конкурентов, когда можешь, — поняла я её мысль. — Не то, чтобы человеческие девушки могли стать конкурентами, но ведь Митя как — то «запал» на человечку. Что ж, очень по-звериному.

Тяжелая, мощная, но вместе с тем хорошо знакомая мне сила давила на оборотней... Те кривили губы, чтобы скрыть рвущиеся наружу волчьи клыки, но всё — равно чувствовалось, что удержать личину человека даётся им невероятным трудом.

И только Митя сохранял спокойствие — этот парень действительно был Альфой. Сейчас разница между ним и его друзьями казалась особенно ощутимой. В отличие от остальных оборотней, он просто стоял, опустив руки — не кривясь и не рыча как испуганная чем — то неизвестным дворовая собака.

Подъехала последняя машина — и не успел замолчать мотор, как из внедорожника появился Баев — раздражённый, злой... расплёскивающий свою силу направо и налево. Обычно Альфы более избирательны — мой брат хотя и не владел Альфа силой, но всё же был Бетой. Андрей рассказывал, что от применения ментальной силы организм сильно устаёт.

— Одно дело, воспитывать непослушного подростка, который не хочет выключать компьютер в положенное время, другое дело — усмирять толпу.... Честно говоря, для беты проще перекусать всех в этой толпе, чем давить силой...

Я уже не раз видела, когда Кирилл спокойно применяет свою силу на целый клан...но то была лишь маленькая толика ментального воздействия, чтобы обозначить себя как вожака, сейчас же это было жесткое, полностью подчиняющее себе, воздействие Альфа силы.

Моё волчье нутро, учуяв Баева, радостно заскулило.... И я уже всерьёз опасалась, что не выдержу и превращусь сейчас в пушистика... мало того, начну ластиться к Баеву...

По губам Кирилла мелькнула жесткая довольная ухмылка — должно быть, он уловил мои мысли ...

— У нас есть разрешение на пребывание на территории Вашего клана, — обращаясь к надвигающемуся на нас Кириллу, нарочито спокойно произнёс Митя. Только вот его ладони, крепко сжатые в кулаки, выдавали настоящие чувства молодого оборотня.

— Разрешение отменено, — пролаял (именно пролаял, а не произнёс) Кирилл. — Все вон. Кроме...

И тут его взгляд упал на Рената, стоящего в окружении друзей. Ребята пытались прикрыть товарища, но Баев точно знал, точно чувствовал свою цель.

— Кроме этого щенка, — рыкнул Альфа. Митя и другие окружающие Рената оборотни зарычали, не соглашаясь с высказанным требованием.

А между тем девушек, в которых не было крови оборотней, уже аккуратно уводили с поляны люди Баева... Они, ошарашенные и испуганные, и не думали сопротивляться. Лишь одна попыталась вырваться из рук баевского охранника — то тот, быстро перекинув девушку себе на плечо, понёс её к машине, смачно шлёпнув для острастки по филейной части.

Пара автомобилей сорвалась с места, оставляя на поляне только оборотней.

Я затаила дыхание, ощутив новую волну Альфа силы. Кирилл махнул рукой — и парни, загораживающие Рената, посыпались в разные стороны.

— Мальчишки, — беззлобно протянул Баев. — Не стоит подставляться из — за своего приятеля. Тем более, что он не прав.

— Я прав, — воскликнул блондин — москвич, пытаюсь отстраниться от Мити — единственного, кто выдержал после воздействия ментальной силы Кирилла. — На ней есть ещё её собственный запах. А значит, она не в паре.

— Дурак... — едва слышно выдохнул Митя. — Какой же дурак...

Я едва уловила эту фразу, так как на поляне происходили куда более драматические вещи. Едва услышав ответ Рената, Кирилл бросился на блондина, хватая изменившейся рукой того за горло. Секунда — и парень уже висит, словно сломанная кукла, не касаясь земли.

— Убью.... — зарычал Баев, скалясь и разглядывая слабо сопротивляющегося противника желтыми звериными глазами.

Где то громко всхлипнула Регина, я слышала также тихие просьбы Мити отпустить двоюродного брата. Что это была ошибка, что она не повториться... Остальные оборотни даже и не думали сопротивляться, пытаюсь всё ещё придти в себя после действия Альфа — силы Баева...

Я видела перед собой кровожадного, разозлённого хищника, почувствовавшего кровь загнанной жертвы.

— Пожалуйста.... — всхлипнула Регина, обращаясь, как это не странно не к потерявшему контроль Альфе, а как выяснилось, ко мне: — Настя, попроси его...

Баев словно бы и не слышал этого обращения, но по его губам снова проскользнула довольная нехорошая усмешка.... Словно кукловод был доволен тем, как его куклы играют предложенный спектакль.

За всё это время Кирилл ни разу, кроме того первого мгновения, когда вышел из машины, не обратил на меня внимания. Словно меня тут и не было. А я же.... я слишком растерялась, слишком испугалась.

Однако сейчас... Я поняла, что не чувствую от Кирилла настоящей ярости. Злость присутствует — да, но какая — то другая. Трудно описывать словами эмоции, особенно тщательно скрываемые эмоции, но я на удивление для самой себя смогла почувствовать эмоциональный след силы Кирилла... наверное, силы...

Баев был разражён, и даже зол... но совсем не настолько, как сейчас хотел показать... И я поняла — то, что он делал сейчас — не было настоящим нападением. Скорее демонстрацией силы. Причем, не для парней из московской стаи — для меня.

Потуже натянул поводок.

Осознав это, я снова услышала мерзкий хохот погибшей блондинки. Она скалилась, находясь возле Баева.

— Подстилка зверья, — шепнула она, пустив свой шёпот по вечернему легкому ветерку

в мою сторону. — Только на это и годишься... Этот зверь будет иметь тебя во всех смыслах.... Ни к чему негодная тварь.

Я дернулась, пытаясь мысленно закрыться — то, чему я училась долгими вечерами после работы.

Направленность мыслей, направленность силы...

И вот уже громко захлопала в ладоши, выражая бурный восторг «спекталем».

— Что? — обернувшись, неожиданно грозно «рявкнул» Митя. — Настя, зачем ты его злишь?

— Не так уж он и злится, — пожала я плечами, переводя взгляд на Баева. Смотреть глаза в глаза Альфе и сдерживать себя было очень сложно, но я всё — равно пыталась...

...борясь за себя, за своё «я», за своё будущее.

Время тянулось бесконечно. Наконец Кирилл отпустил парня — отчего Ренат тут же, тяжёлым кулем, свалился на землю.

— Хорошая девочка, — похвалил меня Баев. — Смышлённая.

— Девочка, сидеть, девочка, лежать, девочка, к ноге, — съёрничала я, злясь на Кирилла, на саму себя, на оборотней — на весь мир.

Баев довольно кивнул.

— Это было бы идеально. Но ты растёшь.

Митя шагнул вперед.

— Кирилл Владимирович....

Баев тут же растерял напускное благодушие.

— Я сказал, ваше разрешение отменено. И радуйтесь, что ушли живыми. Я казнил и за меньшее — выразительный взгляд в сторону бледного Рената. — А ты, щенок, должен усвоить, что мы не люди с их сомнением и прощением. Мне сегодня было проще загрызть тебя ... ну или переломать шею. Достаточно взрослый чтобы кобелиться — достаточно взрослый, чтобы умереть.

— Спасибо, Альфа. — ответил за двоюродного брата будущий вожак московской стаи, склонив голову в знак почтения.

А дальше двое Альф, двое носителей уникальной силы своего народа, общались друг с другом без слов.

— Ты можешь остаться, — кивнул Баев. — Остальным даю полчаса. После этого, — Кирилл развел руками. — охота на вас будет разрешена.

— Девочку можете оставить, — хмыкнул один из оборотней Кирилла. Регина ощерилась, прикрываясь одним из своих спутников. Баевские засмеялись.

Только теперь Кирилл обратил на меня внимание. Протянув ко мне свою руку, он ласково предложил.

— Поехали, Настя. Хватит дурить.

— А как же уговор? — протянула я, внутренне сжавшись. Кирилл засмеялся.

— Какой уговор, маленькая? Неужели тебе и в самом деле нравится такая жизнь? Посмотри на себя... Слишком много забот, слишком тяжёлая работа... слишком плохое питание. А нам надо много еды, чтобы кормить своего зверя. Ты очень скоро ослабеешь, начнёшь терять контроль... и однажды посреди белого дня загрызёшь чьюнибудь курицу... ну или кошку, если здесь куриц не держат.

Он издевался. Он смотрел мне в глаза и издевался. Не физически — морально, но от этого не становилось менее больно.

— Мне хорошо и на стороне людей, — тихо произнесла я, уже не скрывая чувства разочарования. Кирилл хотел услышать мои мысли — пусть слышит, он не найдет в них ничего положительного. Только сожаление о том, что я оказалась оборотнем, что я оказалась его парой — и что мы связаны... Да мне лучше в петлю влезть — чем придти на к нему на его условиях.

Кирилл дернулся — и я на секунду, на десятую доли секунды — увидела сомнение, промелькнувшее в его взгляде. И сожаление в его душе.

Всего одно мгновение, после которого Баев снова закрылся, снова стал непробиваемым... Нависнув надо мной, он рыкнул:

— Правила нашего народа непреложны, они не меняются несколько веков. Любое неповиновение может привести к смерти — дурной гибели или спланированному убийству. Я думал, что происшествие с женой Андрея должно было научить тебя повиновению.

Я дёрнулась, получив незаслуженную словесную оплеуху.

— Катя хотела встретиться с отцом.

— У неё мозги поехали на почве беременности, но ты ведь знала, что он может быть опасен. — Кирилл усмехнулся. — Сегодня, по твоей вине, могла начаться война между нашей и московской стаями. Интересно, сколько бы погибло твоих знакомых с нашей стороны? Может, Ваня- твой школьный дружок... может, кто поближе...

Я сглотнула.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Затем, что уже пора уже отвечать за свои поступки. Начни осознавать свою значимость и прими собственное положение.

— Полностью подчинившись тебе?

— Неплохой совет, не правда ли, — подмигнул мне Баев. — Вторая сущность рано или поздно изменит тебя, моя девочка.

Кирилл протянул руку к моему лицу, и, схватив за подбородок, заставил взглянув ему прямо в глаза. Черные жесткие глаза мерцали.

— Ты уже меняешься... Не плачешь, не скулишь.... Не вымаливаешь прощения за своего приятеля. — Короткий неприязненный взгляд на блондина. — Все меньше человеческой сентиментальности, всё больше повадок хищника... хищница моя.

Он приблизился, прошептав мне на ухо.

— Жду не дождусь, когда поймаю тебя в волчьей виде. Это такие незабываемые эмоции...

И он слегка прикусил моё ухо.

Я дернулась, пытаюсь высвободиться.

— Я никогда не стану такой как ты, — зашипела я, отбрыкиваясь, что есть мочи. Перед глазами стояла казнь, на которой я побывала. Кровожадность Баева — кровожадность всей толпы... Убить, растерзать... отдать молодняку на потеху... Я уже переросла то нелепое обожание мира оборотней. Выбрав сторону людей, я сделала это осознанно, потому что не могла внутренне согласиться с жесткими правилами оборотней.

Я выросла и теперь уже не боялась остаться без Андрея. А больше в стае меня ничего не держало.

— Ты уже становишься такой как я, — прижал меня к себе Баев. — Остальное — дело времени.

Вырвавшись (наверное, только потому, что Кирилл и не намеревался меня всерьёз

задерживать), я побежала в сторону главной дороги, оставляя за спиной оборотней двух стай и их проблемы.

Не помню как, добралась до дома бабушки Галины. Хозяйка сидела на терраске, пересматривая вырезки по лекарственным травам из газеты «Садовод». Увидев меня она переменилась в лице:

— Настя, что с тобой? Кто тебя обидел?

Я чувствуя, что не могу сейчас говорить — слезы подступили слишком близко — покачала головой и бросилась в свою комнату. Упала на кровать, мечтая забыть и никогда не вспоминать этот день.

Помню, мама всегда говорила, что наша жизнь не может состоять сплошь из солнечных дней. Что ненастье даже бывает полезно — от огорчений мы взрослеем, на ошибках — учимся... и становимся более благодарны солнышку за тепло и ласку.

В тот день, правда, я об этом забыла. Мне казалось, что просвета уже не будет — а будет только лишь тугой поводок, намотанный на руку Баева — и предрешённое будущее. Вся моя самостоятельность — мнимая, мои поступки — ходы в его игре... Хищникам тоже надо развлекаться.

Помню, как я лежала в кровати, прокручивая в голове последние события. Раз за разом. Снова и снова. А потом начиная опять по новому кругу.

Мне хотелось вернуться в свою тихую размеренную жизнь... Где я не была оборотнем, где я плакала по ночам из — за того, что мне никогда не стать одной из них... На самом деле, именно тогда я была свободна и счастлива. А сейчас....

Сейчас же дурные, черные мысли не давали мне заснуть... успокоиться, забыть... Всё сводилось к одному: положить конец всем мучениям, лишить Кирилла возможности играть со мной как с комнатной собачкой, подарить себе спокойствие и забвение. Раз и навсегда.

Я вскочила, натянула на себя первый попавшийся сарафан и, выскочив в раскрытое по случаю жары окно, побежала к озеру. Туда, где недавно Кирилл так откровенно себя демонстрировал.

Почти полная Луна отражалась в мутной черной воде. Пели цикады, настраивая на мирный лад — и в другое время я бы с наслаждением отдохнула на берегу или поплавала в озёрной ночной воде.... Но сейчас отчаяние окружило меня словно вязкий непроницаемый барьер, гася любые звуки природы... Зажмурившись, я прыгнула в воду... И, заставляя себя не всплывать, стала опускаться вниз.

— Настя! — громко, через толщу воды позвал меня чей-то недовольный женский голос. Не знакомый.

От удивления, я повела руками... раз, другой...и оказалась на поверхности. Сухенькая маленькая старушка строго смотрела на меня.

— Ты чего й то удумала, девонька, — на деревенский манер, пропела она. — Ишь, тоже мне... А ну вылезай!

Я была слишком изумлена, чтобы сопротивляться. Не помня как, очутилась на берегу.

— Ну надо же, — запричитала старушка. — Вот ведь непутёвые. Пригляда за вами нет. И Маня своего яхонтового избаловала, — сгримасничала бабушка, сверкнув волчьими клыками. — Ишь как девку измордовал... Хотя ты, голубушка, и сама хороша: хорошая баба всегда сумеет из мужика веревки свить.

Я всё ещё непонимающе разглядывала бабушку.

— Что? — усмехнулась с хитрецей во взгляде старушка. — Не ожидала?

— Нет. — замотала я головой. И помедлив, спросила. — Вы ведь оборотень?

— Не просто оборотень, — царственно, что совсем не вязалось с её простецким обликом, кивнула старушка. — Альфа я, как и ты.

— А вы которая из трёх? — поинтересовалась я, сама дивясь своему глупому вопросу. Бабушка же и вовсе засмеялась а в голос.

— А меня уже давно не считают, — отмахнулась она. — Ты мне лучше скажи, как же ты

зло внутрь пустила?

— Какое зло?

— Какое, какое... То самое, что тебя чуть до дна не довело.

— Вы откуда про это узнали?

Бабушка прищурилась и покачала головой.

— Поживи с моё. Глупая девка, чуть всё сама не загубила.

Мы немигающее уставились друг на друга... и тугая пружина отчаяния стала меня отпускать. Поняв, ЧТО я только что чуть не сделала, я неловко отвела взгляд.

— Думаете, кому-то важно, что со мной произойде? — с тоской глядя на гладь спокойного озера, спросила я.

А бабушка.... Бабушка меня просто меня обняла. И меня, наконец, прорвало.

В ту ночь, когда я чуть не совершила самый страшный поступок в своей жизни — поступок, который нельзя исправить, нельзя отменить — я выплакала все свои слёзы.

Бабушка не прерывала меня, просто гладила, щедро делясь своей силой. Под утро она проводила меня до дома Галины Петровны.

— Может, зайдёте, — предложила я, когда мы подошли к калитке. Бабушка, тепло улыбнувшись, покачала головой.

— Не сейчас. — Обняв меня на прощание, она велела идти домой отдыхать.

— И смотри, не забудь пижаму одеть, — велела она.

Несмотря на занимающийся рассвет, было ещё слишком рано. Галина Петровна спала, а я же... я же пользуясь возможностями оборотней, ловко, в один большой рывок, запрыгнула на подоконник раскрытого окна.

А когда оказалась в комнате, поняла, насколько всё поменялось. Всего прошло несколько часов — и целая вечность, поменявшая меня. Наверняка, у каждого бывали такие моменты: вроде та же, прежняя обстановка, те же стены, та же кровать.... Но ты другой. И всё вроде уже не то.

Не помня себя, я полезла в шкаф, где были разложены мои вещи — вытащила единственную пижаму, что у меня имелась — купила как то на дурацкой распродаже, позарившись на отличный состав (сто процентный шёлк), но до этого так её и не надевала, предпочитая более привычные длиннющие футболки.

И когда я уже собиралась лечь спать, дверь комнаты внезапно с треском отлетела в сторону. Это было страшно — оглушительная деревенская тишина, через секунду — сильный грохот, и дверь, сорванная с петель, летит в комнату.

— Настя! — рыкнул взволнованный Баев, появившись в комнате. Увидев меня в кровати, он перевёл дыхание.

— Зараза мелкая, — выдохнул он, скользя по мне взглядом. — Ты что творишь?

Сейчас он не скрывал, а может быть нарочно приоткрыл свои чувства: там, среди раздражения и злости плескалась тревога. Тревога за меня.

Кирилл подошёл совсем близко, и теперь буквально нависал надо мною, негромко порывая. Высокий, мощный... Подавляющий волю и всякую надежду на сопротивление.

— Эгоистичная, беззаботная девка, что тебе ещё надо?

— От тебя — ничего, — ответила я, найдя в себе силы сделать это. — Совсем ничего.

Кирилл усмехнулся. Недобро.

— А придётся получить всё. — Его рука схватила меня за подбородок, вынуждая смотреть Кириллу прямо в глаза. — Всё, что я захочу дать.

— Мне от тебя ничего не надо, — повторила я, сжав губы.

Баев фыркнул.

— Не будь наивной. Мой зверь принял тебя, как свою истинную. Так что мы теперь связаны навсегда. У тебя нет выбора дорогая.

— Выбор есть всегда, — улыбнулась я бескровными губами. Я почти сразу пожалала о том, что сказала — теперь внутри Баева плескалась злость на меня.

— Зачем устраивать весь это щенячий бунт? Нам ведь было хорошо вдвоём. А будет ещё лучше.

— Не будет, — покачала я головой. — Той наивной дурёхе Насте хватило бы немного — красивой сказки, иллюзии уважения... ну и возможности дальше верить в то, что сама выдумала.

— Повзрослела, значит?

— Повзрослела, — кивнула я. — Учитель хороший попался, очень доходчиво объясняет. Смуглые мужские руки, потянувшись к моему одеялу, в одном мгновение отбросили его на другой конец комнаты, к самому окну.

Увидев шелковую пижаму, глаза Баева восхищенно зажглись. Я поняла, что он меня не слышит.

— Больше никогда так не делай, — трогая меня так, словно желая удостовериться в подлинности, приказал Кирилл. — Даже мыслей подобных чтобы не было. Иначе найду для тебя безопасное место. Посидишь на поводке с полгодика — быстро одумаешься. — заметив испуг в моих глазах, Баев цинично улыбнулся. — ещё и мою компанию, наконец — то оценишь... Я, знаешь ли, парень активный, темпераментный...

Услыхал про поводок, я вспомнила страшный рассказ Мити про его мать и тут же испуганно отпряла в сторону, прижимаясь — вжимаясь спиной в стену.

Моё поведение сильно не понравилось Баеву.

— Что? — рыкнул он, вконец потеряв терпение. — Что тебе ещё надо! Я ведь всё для тебя делаю. Не давлю, не насилую — хотя выдержка, знаешь, уже на пределе — отпускаю твою компанию, хотя придушить кое-кого очень чесались руки.... Какого хрена ты от меня ещё хочешь? Что ещё?

Я заплакала, спрятав руки в ладонях.

— Просто отпусти.

— Нет, — рыкнул Кирилл. — Привыкнешь. Мы пара.

— Ты же не хочешь меня... не в физическом плане, а как человека... как личность, — исправилась я, всхлипывая. — Мы связаны только из — за метки, только из- за запаха...

Я дёрнула ворот пижамы, демонстрируя укус Кирилла.

— И на этом всё.

— Это чертовски много, — прохрипел Баев. Я покачала головой.

— Это практически ничего.

Мы замерли, отведя друг от друга взгляд. В комнате стало очень тихо.

— Тебе надо научиться блокировать свои мысли. Я чуть с ума не сошёл, когда «услышал» твои планы. Мчался сюда, как ненормальный.

— Прости, я не хотела.

— Неужели всё так плохо, Насть? — спросил Кирилл. Я кивнула.

— Не могу больше. Устала.

— Может, ты устала от самой себя бегать? Ты ведь уже не простой приёмщик моего

беты, человеческий детеныш. Ты — Альфа волчица.

— Внутри которой по прежнему всё тот же человеческий детеныш, — горько усмехнулась я. — Кому как не тебе надо знать, какая разница между телом и душой.

— Между телом и душой всегда была и будет разница, — отрезал Баев. — А ты пытаешься остаться в придуманном мире, пугаясь настоящего.

— А может, это мой сознательный выбор? Мне как то резко разонравились оборотни и ваш образ жизни.

Кирилл долго вглядывался в моё бледное, мокрое от слёз, лицо.

— Отпусти а? — попросила я.

— Тебе так понравилось жить без стаи? — спросил Баев.

— Я пожала плечами.

— Когда сильно устаёшь, нет времени замечать такие вещи.

Баев едва заметно улыбнулся.

— Ну, это ещё полнолуния не было.

Он встал и отвернулся, глядя в окно.

— Я не насильник и неволишь тебя не буду. Лучше честная шлюха, чем еле живая кукла... Но предупреждаю сразу — секс только со мной. Почую кого другого — его сразу в расход пушу, а тебя точно в подвале запру. Уж тогда не обижайся.

Произнеся это, Кирилл пошёл к проёму, в котором теперь вместо двери зияла чёрная дыра.

— Да, забыл сказать, — обернувшись на пороге, Баев ощерился. — Когда наиграешься в человечину и вернёшься в клан, не забудь одеть что —нибудь похожее... Очень возбуждает.

В этот раз он не играл. Меня на самом деле отпустили. Пусть и с условиями, с оговорками — но я чувствовала себя свободной, как ветер.

Слёзы высохли, на душе было спокойно и волнительно одновременно: хотелось что — то делать, к чему то стремиться...

В комнату заглянула хозяйка.

— Доброе утро, — поздоровалась она, оглядывая косяк двери. — Вот же ж... Придётся мастера вызывать.

— Я заплачу, — кивнула я, готовясь расстаться с накопленными кровными. Галина Петровна махнула рукой.

— Альфа выбил, Альфа пускай и платит... А то ишь манеру взяли.

Я, открыв рот, смотрела на хозяйку.

— И вы тоже, Галина Петровна.

Бабушка широко улыбнулась.

— И я, милая. И я.

Тысячи вопросов уже были готовы сорваться с моего языка...но тут я бросила взгляд на часы и простонала — времени на разговоры совсем не было.

Я заметалась по комнате, пытаюсь как можно быстрее привести себя в божеский вид.

— Ты куда, ненормальная, — запричитала бабушка Галя. — Суббота ведь.

— Ага, — кивнула я, пытаюсь быстро собрать волосы хотя бы в какое-то подобие хвоста. — У нас сегодня поставки будут с самого утра. Меня заведующая ещё в понедельник предупредила. У них там что — то с машинами было...

— Ну беги тогда, — понимающе кивнула хозяйка. — Только смотри, к москвичам близко не подходи.

Уже стоя на пороге, я круто развернулась.

— Почему это?

Впервые я заметила, как блеснули волчьим отсветом глаза бабушки Галины. Она кивнула на мою метку, которая сейчас едва заметно, но всё же высывалась из — за ворота.

— Он почувствует.

— Он меня отпустил, — пожала я плечами, жалея, что сейчас нет больше времени на разговоры. Так хотелось поговорить, так хотелось многое узнать... Ничего, подожду до вечера.

Но я сама того не ожидая, освободилась уже к обеду. Ещё раз проверила все документы, проверила лекарства, которые должны были храниться в холодильнике и, наведя порядок в подсобке, отправилась домой.

Свою хозяйку, Галину Петровну, я заметила ещё издалека. Она сидела на крылечке в компании той самой сухонькой бабушки, что спасла меня ночью. Вспоминать о своём глупом, детском поступке мне не хотелось, но претворяться сама перед самой я тоже не могла. Глупость, эгоизм... кажется, этой ночью мир как — то странно сузился для меня до одной большой проблемы, которую невозможно решить, которой невозможно избежать...

Решив проверить, насколько сильно дрожат у меня руки, я вытянула их перед собой. Результат не порадовал. Может быть, уже пора начать принимать лекарства? Конечно, такой стресс глицин уже не возьмёт, но есть более сильные средства...

— Настя, ты чего там застряла? — крикнула Галина Петровна. Её собеседница молча сидела рядом.

Зайдя за калитку, я поздоровалась с обеими. Теперь уже удивилась Галина Петровна.

— Ты что, её видишь?

— Кого? — не поняла я. Старушка же сидела на крылечке, посмеиваясь.

— Бабушку мою, — ответила Галина Петровна переведя взгляд на старушку. — Она тебя видит?

— Видит, — не сговариваясь, хором, ответили мы со старушкой.

— Бабушка? — переспросила я, уверенная, что ошиблась. Конечно, оборотни, в общем и целом, живут долго, но живая бабушка у женщины к 70 годам — это перебор даже для них.

— А кто сказал, что я живая? — хмыкнула в ответ на мои мысли старушка. — Да не беспокойся, я не читаю твои мысли, просто у тебя очень красноречивое выражение лица.

— Но как же... — я растеряно перевела взгляд на Галину Петровну. — Я не понимаю.

— Это она привела тебя ко мне, — улыбнулась квартирная хозяйка. — Бабушка чувствовала, что тебе нужна наша помощь...

— Слишком много на одну девочку, — кивнула старушка — Альфа. — К тому же, на неподготовленную. А ещё и Кирюша, как назло, начал проявлять характер. В таких моментах — жди беды...

— Простите, — я немного потупилась от неловкости. — Вы мне вчера жизнь спасли, а я до сих пор не знаю, как Вас зовут.

— Зови бабушкой Васей, — усмехнулась старушка оборотень. — Вообще — то я Василиса Игнатьевна, но так меня уже давненько никто не называл.

Василиса.... Я вспомнила видение детей Андрея. И девочку с рыжими косичками, которой я дала обещание. И которое вчера едва не нарушила.

— Красивое имя, — тихо произнесла я. — Спасибо Вам.

Бабушка Вася усмехнувшись, подмигнула мне.

— Да пока, в общем — то, не за что. Надо ждать новолуния — тогда не придётся тратить много сил, а пока тебе Галя отвар наварила. На ночь будешь пить. Переживём полнолуние, — она махнула рукой. — А там всё и исправим.

Я непонимающе глядела то на одну, то на другую.

— Что исправим? О чем вы?

Галина Петровна пожала плечами.

— Меня не спрашивай. У меня таких сил никогда не было, и уж сейчас точно не появятся. Травками я помочь могу — да, а всё остальное — это бабушка.

А тем временем бабушка Вася качала головой.

— Да что ж ты, глупая, не знаешь что ли, кто за тобой ходит, житья тебе не даёт.

— Баев? — нахмурилась я. — Вы про Кирилла говорите?

Бабушки рассмеялись.

— Смотри, — пригрозила мне пальцем Василиса Игнатьевна. — А то он тебя ещё услышит... Видишь как, я хоть вашу связь и пыталась ночью ослабить, да только Кирилл всё — равно твои мысли услышал, да увидел...

— Тогда о ком вы говорите?

— Что, — не поверила бабушка Вася. — Неужто ты так часто признаков видишь, что уже этому не удивляешься?

— А призраки будущих рождённых считаются? — поинтересовалась я. Бабушки переглянулись.

— И правда, сильная девочка родилась, — пробормотала внучке бабушка Вася. А затем уже обратилась ко мне.

— И от этого вся беда. Силы много, да только без управления, без направления это всё — равно что решето. Сама не удержишь, другие — отберут.

— Вы сейчас о — я сделала большую паузу потому что не совсем понимала, о чем они говорят. Если про призраков ещё более — менее понятно (кроме детей, блондинки и самой бабушки Васи мне никто больше не показывался), то, что касается силы и решета — тут для меня был неизведанный темный лес.

— Эта человечка такая злая, что никак успокоиться не может, — подала голос бабушка Вася. — Она ведь тебе нащёптывала злое, а ты слышала, приняла...

Я вспоминала вчерашний день. Да, блондинка показывалась — и это не было первым разом. Но ведь свою глупость я придумала ночью, когда была одна... Или не одна?

Бабушка Вася кивнула.

— Даже Альфа-самки не могут всего слышать. — И тут же, хмыкнув, она поправилась. — Живые Альфа — самки. Я — то слышала, как она тебе нащёптывала.... А ты, дурёха, даже щит не поставила, не закрылась. Разве можно быть такой беспечной, особенно перед полнолунием, когда силы в тебе немерено?

Сдерживая готовые сорваться от несправедливых обвинений слезы, я посмотрела на обеих старушек.

— Вы думаете, я должна это знать? А кто бы мне рассказал об этом? — Я выдохнула, пытаясь сдержать волнение и обиду. — Родители никогда не говорили мне об оборотнях. Я росла как обычный человек до того момента, когда они погибли вместе с бетами. Только Андрей, ставший мне братом, и рассказал про оборотней, но даже тогда во мне было слишком мало от вашего народа, чтобы хоть кто — то проявлял ко мне внимание. И я тоже не могла до конца принять ваши обычаи. Слишком кровожадные, слишком звериные...

— Девочка, ты одна из нас.

— Может быть, но я не могу так просто принять то, что нормально принимают для себя все оборотни. Казни, наказания... даже натаскивания молодняка. И это — я только сейчас стала об этом понимать — это ведь только вершина айсберга. Что там творится на самом деле — я даже не могу представить.

— Многое скрывают, — кивнула бабушка Вася. — Только, девонька, рано или поздно, но тебе придётся всё это принять.

— Почему?

Бабушка Вася развела руками.

— Судьба такая.

— Каждый выбирает свою судьбу сам.

— И ты, кажется, вчера чуть не выбрала самостоятельно, — заметила старушка Альфа.

На крыльце повисло молчание.

— Ты и в самом деле слишком ещё человек, — «переварив» мои слова, покачала головой Альфа — старушка. — И я не представляю, как ты справишься... Мы жестокая раса. Но не хуже людей — просто другие.

— Поэтому даете молодняку растерзывать преступников.

— Преступников! — воскликнула Галина Петровна, вступая в разговор. — Именно преступников. — Люди ещё хуже. Они жалеют преступников, убивая невиновных. Не ради еды — ради того же развлечения.

— Многие осуждают охоту, — покачала я головой. — И далеко не каждый принимает в этом участие.

— Я не про охоту сейчас говорю, — отмахнулась Галина Петровна. — Ты же девочка умная, на провизора в Москве училась... Скажи-ка, на ком у вас там, в лабораториях, таблетки новые испытывают? На преступниках или на невинных созданиях.

— Это пока необходимость, которая потом спасает миллионы жизней.

— А косметику испытывать — тоже необходимость? — хмыкнула Галина Петровна. — Ты видела животных — или хотя бы их трупы после опытов. Косметика тоже спасает кому — то жизни?

— Откуда вы...

— Я не всегда была деревенской бабушкой, — отрезала Галина Петровна. — А хочешь, говорим о щенках? Ты не найдешь ни одного щенка, в котором есть хотя бы капля нашей крови, в детских домах. Стая всегда позаботится... А что же люди? Я уже не говорю про насилие и всё остальное. — Галина Петровна в раздражении махнула рукой. — У нас больных нравственно особей убивают, уничтожая заразу... Люди же слишком милосердные, слишком слабые — и тем самым сами взрастают таких подонков...

Я не знала, что ответить. Во многом, Галина Петровна была права, но в то же время я... Я всё — равно не могла принять казни как в средневековье.

— Это недостаток нашей силы, — опять «прочитав» меня, покачала головой бабушка Вася. — Альфа-самки не могут по-другому.

— То есть я не особенная? — не поверила я. — И эта непереносимость вовсе не потому, что я полукровка?

— Мало кто из Альф — самок спокойно переносил казни, — пожала плечами Василиса Игнатьевна. — Мы по своей природе целители, и обратное нам противно.... Но тут ещё многое зависит от твоей избранной пары.

— То есть?

Обе старушки изумлённо уставились на меня.

— Так ты и об этом не знаешь?

— А что я должна знать? — удивилась я свою очередь. — Бывают истинные пары, бывают «договорные»...

— А истинность проявляется...?

— Ну, я слышала, что мужчина практически заиклен на своей женщине, фактически — есть с ней что случиться — он не выживает.

— Это так, — согласилась бабушка Вася. — Но первоначальную причину всего тебе рассказали?

— Видимо, нет, — нахмурилась я. Бабушки нахмурились следом.

— Вот ведь....оборотни, — протянула Галина Ивановна.

— Это ещё её пара постарался, — отмахнулась бабушка Вася. — Боится, что девочка не выдержит. Правильно боится, между прочим. Но мы ей поможем.

И старушка — альфа уже обратилась ко мне.

— Сначала в нашем народе не высоко ценились истинные пары. Вожаки тогда больше занимались политическими играми, копируя людей. Договорные браки, общие наследники на две стаи... А потом раса стала вырождаться... Всё меньше рождалось щенков, ещё меньше Альф. Теперь уже каждый вожак клана мечтал о собственном кровном наследнике, не желая передавать владения внучатому троюродному племяннику или того дальше — комунибудь из побочный сыновей этого самого внучатого племянника.

— А истинные? Разве они тогда не встречались, не образовывались?

— Истинную не так легко найти... ну а если она находилась, а у тебя уже договор с соседним вожаком, его дочь в качестве супруги и даже выводок вполне сильных щенят. Что ты сделаешь?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Но рисковать семьёй и положением...

— Вот они и не рисковали. Кто в любовницах оставлял, кто и похуже решения принимал. Пока оборотень сдержался и не поставил своей избранной метку — у него ещё есть шансы прожить пусть и тоскливую, но долгую и вполне нормальную жизнь. Если же дать своему зверю попробовать предназначенную самку — зверь после этого не согласится на другую. Но так или иначе, волк без истинной пары сходит с ума. Слишком много становится в оборотне от зверя и слишком мало от человека....

Василиса Игнатьевна отвела взгляд.

— Если оборотень, полностью утратив человеческий облик, не уходит в лес, то тогда проблему решает Альфа.

Я вздрогнула, поняв, о чем говорит призрак.

— Неужели это так необходимо?

— А почему ты думаешь все гоняются за истинными?

— Но как же тогда договорные браки? Они ведь до сих пор существуют.

Бабушка Василиса пожала плечами.

— Договор всё же лучше, чем ничего. По крайней мере, хоть какая — то надежда на собственных щенков.

— Но если оборотень так или иначе сойдет с ума... то какой смысл самому выкапывать себе могилу.

— Всё не так просто и не так однозначно, — покачала головой Василиса Игнатьевна. — Всё зависит от силы зверя, от силы самого оборотня. Иной, даже отказавшись от истинной пары, может прожить все пятьдесят или шестьдесят лет, и лишь окончательно ослабнув, обратиться в волка и уйти навсегда в лес.

— Кирилл хотел отказаться от меня. — Прошептала я, так как голос предательски дрожал. — Он почуял во мне свою пару перед поединком и не стал его останавливать. Я была слишком слабой для него.

Бабушки, переглянувшись, тяжело вздохнули.

— Вожак всегда думает больше о стае, чем о себе, — заметила Галина Петровна.

— Но иногда и сильнейшие могут ошибаться, — возразила ей Василиса Игнатьевна. — Мальчик давно забыл, что значит быть человеком. Кирилл не просто владеет одним из сильнейших волков в мире — он ещё и прекрасно им управляет. И даже я не могу представить, что ему стоит постоянно сохранять над собой этот контроль.

Она обратилась ко мне.

— В этом то, Настя, твоя самая большая проблема. Истинная пара всегда уравнивает своего самца, сдерживая его зверя. Даже у людей ещё встречается похожее разделение: мужчина — охотник, его пара — хранительница очага. У нас то же самое, с одним уточнением, что охотник в понятии оборотней — сильный, не отягощённый человеческой моралью, хищник. Этого зверя могут сдерживать только две вещи: собственная сила воли, которая не бесконечна, и пара, предназначенная Луной.

— Это как инь и янь в восточной мифологии, — заметила Галина Петровна. — Как два противоположных заряда в физике...

— И всё же, ни одну оборотницу нельзя назвать слабой. Она ведь управляет и своим зверем, и успокаивает зверя мужа.

— Только не я, — покачала я головой.

Бабушка Василиса невесело улыбнулась.

— В тебе слишком всего намешено. Я наблюдала за тобой укаткой — слишком тяжело тебя просчитать.... И это мне, которая 75 лет была Альфой — самкой большой стаи.

— И что же мне теперь делать? — растерянно спросила я. Бабушка Василиса улыбнулась.

— Жить, Настя. Просто жить.

А потом было полнолуние, и какой — то особенный травяной отвар, практически полностью блокировавший мою Альфа — силу. Помню своё удивление, когда я не сумела поднять среднюю, в общем — то, для оборотней коробку... Это помогло мне пережить пик силы оборотней, и спокойно дожить до новолуния.

А в новолуние вновь перед домом объявилась бабушка Василиса, сверкая волчьими желтыми глазами. Оборотницы вывели меня куда — то далеко за посёлок, чуть ли не вглубь леса, где я стала свидетелем древнего ритуала.

Призрак блондинки проявился почти сразу, как только бабушки начали чтение нараспев каких то древних текстов.

Появившись, она почти сразу пыталась сбежать с лесной поляны, где происходил ритуал, пыталась дотянуться до нас с Галиной Петровной, и когда у неё это в очередной раз не получалось, грязно, дико ругалась.

Кажется чудом, что я не поседела в ту ночь. К утру всё было кончено, а бабушки мне строго настрого запретили жалеть виновных в полнолуние.

— Ты своей силой делишься, а они, когда становятся духами, способны эту силу принимать. Понимаешь?

Я кивнула, уверенная, что подобные знания мне не к чему: больше я всё — равно никогда не буду присутствовать ни на одной казни.

После той ночи, мои силы, нескованные отваром, стали постепенно возвращаться, но только теперь я училась ими управлять не самостоятельно, а при помощи той же бабушки Василисы.

— Почему Вы мне помогаете? — спросила я как — то альфу — призрака. Старушка улыбнулась, обнажив волчьи клыки.

— Потому что без меня ты не справишься со своей силой. Этому, Настя, учатся с лет 13 — как только сила просыпается. Так что у нас с тобой будет ускоренная программа. Для начала хватит, а дальше уж сама разберешься...

Бабушка — оборотень ненадолго замолчала.

— Не думай о нас плохо, — покачала головой Василиса Игнатьевна. — Я и так бы помогла тебе, безо всякого обещания.... Просто меня бы уже давно здесь не было.

Прищурившись, я посмотрела на бабушку Василису.

— То есть Вы кому — то пообещали, что поможете мне?

— Не кому — то, а отцу Кирилла. Я уже тогда видела, что у его сына растёт очень сильный волк. Что парень справится, и даже найдет свою истинную.... И истинная будет совсем не простая. — Бабушка Василиса горько усмехнулась. — Мы, Альфа — суки, не всегда можем повлиять на грядущие события... Я не могла тебя просчитать, не могла тебя почуять, но Владимир просил подстраховать наследника, и я согласилась, оставшись в этом мире до того времени.

— То есть.... - я едва не споткнулась на ровном месте. Мы как раз шли от дома к ночному озеру. — Вы здесь ... из — за меня?

Бабушка Вася пожала плечами.

— Не так то я уж и долго жду. К тому же ты тоже девонька не простая.... Вижу, как ты с моим родом пересекалась.

Я знала фамилию Галины Петровны — Алексеева, но у меня не было знакомых с подобными фамилиями.

— Спроси завтра Галю, — правильно поняв мою растерянность, посоветовала Василиса Игнатьевна. — А сейчас не отвлекаться! Попробуй сконцентрироваться и ударить ментально силой ...

А на следующее утро, за завтраком, я не забыла и всё таки поинтересовалась фамилией Галины Петровны. Первой фамилией, данной при рождении.

— Степанова я, — просто ответила квартирная хозяйка. — Точнее была Степановой.

— Как же так? — только и спросила я её, размешивая чай в большой белой кружке. Галина Петровна пожала плечами. Выходной день и прекрасная погода располагали к неге, но разговор, который мы начали так некстати в момент завтрака, вызывал совершенно противоположные чувства.

— А что удивительного — то? — хмыкнула пожилая женщина. — У них не такой большой мир, чтобы не встретиться...

— Но почему Вы здесь, а не в стаи Степанова?

— Так нет же уже стаи Степанова, — почему — то очень довольно заметила Галина Петровна, тут же образно сплюнув на пол. — И туда ему дорога.

— А вы ему кем приходитеесь?

— Старшей сестрой, — скривилась Галина Петровна. — Век бы про него не слышала... Весь, поганец, в отца пошёл.

— А ваш отец что, тоже был злым?

— Наш отец был сильным Альфой и всегда мечтал о таком же сильном наследнике....Мать мою заприметил — дед хотя из бет был, да зато бабке Альфа — сила досталась. Редкая сила... А у матери как раз её истинная пара погиб, спасая чужого щенка...

Галина Петровна, сходяв к плите, подлила себе в кружку кипятка из чайника. И только сделав несколько глотков, женщина проложила.

Ну значит, мать то моя молоденькой была, жизни считай не видела... А тут Альфа клана. Не истинная пара, но как ухаживал, подлец. Это она мне потом с сестрами рассказывала, чтобы мы такими вот дурочками не были... В общем, наслушалась она сладких речей, согласилась обменяться метками с отцом. А тот уж потом не выпускал её. Как бабушка и дед не старались... Да и разве можно пойти против Альфы с активной меткой.

— Так ведь у вашей бабушки у самой Альфа сила была? — не поняла я.

— А то ты не знаешь, какая между ними разница, — нахмурилась Галина Петровна. — Наши мужчины знают где они уязвимы — после образования пары, когда метка уже присутствует и замыкается на самке, а потому все законы написаны для них... ими же. Бабушка Василиса ничего не могла поделать — весь закон был на стороне отца. А отец.... мать постоянно ходила беременная, постоянно рожала ему щенков, да только все девочки рождались. Целых пять дочерей — и все пусть и не альфы, но сильные оборотницы. Так он на этом не успокоился — мать то не истинная пара была, завел себе ещё парочку любовниц. Так что Витек то мне не родной, сводный брат — от его второй полюбовницы...

А отец у нас рано погиб — по глупости ввязался в драку с один из американских Альф, так Витёк быстро весь клан к рукам прибрал, нам даже счастья попытать не дал — продал в разные стаи. — Кому повезло, кому — не очень. Мы с самой младшенькой попали к московскому альфе.... Извращенцу, похуже Витька. Аля, младшая моя сестрёнка, после года

в клетке однажды ночью перегрызла себе вены, а я наблюдала за этим, пытаясь докричаться до охранников. Да только подвал — то был со звукоизоляцией.... А этот ублюдок, когда утром пришёл, просто велел выкинуть тело. Как собаку подохшую...

Мы обе уже не могли сдерживать слёз.

— Вы ничего не могли сделать.

— Могла, — рыкнула по звериному бабушка Галина. — Я на десять лет старше её была, повидала многого. Конечно, я могла что — то сделать.... Но не сделала...

— А после вас освободил отец Кирилла? — спросила я, стараясь немного увести тему разговора в сторону. Эту историю я уже слышала от Мити. Галина Петровна кивнула.

— Он, Владимир Баев. Хороший был мужик, да и Альфа сильный. А меня бабки выходили — моя и мать Альфы Баева, Мария. Я тогда долго не могла придти в себя.

— А потом? — спросила я, все ещё надеясь на хороший финал. — У вас другая фамилия, значит, встретили кого — то?

Галина Петровна покачала головой.

— Фамилию я сменила. Как и отчество. Не могла больше называться по его фамилии. Он ведь знал, где мы с сестрой обитаем, даже «навещал» нас во время попойки у московского друга пару раз.

— Мой брат женат на вашей племяннице.

Галина Петровна улыбнулась.

— Знаю. У них из всего выводка только одна и пошла в Витька, остальные дочери хорошие, только робкие сильно. Задавил их мой братец.

— Галина Петровна, можно Вас ещё кое о чем спросить? — я немного замялась, потому что... потому что оборотням лекарства не нужны даже в старости, однако Галине Петровне их выписывали много...

— Что такое, Настя? — квартирная хозяйка снова встала из — за стола, на этот раз, чтобы принести из буфета варенье. Заметив мой взгляд на банке, она пояснила. — Забыла совсем вытащить. Вчера только сварила: красная смородина с апельсином. Сейчас попробуешь.... Так что ты там хотела узнать.

— А зачем Вам участковый фельшер столько рецептов навывадал... Это для конспирации, да?

Галина Петровна непонимающе посмотрела на меня.

— Для конспирации? — рассеянно переспросила она, и только потом, поняв, о чем я говорю, невесело рассмеялась.

— А нет, девочка, не для конспирации... Я когда в клетке сидела, этот ублюдок, которому нас братец продал, опыты на мне ставил... Когда понял, что щенков не дождётся, решил таким образом поразвлечься... Я же была старшей и самой сильной внучкой Альфы суки.

— И? — замерла я.

Галина Петровна закусил губу, сдерживая эмоции.

— Меня только бабка и Кириллова мать вытащили с того света... Силы на доньшке осталось, считай что ничего. А внешность, здоровье... Как думаешь, сколько мне лет?

— Шестьдесят пять? — прикинула я, не желая обижать хозяйку. Она выглядела куда старше.

— Цифры переверни, и получишь правильный возраст, — открыла Галина Петровна. — А самое страшное, что когда он мне колол эти лекарства, я силу совсем не чувствовала...

Пропала сила.

Я закрыла глаза, понимая, откуда погибшая блондинка, жена Альфы, взяла тот волшебный порошок. Страшное осознание. Страшное общество.

— Ты должна быть готова ко всему, — кивнула словно в ответ на мои мысли Галина Петровна. — Уже несколько стай знают о появлении сильной оборотницы... Пока слухов про новую Альфу — самку ещё нет, но это только дело времени. Если бы ты жила с мужем...

— Он мне не муж, — быстро поправила я.

Галина Петровна покачала головой.

— Ты пахнешь как он, носишь его метку...для нашего мира этого вполне достаточно.

Этого недостаточно для меня, — подумала я, решив вслух не развивать эту тему. Понятно же, что для Галины Петровны Кирилл никогда не будет плохим — родители Баева спасли ей жизнь.

Разговор с Галиной Петровной подтолкнул меня заниматься с её бабушкой ещё больше, ещё старательней.... Торопила и сама Василиса Игнатьевна, чувствуя, что её время уходит. На это время я словно выпала из своей жизни, действуя подчас на автомате: работа — несколько часов отдыха после — и целая ночь тренировок с силой. Иногда, когда я очень уставала, моя наставница давала небольшую поблажку — и тогда мы с Ирой (девушкой, которая оказалась парой Мите) шли загорать на берег озера, а ночью я отсыпалась, просыпаясь лишь только в те редкие моменты, когда о себе давала знать метка. Я стала лучше контролировать свою силу, сильнее строить барьеры, но тоска... тоска всё — равно пробивалась, стоило только организму накопить достаточно для возможности чувствовать, сил.

Я только надеялась, что меткой и своими чувствами управляю я сама, а не Кирилл и не расстояние между нами — как рассказал мне Андрей (с братом мы стабильно перезванивались раз в неделю, в выходные дни), Баев сейчас пребывал где — то в Восточной Европе — но страну брат упорно не называл, а я не спрашивала. Между нами вообще появилась какая — то неловкость. Я, слушая его голос в трубке, через канал своей силы слышала его искренне беспокойство и страх за меня. И в то же время брат испытывал невероятное чувство вины...

В ответ, я старалась поддерживать бодрый, веселый тон, с упоением рассказывая, как мы тут весело проводим время с моей новой подружкой, с которой мы познакомились совсем неожиданно у меня в аптеке.

О том, что Ира полдня выпытывала меня о Регине, Мите и их компании — что такого экстренного могло случиться, что все они, не сказав ни слова и даже не попрощавшись, уехали в Москву — этого я брату не говорила, как и о том, что девушка постоянно думала о Мите — и хотя её мыслей я читать не могла, но эмоции улавливала... И они мне были хорошо знакомы.

Лето шло своим чередом, я, наконец то избавилась от своей зимней бледности и немного поднабрала веса — это несмотря на каждодневные тренировки с Василисой Игнатьевной. Теперь я даже не боялась смотреть на себя по утрам в зеркало — там, в отражении, больше не пряталась бледная, серая мышь с загнанным выражением лица — теперь девица из зазеркалья хвасталась ровным загаром, светло — каштановыми, немного порыжевшими на солнце, волосами, отросшими за это время уже до лопаток и серьёзными, но полными жизни и эмоций, серыми глазами... Самое удивительное, что когда я сильно воздействовала своей Альфа силу, мои глаза не желтели, как у остальных оборотней — они

становились ... практически серебряного цвета — слово мех у одной маленькой, похожей на лисичку, юркой волчицы...

Волчица, словно услышав мои мысли о ней, жалобно заскулила, требуя немножко времени для прогулки по лесу.

— Что? — спросила Василиса Игнатьевна, резко повернувшись ко мне. Мы как раз шли от озера к дому — старушка оборотень всегда после занятий провожала меня до крыльца, не заходя при этом в дом.

— Давно не оборачивалась, — призналась я, сморщив носик. — А хочется.

— Одна не бегай, — предупредила бабушка Вася. — Скоро этот парень, москвич, возвращается... Попроси его. Думаю, он не откажет.

Я кивнула, признавая правоту старушки. Одной действительно бегать не стоило. Тем более, что Митя и в самом деле возвращался в посёлок — даже дом арендовал. По официальной версии — чтобы придти в себя после аварии или перелома... По неофициальной — но достоверной для оборотней, чтобы быть поближе к своей паре...

Везёт не всем.

Митя, как и предсказывала Василиса Игнатьевна, с удовольствием поддержал моё предложение побегать в лесу во втором обличье.

Первое время я дико стеснялась — всё таки перед обращением, нам приходилось раздеваться до гола — и хотя мы это делали на некотором расстоянии друг от друга, всё равно чувство неловкости возникало... Но совместные пробежки, игра в волчьи прятки, прыжки со крутого склона в озеро.... У меня никогда не было ни одного близкого друга мужского пола за исключением брата. А теперь появился Митя.

Услыхав мою историю, он тоже попытался, насколько это было возможно, аккуратно пояснять и разъяснять мне волчьи законы, про которые я мало что слышала... А самое страшное, что (брат никогда не говорил мне этого, как и никто другой в стае), даже в этом мире настоящего мира не было.

Были войны. Передел территорий, захват самок и молодняка, даже захват обыкновенных банковских активов... Вот чем славился мир оборотней, когда Луна заходила за тучи. Митя делился также своими обязанностями будущего Альфы и без прикрас рассказывал самые тяжелые и тяжкие из них. После этого я ещё долго не могла понять, как ему удаётся сохранять хорошее настроение и веру в этот мир.

— У меня есть та, ради которой я живу, — пожал плечами оборотень, когда однажды я его спросила об этом.

У меня такого маяка не было, но я всё — равно держалась.

Однажды утром, переодеваясь, чтобы бежать на работу, я вдруг почувствовала нечто странное... какую — то гибкую, но в то же время непроницаемую плёнку, которой была окружена Галина Петровна. А через несколько дней даже сумела пробиться сквозь неё, подлечив, насколько хватило сил, пожилую женщину.

В ту же ночь бабушка Василиса обняла меня, блеснув волчьими клыками.

— Скоро полнолуние, Насть, — улыбнулась она как то по — особенному. Я согласно кивнула. Полнолуние уже чувствовалась, да и сила значительно прибывала. Бабушка же была настроена на какой — то поэтический лад.

— Красиво здесь, тихо... да?

— Тихо, — согласилась я.

— Галю мою не забывай, одна она.

— Не забуду, — пообещала я, на что старушка довольно кивнула.

— А можешь ещё кое — что пообещать? — попросила она. — Больше не попрошу.

Я прищурилась.

— Что — то Вы темните, Василиса Игнатьевна.

— Сначала пообещай, — хитро улыбнулась бабуля — оборотень.

— Обещаю, — протянула я.

— Поедешь послезавтра с Кириллом на территорию стаи.

— Нет, — рявкнула я, подымаясь с бревна, на котором мы сидели. — Только не это.

Бабушка ласково дотронулась ладонью до моего лица.

— Уважь, девочка...

И я... я кажется, поняла. А потому проплакала всю последующую ночь. Утром позвонила своей директрисе и отпросилась в город на два дня, по семейным обстоятельствам.

Нина Георгиевна пошла мне на встречу, разрешив не писать заявление за свой счёт, а отработать в выходные, когда в посёлке наибольший поток дачников — ктонибудь, да и заглянет в открытую аптеку: за кремом ли солнцезащитным или кремом от ожогов, за антипохмельными средствами или средствами гигиены, которые, к слову сказать, только и продавались, что в моём киоске... Традиционно, выручка в выходные бывала больше — значительно больше, так что директор моя совсем не прогадала.

Разобравшись с начальством, я после работы сходила к Мите, спросив москвича, может ли он поехать вместе со мной на территорию стаи. Митя долго и очень внимательно смотрел на моё бледное, испуганное лицо.

— Я там буду, — наконец, выдал из себя Митя. — Ты не обязана, если не хочешь.

— Я должна... Просто мне страшно туда возвращаться.

Москвич кивнул.

— Я понимаю, Насть... Но тут даже я не в состоянии тебе помочь. Это его территория, а ты его женщина.

— Я не ...

Митя поднял руку.

— Чтобы бы там не было... Ты не можешь себе представить, какая это мука. Я иногда пальцы себе тайком ломаю, чтобы не добраться до Иркиного брата... а он ведь ребенок, родной братишка — даже запахи схожи... Но пойдя, объясни это зверю. — Митя посмотрел мне прямо в глаза. — У тебя есть выбор: ты можешь ехать с ним, либо просто отказаться от поездки.

А я усмехнулась, понимая, что отказаться я не могу.

Вечером Галина Петровна заглянула ко мне в комнату.

— Настя, — неловко замялась она. — Я знаю, что ещё не готова... баба Вася сказала, что ещё не готова.... Но ты же ведь поедешь?

— Конечно, — кивнула я. — Даже у начальства отпросилась. В счёт выходных.

Галина Петровна громко, с явным облегчением, выдохнула.

— Спасибо, Настенька... — прижав руки к груди, она вдруг заплакала. — Одна остаюсь на всём белом свете... Я ведь теперь ни то, ни сё... Запах, чутье вроде есть — а обращаться не могу. Какой из меня оборотень...

— Самый лучший, — стараясь удержать слёзы, ответила я. — И Вы не одна. Погодите, я вас с вашей племянницей познакомлю — с женой моего брата.

— Зачем я ей, — отмахнулась пожилая женщина.

— Затем. Альфа Степанов избил Катю недавно... и она потеряла малышей. Ей сейчас помощь ой как нужна. И семья. Не только муж, но и другие родственники.

Я говорила, прекрасно осознавая, что тороплю события. Катя не знала свою тётку, никогда с ней не общалась. Но они обе пострадали от Степанова. Обе знают, что такое — потеря, одиночество и неуверенность в себе.

А ещё те двойняшки, что мне привиделись... малышка ведь не просто так выбрала это имя. В конце — концов, именно бабушка Василиса остановила меня, когда я, поддавшись черному настроению, решила совершить глупость. Пусть та глупость и была наведённой — но я всё же поддалась ей, не сумев справиться самостоятельно.

Бабушка Василиса появилась, как обычно, после заката. Ждала на крылечке.

— Устала я, Настюш, — пожаловалась бабушка, глядя с тоской куда — то в темную даль ночи. — Очень устала... Ну что, пойдем к озеру?

Я кивнула, сбегав домой за кофточкой. Бабушка Вася только покачала головой.

— Учю тебя, учю... а всё-равно никак ты свои человеческие привычки не изживёшь. Ну зачем тебе эта кофточка?

— Так прохладно же.

— Ты — оборотень, причем далеко не простой. У нас даже щенки умеют контролировать теплообмен своего тела и никогда не мёрзнут. — Она весело посмотрела на меня. — Ты, между прочим, тоже это прекрасно умеешь, но почему то совершенно не хочешь этим пользоваться.

Я пожала плечами.

— Это просто кофта.

— Это просто, — передразнила меня бабушка Василиса, — твоё странное желание играть в человека.

— Я и есть...

— Нет, Настя, — перебила меня Василиса Игнатьевна, покачав головой. — Нет.

Она улыбнулась, обнажив страшные волчьи клыки. Крепко обняла меня.

— Ты ещё не готова для нашего мира, девочка. Но мне нечего больше тебе дать.

Отстранившись, она заправила выпавший из моей прически локон мне за ухо.

— Будь сильной, девочка. У Альфы нет другого пути.

Кивнув, я продолжила идти по тропинке, так и не решаясь задать тот вопрос, который

мучил меня уже несколько недель.

— Давай, пока не поздно, — как обычно, угадав мои мысли, хмыкнула старушка. — Что тебе не даёт покоя.

— Вы говорили, что можете видеть будущее.

— Не видеть — чувствовать, — пожала плечами бабушка — оборотень.

— Тогда как же допустили Степанова до своей дочери?

— Мы не всегда можем вмешиваться... Ты позже поймешь, дочка.

— Пойму ли? — усомнилась я. Какие могли быть мотивы у матери, чтобы допустить подобное?

Бабушка Василиса покачала головой, отказываясь отвечать.

— Всеми своё время, — только и заметила старушка.

Мы проговорили ещё пару часов, а потом я ушла в дом, чтобы хотя бы немного поспать... ну, или хотя бы попытаться это сделать, оставив Галину Петровну и Василису Игнатьевну двоих на крыльце. А утром, проснувшись, первым делом «подлечила» свою квартирную хозяйку — я занималась этим каждый день, и уже чувствовала, насколько истончился барьер вокруг неё. Не успела я привести себя в порядок, как Галина Петровна позвала меня пить чай.

Мы сидели, мешали ложками сахар, и ни одна из нас не могла приступить к завтраку.

— Не могу, — призналась квартирная хозяйка. Я кивнула, оставляя свою кружку в сторону. Аппетита у меня тоже не было. А тишина не просто давила — она придавливала, лишая любой возможности сопротивления. Мы просто сидели ... и молчали. Пока подъехавший к дому внедорожник не взорвал эту мёртвую тишину автомобильным клаксоном.

Честно говоря, я ожидала увидеть брата или Ваньку ... или ещё кого —нибудь, из «рядовых» оборотней. Но когда мы с Галиной Петровной вышли на крылечко, у машины, облокотившись на дверь, стоял Баев.

Выцветшие джинсы, серая футболка, отлично гармонирующая с ранней сединой в волосах, легкая черная щетина ... и нескрываемая усмешка на губах.

— Такси прибыло, — выплюнув зубочистку, оповестил Кирилл, демонстративно распахивая заднюю дверь. — Прошу.

Галина Петровна тревожно посмотрела на меня.

— Пора ведь, Насть?

— Пора, — ответил вместо меня Кирилл. — Конечно же, пора.

Я пожала плечами, выдавая свою неуверенность. Галина Петровна посмотрела в открытый проём дома: бабушка Василиса при мне ни разу не пересекала границы двери, так что вряд ли она, или её дух находился сейчас в доме. Просто... мы обе знали, что будет происходить сегодня ночью, и ни одна из нас не была к этому готова.

Поездка в усадьбу Баева не заняла много времени — при наличии хорошего автомобиля даже наши дороги казались не такими уж и плохими.

Сидя на переднем сидении, я чувствовала нервное напряжение Галины Петровны — и это тут же сказывалось на барьере, который окружал женщину. Он опять становился толще, не давая возможности воздействовать силой оборотней на пожилую женщину. И все же... я поняла, что единственный способ, помочь своей квартирной хозяйке — это послать ей лёгкий сон.

Бабушка Василиса показывала, как надо воздействовать для вызывания дремы — это

могло пригодиться во время лечения маленьких детей, которым невозможно объяснить, что нельзя двигаться. Силы на это расходовались много, но я решила рискнуть... с удивлением заметив, что мне не нужно так много напрягаться, как этого требовалось на занятиях.

Баев, обгонявший сейчас фуру, коротко усмехнулся, и я с ужасом поняла, что тяну силу из него. А Кирилл, не сопротивляясь, делится со мной.

Я охнула и тут же на всякий случай оглянулась назад: Галина Петровна спала, прижав к себе свою сумку.

— Прости, — повинулась я перед Баевым. Кирилл поймал мой взгляд.

— Тебе не за что извиняться.

— Я усыпила Галину Петровну, пользуясь твоей силой.

Баев пожал плечами.

— Ты не сделала ничего, чего бы я тебе не позволил. — Заметив моё недоумение, Кирилл покачал головой.

— Насть, неужели ты на самом деле считаешь, что кто — то может тянуть силу из Альфы без его ведома.

— Не кто — то... А Альфа — самка, — обиделась я. Баев тихо рассмеялся.

— Прости, маленькая, но причина совсем не в том, — оттянув немного ворот моей футболки, Кирилл коснулся пальцами небольшого шрама — метки, оставленной его зубами. — А в этом.

Его прикосновение вызвало чувственный фейерверк во моем теле. Хотелось наброситься на Кирилла, целовать и ласкать его, впитать в себя его запах и никогда, никогда больше не расставаться с ним.

Испугавшись, я отпряла назад. Барьер, тщательно возводимый мной на протяжении нескольких недель, был разрушен практически в один момент.

Я слышала... на самом деле слышала довольное урчание Баевского волка.

— Надо было брать две машины, — проскрипел Кирилл, не глядя на меня. — А то теперь сдерживайся, изображай монаха...

А я... я тут же отвернулась к окну, постаралась по новой, наспех, выстроить что — то наподобие барьера. Но делать это, попутно отсекая силу Кирилла, было крайней трудно — даже применяя все знания, полученные от бабушки Василисы, я практически не могла определить, где заканчивалась моё поле и начиналось поле Баева.

Мы въехали на территорию поместья ещё до полудня. Галина Петровна проспала почти всю дорогу, и сейчас пожилая женщина чувствовала себя неплохо — я на всякий случай просканировала её ещё раз — совсем не плохо по сравнению даже со мной.

Я же... Нервное напряжение, отсутствие нормального сна несколько ночей подряд, Баев в непосредственной близости... Я чувствовала, что меня уже ведёт от усталости и стресса, а ведь ещё даже не вечер.

Что же будет вечером, — со страхом думала я, надеясь только, что сил на Полнолуние у меня хватит.

Кирилл, припарковав машину прямо напротив входа, кинул ключи какому — то проходившему мимо парню, велев ему отогнать джип в гараж по-испански.

Парень же, увидев меня, замер.

— Добро пожаловать домой, Луна, — чуть ли не кланяясь, поздоровался он на страшном русско — испанском суржике.

Я кивнула, поблагодарив молодого человека на его родном языке, не забыв

поинтересоваться, как его зовут.

— Кике, — быстро ответил он. И тут же поправился. — Энрике.

Я пробормотала что — то дежурное, соответствующее ситуации ... и меня поволокли в дом, схватив за локоть.

— Петр, — рявкнул Баев, едва только за нами закрылись входные двери. Дворецкий возник у лестницы практически мгновенно.

— Да, Альфа.

— Размести с удобствами нашу гостью.

Петр Иванович коротко кивнул, переведя взгляд на мою квартирную хозяйку. И тут... я, правда, это видела!

Глаза пожилого дворецкого странно вспыхнули, до неузнаваемости изменив его лицо, которое тут же начало как бы корёжиться, словно пропуская сквозь человеческую маску настоящее — волчье — лицо дворецкого.

— Ого, — присвистнул Баев, коротко усмехнувшись. — Ну не будем мешать.

И тут же потащил меня по лестнице вверх.

— У тебя хорошее произношение, — заметил мне на ухо Кирилл, тут же перейдя на испанский. Он принялся нашёптывать ...гм...всякие неприличности, половину из которых я понимала лишь приблизительно.

— Кирилл, — вздохнула я.... Но фразу закончить мне не удалось: снизу послышался громкий женский крик. Узнав голос Галины Петровны, я было бросилась назад, на первый этаж, но Баев не позволил мне этого сделать. Я подняла на него испуганный, полный отчаяния, взгляд.

— Там что — то произошло, мы должны спуститься назад. Я, наверное, смогу помочь.

— Сами справятся, без твоей помощи, — хмыкнул Баев. Я всё ещё не понимала.

— Насть, ну что ты как маленькая... Пометил он её, понимаешь?

— Как? — удивилась я. — Кто?

— Мой дворецкий твою квартирую хозяйку, — пожал плечами Кирилл. — Ты же заметила изменения в Петре, когда его волк учуял свою истинную.

— Да, но... Так вот как это происходит? — удивилась я. Кирилл кивнул.

— По большей части.

— Но у тебя лицо не менялось. Может, мы всё же...

— Я Альфа, — оборвал меня Баев. — И умею себя контролировать.

— Подожди, — я уже не вырывалась из его рук, просто пыталась чуть-чуть поддаться вперед к перилам лестницы, чтобы открыть себе обзор того, что происходит на первом этаже. — Галина Петровна боится мужчин, боится оборотней. Как же она... Она тоже почувствовала?

Баев пожал плечами.

— Понятия не имею.

— Но ведь метка... Она должна укусить его в ответ. Разве нет?

— Она оборотень и понимает наши правила, — рыкнул Баев, не сдерживаясь более. Схватив, он впечатал меня в стену, раздвигая коленом мои болтающиеся без опоры ноги.

Дикая, животная страсть... я чувствовала, что он на грани, я даже слышала его урчащего волка, который сейчас вёл Баева, руководит его поведением, требуя забрать своё... Того, чего я не готова была дать.

Поняв, что я не отвечаю и не разделяю его страсть, Кирилл остановился. Уткнулся лбом

в стену, громко выдохнул.

— Прости, — произнес он, и в его голосе сейчас проскакивал волчий рык. — Не сдержался.

Опустив меня на пол, он, тем не менее, не выпустил моей руки из захвата, ведя за собой... В собственную спальню.

Узнав комнату, я вздрогнула и попятилась к двери.

— Не глупи, — рыкнул Кирилл. — Тебе надо хорошо выспаться перед Полнолунием.

— Так я только что из дома.

Кирилл глубоко вздохнул, и его глаза тут же поменяли цвет с привычного черного на волчий золотой.

— Ты спала не больше двух часов. А потом ещё и силу тратила.

Всё было действительно так. От недосыпа у меня уже начинала болеть голова, но оставаться здесь... в этой комнате.

— К закату начнет собираться стая, и тебе придётся исполнить свои обязанности Луны стаи, — ровным тоном заметил Кирилл. — Как ты понимаешь, сегодняшнее полнолуние будет особенным.

Я кивнула.

— Да, я ...

— Тогда не отказывайся. Отдыхай.

— А можно мне... — я замялась. — Другую комнату.

— Нет, — рявкнул Кирилл, едва не оглушив меня при этом. — Ты моя жена, нравится тебе это или нет. И ты не будешь прятаться от меня по другим комнатам.

— Спи, — велел он, подталкивая меня к кровати.

Я в нерешительности застыла напротив огромного ложа, которое уже когда — то делила вместе с Кириллом. Воспоминания мелькали в памяти, услужливо демонстрируя мне собственную глупость и наивность. Первый взрыв эмоций тела, пробуждение желания. Радость, что я нашла, наконец, семью. У оборотней не бывает разводов, а Кирилл к тому времени уже поставил мне метку. Ведь если бы он не хотел — кто бы его заставил?

Я вспоминала собственное смущение, когда Кирилл направлял меня во время... акта, и как я не была готова к тому, чтобы об этом так запросто говорить. Смешно сказать, но за всё время учебы у меня ни разу не возникало чувство неловкости или смущения — это были просто предметы связанные с биологией, с анатомией человека. Но когда это касалось тебя лично.... Всё менялось.

Я вспоминала, как мне хотелось дотянуться до Кирилла, чтобы стать ему равной Лунной... Как молчала, когда после акта мне было немного больно. Главное — чтоб ему было приятно, не так ли? Я была готова вытерпеть и большую боль — ведь в обмен я получила свою собственную семью. И место — настоящее место настоящего оборотня в клане. Я тогда думала, что моё одинокое пустое прошлое осталось позади, что я никогда больше не останусь одна, не буду дрожать от страха, если вдруг Альфа решит запретить брату заботиться о человеке... Кирилл ведь сам Альфа, а я его пара. А пара никогда не предаст.

Я горько усмехнулась, вспомнив, как быстро мои глупые девчачьи надежды были растоптаны изящным каблучком одной испанки. Вспомнила тот ужас, когда поняла, что я никогда не смогу как она... мне и меньшее было больно, а она же ... её раскованности можно было позавидовать, что я и делала там, в отеле, понимая, что никогда не смогу соответствовать запросам Кирилла в этом плане. Снова опускаясь в своё беспросветное

эмоциональное одиночество.

Хлопнула дверь. Я, обернувшись, поняла, что осталась в комнате одна. И что неосознанно поделилась своими воспоминаниями с Баевым.

Проснувшись, я долго не могла понять, где нахожусь. Огромная мягкая кровать, смуглая мужская рука, крепко обнимающая меня за талию... Я дернулась было, поняв, кто это спит рядом, но крепкий захват помешал мне это сделать.

— Спи ещё, рано, — пробурчал сквозь сон Баев.

— Что ты здесь делаешь? — зашипела я, пытаюсь вывернуться из железных объятий Кирилла.

— Сплю, — хмыкнул Баев, ловко возвращая меня на место рядом с собой. — И ты спи, рано ещё...

— Выспалась уже, — ответила я, пытаюсь обрести свободу. Кирилл, зевнув, приоткрыл один глаз.

— Нет, Насть, ну ты кого хочешь выведешь... Можешь, просто молча полежать рядом? У меня, между прочим, вообще смена часовых поясов, а мне тоже надо выспаться перед полнолунием.

— Кто мешает? — иронично спросила я, за что получала от Баева красноречивый взгляд.

— У тебя полно комнат в этом особняке. Обязательно было сюда идти?

— Обязательно, — рыкнул Кирилл. — Ты — моя пара, нравится тебе это или нет.

Это тебе не нравится, подумала я, вслух заметив:

— Мы не живём вместе. Ты меня отпустил.

Баев резко дернулся, поднимаясь с кровати.

— Это наше с тобой личное дело — стае сюда вмешиваться нечего. — Вытащив из шкафа рубашку и другие штаны — не джинсы, а более классические, Баев принялся при мне переодеваться.

Я старалась на него не смотреть. Старалась не вдыхать воздух, насыщенный его запахом и нашим общим возбуждением. Это было трудно — практически невыносимо. Моя волчица рвалась в объятия своей пары, моё тело горело от желания... но я хорошо запомнила, чем всё кончается. А потому просто отвела взгляд, пытаюсь уйти в свои фантазии, сконцентрироваться на том, что мне дарует покой души и сердца — медитация на берегу ночного озера.

— Переоденься, — рыкнул Кирилл, кивнув в сторону стены напротив. — Стая должна видеть свою Луну, а не девочку — оборвыша.

И вышел из комнаты, напоследок хлопнув дверью. Я же осталась сидеть на кровати, ловя его раздражение.

Это не было моим первым полнолунием в стае — я и до этого много раз принимала участие в сборах клана, и даже присутствовала совсем недавно на казни. Но сегодня... сегодняшнее полнолуние сильно отличалось от всех, что были ранее...

Благодаря урокам бабушки Василисы, я теперь не просто обладала Альфа — силой, я могла управлять ей, могла даже использовать внешние потоки, в том числе Луну. А Луна уже звала — меня, звала Кирилла — который в раздражении спускался сейчас по лестнице на первый этаж, звала остальных оборотней и полукровок. И давала мне слышать весь этот зов.

Несмотря на грубость Баева, я всё же сделала то, как он просил. Открыла огромный шкаф с моей стороны кровати, обнаружив там большое количество новой женской одежды...

И кое — что, что уже видела в предыдущий раз.

— Даже не выкинул, — усмехнулась я, понимая, что Кирилл был уверен в себе и в том, что рано или поздно, я вернусь в поместье. Вытащив несколько платьев, примерила самое неформальное и самое лёгкое ... да, да, да, оборотни, конечно, умеют контролировать температуру своего тела, но зачем лишний раз напрягаться, когда можно просто надеть что —нибудь полегче? В результате, выбрала тонкий сарафан по стилю напоминающий национальное немецкое платье — с таким же квадратным вырезом и небольшой шнуровкой сзади. Стянула свои капри и футболку, быстро надела выбранный сарафан. Правда, теперь к платью не подходили мои тонкие тенниски. Пришлось снова нырнуть в шкаф. В секции обуви нашла мягкие кожаные балетки бежевого цвета и белые босоножки с тонкими планками. Поколебавшись, остановила выбор на балетках.

Затем расчесала волосы руками и, вздохнув несколько раз полной грудью, отправилась на бой.

День клонился к вечеру — это чувствовалось в воздухе, в котором вместе с разлитым ароматом солнечных лучей уже слышались закатные нотки, свежесть луговой росы и тонкий неуловимый шлейф распускающихся к ночи лесных цветов.

Прямо у входа в особняк, на большой кованой скамье сидел непривычно расслабленный дворецкий и разомлевшая, улыбчивая Галина Петровна. Удивительно, но, просканировав женщину, я заметила, что за это время, даже без моей помощи, барьер окружающий её не стал толще — он по-прежнему оставался тонким, и это не могло меня не радовать. Возможно, в один прекрасный день у меня получится... Я знала, что Василиса Игнатьевна, родная бабушка Галины Петровны, работая вместе с матерью Кирилла (она хотя и не была Альфой, но была Луной стаи), не могли ничего поделать с барьером, возникшем в результате эксперимента. Но мне хотелось надеяться....

— Настёна, — позвала, улыбаясь, Галина Петровна. И тут же получила предупреждающий рык от мужа.

— Луна, Галя, Луна нашей стаи.

— Пётр Иванович, — отмахнулась было я, но дворецкого было не пронять. Даже ненадолго выбившись из своего привычного официоза, он всё же оставался тем самым Петром Ивановичем, который уже лет двадцать, а то и больше, руководил усадьбой Альфы.

— Это титул, который даётся не каждому, — склонил голову дворецкий. — И весь клан чувствует, когда Луна находится в стае.

Я покосилась на Петра Ивановича.

— Что значит, чувствует? Вы же Альфе подчиняетесь, а не его... жене, — на слове жена я чуть было не дрогнула, но в конце — концов справилась без заминки, сама себе удивившись. Не иначе, как расту.

— Настя... Луна, ты же помнишь, что мы говорили тебе об истинных парах? — подала голос моя квартирная хозяйка. Я неуверенно прищурилась.

— Что конкретно?

— Истинная умиряет нашего внутреннего зверя, — заметил Петр Иванович, ласково поглаживая по руке свою пару. Глаза дворецкого при этом светились волчьим светом.

— А истинная Альфы умиряет зверя Альфы, — согласно добавила Галина Петровна, глядя только на своего супруга. Так, словно боялась, что Петр Иванович в любой момент может исчезнуть.

Забыв про меня, они ... они упивались друг другом — не отводя взгляды, ласково

гладили друг друга по лицу, переплетали пальцы рук...

Я отвернулась, поняв, что это слишком личное. И проглотив горечь, пошла дальше, к уже шумящей возле шатра с шашлыками толпе.

Честно говоря, мне хотелось поесть мяса — я не думала о том, чтобы отыскать в толпе брата и его жену. Конечно, я помнила о том, что обещала познакомиться Галину Петровну с её племянницей.... Но сейчас вряд ли моей квартирной хозяйке было дело до какой — то племянницы, когда она нашла свою истинную пару. Что касается Андрея... Телефонные разговоры с ним нередко становились для меня настоящим испытанием. Бабушка Василиса требовала у меня отыскивать по голосу, по тембу, по тому как произносились слова в разговоре скрытые эмоции оборотня. Не те, которые лежат первым слоем и которые легко заметить даже не особенному наблюдательному человеку, а пытаться проникнуть значительно дальше — с помощью силы, идя на голос, уловить поле оборотня.

Я использовала все полученные знания, приминала какие угодно приёмы — но голос брата каждый раз волновал меня больше и больше. Огромное чувство вины. Отчаяние. И в то же время уверенность в правильности происходящего. Эти эмоции могли быть связаны со мной, а могли — и с кем — то другим. А как раз адресата мучающих брата эмоций определить по голосу я не могла. Тогда, во время занятий, меня мучило чувство незавершённости, а сейчас... сейчас я боялась. Дико боялась, что одного присутствия Андрея рядом, хватит, чтобы открыть всё то, что он срывает. И то это снова порушит мой внутренний мир.

Оборотни, собравшиеся на праздник Полнолуния, даже те, даже те, которых я видела в первый раз, почтительно расступались и чуть ли не кланялись — слово тот молодой парень — испанец. Я, не привычная к подобному обращению, едва сдерживалась, чтобы не стусеваться... И всё равно желание убежать и спрятаться куда будь росло с каждой минутой.

— Настя, — воскликнул Кирилл, внезапно появившись передо мной. — Пошли, перекусим, мясо уже готово.

И повёл меня в сторону накрытых столов.

Каждое полнолуние клан гудел, веселясь и отмечая наивысшую точку силы оборотней — времени, когда Луна давала так много силы, что оборотни купались в ней, приветствуя традиции своего рода. Я с детства любила эти шумные сборища... горячий, ароматный шашлык, веселые танцы — и только сейчас, только сегодня я поняла, что всё это было лишь видимой оболочкой того, что происходило на самом деле. Оборотни — не люди. Они танцевали не просто так — их танец был симуляцией боя — так обычно бойцы спецназа проводят показательные выступления для всех желающих. Что же касается еды... Раньше я всегда ела свой шашлык где — нибудь под деревом или на скамейке ... не знаю, так уж повелось, что Андрей изначально приносил мне еду куда — нибудь отдельно, а не звал есть за столами... Многие оборотни брали шампур с мясом и отходили куда — нибудь в уютные уголки поместья, ожидая полнолуния — в этом не было ничего необычного... просто я никогда не ела за столами в шатре.

А там... там была иерархия. Кирилл привел меня к самому большому столу, стоящий в небольшом отдалении от остальных — все равно что стол какого нибудь аристократа или короля средневековой Европы. За столом уже сидели «приближённые» — Андрей со своей женой, второй бета клана — Гильермо и даже Митя...

Пока мы шли к «монаршему» столу, рука Баева скользила по моей спине, питая своей силой и уверенностью. Я не хотела у него ничего брать, но он так щедро делился, что

невозможно было устоять...

Я не успела даже поздороваться с братом, а Баев уже ласково обнял меня за талию и повернул на 180 градусов — лицом к «своему народу».

— Стая, — крикнул Баев и тотчас все разговоры словно по команде стихли. Кирилл, слегка склонившись ко мне, улыбнулся, продемонстрировав волчьи клыки, и неожиданно задорно подмигнул.

— Стая, сегодня мы празднуем необычную Луну. Ешьте, веселитесь, но помните, что настанут тяжелые времена для Европейских кланов. Наши семьи мельчают, наши вожаки не оставляют после себя вожаков... Чужаки — захватчики, приходящие следом, захватывают наших самок и детей, уничтожая всех самцов без разбора. Помните, что от каждого из вас зависит благосостояние нашей стаи, каждый из вас должен прикладывать все усилия, и быть готовым к натиску врагов, уметь противостоять врагам, уметь защитить свой клан и свою землю. Помните об этом! И не давайте слабину. — Мужчины клана все как один одобрительно загудели, демонстрируя волчьи клыки и хлопая друг друга по плечам.

— А сейчас, давайте начнем праздник!

И праздник начался. Как всегда шумный, веселый... но я теперь знала, что скрывается за этим простым весельем.

— Насть, — тихонько позвал меня Андрей, но тут же был перебит раздраженным голосом Баева.

— Обращайся к моей жене так, как она заслуживает, — рявкнул Кирилл, и тихо добавил для меня.

— Даже бета не может обращаться к Луне стаи по имени.

— А брат может?

— Он твой брат? — удивился самый ближе сидевший к нам Митя. — А чего ж вы тогда пахнете по разному?

Кирилл жестом предложил мне ответить.

— Мы не кровные родственники. Андрей был моим опекуном, когда я осталась сиротой.

Митя уважительно посмотрел на Баева.

— Научишь?

— Круши что — нибудь тяжёлое, — отмахнулся Баев. — Очень освежает.

Я понимала, что Кирилл сделает все, что угодно, лишь бы не допустить нашего с братом разговора. Но теперь я могла [«читать»](#) эмоции брата.

— Не сейчас, — шепнул мне на ухо Баев. — Ты же понимаешь, что это отнимет у тебя много сил. А уже скоро всё начнётся. Он вообще был... очень предусмотрительный сегодня. Накладывал лучшие куски, постоянно доливал воду в стакан — оборотни никогда не пили спиртное на своих праздниках — только воду, и ежеминутно касался меня, отчего очень скоро моё тело, не выдержав соблазна, стало пылать от желания. Я неосознанно начала сама ластиться к Кириллу, тянуться телом за его рукой, даже немного урчать — и только короткий взгляд Андрея, в котором опять читалось невероятное множество сплетённых эмоций, привел меня в норму.

Я резко выпрямилась, а у Баева в этот момент в руке лопнул внушительный хрустальный стакан.

И всё же, за столом не висело неловкое молчание: старательно обходя опасные темы, мы все поддерживали беседу, разговаривая на нейтральные темы. Так, Кирилл поделился

прекрасной новостью, что его дворецкий, уже давно потерявший всякую надежду встретить свою единственную и давно готовившийся к тому, чтобы уйти в лес, когда не останется сил быть человеком, внезапно встретил пару.... В лице Галины Петровны.

— Вот это да, — крикнул от удивления Митя. — Как же им повезло!

Ни мой брат с его женой, ни, тем более Гильермо, Галину Петровну не знали, но и они приняли новость с необыкновенным воодушевлением.

— Отличное начало полнолуния, Альфа, — произнес по английски Гильермо. В виду того, что присутствующие за столом больше знали английский, чем испанский, второй бета Кирилла использовал этот язык для общения.

Катя же с удивлением узнала, что у неё есть тетка, которая хочет возобновить их родственные связи. Девушка, пытаясь удержать слёзы, благодарно посмотрела на меня.

— Спасибо, Луна! Я уже и не надеялась... — она сжала пальцы так крепко, что кожа на них побелела. — Родственники не общаются со мной после произошедшего, а я... Я знаю, что невиновата, но это совсем не утешает, когда чувствуешь себя одиноко.

— Ты не должна чувствовать себя одиноко, — едва слышно, но очень ласково шепнул Кате мой брат. — У тебя всегда буду я.

И накрыл своей ладонью её побелевшие руки.

А я... я сцепила зубы и уставилась на стакан, стоящий передо мной, представляя себя снова возле глади ночного озера. Главное — позорно не разреветься перед всеми этими оборотнями, которые сейчас внимательно следили за нами со своих мест.

Стая гуляла долго. Уже несколько раз сменяли подносы с мясными блюдами, уже успели начаться танцы — а мы всё ещё сидели за «монаршим» столом и беседовали друг с другом, реже — с подходившими к столу оборотнями.

Андрей два раза выходил из — за стола потанцевать со своей женой, один раз, пригласив какую то барышню из ближайшего столика к нам, станцевал Гильермо. Митя оповестив всех, что его пара сейчас находится в Москве, оставался сидеть на своём месте, наслаждаясь вечером и шашлыком. А мы... Мы станцевали только один танец. Первый.

Танцевать с мужчиной, которому самой судьбой выпало оказаться твоей истинной парой, было настоящим испытанием для меня. Легкомысленно согласившись поддержать традицию стаи (когда Альфа находит свою Луну, каждое полнолуние именно главная пара танцует первый танец), я и предположить не могла, что именно меня ожидает.

Это было изощрённое соблазнение... Мир сузился до нас двоих. Руки Кирилла скользили по моему телу, лаская, дразня... глаза- черные и золотые зрачки одновременно — гипнотизировали, заставляя проваливаться куда — то внутрь Баева... Я поймала себя на мысли, что давно с напряжением смотрю на его губы... Вот он облизнул их — и я, словно китайский болванчик, облизываю свои в ответ... Напряжённый рык Кирилла, скулёж моей волчицы...

И все принципы летят в тартарары. Сейчас я не та запуганная девочка, которая боится мужчин, слухов, боли... Мне нужен этот мужчина, а ему нужна я — какая разница, что было в прошлом, что будет в настоящем. Я хочу больше... больше прикосновений, больше Кирилла... Больше, больше!

Чей — то смутно знакомый противный смех разрушил всё колдовство.

— Кто посмел! — мне даже напрягаться не пришлось, чтобы услышать ментальный рык Баева. Тотчас вырвавшаяся Альфа сила пригнула клан к своим столам. Сразу после применения силы, вскочивший из за стола Гильермо бросился куда — то к одному из

дальних столиков, а музыканты тут же заиграли вновь, приглашая пары к танцам. Кирилл повёл вновь, но теперь это было лишь механическое, лишённое всякого волшебства, действо.

Когда музыка закончилась, мы вернулись на свои места и Кирилл почему то с тревогой всматривался в моё лицо. Нет, разумеется, на его надменном, каменном лице прочитать тревогу было невозможно, но теперь я могла многое чувствовать — и сейчас я чувствовала именно ей.

— Может, ещё что — nibудь съешь? — спросил Баев, так и не убрав руку с моей спины.

— Нет, спасибо, — покачала я головой. — Итак слишком много всего. Давно не ела так много мяса.

— Ох, Настя, — воскликнула жена брата, услышав мой тихий ответ Кириллу. — Ты не можешь отказываться от мяса. Андрей рассказывал, что ты, в общем — то не любительница есть животных, но это наша природа. Ты — теперь оборотень, а оборотни всегда едят мяса.

— Когда им это позволяют финансы, — машинально ответила я, не думая о подтексте. Катя, вскинув голову, удивлённо посмотрела на Кирилла, потом на своего мужа. Андрей тут же отвёл взгляд в сторону... А Кирилл, я не видела реакции Кирилла, но его рука, перебравшись со спины на мою талию, сильно напряглась.

Митя тактично полез в свой телефон, чтобы проверить звонки... или сообщения. И только Гильермо, который практически не понимал по русски, продолжал наслаждаться ароматным шашлыком.

Застолье закончилось неожиданно, как только на небе появилась полная низкая Луна.

— Время, — выдохнул Кирилл, неожиданно поцеловав меня куда то в район виска. — Нам пора.

И стая, словно хорошо подготовленная армия, быстро свернула праздник.

Мы вышли на поляну. Ту самую поляну, где проводились казни и наказания, и где уже толпилась в ожидании интересного зрелища большая часть оборотней клана. В центре стояла приготовленная каменная чаша — а возле неё бледная Галина Петровна. Сейчас, в свете Луны я видела, насколько испугана происходящем пожилая женщина.

— Она справится, — услышала я голос бабушки Василисы. — А тебе пора, Настя.

— Пора, — согласилась я, высвобождая свою руку из ладони Кирилла. Баев не препятствовал.

— Сними туфли, — тихо подсказал он, и я охнула, поняв, что совсем забыла разуться. Играя роль проводника, мне следовало иметь прямой контакт с Землей — на случай, если что — то пойдет не так.

Разувшись, я подошла к чану с водой. Галина Петровна вопросительно посмотрела на меня.

— Ты сделаешь это, Настенька? Сделаешь для моей бабушки?

Я кивнула, понимая, что на подобный обряд согласилась бы далеко не каждая оборотница, далеко не каждая Луна. Я могла отказаться, оставив всё, как прежде, и даже слово отца Баева не могло заставить меня... А вот доброта бабушки Василисы, её знания, переданные мне — это было причиной того, что я сейчас стояла напротив каменной чаши с водой.

Баев, Митя, а также оба беты с факелами в руках встали в разные стороны от чана — образуя ровный квадрат. Мужчины выпустили свою силу — и она уже стелилась по земле, плавно поднимаясь выше.... В чаше плескалась ложная Луна, и я, полоснув ножом по руке Галины Петровны, капнула несколько капель в воду. А затем принялась читать по

памяти хорошо зазубренный древний текст.

Вода в чаше забурлила, и стала подниматься все выше и выше.... Пока мгновенный взрыв не превратил водяной столб в мелкий светящийся туман.

И тут я увидела их.... Я увидела своих родителей, и родителей Андрея — они стояли там, за чертой, по прежнему молодые и красивые, и улыбаясь, смотрели на нас. Чуть левее стояла ещё одна пара — изумительно красивая женщина и черноволосый опасный мужчина — наверняка родители Кирилла... Ушедшие родственники, окружили поляну, приветствуя свою стаю... Я заметила, как из призрачной толпы отделилась одна женщина — красивое лимонного цвета платье, густые каштановые волосы... Улыбаясь, она ласково взглянула на Галину Петровну.

— Счастья тебе дочка. — А затем перевела взгляд на меня. — Спасибо, Настя.

— Не за что, — ответила я, понимая, что передо мной мать Галины Петровны.

Встречающие пришли. Теперь оставался самый тяжелый, второй этап. Я запела, аккуратно, настолько это только было возможно, собирая лунный туман в легковесные призрачные нити. Одна ошибка — и ритуал будет прерван.

Каждое движение отнимало невероятно много сил, и я уже боялась, что их просто не хватит до конца ритуала. Ох, прав был Баев — следовало как можно больше отдыхать и как можно меньше нервничать.

Но вот слова закончились, и я протянула конец нити Галине Петровне. Первый оборот должна была сделать она, как кровная родня... Женщина подошла к каменной чаше, из которой возникла призрачная фигура бабушки Василисы с ей привычной зубастой улыбкой.

— Молодец, девонька, — похвалила она меня. — Молодец.

Кивнув, я продолжила ритуал, краем глаза заметив, что Галина Петровна упала на траву от недостатка сил. У меня такой привилегии не было. Я обматывала призрак бабушки Василисы лунной нитью, продолжая читать текст ритуала. Руки дрожали, платье от пота прилипло к спине, но я упорно продолжала двигаться. Наконец, нить закончилась. И вдруг ... от каменной чаши до толпы призрачных родственников появилась освещённая луной дорожка.

Бабушка Вася ласково посмотрела на меня.

— Ну вот и всё, моё время ушло. Меня ждут.

— Будьте счастливы за гранью, Василиса Игнатьевна.

— А ты, я точно знаю, будешь счастлива здесь, девочка, — напроорочествовала напоследок старушка. — И, кстати, когда найдете лабораторию, загляните во все ящики, хорошо?

— Что? — не поняла я, но она меня уже не слышала, медленно и величаво ступая по лунной дорожке... дойдя до призраков, она мгновенно слилась вместе с ними, и теперь пребывала там, за гранью.

И как только граница между мирами захлопнулась, Луна вдруг залила всё пространство поляны. Я почувствовала, что какая то сила отрывает меня от земли, наполняет мои руки, ноги, даже волосы — своим светом и особой волчьей силой. Что — то сильно жжет в груди, и уже нет мочи терпеть... Я держусь, пытаюсь держаться... Затем следует вспышка.

Конец первого тома.

Больше книг на сайте - Knigolub.net